

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
 Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-63460 от 22 октября 2015 г.
 Учредитель – Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет» (141070, Московская область, г. Королёв, ул. Гагарина, д. 42)
 Издается с декабря 2009 г.
 Выходит 4 раза в год

ISSN 2078-4023

Журнал «Вопросы региональной экономики» включён в Перечень ведущих периодических изданий ВАК
 Группы научных специальностей и научные специальности в рамках групп научных специальностей, по которым издание входит в Перечень: 08.00.00 Экономические науки [08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.10 Финансы, денежное обращение и кредит, 08.00.12 Бухгалтерский учет, статистика, 08.00.13 Математические и инструментальные методы экономики, 08.00.14 Мировая экономика].

Подписной индекс в каталоге НТИ-Роспечать 62190

Главный редактор
Банк Сергей Валерьевич,
 д.э.н., профессор

Над выпуском работали
Паршина Ю.С.
Пригорова Е.В.
Харитонов А.А.
Багдасарян А.А.

Адрес редакции:
 141070, Королёв,
 Ул. Октябрьская, 10а
 Тел. (495)543-34-31 (доб.138),
 E-mail: rio-kimes@mail.ru,
 Site:www.unitech-mo.ru

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале «Вопросы региональной экономики», допускается только с письменного разрешения редакции.

Редакция не несет ответственности за достоверность информации в материалах, в том числе рекламных, предоставленных авторами для публикации

Материалы приводятся в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

Алексахина В.Г., Игнатова О.В. ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ РОССИИ.....	3
Андрианова Д.А. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННЫХ МЕДИЦИНСКИХ ИЗДЕЛИЙ.....	9
Архипова К.Н. РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СЕКТОРА РОССИИ: ОТ НАЧАЛА РЕФОРМЫ ОТРАСЛИ ДО СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА.....	15
Бакушева Г.В. АНАЛИЗ ПОПОЛНЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ В РЕГИОНАХ: ОЖИДАНИЯ, ФАКТОРЫ, РЕАЛЬНОСТЬ.....	25
Банк О.А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЛЕКСНОЙ ДИАГНОСТИКИ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ.....	34
Банк С.В. РИСКИ И УГРОЗЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МАЛОГО БИЗНЕСА.....	41
Барковская В.Е. ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В НАУКОГРАДЕ: ИННОВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ.....	48
Демина Т.Ю. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ОЦЕНОЧНО-СТОИМОСТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ С ПОЗИЦИЙ ОЦЕНЩИКА И ЭКСПЕРТА. ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗРАБОТКИ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЕКТА УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ И КОНТРОЛЯ ЗА ПРОИЗВОДСТВОМ ОЦЕНОЧНО-СТОИМОСТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ.....	52
Деркаченко О.В. КЛАСТЕРИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ ПО КАЧЕСТВУ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ И УРОВНЮ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ.....	59
Измайлова М.А. КАДРОВАЯ ПРОБЛЕМА И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ НА ОСНОВЕ КОНСОЛИДИРОВАННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ СТОРОН.....	66
Клещев С.К. РОЛЬ ПРИОРИТЕТНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	74
Коблов С.В. АНАЛИЗ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ПЕРСОНАЛА НАУКОЕМКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ И ПОИСК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ДЕТЕРМИНАНТ ЕГО РАЗВИТИЯ.....	81
Кусургашева Л.В., Муромцева А.К. ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	90
Меренков А.О., Медведева Е.В. ОЦЕНКА УСТОЙЧИВОСТИ РАЗВИТИЯ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ РЕГИОНА.....	96
Набиева А.Р. ФОРМЫ И ВИДЫ КООПЕРАТИВНЫХ ФОРМИРОВАНИЙ НА СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ.....	101
Орлов Н.С. КЛАССИФИКАЦИЯ УГРОЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА.....	107
Остапенко Е.А. ОЦЕНКА ТЕНДЕНЦИЙ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ.....	114
Плеховицкая Ю.С. ОЦЕНКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК.....	122
Попова Э.А., Сизова Ю.С. ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОГО МОРСКОГО ПУТИ ЗА СЧЕТ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЧАСТНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ.....	129

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

1. **Бурак П.И.**, д.э.н., профессор
2. **Веселовский М.Я.**, д.э.н., профессор
3. **Меньшикова М.А.**, д.э.н., профессор
4. **Христофорова И.В.**, д.э.н., профессор
5. **Шикирш М.**, Ph.D

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

1. **Арженовский С.В.**, д.э.н., профессор
2. **Атаров Н.З.**, д.э.н., профессор
3. **Вилисов В.Я.**, д.э.н., профессор
4. **Городилов М.А.**, д.э.н., профессор
5. **Зенкина Е.В.**, д.э.н., доцент
6. **Измайлова М.А.**, д.э.н., профессор
7. **Овсийчук В.Я.**, д.э.н., профессор
8. **Салманов О.Н.**, д.э.н., профессор
9. **Самаров К.Л.**, д.ф.-м.н., профессор
10. **Сапир Е.В.**, д.э.н., профессор
11. **Секерин В.Д.**, д.э.н., профессор
12. **Ткаченко М.Ф.**, д.э.н., профессор
13. **Черникова Л.И.**, д.э.н., доцент

Подписано в печать

17.06.2020

Формат

Печать офсетная. Усл.печ.л. 16,5

Тираж 500 экз.

Заказ № №83-12

Отпечатано

в типографии

ООО «Научный консультант»

г. Москва

Хорошевское шоссе, 35,

корп. 2

Сафронова Е.С.
**МЕСТО И РОЛЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА В ОБЕСПЕЧЕНИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....**137

Секачева Т.В.
**АКТИВИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ.....**144

Третьяквич Е.В., Хащенко Е.С.
**ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КЛАСТЕРИЗАЦИИ
И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ КЛАСТЕРНЫХ СИСТЕМ
В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ).....**161

Шмидт И.А.
**РАЗВИТИЕ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ И АНАЛИЗ
ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ НА РЫНКЕ
ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЖИЛЬЯ ГОРОДА НОВОСИБИРСКА.....**167

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

Волкова Е.К.
**РАЗВИТИЕ РЕГУЛЯТИВНЫХ ТРЕБОВАНИЙ К УНИВЕРСАЛЬНЫМ
БАНКАМ В ПРОЦЕССЕ ВНЕДРЕНИЯ НОВОГО СТАНДАРТИЗИРОВАННОГО
ПОДХОДА К ОЦЕНКЕ КРЕДИТНОГО РИСКА.....**175

Косенкова Ю.Ю.
**ВЗАИМОСВЯЗЬ МОДЕЛИ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ И СТАДИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА НА ПРИМЕРЕ КНР.....**182

Мандрон В.В., Кузнецова Н.А., Шелько В.А.
**ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО
БАНКОВСКОГО СЕКТОРА НА ФОНДОВОМ РЫНКЕ.....**190

Рерих Л.М.
**РАЗВИТИЕ МЕТОДИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕСТНЫХ БЮДЖЕТОВ.....**202

Савинова Е.А., Ковалерова Л.А.
**ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ЛИКВИДАЦИИ БАНКОВ НА СОСТОЯНИЕ
БАНКОВСКОГО СЕКТОРА И ЭКОНОМИКИ РОССИИ.....**210

Сергеева Л.Г., Шевуронатова Ю.А.
**ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОЖИТОЧНОГО МИНИМУМА
ПЕНСИОНЕРА В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ДОСТОЙНУЮ
СТАРОСТЬ.....**218

БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ, СТАТИСТИКА

Рогуленко Т.М., Орлов Е.В., Сомкин И.А.
**БИЗНЕС-ПРОЦЕССЫ УПРАВЛЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЯМИ
ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО ПРОДУКТА МАШИНОСТРОЕНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ЗАДАЧ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО И ФИНАНСОВОГО УЧЁТА.....**224

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ЭКОНОМИКИ

Безденежных В.М., Боташева Л.Х., Ализала Д.Ф.
**МЕТОДИКА ОЦЕНКИ РИСКОВ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ АПК:
СОДЕРЖАНИЕ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ (АЛГОРИТМ) РЕАЛИЗАЦИИ
ДЛЯ ЦЕЛЕЙ МОДЕЛИРОВАНИЯ.....**236

Матченко Е.А.
**РАЗРАБОТКА МАТЕМАТИЧЕСКОГО АППАРАТА ОЦЕНКИ
РЕГИОНАЛЬНОГО СПРОСА НА ПРОДУКЦИЮ И УСЛУГИ КОМПАНИЙ
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СЕКТОРА (НА ПРИМЕРЕ ПАО «ИРКУТСКЭНЕРГО»).....**246

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Ревенко Л.С., Ревенко Н.С.
**СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН ЕАЭС С КИТАЕМ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТА
КАК ФАКТОР ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ.....**255

УДК 334.726

Этапы развития и особенности функционирования транснациональных корпораций России

В.Г. Алексахина, кандидат экономических наук, доцент,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет», г. Королев, Московская область,
О.В. Игнатова, кандидат экономических наук, доцент,
Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва

В статье рассматриваются этапы развития финансово-промышленных групп и транснациональных корпораций РФ. Анализируется географическая и товарная структура их деятельности, а также особенности инвестиционной политики отечественных корпораций.

Финансово-промышленные группы, транснациональные корпорации, географическая и товарная структура, инвестиционная политика.

Development stages and functioning features of transnational corporations of Russia

V.G. Aleksahina, Associate Professor, PhD (Economics),
State Educational Institution of Higher Education
Moscow Region «University of technology», Korolev, Moscow region,
O.V. Ignatova, Associate Professor, PhD (Economics),
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

The article deals with development stages of financial and industrial groups and transnational corporations of the Russian Federation. The geographical and commodity structure of their activities, as well as features of the investment policy of domestic corporations are analyzed.

Financial and industrial groups, transnational corporations, geographical and commodity structure, investment policy.

Становление российских ТНК пришлось на конец XX в. После развала Советского союза мощности многих предприятий оказались невостребованными, так как внутренний спрос не соответствовал предложению. Открытость экономики позволила ресурсодобывающим и перерабатывающим компаниям искать партнёров извне, а наличие транспортной инфраструктуры упрощало сотрудничество со странами СНГ. Создавая филиальную сеть на территории постсоветских республик, российские компании фактически обеспечивали их реинтеграцию. И до сих пор взаимозависимость между экономиками России, Беларуси, Казахстана и др. остается на достаточно высоком уровне.

В 1993 г. было принято «Положение о формировании финансово-

промышленных групп (ФПГ)», которые впоследствии и стали первых отечественными ТНК. Целями создания ФПГ были повышение конкурентоспособности отечественных компаний, экономия издержек за счет эффекта масштаба, завоевание новых рынков сбыта, создание новых рабочих мест. В состав ФПГ входили производственные и сбытовые предприятия, финансовые и снабженческие структуры. Стоит отметить, что ФПГ имели существенные отличия от ТНК. В ТНК головная компания принимает решение об открытии новых филиалов и представительств. В ФПГ члены группы на общие средства учреждали управляющую структуру, которая занималась координацией деятельности.

С середины 1995 г. ФПГ начали экспансию на рынках за пределами

Ближнего зарубежья. Их основу составляли нефтедобывающие компании: Газпром, Тюменская нефтяная компания, Татнефть и др. Также Россия была широко представлена на международном рынке вооружений, сотрудничая с Китаем, Индией, Германией и рядом других государств, увеличивала свое присутствие на международном рынке страхования.

Дальнейшее развитие процессов интернационализации и транснационализации российского бизнеса пришлось на начало XXI в. О. В. Климовец выделяет четыре фактора, способствующие расширению экспансии российских компаний на зарубежные рынки [1, с. 64]. Во-первых, несмотря на сильную девальвацию национальной валюты в 1998 г., этот период ознаменовался резким ростом цен на сырьевые товары, что позволило отечественным компаниям нарастить свои активы, а также способствовало восста-

новлению экономики страны после затяжного кризиса 90 гг. XX в. Во-вторых, несмотря на постепенное укрепление, финансовая система РФ не обладала достаточной капитализацией и не могла обеспечить потребности быстрорастущего бизнеса. Кроме того, для закрепления своего положения на международных рынках, российские компании стремились проводить IPO и заключать стратегические альянсы с иностранными корпорациями. И, наконец, конкуренция на глобальном рынке побуждала российских предпринимателей вести активную инвестиционную политику. Создание собственных цепочек поставки и распределения товара позволяло не только увеличивать свою долю на рынке, но и обходить нетарифные барьеры в торговле – квотирование, документарные ограничения, антидемпинговые меры.

Таблица 1 – Крупнейшие российские нефинансовые ТНК по зарубежным активам, 2017 г. [4, с. 59]

Номер п/п	Компания	Сфера деятельности	Зарубежные активы, млрд. долл.	Доля зарубежных активов, %	Доля государственных активов, %
1.	Лукойл	Нефтегазовый сектор	24,3	27	-
2.	Газпром	Нефтегазовый сектор	19,5	6	50,2
3.	Роснефть	Нефтегазовый сектор	17,6	8	69,5
4.	Совкомфлот	Транспортный сектор	5,7	78	100,0
5.	Севергрупп	Перерабатывающая промышленность	5,4	-	-
6.	Ел+	Перерабатывающая промышленность	5,0	23	-
7.	Атомэнергогруп	Атомная энергетика	4,7	9	100,0
8.	ЕВРАЗ	Металлургия	3,7	36	-
9.	Российские железные дороги	Транспортный сектор	3,5	5	100,0
10.	Трубная металлургическая компания	Металлургическая компания	2,0	36	-
11.	Евроцемент	Химическая промышленность	1,7	17	-
12.	Система	Перерабатывающая промышленность	1,5	8	-
13.	Группа НЛМК	Металлургия	1,5	14	-
14.	Зарубежнефть	Нефтегазовый сектор	1,2	38	100,0
15.	Полиметалл	Металлургия	1,0	32	-
Итого / в среднем			105,1	12	-

С 2006 г. деятельность отечественных ТНК начинает меняться. Если раньше их целью был простой выход на внешний рынок, то теперь идет работа по встраиванию в глобальные цепочки добавленной стоимости в качестве контролера, а не только промежуточного звена. Растет качество поставляемых товаров и предоставляемых услуг, идет работа по улучшению имиджа, появляются корпорации, работающие по принципу государственно-частного партнерства. В настоящее время у государства есть доля от 50 до 100% в шести из 15 крупнейших нефинансовых корпораций России (табл. 1).

По размеру активов на начало 2018 г. в число крупнейших финансовых ТНК входили два российских банка – Сбербанк и ВТБ, чьи совокупные активы

составляли 470181 млрд. долл. США и 225.604 млрд. долл. США, соответственно.

Кризис 2008 г. привел к снижению активности национальных корпораций. Российский бизнес оправился от финансовых потерь быстрее, чем в развитых странах, и до 2014 г. чувствовал себя уверенно, играя ведущую роль в области ТЭК и металлургии. Россия стала одним из основных инвесторов среди развивающихся стран и стран с переходной экономикой. За период с 1995 г. по 2015 г. по данным ЮНКТАД накопленный объем вложенных прямых иностранных инвестиций отечественных компаний вырос более чем в 80 раз. Если в середине 90-х гг. XX в. накопленные ПИИ составляли 1% ВВП, то к 2014 г. они превысили 20% (табл. 2).

Таблица 2 – Накопленные прямые инвестиции российских компаний за рубежом, в % ВВП [6]

	1995 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
ВВОЗ	1,7	30,7	27,9	25,0
ВЫВОЗ	1,0	26,1	24,1	21,1

Таким образом, сложилось два основных типа российских ТНК:

- глобальные корпорации, их перечень представлен в табл. 4. Их основная часть сконцентрирована в первичном секторе экономики;

- региональные компании, ведущие деятельность в странах, определенных регионах мира, например, в СНГ и Восточной Европе. К их числу относятся МТС, «Вымпелком» и другие корпорации, предоставляющие телекоммуникационные услуги.

Санкции 2014 г., ограничивающие выход на внешние рынки заимствования, гипертрофированный финансовый и банковский сектора при стагнации промышленного производства оказали негативное влияние на капитализацию российских ТНК. Кроме того, были ограничены контакты российских корпораций с зарубежными ТНК, введены существенные ограничения на поставку техники и технологий, особенно в области

добычи и переработки нефти и газа. Что характерно, по мнению Forbes, среди иностранных ТНК, работающих в России, по-прежнему преобладают корпорации стран, которые ввели торговые ограничения (табл. 3).

1 января 2015 года были приняты поправки к Налоговому кодексу, поощряют возврат капитала и делают вывод средств ТНК в офшоры менее привлекательным. Принятие в 2018 году Федерального закона № 291-ФЗ, который наделил статусом особых экономических зон часть территории Калининградской области и Приморского края, способствовало репатриации российского капитала. В результате санкций и действий по деофшоризации, объем трансграничных сделок по слиянию и поглощению на 79 % до 2,7 млрд. долл. США. Однако в странах СНГ отечественные корпорации по-прежнему занимают лидирующие позиции, хотя и были вынуждены отказаться от ряда проектов (табл. 4).

Таблица 3 – Ведущие зарубежные ТНК на российском рынке, 2018 г. [7]

№	Компания	Материнская страна	Основная деятельность	Выручка, 2018 г., млн. долл.
1	Groupe Auchan	Франция	Торговля	327,7
2	Toyota Motor Corporation	Япония	Машиностроение	313,2
3	Japan Tobacco International	Япония	Производство и продажа табачных изделий	303,4
4	Phillip Morris International	Швейцария	Производство и продажа табачных изделий	296,5
5	Volkswagen Group	Германия	Машиностроение	289,2
6	Leroy Merlin	Франция	Торговля	275,8
7	PepsiCo	США	Пищевая промышленность	243,2
8	Kia Motors	Республика Корея	Машиностроение	232,4
9	ИКЕА	Швеция	Торговля	218,0
10	Metro Group	Германия	Торговля	217,4

Таблица 4 – Трансграничные сделки по слиянию и поглощению, млн. долл. [6]

Регион / страна	2005-2007 гг., в среднем	2016 г.	2017 г.	2018 г.
продажи				
мир	729177	886901	693962	815726
СНГ	10756	4736	12599	2255
Россия	6723	7412	12585	2668
приобретения				
мир	729177	886901	693962	815726
СНГ	9600	-723	13991	1910
Россия	8190	269	13831	1528

Это же подтверждается количеством и объемами новых инвестиционных проектов. Если в 2005-2007 гг. иностранные гринфилд инвестиции в среднем составляли более 31 млн. долл., то в 2018 г. они едва превышали 18 млн. долл., хотя прослеживается тренд на вос-

становление взаимного сотрудничества. Новые проекты российских ТНК носят волнообразный характер, и последние несколько лет их объем варьируется от 7,9 млн. долл. до 37,2 млн. долл. (табл. 5).

Таблица 5 – Новые инвестиционные проекты, млн. долл. [6]

Регион / страна	2005-2007 гг., в среднем	2016 г.	2017 г.	2018 г.
реципиент				
мир	748044	806779	980669	748044
СНГ	46215	593486	29017	38931
Россия	31226	14659	17063	18426
инвестор				
мир	748044	806779	980669	748044
СНГ	18426	9403	41980	20159
Россия	15104	7942	37214	9433

Особенности функционирования российских компаний и их интересы напрямую зависят от региона, в котором

работает ТНК. По итогам 2018 г. и трех кварталов 2019 г. лидерами по привлечению российских инвестиций стали Ка-

захстан, Беларусь и Украина (табл. 6).

Таблица 6 – Прямые иностранные инвестиции РФ в странах СНГ, млн. долл. [5]

	2010 г.	2015 г.	2018 г.	I кв. 2018 г.	II кв. 2018 г.	III кв. 2018 г.
Азербайджан	9	1	149	1	2	8
Армения	5	156	91	-4	17	12
Беларусь	934	736	646	657	-258	104
Казахстан	-225	643	366	-15	225	58
Киргизия	11	159	52	8	5	12
Молдова	21	-14	10	12	-2	-6
Таджикистан	8	-1	6	16	4	4
Туркмения	-60	130	0	0	0	0
Узбекистан	151	10	-50	10	15	34
Украина	485	595	213	88	59	63

В этих странах отечественные ТНК активно работают в нефтегазовой отрасли и в области телекоммуникационных технологий. Им также принадлежат металлургические предприятия, организации сферы страхования, пищевой промышленности и розничной торговли. Интерес российского бизнеса к этому региону заключается в общности языка, истории и методов ведения предпринимательской деятельности.

В Восточной Европе популярностью у инвесторов пользуются Болгария, Сербия и Босния и Герцеговина. Капитал вкладывается, в первую очередь, в энергетику, и включают не только покупку предприятий по производству, транспортировке и переработке, но и строительство теплоэлектростанций. В этом регионе также работают российские металлургические компании, например, «Мечел» и «ЕВРАЗ» представлены в Румынии и Чехии. Российские финансовые структуры работают в Боснии и Герцеговине, Хорватии, Чехии, Венгрии, Словении, Сербии.

Существенные инвестиции идут из России в Турцию. Последний особо значимый проект – строительство «Турецкого потока». Однако, кроме него, отечественным ТНК принадлежат нефтеперерабатывающие заводы и комплексы. Также Российская телекоммуникационная компания Altimо контролирует 4,99 % Turkcel. С 2012 г. Сбербанк вла-

дел пятым по величине частным банком Турции – Denizbank A.S. В связи с действием антироссийских санкций, Сбербанк был вынужден в 2018 г. объявить о продаже 99,85% акций банку Emirates NBD.

Африканский континент в настоящее время – одна из самых популярных инвестиционных площадок, в том числе и для российских ТНК. На нем работают «Алроса» и «ЕВРАЗ», «Норильский никель» совместно с компанией «African Rainbow Minerals» контролируют предприятие «Nkomati» – единственного в ЮАР производителя никелевого концентрата. «РУСАЛ» является собственником боксито-глиноземных комплексов (БГК) «Friguia» и «Kindia» в Гвинее и завода «Alscor» по производству алюминия в Нигерии. «Лукойл» представлен в Гане и Египте, Камеруне и Нигерии. Компания традиционно занята в области геологоразведке, добыче нефти и газа. Под брендом «Djezzy» в Алжире услуги связи оказывает «Вымпелком».

В Азии действуют такие компании как «Роснефть», занимающаяся строительством и модернизацией нефтеперерабатывающих мощностей в Китае, Индии и Индонезии; «Газпром», прокладывающий газопровод «Сила Сибири»; Инжиниринговый дивизион Госкорпорации «Росатом», который охватывает около 30% глобального рынка сооружения АЭС; в КНР работает представительство ОАО «РЖД»; во Вьетнаме «Зарубеж-

нефть» владеет 7 нефтегазовых блоков, 13 морскими стационарными платформами, 4 самоподъемными плавучими буровыми установками и более 20 единиц флота; телекоммуникационные услуги в Пакистане и Бангладеш предоставляет «Вымпелком».

Выход на рынки Западной Европы и Северной Америки для российских

ТНК долгое время считался приоритетным. В настоящее время в этом регионе работают представительства и дочерние фирмы ОАО «РЖД» (Германия), «Русал» (Швеция, Италия, Ирландия), «Газпром» (Германия), «Лукойл» (Италия, Бельгия, Австрия, Нидерланды, США), «Трубная металлургическая компания» (Германия, Италия) и ряд других компаний (табл. 7).

Таблица 7 – Крупнейшие иностранные компании с участием российского капитала более 50%, 2017 г. [8]

№	Компания	Страна	Выручка, млрд долл. США	Отрасль	Материнская компания или конечный собственник
1	WINGAS	Германия	18.0	ТЭК	Газпром
2	Isab	Италия	3.6 (2016 г.)	ТЭК	Лукойл
3	Gefco France	Франция	2.8	Транспорт, логистика	ОАО РЖД
4	Gazprom Marketing & Trading Limited	Великобритания	2.8 (2016 г.)	Торговля	Газпром
5	Universal Cargo Logistics Holding	Нидерланды	2.5	Транспорт, логистика	Лисин Владимир Сергеевич

Литература

1. ТНК России: Учебное пособие / О.В. Климовец // М.: НИЦ Инфра-М. 2013. 380 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://znanium.com/catalog/product/350946> (дата обращения: 2.04.2020).
2. Развитие корпоративных стратегий и технологий в российских компаниях: монография под ред. И.Ю. Беляевой, О.В. Даниловой // М.: Финансовый университет. 2019.
3. Хасбулатов Р.И. Международные корпорации в мировой экономике: учебник для вузов // Москва: Издательство Юрайт. 2020. 395 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://urait.ru/bcode/398107> (дата обращения: 06.04.2020).
4. World Investment Report 2019, United Nations [Электронный ресурс]. URL: <https://worldinvestmentreport.unctad.org/world-investment-report-2019/chapter-4-special-economic-zones/> (дата обращения: 2.04.2020).
5. Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс]. URL: www.cbr.ru (дата обращения: 2.04.2020).
6. Официальный сайт ЮНКТАД [Электронный ресурс]. URL: www.unctad.org (дата обращения: 2.04.2020).
7. Официальный сайт Forbes [Электронный ресурс]. URL: www.forbes.ru (дата обращения: 2.04.2020).
8. Портал Кредитинформ [Электронный ресурс]. URL: www.credinform.ru (дата обращения: 2.04.2020).

УДК 338.4

Основные направления коммерциализации инновационных медицинских изделий

Д.А. Андрианова, аспирант третьего года обучения кафедры управления,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет», г. Королев, Московская область

Целью работы является определение основных направлений развития коммерциализации инновационных медицинских изделий в виде развития современных инновации и проведение анализа возможности применения логистической концепции и ее основных принципов для повышения эффективности производства инновационных высокотехнологичных медицинских изделий, используя кластерные структуры в сфере медицинской промышленности и здравоохранения, реализованные на базе кластерной теории и принципов логистики.

Коммерциализация, инновации, направления, высокотехнологичные медицинские изделия, производство, медицина.

Main directions of commercialization of innovative medical products

D.A. Andrianova, graduate the third of the Department of management,
State Educational Institution of Higher Education
Moscow Region «University of technology», Korolev, Moscow region

The aim of the work is to determine the main direction of commercialization of high-tech medical devices in the form of modern innovations and analyze the possibility of applying the logistics concept and its basic principles to increase the efficiency of production of innovative high-tech medical devices using cluster structures in the medical industry and healthcare implemented the basis of cluster theory and the principles of logistics.

Commercialization, innovations, directions, high-tech medical products, manufacturing, medicine.

Введение

На данный момент различные сферы инновационной деятельности рассматриваются с учетом стратегического планирования, основанного на оптимизации управленческих схем. Такие теоретические и практические положения экономической науки активно рассматриваются и имеют всевозможные способы использования как в науке, так и в практической деятельности, и направлены на инновационное развитие промышленного производства, в том числе, с применением промышленной продукции.

В данном исследовании проанализированы основные направления по развитию коммерциализации высокотехнологичных инновационных медицинских изделий. Медицинские изделия относятся к высокотехнологичной продукции, которая имеет как технологическую, так и общегосударственную значимость

в реализации национальной безопасности государства. При этом важно определить, что именно высокотехнологичные медицинские изделия считаются предметом импорта в медицинские учреждения РФ.

Результаты исследования

Высокотехнологичные производства в современном мире являются двигателем инновационного экономического развития страны. Чаще всего, сектор высоких технологий состоит из отраслей, которые генерируются на месте встречи науки и промышленности. Исходя из этого, можно выделить следующие отличительные признаки производств, относящихся к высоким технологиям:

- высокий спрос на научные исследования и НИОКР;
- использование в процессе производства инновационных технологий;

- высокий уровень занятости научно-технического персонала;
- применение научных знаний в форме патентов и лицензий;
- высокий потенциал роста;
- ожидание высокой доходности;
- высокая инвестиционная привлекательность;
- высокий инвестиционный риск [8].

Высокотехнологичное производство играет большую роль в развитии экономики государства. Одним из важных направлений инновационной деятельности страны является медицинская промышленность, где четко прослеживается очевидность потребителя этой инновационной продукции

В связи с тем, что медицина активно развивается в 21 веке, то возникают жизненно необходимые методы развития высокотехнологичных медицинских изделий. Данный прогресс будет происходить исключительно при условии корректного взаимодействия между медициной, инновациями и бизнесом [1].

В современных условиях формируется весьма большое количество инновационных разработок, которые могут увеличить эффективность ухода за пациентами, так и их лечение. На данный момент медицинская промышленность представляет собой одну из самых высокотехнологичных сфер, которая характеризуется повышенным уровнем научно-инновационной деятельности. Коммерческие предприятия медицинской промышленности выпускают различные высокотехнологичные медицинские изделия. К медицинским изделиям стоит отнести обширную номенклатуру оборудования, инструментов, приборов, предметов ухода за больными, и перечень иных медицинских изделий для осуществления лечения, диагностики, профилактики и реабилитации населения. Необходимо понимать, что доминирующие позиции по объему производства высокотехнологичных медицинских изделий и оборудования занимают нижеперечисленные категории изделий (рисунок 1).

Рисунок 1 – Структура производства высокотехнологичных медицинских изделий и оборудования в 2019 г. [2]

Коммерческая медицинская промышленность в РФ состоит из свыше 2000 мелких производственных предприятий. Однако крупные компании, которые могут выйти на мировой рынок с собственными высокотехнологичными медицинскими изделиями в государстве отсутствуют. Значительная часть сложных высокотехнологичных медицинских изделия по собственным свойствам серьезно уступает иностранным аналогам. Отставание России в инновационном развитии по исследуемой категории ежегодно становится все очевиднее.

Под коммерциализацией стандартно подразумевается процесс экономической реализации в практической деятельности результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Под ключевой стадией инновационной деятельности, которая связана с инновациями в области медицины и здравоохранения понимают коммерциализацию высокотехнологичных медицинских изделий. Для того, чтобы высокотехнологичное медицинское изделие успешно вышло на рынок, необходимо пройти следующие этапы [3]:

- разработка высокотехнологичного медицинского изделия;
- предварительные испытания, подготовка документации;
- клинические испытания самого изделия и сбор документации;
- финальная экспертиза изделия по итогам клинических испытаний;
- регистрация, сертификация, лицензирование – необходимые этапы до вывода медицинского изделия на рынок;
- выход изделия на рынок как заключительный этап.

Для того, чтобы данные этапы были эффективно пройдены, необходимо рассмотреть подробнее основные направления по развитию коммерциализации высокотехнологичных медицинских изделий. Необходимо начать с такого ключевого направления по развитию как

логистика. В современных условиях развития концепции логистики стоит ориентироваться на использование принципов в сфере объединенного руководства областями разработки, хранения, транспортировки, производства, снабжения и сбыта товаров, а также высокотехнологических изделий в сфере медицины. В это же время специфика производства и результативного использования разработок для нужд здравоохранения подразумевает потребность передавать им определенную позитивную или негативную оценку исключительно после предоставления доказательств, которые представлены специалистами здравоохранения о безопасности и клинической эффективности разработок, которые прошли не только технические и клинические испытания, однако и в течение весьма продолжительного срока, которые обеспечивают результативную реализацию медицинских услуг [4].

В данном аспекте рационально применение системы PLM (Product Lifecycle Management) для наукоемких производств, которые содержат как этапы, которые предшествуют производству, так и непосредственно этапы производства, эксплуатационные этапы, а также нормативные положения в области утилизации. Логистику можно описывать в качестве конкретной последовательности взаимосвязанных по временному и функциональному циклу стадий (на любой стадии используются результаты предыдущей стадии).

На основании этого, стоит определить, что каждый процесс формируется в итоге реализации дальнейших этапов: накопления, перемещения и трансформации различных ресурсов, формируя первоначальный этап логистики в сфере технологической производственной цепочки в отношении высокотехнологичных изделий в сфере медицины. С определением концепции в сфере логистики, итоговый ресурсный расход в системе производства уже на стадии, кото-

рая предшествует производству, ориентируется на осуществление разработанной задачи, медицинских и технических требований на этапе, который определяется нормативно-правовыми актами [5].

С пониманием междисциплинарности и целостности научной составляющей логистики очень важно учитывать применение ее принципов и базовых научных аспектов при анализе формирования и создания инновационных организации в сфере медицинской промышленности. На основании исследуемой концепции, эффективность указанных организации определяется нижеописанными факторами: организационными, которые связаны с непосредственным внедрением и использованием научно-технической документации, разработанная на основе сформулированных нормативно-правовых актов и стандартов; информационными, с использованием семантических данных; техническими - с использованием инновационных информационных технологий; инвестиционными на основе ГЧП.

Следующим направлением развития коммерциализации высокотехнологичных медицинских изделий считается роль инноваций в развитии производственных предприятий. Примером инновационных структур являются кластеры. С учетом довольно широкого применения кластерных технологий как за границей, так и в России в различных исследованиях были проанализированы вопросы, связанные с эффективностью и устойчивостью данных систем при цикле разработки и производства высокотехнологичных медицинских изделий с учетом влияния на них внешних и внутренних факторов. С целью исследования возможности повышения эффективности данной интегрированной системы стоит продемонстрировать схему логистических взаимосвязей при производстве изделий высокотехнологичных медицинских изделий (рисунок 2).

В описанной схеме ключевым является первый субъект (1), который производит в соответствии со взаимно согласованным Меморандумом о создании кластера организационные, информационные и координирующие мероприятия по оптимизации развития других субъектов кластера. Первый субъект изначально контактирует со вторым субъектом (2), где, на основании миссии кластера и миссий входящих в него субъектов, консолидируются сведения по всем ориентирам деятельности объединенной структуры, включая оценку рынка, имеющихся конкурентов и их товара, ценовую политику в определенных временных промежутках. Для анализа результативности и актуальности разработок кластера логистический центр создаст третий субъект (3), который функционирует на договорной основе во время потребности оценки сформировавшихся современных технологий. Для участия в дискуссии и принятии решения совета (3) создаются группы экспертов по направлениям обсуждения (например инженерного или медицинского профилей), в том числе, при определенной потребности, из сторонних компаний, в том числе - специалисты из числа пациентов. Регулярной обязана быть взаимосвязь первого субъекта (1) с пятым субъектом (5) для осуществления учета и надзора произведенной продукции. Исследуемая и полученная от субъектов информация о потребности закупок и готовности товаров к поставкам поступает через логистический центр (1) непосредственно к шестому субъекту (6). Автономно, однако с определением полученных результатов вышеописанные субъекты осуществляют собственную деятельность через седьмой субъект (7), который проводит НИР и ОКР по созданию высокотехнологичных изделий в сфере медицины, который взаимодействует с восьмым и девятым субъектом (8-9), которые проводят анализ и создание инновационных высокотехнологичных технологий в сфере медицины, которая взаимодействует с десятым и седьмым субъектом (10 и 7).

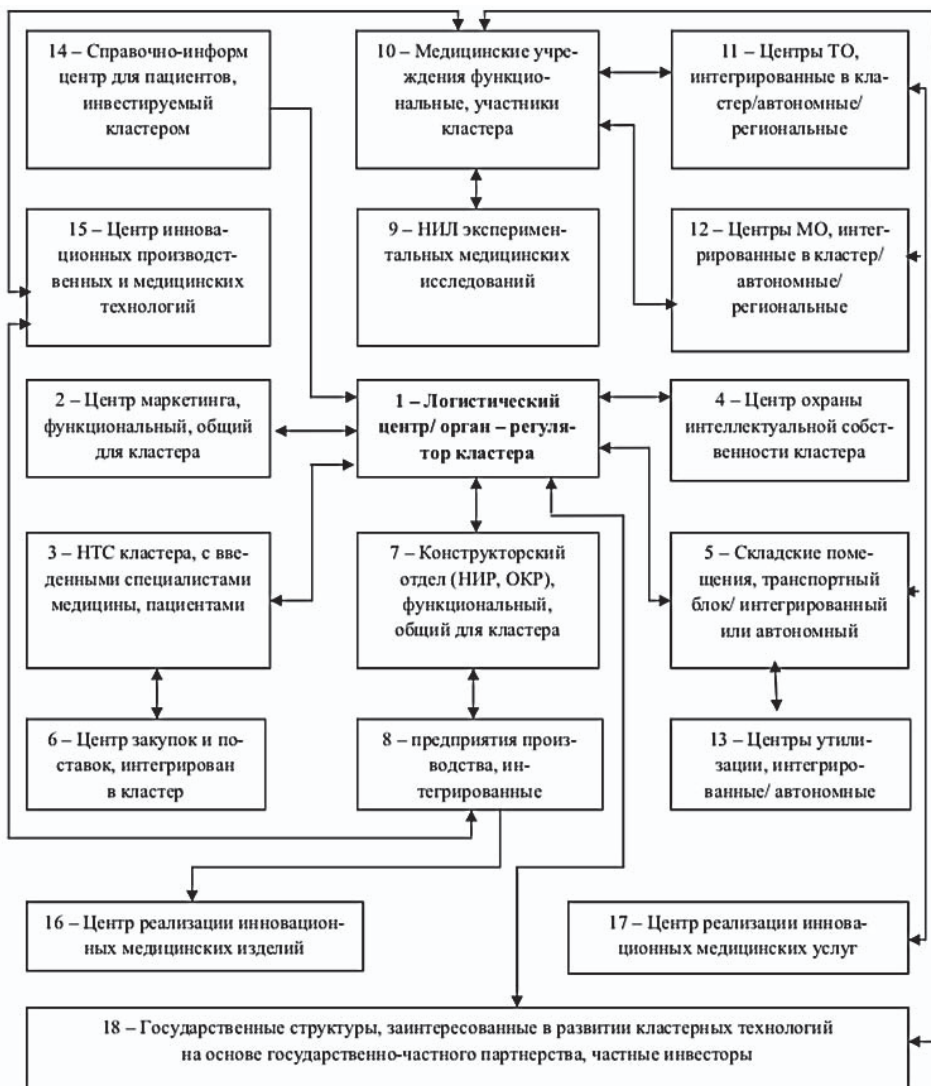

Рисунок 2 – Схема логистических взаимосвязей в структуре кластера при производстве высокотехнологичных медицинских изделий [5]

Десятый субъект (10) подлежит обслуживанию одиннадцатым и двенадцатым субъектом (11-12). Утилизация высокотехнологичных изделий в сфере медицины при наличии предельных состояний осуществляется через тринадцатый субъект. Четырнадцатый субъект дает исследовать их претензии, предложения, замечания, поступающие и хранящиеся в первом субъекте (1). От седьмого до десятого субъекта (7-10) контак-

тирует непосредственно пятнадцатый субъект (15) по рекомендации которого, после утверждения у третьего субъекта (3) современные инженерные решения подвергаются апробации у шестнадцатого субъекта, а медицинские решения подвергаются апробации у семнадцатого субъекта (17). Обычно за границей и порой в РФ данная деятельность инвестируется восемнадцатым субъектом (18), с

учетом исследования деятельности десятого субъекта (10) [5].

Стоит также отметить, что в качестве следующих направлений развития коммерциализации инновационных медицинских изделий стоит отнести [6]:

- оказание серьезного внимания и поддержки инновационным медицинским проектам уже на этапе НИОКР;

- разработка современных механизмов получения международных сертификатов и лицензий для вывода национальных высокотехнологичных медицинских изделий на мировой рынок [7];

- более активное представление отечественной продукции на Международных выставках медицинской продукции;

- проведение конференции в сфере медицины с привлечением заинтересованных инвесторов или инновационных компаний.

Заключение

Таким образом, в исследовании продемонстрирована роль основных направлений по развитию коммерциализации высокотехнологичных, инновационных медицинских изделий, а именно логистических принципов и инновации при создании и производстве инновационных высокотехнологических медицинских изделий. Проанализирована схема логистических взаимосвязей при производстве высокотехнологичных медицинских изделий. На данный момент в России не функционируют крупные предприятия, которые могут выйти на мировой рынок с собственными инновационными разработками. Серьезная часть высокотехнологичных медицинских изделий по собственным качественным свойствам довольно сильно отстает от зарубежных аналогов.

Литература

1. Устинов А.Э. Коммерциализация научной деятельности. Учебное пособие // Казань: Издательство КФУ. 2017. 102 с.
2. Официальный сайт Департамента инвестиционной и промышленной политики города Москвы // Обзор состояния отрасли производства медицинских изделий и оборудования России и города Москвы [Электронный ресурс]. URL: <http://bit.do/eSsc2>.
3. Клесов С., Иванов В.В., Коммерциализация результатов научно-технической деятельности: европейский опыт, возможные уроки для России // М.: Издательство ЦИПРАН РАН. 2016. 264 с.
4. Миротин Л.Б., Омельченко И.Н., Колобов А.А. и др. Инженерная логистика: логистически ориентированное управление жизненным циклом продукции: учебник для вузов // Горячая линия – Телеком. 2017. 644 с.
5. Лифарь А.С., Бром А.Е. Влияние логистической стратегии на производственно-хозяйственную деятельность предприятий // Логистические системы в глобальной экономике. 2018. С. 166-170.
6. Омельченко И.Н., Герцик Ю.Г. Организационно-экономическая устойчивость и конкурентоспособность предприятий медицинской промышленности. Концепция и методология формирования: монография // М.: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2017. 323 с.
7. Официальный сайт МИНПРОМТОРГ России // Государственная программа Российской Федерации «Развитие медицинской и фармацевтической промышленности» на 2013-2020 годы [Электронный ресурс]. Постановление Правительства РФ № 305 от 15 апр. 2014 г. // URL: http://minpromtorg.gov.ru/common/upload/files/docs/MinProm_02.06.14.pdf.
8. Agnieszka Zakrzewska-Bielawska. High Technology Company – Concept, Nature, Characteristics [Электронный ресурс]. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/438a/b54b3e051438d1f785b9706076c719304baf.pdf>.

УДК 338.012

Развитие электроэнергетического сектора России: от начала реформы отрасли до современного этапа

К.Н. Архипова, аспирант третьего года обучения кафедры менеджмента и бизнеса,
Тюменский Государственный Университет, г. Тюмень

С начала 21 века в секторе электроэнергетики России произошли существенные изменения – была проведена масштабная реформация, в результате которой выделился конкурентный оптовый рынок, что было сделано для привлечения частных инвестиций в отрасль, которые бы смогли модернизировать существующие генерирующие мощности, а также создать новые. В течение этого времени появились альтернативные источники энергии, которые также оказывают влияние на сектор, возрастающее с каждым годом все сильнее.

Для проведения дальнейшего реформирования и государственной поддержки отдельных звеньев системы, которые могут дать новые точки роста отрасли, необходимо оценить ее современное состояние.

Электроэнергетика, развитие отрасли, тенденции развития.

Development of the electric power sector in Russia: from the reformation to the present stage

K.N. Arkhipova, graduate the third of the Department of Managment and Bussines,
Tyumen State University, Tyumen

The influence of the electric power sector on the development of the country's economy cannot be over-estimated; in this regard, the article discusses the main trends in the development of the sector, as well as difficulties, overcoming of which may become a new growth point in the future.

Since the beginning of the 21st century, significant changes have taken place in the Russian electric power sector - a large-scale reformation has been carried out, as a result of which a competitive wholesale market has emerged, which was done to attract private investment in the industry, which could modernize existing generating capacities and create new ones. During this time, alternative energy sources appeared that also affect the sector, which is growing more and more every year.

To carry out further reform and state support of individual parts of the system, which can provide new points of growth for the industry, it is necessary to evaluate its current state.

Electric power industry, industry development, development trends.

Введение

Нельзя переоценить влияние электроэнергетического сектора на развитие экономики страны, в связи с этим в статье рассматриваются основные тенденции развития сектора, а также сложности, преодоление которых может стать новой точкой роста в будущем.

Россия является одним из крупнейших производителей и потребителей электрической энергии в мире: в 2018 году она заняла 4 и 5 место в мире, после Китая, США и Индии. Выработка составила 1128 млрд.кВтч.

В 2018 году производство электрической энергии превысило потребление на 199 млрд. кВтч, что

говорит о том, что страна является нетто-экспортером электрической энергии и мощности, а в качестве основных стран импортеров выступают Финляндия, Китай, Беларусь, Украина и Литва.

В структуре ВВП доля электроэнергетического сектора составляет порядка 3% ежегодно, однако не стоит пренебрегать изучением данного направления, поскольку отрасль является базовой и имеет важное межотраслевое значение. Поскольку стоимость электрической энергии включена в цену всех товаров и услуг, то увеличение или снижение тарифа на этот товар напрямую скажется условиях производственной деятельности и

бытового обслуживания населения. В совокупности все вышесказанное говорит о том, что электроэнергетическая

оказывает сильное влияние на развитие экономических систем в целом.

Рисунок 1 – Производство электрической энергии по странам мира в 2018 г., млрд. кВтч

Реформа отрасли

Ключевым событием, которое повлияло на развитие электроэнергетики России в 21 веке стала реформа отрасли, начавшаяся с Постановления правительства №526 от 11.07.2001 г. (1)

Главным субъектом на рынке электроэнергетики до начала реформы являлась компания РАО «ЕЭС России», на долю которой приходилось порядка 70% всей произведенной в стране электрической энергии.

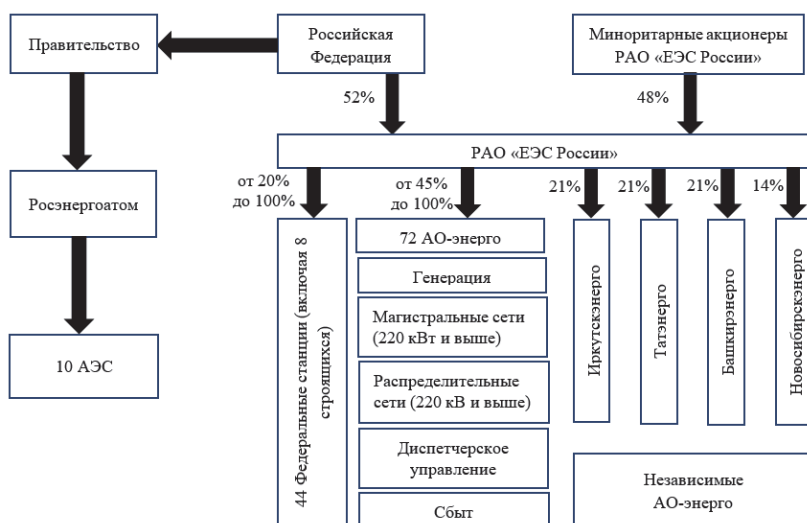

Рисунок 2 – Структура рынка электрической энергии в 2000 г.

В результате в рамках государ- | ственной вертикально-интегрированной

компании были объединены практически все виды деятельности, осуществляемые в электроэнергетическом комплексе: производство, передача и сбыт электрической и тепловой энергии (рис. 2).

Уже в 80-е годы 20 века было зафиксировано снижение темпов обновления основных фондов генерирующих мощностей, по сравнению с ростом потребления электрической энергии. В последнем десятилетии уходящего века в стране разразился тяжелый экономический кризис, одним из последствий для электроэнергетической отрасли которого стало снижение потребления электрической энергии, что повлекло за собой остановку обновления генерирующих мощностей совсем. Помимо вышеуказанных причин отмечалось также и то, что российская электроэнергетика отставала от зарубежной по главным технологическим показателям, к которым относятся удельный расход топлива, коэффициент полезного действия оборудования и рабочая мощность. На фоне всех этих факторов неизбежность реформирования электроэнергетической отрасли отрицать было нельзя.

Создание РАО «ЕЭС» было попыткой реформации отрасли, однако, для строительства новых генерирующих мощностей и замены устаревшего оборудования на уже существующих станциях требовался большой объем инвестиции, которых не было. Государство не могло помочь путем бюджетного финансирования, поскольку экономика была разрушена протекающим в то время экономическим кризисом. Рост тарифов также не мог стать источником инвестиций, поскольку к концу 1998 года потребители оплачивали только 85% электрической и тепловой энергии, и лишь 20% – деньгами, оставшаяся часть платежей происходила в форме взаиморасчетов и бартерных сделок. И в период с 2001-2008 гг. началось реформирование электроэнергетической отрасли Российской Федерации.

На рынке электроэнергии и мощности в результате реформы было выделено два уровня: оптовый и розничный. Целью создания оптового рынка электроэнергии и мощности было объединение крупных производителей и потребителей, благодаря которому стала возможным реализация механизма купли-продажи электрической энергии посредством регулируемых договоров, устанавливающим регулируемые цены на товар, а также через рынки на сутки вперед и балансирующего, на которых формировались нерегулируемые цены.

Однако, стоит отметить, что начиная с 2011 года приобретение по регулируемым договорам электрической энергии и мощности, поставляемых населению и приравненным к населению группам потребителей, а также гарантирующим поставщикам возможно только если они находятся под юрисдикцией МРСК Республики Тувы и Северного Кавказа. Помимо этого вводится ограничение, запрещающее реализовывать более 35% от общего объема поставок электрической энергии, согласно сводному балансу, формируемому ФАС России, по регулируемым договорам по каждому производителю в ценовых зонах оптового рынка.

Реформа отрасли должна была создать условия для увеличения эффективности и инвестиционной привлекательности предприятий отрасли, привлечь инвестиции и снизить долю участия государства в отрасли. В первую очередь реформа была направлена на изменение структуры отрасли: были разделены естественно-монопольные отрасли и потенциально конкурентные. Под контролем государства должны были остаться магистральные распределительные сети, поэтому на их базе была создана Федеральная сетевая компания (ФСК), которой государство владеет через ПАО «Россети», а также через Федеральное агентство по управлению имуществом. Помимо Федеральной сетевой компании

ПАО «Россети» владеет 14-ю межрегиональными, в собственности которых находятся распределительные сети высокового напряжения (рис 2). Еще одним государственным активом стала вновь созданная инфраструктурная компания АО

«Системный оператор Единой энергетической системы» (АО «СО ЕЭС»), основной функцией которой стало поддержание технологического режима в единой энергетической системе.

Рисунок 3 – Участие государства в электроэнергетике

Наряду с созданием Сетевого оператора, были сформированы новые субъекты рынка, деятельность которых направлена на поддержание эффективной системы торговли электрической энергией и мощностью на рынке. К таким организациям относится НПФ Совет рынка, которые объединил участников электроэнергетического рынка и способствует взаимодействию оптового и розничного рынков электрической энергии и мощности. Также в его обязанности входит ведение реестра субъектов оптового рынка, участие в разработке правил и регламентов оптового рынка, а также мониторинг цен на оптовом и розничном рынках электроэнергии и мощности.

АО АТС обеспечивает организацию торговли на оптовом рынке электроэнергии и мощности. АТС определяет цену покупки и продажи электроэнергии и мощности на основании равновесных цен оптового рынка с учетом технологических ограничений, а также необходи-

мости обеспечения равенства финансовых обязательств и требований участников рынка.

АО ЦФР оказывает комплекс услуг по расчету требований и обязательств участников оптового рынка электроэнергии и мощности. ЦФР выполняет функции организации, обеспечения, мониторинга и контроля финансовых расчетов на ОРЭМ.

Развитие электроэнергетического сектора в настоящее время

Суммарная установленная мощность электростанций России начала расти с начала 2000-х годов. На рисунке 4 представлена динамика изменений с 2010 года. На конец 2017 года мощность достигла 239,81 ГВт, при этом большая доля приходится на тепловые электростанции (68%), на гидроэлектростанции приходится 20%, а атомные электростанции занимают почти 12% от суммарной установленной мощности.

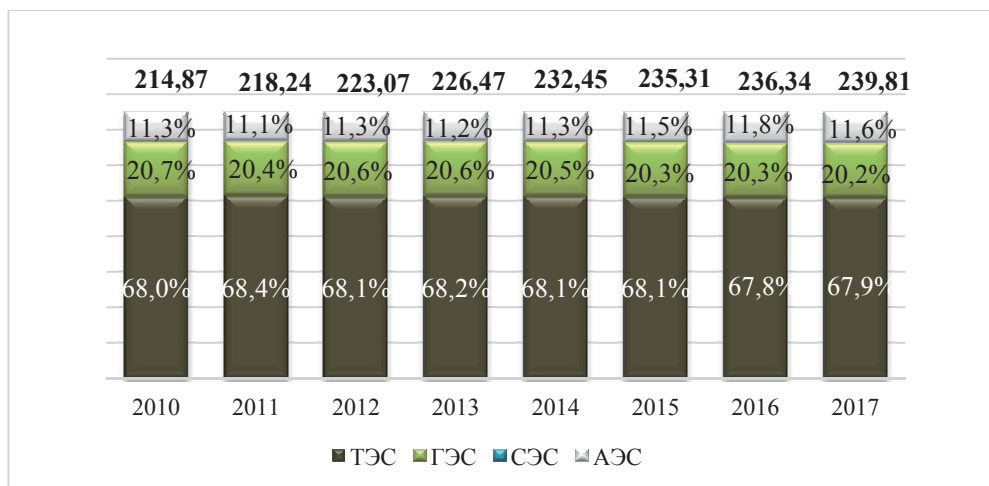

Рисунок 4 – Установленная мощность электростанций, ГВт

Возобновляемые источники энергии занимают лишь 0,2% от общего числа генерирующих мощностей, поскольку они находятся на начальной стадии развития в РФ. Начиная с 2013 года государство отметило важность развития ВИЭ и решило оказать поддержку развития альтернативных источников энергии через механизм возврата инвестиций – ДПИ. В России на данный момент возобновляемые источники энергии представлены преимущественно солнечной и ветровой энергией. Суммарная установленная мощность ВИЭ на конец 2017 года составила 668,58 МВт, из которых 534,22 МВт – установленная мощность солнечных электрических станций, а 134,36 МВт – ветровых. Объемы вводимых мощностей возобновляемых источников энергии в 2017 году превысили 2015-2016 гг. В 2017 году было введено 140 МВт, в то время как за два предыдущих года ввод составил 130 МВт.

В 2017 году было введено в эксплуатацию генерирующее оборудование общей мощностью 3 607,54 МВт. Наряду с этим было выведено из эксплуатации либо законсервировано оборудование в объеме 1 435,35 МВт. Самые крупные электростанции были введены на территории Уральской объединенной

энергосистемы: Челябинская ГРЭС (247,5 МВт), Вернетагильская ГРЭС (447,15 МВт), Пермская ГРЭС (861 МВт).

За последние 8 лет производство электроэнергии неизменно росло, на рисунке 5 отмечена динамика роста. Производство электроэнергии в 2017 году относительно 2010 года выросло практически на 5%. За этот период выработка электроэнергии в большей степени увеличилась за счет ТЭС: с 621 млрд. кВтч в 2010 году до 671 млрд. кВтч в 2017 г. Производство на ГЭС и АЭС также значительно увеличилось – на 21 и 33 млрд. кВтч соответственно.

Электропотребление России увеличилось на 5,1% в 2017 году относительно 2010. Основными долгосрочными факторами, оказавшими влияние, являлся рост промышленного производства, увеличение численности населения страны и его доходов, а также повышение экономической активности. Помимо этого, в отдельные года темпы роста потребления превышали темпы роста промышленности в связи с природными факторами: холодная зима способствует большему объему потребления.

На протяжении всего рассматриваемого периода наблюдается превыше-

ние производства электроэнергии над потреблением, которое в 2017 году составило 14 млрд. кВтч. Данный объем энергии был экспортирован в соседние страны, такие как Финляндия, Беларусь, Украина и Китай. Значительный профицит электроэнергии был отмечен в 2015

и 2016 году, что было связано с началом реализации программы государственной поддержки возобновляемых источников энергии – ДПМ.

Рисунок 5 – Производство и потребление электроэнергии в России, млрд. кВтч

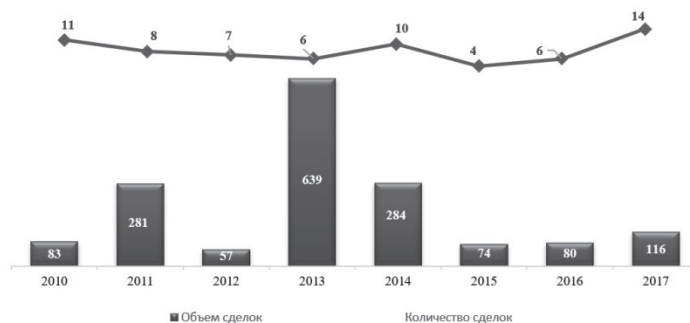

Рисунок 6 – Динамика слияний и поглощений в электроэнергетической отрасли, млрд. руб.

Максимальный объем сделок за рассматриваемый период был совершен в 2013 году. Это было связано с приобретением ПАО «Россети» 80%-ной доли ПАО «ФСК ЕЭС». Сделка была оценена в размере более 450 млрд. рублей. Реструктуризация была проведена с целью унификации подходов к развитию магистральных и распределительных сетей, повышения инвестиционной эффектив-

ности обеих компаний, обеспечения внедрения эффективных научно-технологических программ в отрасли, а также повышения эффективности оперативной деятельности за счет объединения активов и некоторых административных функций компаний.

Объем сделок слияний и поглощений в 2017 году составил 116 млрд. руб. Крупнейшей сделкой 2017 года яв-

ляется приобретение ВТБ 24 акций РусГидро на сумму 919 млн. долл. США. По итогам транзакции банк получил 13% акций холдинга. Продажа акций была направлена на увеличение объема финансирования крупнейшего энергетического холдинга страны, которое должно помочь снизить долговую нагрузку группы компаний РусГидро, а также обеспечить создание условий для улучшения финансового положения и повышения стоимости акций в дальнейшем.

В 2016 году Евросибэнерго приобрел 40,3% акций Иркутскэнерго. Сделка оценивалась в 70 млрд. рублей и стала крупнейшей в 2016 году. Согласно пресс-релизу компании Евросибэнерго оба предприятия будут действовать как единое целое, что позволит усилить позиции группы компаний в отрасли, обеспечить доступ к рынкам капитала, что в конечном счете позволит реализовать ключевые инвестиционные проекты.

В 2017 году Евросибэнерго провела крупнейшее за последние 5 лет в России IPO. С учетом опциона банков-организаторов было реализовано 19,6% акции на общую сумму 1,5 млрд. долл. США. IPO было проведено на Лондонской и Московской бирже и стало первым начиная с 2014 года, которое было проведено на Лондонской. Порядка 85% заявок пришлось на иностранных инвесторов. Среди зарубежных покупателей присутствовали: Qatar Investment Authority (QIA), фонд Capital World, Government Investment Corp. Таким образом, можно отметить, что растет интерес к российским электроэнергетическим активам среди иностранных инвесторов.

Проблема задолженности оплаты покупаемой электроэнергии с каждым годом становится все насущнее (рис. 6). Начиная с 2010 года суммарная задолженность на оптовом и розничном рынках составила 294 млрд. рублей. Можно выделить следующие причины, оказывающие влияние на рост задолженности:

1. Слабая платежная дисциплина;

2. Извлечение экономической выгоды из неплатежей, с последующим погашением задолженности;
3. Трудное финансовое положение;
4. Умышленное неисполнение финансовых обязательств без дальнейшей оплаты в будущем.

Законодательно принят ряд мер, которые позволяют воздействовать на неплательщиков. Однако эти меры действуют только на оптовом рынке, на розничном рынке подобные меры отсутствуют. Фактически поставщики электроэнергии бессильны перед должником на розничном рынке, поскольку отключение электроэнергии населению и приравненных к нему групп невозможно, ввиду высокой социальной значимости предоставляемой услуги. Сложившуюся ситуацию демонстрирует структура задолженности: лишь 23% задолженности приходится на оптовый рынок, а 77% – на розничный. Прирост задолженности на розничном рынке в 2017 году по сравнению с 2010 составил 119 млрд. рублей, что больше, чем 2 раза превышает уровень базового периода.

Проблема неплатежей является одним из сдерживающих рост электроэнергетической отрасли факторов, однако также она способствует усугублению еще одной проблемы отрасли – высокой изношенности основных фондов.

В 1990-х годах на фоне экономического спада присутствовала динамика снижения потребления электроэнергии, которая наряду с непостоянным и неполным объемом расчетов по передаваемой электрической энергии приводила к стабильному дефициту собственных средств, которые могли быть направлены на обновление оборудования. В результате отрасль в течение многих лет недополучала необходимый объем инвестиций, что к настоящему моменту привело к критическому износу основных фондов.

Рисунок 7 – Динамика задолженности оплаты приобретаемой электроэнергии, млрд. руб.

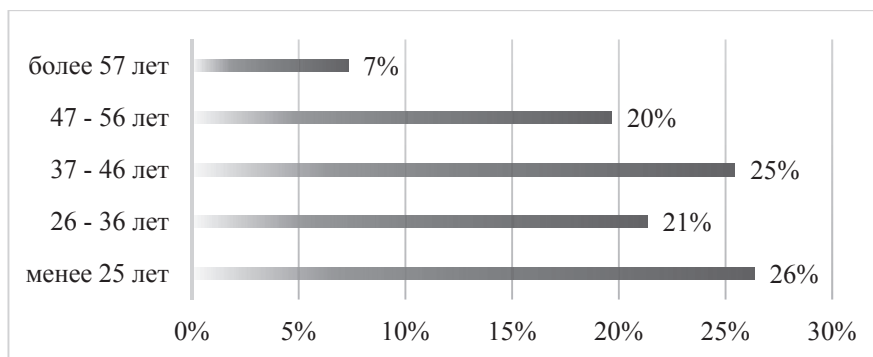

Рисунок 8 – Возрастная структура генерирующего оборудования

Проблемы, тормозящие развитие отрасли

В соответствии с Генеральной схемой размещения объектов электроэнергетики до 2035 года порядка 52% генерирующего оборудования было введено в эксплуатацию до 1980 года, то есть к 2017 году их возраст составил более 37 лет. При этом свыше 90 ГВт мощности паротурбинного оборудования выработали парк ресурса, а до 2025 года нормативный ресурс выработают еще 30 ГВт мощности тепловых электростанций. Несмотря на программы государственной поддержки возобновляемых источников энергии ввод новых мощностей является недостаточным. Дефицит инвестиций в обновление основных фон-

дов, их реконструкцию и модернизацию может существенно снизить надежность энергоснабжения потребителей уже в ближайшем будущем.

В России действует механизм перекрестного субсидирования, представляющий собой ценовую дискриминацию, при которой цена для одних потребителей устанавливается ниже предельных издержек, за счет других потребителей, цена для которых устанавливается выше предельных издержек. Однако, средние цены, в данном случае, равны средним издержкам. Механизм перекрестного субсидирования вносит значительные искажения в конечную цену на электрическую энергию и в тарифы на ее передачу.

Наиболее распространённым примером перекрестного субсидирования в последние годы является субсидирование между разными категориями потребителей, которое приводит к перераспределению платежного бремени: часть переносится с населения на промышленность. Данное перераспределение осуществляется через различную стоимость услуг по передаче электрической энергии для промышленных предприятий и групп. Несмотря на то, что по объему в денежном выражении перекрестное субсидирование между населением и промышленностью занимает львиную долю в отрасли, наряду с ним существуют и другие виды перекрестного субсидирования: межтерриториальное, между товарами (тепловая и электрическая энергия). Такое субсидирование реализуется на оптовом рынке путем применения тарифов по регулируемым договорам.

Механизм перекрестного субсидирования между потребителями был внедрен в электроэнергетике России в 1990-х годах, в период экономического кризиса. К концу 1990-х годов правительство было нацелено на ликвидацию перекрестного субсидирования, и к 2007 году экономическая справедливость ценообразования на рынке была практически достигнута, однако наступил кризис 2008 года. В период экономического спада динамика ухудшилась, и разрыв между ценами для населения и промышленными производителями увеличился.

Перекрестное субсидирование негативно влияет на развитие электроэнергетики России по ряду причин. Завышение тарифов для промышленных потребителей побуждает крупный бизнес к строительству собственных генерирующих мощностей и уходу с общего рынка. Это ведет к увеличению тарифной нагрузки на других потребителей, снижению эффективности энергетических компаний и возможной консервации генерирующих мощностей. Помимо

этого, отсутствует прозрачность при распределении платежного бремени между группами потребителей.

Заключение

Не смотря на накопившийся к началу 21 века комплекс структурных проблем в электроэнергетическом секторе, на протяжении длительного времени Россия остается одним из сильнейших игроков на мировой рынке. В начале века была проведена крупномасштабная реформа, в результате которой были выделены оптовый и розничный рынки, которые позволили осуществлять торговлю электрической энергией не только по регулируемым, но и по конкурентным, вертикально-интегрированным компаниям были разделены и все это было призвано привлечь необходимый объем инвестирования в отрасль для улучшения ее состояния.

В 2010 наблюдается пик инвестиционной активности: объем капитальных вложений составил 357 млрд. руб., но уже к 2017 году снижение составило 20%. Однако, несмотря на инвестиции, которые были вложены в отрасль, до сих пор остается ряд существенных проблем, которые тормозят дальнейшее развитие электроэнергетического сектора. В первую очередь остается острой проблема изношенности основных фондов: только у 30% оборудования возраст составляет менее 25 лет, возраст более 50% фондов составляет свыше 37 лет. Это негативно сказывается на бесперебойных поставках электрической энергии потребителям: с каждым годом все сильнее растут риски снижения надежности электроснабжения. Наряду с этим также остаются проблемы неплатежей, которые наиболее актуальны для разных рынков – поскольку нет механизмов взыскания задолженности с населения. Остается в действии механизм перекрестного субсидирования, ликвидация которого была отложена в связи с экономическим кризисом, грянувшим в 2008 году.

Все эти факторы негативно ска-

зывается на успешном развитии электроэнергетической отрасли на современном этапе. Также необходимо отметить, что пределы роста тарифов на поставку электрической энергии исчерпали себя, поэтому не могут являться источником свободных средств предприятий, которые могли бы увеличить объем инвестиций в будущем. Необходимы новые кардинальные пути стимулирования инвестиционной деятельности предприятий

электроэнергетического сектора. На данный момент правительством рассматриваются новые методический расчет утверждения объема операционных расходов для территориальных сетевых организаций. При благоприятном исходе это может повлиять на оптимизацию расходов ТСО и высвобождению средств для поддержания электросетевого оборудования на должном уровне.

Литература

1. Айрапетова А.Г., Ластовка И.В. Возобновляемые источники энергии как новый тренд развития мирового энергетического рынка // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 5-1. С. 70-74.
2. Гарнов А.П., Гарнова В.Ю. Механизмы развития электроэнергетики как ключевые факторы обеспечения энергоэффективности российской экономики // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2017. № 3(93). С. 90-99.
3. Кузнецов Н.А. Формирование инвестиционной программы развития электроэнергетики // Горизонты экономики. 2017. № 3(36). С. 69-74.
4. Липатов Ю.А. Совершенствование законодательной базы с целью обеспечения функционирования и развития электроэнергетики // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. 2010. № 2. С. 104-107.
5. Маршова Т.Н. Производственные мощности электроэнергетики: риски и перспективы развития // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2016. № 3(11). С. 42-58.
6. Никитенко А.А. Юхмина Е.А. Виды источников энергии и проблема экологически чистых источников энергии // Современная экономика и общество глазами молодых исследователей. 2018. С. 312-316.
7. Никишина И.В. Инновационный потенциал нетрадиционной возобновляемой энергетики: проблемы оценки // Современная наука. 2015. № 2. С. 43-47.
8. Рогозина В.В., Иванова Н.Г. Тенденции инновационного развития электроэнергетики России // Успехи в химии и химической технологии. 2017. № 7. С. 70-72.
9. Романова О.А., Сиротин Д.В. Новый технологический облик базовых отраслей промышленных регионов РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 5(41). С. 27-43.
10. Трачук А.В. Последствия реформирования электроэнергетики с позиций развития конкуренции // Вестник финансовой академии. 2010. № 1. С. 44-49.
11. Шмидт А.Н., Банников А.Ю., Соколов Д.С. К вопросу о показателях социального развития регионов Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2016. № 1. С.139-145.

УДК 331.52:332.1(045)

**Анализ пополнения человеческих ресурсов в регионах:
ожидания, факторы, реальность**

Г.В. Бакушева, кандидат экономических наук, доцент Департамента анализа данных, принятия решений и финансовых технологий,
ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва

В статье исследуется ожидаемое и фактическое пополнение человеческих ресурсов в субъектах Российской Федерации, выявляются регионы - центры притяжения человеческих ресурсов. Выполняется группировка регионов по основным факторам межрегиональной миграции с помощью иерархической процедуры кластерного анализа. Делается вывод о необходимости учета кластерных различий при формировании стратегии пространственного развития.

Человеческие ресурсы, межрегиональная миграция, кластерный анализ.

**Regional Human Resources Replenishment Analysis:
expectations, factors, reality**

G.V. Bakuшева, candidate of Economic Sciences, associate professor of Department of data analysis, decision-making, and financial technology,
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

The article considers the expected and actual human resources replenishment in the subjects of the Russian Federation; regions that are the centers of human resources attraction are identified. The hierarchical clustering is used to group the regions by the main factors of interregional migration. It is concluded that the cluster differences must be taken into account when defining the spatial development strategy.

Human resources, interregional migration, cluster analysis.

В утвержденной Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [16] определено понятие «пространственное развитие», под которым понимается «совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития». Данное определение акцентирует внимание на важности наличия и грамотного размещения человеческих ресурсов регионов.

Значимости человеческих ресурсов и человеческого капитала в отечественной науке традиционно уделяется большое внимание, в частности, концепции человеческого капитала рассмотрены в работах Гречко М.В., Гончарова И.В. [5], Хайруллиной Ю.Р., Княгининой К.И. [17], Остапенко Е.А. [14], Громовой Н.В. [6], Каримовой А.А. [10]. Значимость инвестирования не только в ос-

новной капитал, но и в человеческий капитал подчеркивается в работах Аганбегяна А.Г. [1], Nikolaeva A.N. et al. [18]. Особый интерес представляет работа Горшениной Е.В., Кобелевой А.А. [4], в которой представлена методика типологизации регионов по человеческому капиталу.

Отсутствие единого определения того, что есть «человеческие ресурсы», «человеческий капитал» приводит к некоторой терминологической путанице. Сравнительный анализ категорий «человеческие ресурсы», «трудовые ресурсы», «человеческий потенциал», «человеческий капитал» приведен в статье Акьюлова Р.И. [2], попытка разобраться в сходствах и отличиях «рабочей силы» и «человеческого капитала» предпринята в работе Горбуновой С.В. [3]; описанию соотношений понятий «человеческие ресурсы», «человеческий капитал», «рабочая сила», «трудовые ресурсы» посвя-

щена статья Николаева Н.А. [12].

В данной работе будем придерживаться определения, сформулированного в работе Наумовой Е.Ю.: «человеческие ресурсы – это совокупность людей, их физические и умственные способности, которые можно потенциально использовать в качестве производственного ресурса для повышения эффективности функционирования любой экономической системы» [11]. Подобный подход позволяет подчеркнуть, что отток человеческих ресурсов с территории – это потери, влекущие снижение экономического потенциала региона.

Обзор изучения проблемы межрегиональной миграции отечественными и зарубежными исследователями представлен в работах Карачуриной Л. Б., Мкртчяна Н. В. [8; 9]. Построенный в указанных работах общероссийский возрастной профиль миграции позволил авторам сделать следующие выводы: пик интенсивной миграции приходится на возраст 18 лет и объясняется получением образования; 40% всех межрегиональных миграционных перемещений приходится на возраст 16-29 лет; самой низкой интенсивностью характеризуются пожилые люди и дети школьных возрастов.

Для анализа движения человеческих ресурсов следует определить целевую группу населения, которая по мере взросления будет переходить в следующую возрастную категорию. Если проанализировать полученный в работе Карачуриной Л. Б., Мкртчяна Н. В. [9] график распределения межрегиональных мигрантов по возрасту, то можно прийти

к выводу, что интенсивность миграции детей школьного возраста, классифицируемая авторами статьи как низкая, примерно равняется интенсивности миграции людей в возрасте 40-45 лет. Накладывая данное наблюдение на сведения, приведенные в работе Гречко М.В., Гончарова И.В. [5], что наибольшая отдача от человеческого капитала наблюдается после 40 лет, получим искомую возрастную группу. Начальная группа – население в возрасте 10-14 лет, характеризуется низкой интенсивностью миграции, низким запасом человеческого капитала, не входит в трудоспособный возраст; конечная группа – люди в возрасте 35-39 лет, интенсивность миграции которых довольно низкая, отдача от человеческого капитала, напротив, высока.

В качестве исходных данных были взяты динамические ряды половозрастного состава населения регионов РФ с 1994 по 2019 г. в разрезе пятилетних возрастных групп. Целевой (контрольной) группой выступили лица, которым в 1994 году было 10-14 лет. Данную группу населения можно рассматривать как ожидаемое пополнение трудовых ресурсов конкретного региона. Поскольку в работе не будет анализироваться трудоспособность людей рассматриваемой группы, то в дальнейшем для групп с 15 лет будем употреблять термин «человеческие ресурсы». Чтобы проследить «движение» данной группы населения, была скомпонована таблица данных по регионам. Полученные совокупные данные по России представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Численность постоянного населения РФ на 1 января, тыс. чел.

	год					
	1994	1999	2004	2009	2014	2019
Возраст (лет)	10-14	15-19	20-24	25-29	30-34	35-39
Всего	11520,5	11793,1	11869,9	11667,3	11660,6	11735,4

Источник: ЕМИСС

Как видно из таблицы 1, общая численность контрольной группы может

быть признана примерно постоянной: на момент окончания наблюдения числен-

ность населения группы превышает исходную лишь на 1,86%. Максимальное колебание численности целевой группы составило примерно 3%. Полученные расчеты позволяют проводить дальнейший сравнительный анализ, пренебрегая выявленными незначительными колебаниями.

Если рассмотреть аналогичные

характеристики для отдельных регионов, то можно отметить выраженную тенденцию перемещения человеческих ресурсов целевой группы из одних регионов в другие. В частности, в Центральном федеральном округе местами «притяжения» выступают Москва, Московская область (табл. 2).

Таблица 2 – Численность постоянного населения Москвы и Московской области на 1 января, тыс. чел.

	год					
	1994	1999	2004	2009	2014	2019
Возраст (лет)	10-14	15-19	20-24	25-29	30-34	35-39
Всего	1044,2	1213,1	1419,7	1580,2	1729,1	1820,0

Источник: расчеты на основе данных ЕМИСС

Анализ таблицы 2 показывает, что общее ожидаемое пополнение трудовых ресурсов составляло 1044,2 тыс. чел., фактическое пополнение к 2019 году превысило ожидаемое на 74,3%.

Представим таблицу соотношения фактического пополнения человеческих ресурсов в регионе к ожидаемому, для этого в качестве ожидаемого возьмем численность населения в возрасте 10-14 лет в 1994 году, в качестве фактического – численность населения в возрасте 35-39 лет в 2019 году (табл. 3). Как было показано ранее, это одна и та же группа людей (целевая группа, контрольная группа), численность которой осталась примерно постоянной в рамках РФ. Если полагаться на ранее приведенные в исследованиях выводы [5] о том, что наибольшую отдачу от человеческого капитала следует ожидать после 40 лет, то полученные результаты показывают, какие регионы в ближайшем будущем будут пользоваться плодами аккумулированного к 40 годам человеческого капитала в большей степени.

Как видно из таблицы 3, ресурсыполнились лишь в 17 регионах (показатель ФПЧР превышает 100%). В федеральных округах, как правило, можно выделить 1-3 региона – «центра притяжения», остальные регионы, в основном,

несут потери. Например, в Северо-Западном федеральном округе подобными «центрами» выступили Калининградская область, Ленинградская область и г. Санкт-Петербург; в оставшиеся 7 регионах наблюдаются явные сокращения. В Приволжском федеральном округе скорее не «центрами притяжения», а «центрами сохранения» человеческих ресурсов выступили Республика Татарстан и Самарская область, возможно, сюда же можно отнести и Нижегородскую область, не досчитавшуюся в итоге 3,4% ожидаемого пополнения человеческих ресурсов. Особо выделяется Дальневосточный федеральный округ, в котором потери в ожидаемых человеческих ресурсах понесли все регионы без исключения.

Если аналогичную таблицу составить по отношению к другой возрастной категории, например, к лицам 15-19 или 19-24 лет, то картина будет несколько иной, например, для Нижегородской области показатель составит 103,5 и 104% соответственно. Это объясняется, вероятнее всего, тем, что данная возрастная категория получает в регионе образование. Задачей данного исследования было проследить, где «закрепятся» человеческие ресурсы после получения образования, возможно, даже приобретения

некоторого опыта работы. Получается, что, получив образование в Нижегородской области, люди из анализируемой категории частично покинули регион, | выбрав иное место работы.

Таблица 3 – Фактическое пополнение человеческих ресурсов (ФПЧР) в контрольной группе по регионам РФ, %

№	Округ/Регион	ФПЧР	№	Округ/Регион	ФПЧР
	Центральный ФО		41	Чеченская Респ.	80,4
1	г. Москва	193,1		Приволжский ФО	
2	Московская обл.	150	42	Самарская обл.	104
3	Белгородская обл.	115,7	43	Респ. Татарстан	101,7
4	Воронежская обл.	106,1	44	Нижегородская обл.	96,6
5	Калужская обл.	102,2	45	Саратовская обл.	92
6	Липецкая обл.	101,5	46	Респ. Башкортостан	90,7
7	Тульская обл.	98,3	47	Пензенская обл.	86,8
8	Ярославская обл.	97,2	48	Удмуртская Респ.	84,6
9	Рязанская обл.	92,1	49	Пермский край	84,5
10	Владимирская обл.	89,3	50	Респ. Мордовия	82,8
11	Смоленская обл.	88	51	Респ. Марий Эл	82,1
12	Курская обл.	86,4	52	Оренбургская обл.	80,2
13	Орловская обл.	86,4	53	Чувашская Респ.	79,6
14	Ивановская обл.	85,7	54	Ульяновская обл.	79,2
15	Тверская обл.	84,8	55	Кировская обл.	75,1
16	Брянская обл.	84,5		Уральский ФО	
17	Костромская обл.	82,7	56	Тюменская обл.	112,7
18	Тамбовская обл.	79,9	57	Свердловская обл.	94,4
	Северо-Западный ФО		58	Челябинская обл.	94,2
19	г. Санкт-Петербург	142,4	59	Курганская обл.	64,6
20	Ленинградская обл.	124,5		Сибирский ФО	
21	Калининградская обл.	116,4	60	Новосибирская обл.	106,4
22	Вологодская обл.	89,4	61	Томская обл.	97,2
23	Новгородская обл.	83,2	62	Красноярский край	90,6
24	Псковская обл.	77,8	63	Респ. Алтай	89,8
25	Респ. Карелия	76	64	Респ. Хакасия	87,2
26	Архангельская обл.	70,7	65	Кемеровская обл.	86,5
27	Мурманская обл.	67,7	66	Омская обл.	82,2
28	Респ. Коми	66,5	67	Алтайский край	81,1
	Южный ФО		68	Иркутская обл.	76,8
29	Краснодарский край	118,7	69	Респ. Тыва	75,5
30	Ростовская обл.	99,2		Дальневосточный ФО	
31	Волгоградская обл.	96,4	70	Приморский край	82,6
32	Респ. Адыгея	94,8	71	Хабаровский край	82,5
33	Астраханская обл.	94,2	72	Респ. Бурятия	78
34	Респ. Калмыкия	65,2	73	Камчатский край	72,2
	Северо-Кавказский ФО		74	Забайкальский край	71,9
35	Респ. Ингушетия	168,8	75	Сахалинская обл.	71,6
36	Респ. Дагестан	105,7	76	Респ. Саха (Якутия)	70,3
37	Ставропольский край	101,1	77	Амурская обл.	69,8
38	Карачаево-Черкесская Респ.	93,3	78	Еврейская АО	63,5
39	Респ. Северная Осетия – Алания	90,8	79	Магаданская обл.	47,3
40	Кабардино-Балкарская Респ.	88,2	80	Чукотский АО	42,7

Источник: авторская разработка

Общей систематизации факто- | уделяется внимание в ряде научных исследований, оказывающих влияние на миграцию, | исследований, в частности в работе Дмит-

риченко Л.И. и Левицкой А.Е. [7] все факторы сгруппированы на экономические, социальные, политические и экологические; в статье Рыбаковского Л.Л. [15] выделены факторы-условия и факторы-структуры.

Проанализируем те факторы, которые могли стать причиной выявленной миграции в контрольной группе: медианная заработная плата, уровень безработицы, число образовательных организаций высшего образования (по данным Росстата).

Поскольку рассмотрению подлжит группа населения, которая в 1999 году подпадала под категорию 15-19 лет, в 2004-20-24 года и т.д., а первая «волна»

отъезда могла быть связана с выбором места учебы, в качестве исследуемого показателя используется среднее число региональных вузов за 2000-2010 уч. годы. Как справедливо указано в [14]: на передовые позиции регион выводят обеспеченность широкого доступа к высшему образованию и, как результат этого, сосредоточение интеллектуального капитала в субъекте. Однако данное утверждение будет справедливым лишь при условии, что получившие образование выпускники не уедут из региона. К сожалению, во многих регионах наблюдается именно такая тенденция. Приведем для примера два региона (рис. 1).

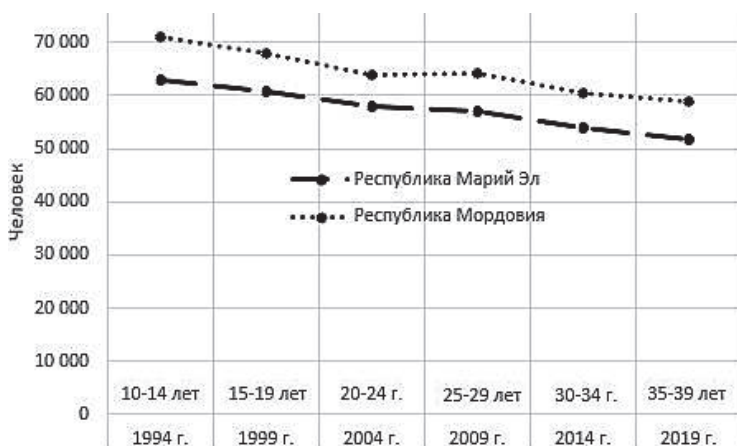

Рисунок 1 – Динамика сокращения численности контрольной группы населения в Республике Марий Эл и Республике Мордовия

Вторую «волну» отъезда, скорее всего, следует связать с наличием рабочих мест и возможностью получать более высокую заработную плату. Для учета данных предположений были взяты в расчет средние значения уровня безработицы с 2010 по 2019 гг. и медианная заработная плата 2011-2019 гг. (рассчитывается один раз в два года). Поскольку заработную плату 2011 года и 2013 года сравнивать напрямую некорректно, то в качестве итогового показателя выступила не усредненная медианная зарплата за имеющиеся годы, а среднее значение

доли, которую составляла медианная зарплата субъекта федерации в сравнении с данным показателем по РФ в целом. Например, в Белгородской области, согласно данным Росстата, в 2011 г. медианная зарплата была равна 13815 руб., что относительно медианной зарплаты по РФ в этом же году – 16043 руб. – составляет 0,861 или 86,1%. Для 2013 года это уже 88,3%, для 2015 года 88,7%, для 2017 – 89,8%, для 2019 – 86,7%. Таким образом, в среднем за указанный период медианная зарплата в Белгородской области составляла 87,9% от общероссий-

ского уровня.

Задача, которая ставилась на данном этапе исследования, заключалась в том, чтобы разбить все имеющиеся регионы на небольшое число кластеров, однородных по выбранным показателям. Для решения поставленной задачи была выбрана иерархическая агломеративная процедура кластерного анализа.

Первоначально производилась нормализация данных и удаление выбросов, выходящие за внешние границы Тьюки. Нормализация может быть выполнена различными методами, в частности, простейшая нормализация выполняется путем деления каждого значения столбца на максимальный элемент этого столбца [13, с. 22]. В данной работе нормализация проведена путем деления не на максимальный элемент столбца, а на значение показателя по Российской Федерации (общероссийский уровень). Подобным образом будет выполнено не только приведение значений признаков к одинаковым единицам измерения, в данном случае %, но и сохранен экономической смысл, поскольку значение, превышающее 100% говорит о том, что в конкретном регионе ситуация по выбранному фактору лучше, чем в среднем по России, и наоборот.

До удаления выбросов выборка содержала нормализованные данные по 80 регионам (кроме г. Севастополь и Республики Крым ввиду отсутствия по ним динамических рядов). Первоначально удалению подлежали 6 регионов с явными выбросами, выходящими за внешние границы Тьюки: резкое превышение уровня безработицы характерно для 3 регионов (Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Республика Тыва), очень высокий уровень заработной платы – 1 (Чукотский автономный округ), большие значения числа учреждений высшего образования – 2 (г. Москва, г. Санкт-Петербург).

Анализ оценок коэффициентов корреляции позволяет ставить вопрос о

снижении размерности исходного факторного пространства: итоговый показатель фактического пополнения человеческих ресурсов имеет с числом образовательных организаций высшего образования значимый коэффициент корреляции, равный 0,56, что соответствует положительно направленной заметной силе связи. Полученный результат лишней раз подтверждает вывод, что число переездов связано с получением образования: чем больше в регионе было образовательных организаций в 2000-2010 уч.г., тем большее пополнение человеческими ресурсами наблюдается в 2019 г. Однако анализируемый возраст целевой группы – 35-39 лет – уже далек от основного возраста получения образования, а значит, данный фактор теряет силу воздействия на размещение человеческих ресурсов. Таким образом, количество показателей снижено до трех: нормализованная медианная заработная плата, нормализованный уровень безработицы, фактическое пополнение человеческих ресурсов (в % от ожидаемого для контрольной группы).

Результат применения иерархической процедуры представлен на рисунке 2. Расчеты выполнялись в RStudio.

В результате кластеризации все регионы можно разделить на 3 группы.

Первая группа включает в себя 17 регионов: все республики Северо-Кавказского округа: Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкарская, Северная Осетия – Алания, Дагестан; 3 субъекта Южного федерального округа: Республики Адыгея и Калмыкия, Астраханская область; 4 территории Сибирского округа: Иркутская и Омская области, Алтайский край и Республика Алтай; 3 – Дальневосточного: Республика Бурятия, Еврейская автономная область, Забайкальский край; Северо-Западный округ представлен Псковской областью и Республикой Карелия, Уральский федеральный округ – Курганской областью. Субъекты данной группы характе-

ризуются очень высоким уровнем безработицы по сравнению с общероссийским (163% – среднее нормированных значений соответствующего показателя по группе, где за 100% принят средний общероссийский уровень безработицы); низкой медианной заработной платой (76%). Соответственно, показатель фактического пополнения человеческих ресурсов (ФПЧР) контрольной группы в среднем составляет 82%, т.е. из регионов данной группы люди уезжают. Исключе-

нием является только один регион – Республика Дагестан, при нормированном уровне безработицы в 214%, нормированной медианной зарплате 54%, ФПЧР равен примерно 106%, т.е. человеческие ресурсы присутствуют в ожидаемом объеме, несмотря на тяжелые условия жизни – высокий уровень безработицы и низкую заработную плату.

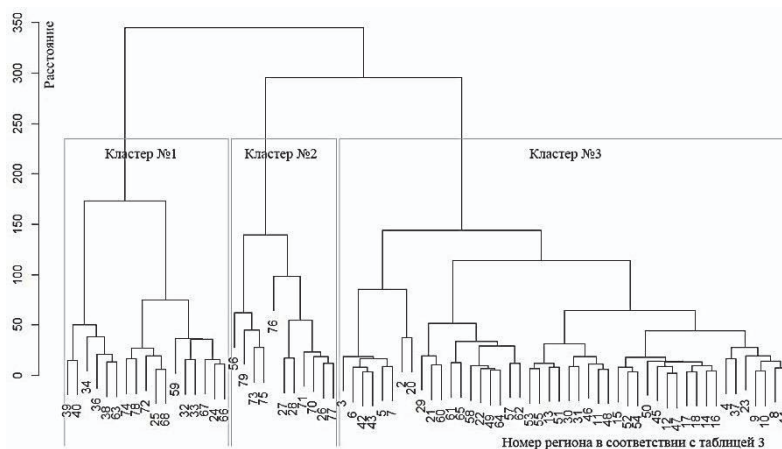

Рисунок 2 – Дендрограмма неархивической кластеризации

Источник: авторская разработка

Вторая группа включает в себя 11 регионов: 3 – это субъекты Северо-Западного федерального округа: Республика Коми, Архангельская и Мурманская области; 7 – не вошедшие в первый кластер территории Дальневосточного федерального округа: Республика Саха (Якутия), Амурская, Магаданская и Сахалинская области, Камчатский, Приморский, Хабаровский край; 1 регион Уральского округа – Тюменская область. Данный кластер характеризуется повышенным уровнем безработицы по сравнению с общероссийским (115%); очень высокой медианной заработной платой (150%); при этом показатель фактического пополнения человеческих ресурсов контрольной группы в среднем составля-

ет 74%, т.е. из регионов текущей группы люди уезжают, несмотря на высокий уровень заработной платы. Следует отметить, что в данном кластере Тюменская область стоит особняком, потому что это единственный регион, в котором ФПЧР превышает 100%, составляя 113%. Вероятнее всего, это объясняется тем, что Тюменская область – основной нефтегазоносный регион России. Поскольку в исследовании не учтен фактор природных ресурсов, данный субъект «попал» в кластер к регионам с высокой зарплатой, но по смыслу должен быть исключен из группы.

Третья группа включает все оставшиеся регионы. Субъекты данной группы характеризуются близким к об-

щероссийскому уровню безработицы (97%); чуть сниженной средней медианной заработной платой (86%); при этом показатель фактического пополнения человеческих ресурсов контрольной группы в среднем составляет 94%, т.е. в среднем условия жизни можно признать удовлетворительными. Найденные для данного кластера оценки коэффициентов корреляции позволяют сделать вывод о наличии линейной связи между показателями: коэффициент корреляции между ФПЧР и медианной зарплатой равен 0,67, т.е. наблюдается положительная корреляция заметной силы, – при повышении зарплаты увеличивается и число остающихся в регионе человеческих ресурсов; коэффициент корреляции между ФПЧР и безработицей равен -0,37, т.е. обнаруживается значимая отрицательная корреляция умеренной силы, – при возрастании уровня безработицы число остающихся в регионе человеческих ресурсов падает. Таким образом, перемещения внутри настоящей группы объясняются в большей мере разницей в зарплатах.

Не вызывает сомнений, что человеческие ресурсы важны для развития регионов. Необходимо управлять миграционными процессами, чтобы не создавать дефицита трудовых ресурсов в регионе; инвестировать в существующие человеческие ресурсы, увеличивая запасы человеческого капитала. Выполнен-

ный кластерный анализ подтвердил априорные предположения, что отток человеческих ресурсов идет из тех регионов, которые не могут обеспечить занятость населения. Влияние же заработной платы дифференцируется в зависимости от группы, в которой находится субъект. Если для третьей группы более высокая заработная плата может стать причиной миграции, то полученные для второй группы результаты показывают, что даже высокий заработок в этих регионах не способен удержать человеческие ресурсы. Это означает, что формировать стратегии пространственного развития в части расселения нужно дифференцированно в зависимости от типа кластера.

Разработка стратегии пространственного развития России, на наш взгляд, должна учитывать, что более высокая конкурентоспособность соседних регионов по социальным (образовательным, культурным, жилищным и т.п.) и экономическим параметрам играет большую роль в размещении человеческих ресурсов. Это означает, что для сохранения и эффективного функционирования человеческих ресурсов требуются усилия по созданию благоприятных в регионе условий, в том числе наличия рабочих мест, достойного заработка, доступного качественного здравоохранения и пр.

Литература

1. Аганбегян А.Г. Инвестиции в основной капитал и вложения в человеческий капитал – два взаимосвязанных источника социально-экономического роста // Проблемы прогнозирования. 2017. № 4 (163). С. 17-20.
2. Акьюлов Р.И. Человеческие ресурсы как комплексная экономическая категория // Журнал экономической теории. 2009. № 4. С. 1.
3. Горбунова С.В. Культурология человеческого капитала и рабочей силы: соотношение понятий // Аналитика культурологии. 2007. № 3 (9). С. 33-38.
4. Горшенина Е.В., Кобелева А.А. Человеческий капитал региона: методические и практические аспекты оценки // Экономические исследования. 2019. № 1. С. 2.
5. Гречко М.В., Гончаров И.В. Человеческий капитал, человеческие ресурсы, интеллектуальный капитал: взаимосвязь и различие категорий // Экономика и предпринимательство. 2016. №2 – 2(67). С. 243-249.
6. Громова Н.В. Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития России // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. Т. 2. № 1. С. 14-22.
7. Дмитриченко Л.И., Левицкая А.Е. Трудовая миграция: методология, теория, анализ // Финансы. Учет. Банки. 2018. № 1 (22). С. 24-32.
8. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Возрастные особенности межрегиональной миграции населения в России // Регион: Экономика и Социология. 2017. № 4 (96). С. 101-125.

9. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Межрегиональная миграция в России: возрастные особенности // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3. № 4. С. 47-65.
10. Каримова А.А. Человеческий капитал: сущность и виды // Экономика и предпринимательство. 2019. № 2 (103). С. 234-237.
11. Наумова Е.Ю. К вопросу определения понятия «человеческие ресурсы» // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2012. № 7 (94). С. 100-103.
12. Николаев Н.А. «Человеческие ресурсы» в системе понятий менеджмента и экономики труда // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2019. № 2. С. 7-14.
13. Никулин В.Н., Канищев И.С., Багаев И.В. Методы балансировки и нормализации данных для улучшения качества классификации // Компьютерные инструменты в образовании. 2016. № 3. С. 16-24.
14. Остапенко Е.А. Оценка человеческого капитала в развитии региональной экономики // Региональная экономика: теория и практика. 2019. Т. 17. № 4 (463). С. 703-717.
15. Рыбаковский Л.Л. Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // Народонаселение. 2017. № 2 (76). С. 51-61.
16. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г. №207-р [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/35733/> (дата обращения 15.03.2020).
17. Хайруллина Ю.Р., Княгинина К.И. Человеческий капитал: теоретический и практический аспекты // Научные труды Центра перспективных экономических исследований. 2015. № 9. С. 84-89.
18. Nikolaeva A.N., Antipova E.A., Belov G.L., Malova E.A., Tsaregorodtsev E.I. Resources of Innovative Development of Region in the Conditions of Formation of Knowledge Economy // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6. № 3. С. 297-306.

УДК 330.3

Использование комплексной диагностики для обеспечения экономической безопасности предприятия

О.А. Банк, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и бухгалтерского учета, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет», г. Королев, Московская область

Настоящая статья отражает исследование в области определения методов и инструментов диагностики экономической безопасности субъекта предпринимательства. Диагностика является собой такую концептуальную систему, которая действительно препятствует возникающим угрозам и опасностям функционирования предприятия. Для оптимальной диагностики рекомендуется использование ее многоконтурной модели, дающей возможность нарастить экономическую безопасность.

Экономическая безопасность бизнеса, диагностика экономической безопасности, методы диагностики, диагностический инструментарий, диагностика угроз и опасностей.

The use of integrated diagnostics to ensure the economic security of the enterprise

O.A. Bank, Candidate of Economic Sciences, Associate professor of the Department of Finance and accounting, State Educational Institution of Higher Education Moscow Region «University of technology», Korolev, Moscow region

This article reflects a study in the field of determining methods and tools for diagnosing the economic security of a business entity. Diagnostics is such a conceptual system that effectively prevents emerging threats and dangers of the enterprise. For optimal diagnosis, it is recommended to use its multi-circuit model, which makes it possible to increase economic security.

Business economic security, diagnostics of economic security, diagnostic methods, diagnostic tools, diagnostics of threats and dangers.

Функционирование всякого субъекта предпринимательства в рыночных экономических обстоятельствах обуславливается значительной степенью неопределенности. Это сопряжено с тем, что имеется огромное факториальное количество как изнутри, так и извне хозяйственной жизни, которое порождает угрозы для предпринимательской экономической безопасности.

Бесспорно, понятийный аппарат экономической безопасности на настоящий день твердо закрепился в экономической теории. Степень экономической безопасности и функциональные итоги предприятия оцениваются в качестве взаимосвязанных характеристик его успешных операционных процессов и константного развития [3].

Общепризнанным выступает осознание неотъемлемости выработки

аргументированных процедур регулирования и адаптации компании к динамичным внешним условиям для наращивания параметров экономической безопасности. Требуется выстроить функционирующую систему, которая даст возможность реагировать на всевозможные негативные изменения в виде угроз и опасностей совершенствования бизнеса и их последующую нейтрализацию [2].

Указанная задача решается с применением многостороннего инструментария. Большинство экономических исследователей полагают, что необходимо сформировать диагностический комплекс в области угроз еще на первых порах их проявления.

Поэтому в настоящей статье оцениваются достоинства комплекса по своевременному воспрепятствованию опасностям изнутри и извне функциони-

рования предпринимательства. Таковая концепция, базирующаяся на итогах статистического контроля, дает возможность отбирать стратегические пути функционирования бизнеса с использованием идентификации вероятного состояния и извлекать рациональную оценку о критериях его «жизни».

Относительно указанной концепции, единение угроз, воздействующих на экономическую безопасность, исследуется в качестве комплекса, наделенного динамическим характером. Компоненты такой структуры требуется четко определять и уметь прогнозировать потенциальные изменения в рамках структуры. При этом в ходе хозяйственной жизни компании «встреча» с единичной угрозой может обусловить возникновение одной и более дополнительных угроз, усилению их совокупного влияния на изменения в рамках структуры [4].

Комплекс угроз, применительно к экономической безопасности, можно систематизировать по разноплановым критериям, при этом более существенными среди них предстают те, которые позволяют сократить риски хозяйствования, стабилизировать внутренний бизнес-потенциал относительно внешних обстоятельств, обеспечить течение стабильного развития на долгий срок.

Нами рекомендуется следующий факториальный комплекс обеспечения экономической безопасности предприятия, воздействующий на его устойчивость и стабильность развития (рисунок 1).

Приведенный спектр факторов принимает к учету воздействие как внешних, так и внутренних обстоятельств на степень экономической безопасности компании, он формирует потенциальные возможности, находясь во взаимодействии в течение функциони-

вания и на внешнем, и на внутреннем уровнях.

Базой названного взаимодействия предстают процессы контроля, вызывающие некоторые типы угроз и сопряженные с ними риски предпринимательства [2].

На практике отделяются направления угроз, которые сопряжены:

1. С систематическим мониторингом производственных операций.
2. С исполнением стратегии бизнес-совершенствования.

Следовательно, для целесообразного контроля за функционированием предприятия руководящему аппарату в настоящих обстоятельствах требуется знать источник потенциальных угроз и вероятные от них последствия. Мониторинг процесса устойчивости может быть обеспечен при применении специального комплекса диагностического инструментария (рисунок 2).

В экономических исследованиях диагностика трактуется в качестве специфического аналитического подвида, осуществляемого относительно обрабатываемых у предприятия проблем финансового характера.

Можно полагать, что в совокупном смысле диагностика оценивается в качестве инструментального метода для извлечения доподлинной информации о действительных возможностях предприятия на всех его этапах преобразований. Она выступает рычагом для установления причин трансформации состояния субъекта предпринимательства на базе осуществляемых исследований. Рациональная и уместная диагностика – это предпосылка для того, чтобы предприятию была предоставлена экономическая безопасность.

Рисунок 1 – Комплекс факторов влияющих на обеспечение экономической безопасности предприятия

Рисунок 2 – Диагностика как инструмент управления экономической безопасностью предприятия

Рисунок 3 – Последовательность задач для результативности диагностического комплекса экономической безопасности

Рисунок 4 – Принципиальные положения многоконтурной модели диагностики

Диагностические приемы, в от- | ношении экономической безопасности

субъекта предпринимательства, выражаются как системная цельная методология изучения критериев процессов бизнеса. Первостепенная миссия диагностики – это и установление, оценка параметров многоаспектного производства, и аналитические операции относительно отклонений показателей в связи с внешней и внутренней динамикой. Сравнение извлеченных данных с нормативами дает возможность выявить безопасное направление функционирования.

Требуется отметить, что одна из диагностических задач основывается на установлении идентичности и нарушении процессуальных диспропорций операций предпринимательства. Диагностика дает возможность определить причины и следствие в некорректном функционировании менеджмента бизнеса, затем выстроить аргументированную перспективную модель его совершенствования и «жизнедеятельности» [4].

Выработка результативного диагностического комплекса экономической безопасности вызвана необходимостью последовательного решения задач, и представлена на рисунке 3.

Одновременно с тем диагностика выступает специфическим процессом, обуславливающим комплекс логических действий, индуктивных и дедуктивных решений. Она синтезирует в себе многоуровневый анализ, наделенный исследовательски-поисковым характером и производящийся в пространственно-временном аспекте на базе принципов системности.

Использование приема системности в диагностике объясняется тем, что субъект предпринимательства в качестве объекта не может быть отделен от воздействий извне, поэтому его требуется исследовать и как обособленный элемент процессуального хода, и как ком-

понент наиболее масштабной системы [5].

Ключевой диагностический вектор – это нисходящая иерархия от аналитики параметров усложненной системы к параметрической аналитике образующих ее компонентов, а также от аналитики итогов функционирования предприятия к факториальной аналитике в отношении к производству и ресурсопотреблению, к будущим перспективам деятельности.

Построение диагностического комплекса в целях предоставления экономической безопасности предприятия имеет в основе широкий спектр разноплановых подходов, реализация которых предопределяет исполнение принципиальных положений многоконтурной модели диагностики (рисунок 4).

Приведенные ниже принципиальные положения охватывают субъект предпринимательства полно и всецело, как изнутри, так и извне. Принятие их к учету предопределяет концептуальную базу для того, чтобы была выстроена диагностическая модель, являющаяся многоконтурной [2].

Многоконтурная диагностическая модель выступает инструментом комплексного аналитического метода состояния компании и дает возможность усовершенствовать использование ресурсов при помощи продолжительной аналитической последовательности с избранием промежуточных решений по шагам. Такой подход выражается через поэтапное, многоаспектное приближение к определению предпосылок соответствующих кризисных ситуаций и их особенностей [2].

Рекомендуемая модель предопределяет реализацию ряда диагностических этапов, сущность которых схематично представлена на рисунке 5.

Рисунок 5 – Диагностические этапы многоконтурной модели

Многоконтурная диагностическая модель – это основанная на рефлексивной технологии, сопутствующая решениям управляющего аппарата на всех этапах прогрессирования угроз, включая момент, когда установление таковых признаков временно невозможно либо является трудным.

Диагностические цели и собственно сущность аналитических операций устанавливается спецификой бизнеса и особенностями избранного аналитического вида (перспективный, операционный, ориентированный на проблемные участки и др.).

Итак, можно утверждать, что практическая реализация диагностической многоконтурной модели дает возможность нарастить показатели экономической безопасности компании по-

средством своевременной реакции на угрозы изнутри и извне хозяйствования; отобрать результативные альтернативы решения вопроса к обеспечению высочайшей экономической безопасности при всевозможных комбинациях компонентов; выстроить комплекс контроля за эффективностью функционирования предприятия на базе отдельного инструментария и исполнения комплекса мер по его константному развитию.

Исследованная модель позволяет увеличить результативность ресурсоиспользования компании, точность и правдивость определения состояний операций бизнеса в пределах исполнения сформированной стратегии по совершенствованию, и, кроме того, спрогнозировать положение экономической безопасности субъекта предпринимательства.

Литература

1. Банк С.В. Экономическая безопасность Российской Федерации на современном этапе // Вопросы региональной экономики. 2018. № 1 (34). С. 10-16.
2. Гаврилов П.В., Щербакова Н.Ф. Использование методов экономического анализа в диагностике финансовой несостоятельности // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 13. С. 412-416.
3. Кошкина И.А., Мубаракшина Э.Р. Методологический подход к проведению диагностики экономической безопасности промышленного комплекса // Современные исследования социальных проблем:

- электрон. журн. 2012. № 8 (16) [Электронный ресурс]. URL: <http://ej.soc-journal.ru/archive/2012/8/> (дата обращения: 06.04.2020).
4. Локтионова Ю.А. Идентификация состояния экономической безопасности предприятия методами диагностики // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 4 (050). С. 88-94.
 5. Плужников В.Г., Кухаренко С.И., Шикина С.А. Диагностика как инструмент обеспечения экономической безопасности предприятия // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2017. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-kak-instrument-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-predpriyatiya> (дата обращения: 06.04.2020).

УДК 330.3

Риски и угрозы экономической безопасности малого бизнеса

С.В. Банк, профессор кафедры экономики,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет», г. Королев, Московская область

В современной практике малого бизнеса риски и угрозы оцениваются в качестве критериев изнутри и извне среды предпринимательства, которые могут оказать воздействие на сложившийся баланс хозяйствования либо даже разрушить, что знаменует утрату для бизнеса и возникновение опасности, которая в экономической жизни отражается утратой большей доли активов, уходе с рыночной позиции и даже банкротстве.

Экономическая безопасность, малый бизнес, риски и угрозы, нарушение экономической безопасности, предпринимательские риски, угрозы деятельности.

Risks and threats to the economic security of small businesses

S.V. Bank, Professor, Department of Economics,
State Educational Institution of Higher Education
Moscow Region «University of technology», Korolev, Moscow region

In modern practice of small business, risks and threats are assessed as criteria from inside and outside the business environment, which can affect the current balance of management or even destroy it, which marks a loss for business and the emergence of danger, which in economic life is reflected in the loss of a larger share of assets, care from a market position and even bankruptcy.

Economic security, small business, risks and threats, violation of economic security, business risks, threats to activity.

Современные экономические информационные источники при классификации терминологии такой категории, как экономическая безопасность в области малого бизнеса, сводятся к трем основным направлениям (рисунок 1).

Рисунок 1 – Основные направления категории экономической безопасности в отношении малого предпринимательства

Несмотря на существенные различия, единым и основополагающим для всех приведенных векторов выступает выделение двух ключевых аспектов экономической безопасности – совершенствование и стабильность. Безусловно, если малый бизнес «стоит на месте», то колоссально сокращается его устойчивость к тому, чтобы существовать в условиях рынка и уметь конкурировать, возможности к борьбе с угрозами, а также адаптации к динамическим обстоятельствам. Стабильности же присущи устойчивость и надежность по отдельности и в купе компонентов бизнеса, вероятность образования риска и способы борьбы с ним [2].

Общеустановлено, что функционирование всякого хозяйствующего субъекта – это прогрессивные преобразования, процессуальные изменения, слаженная последовательность процедур, нацеленные на то, чтобы экономические интересы компании были претворены.

При сказанном, чем устойчивее и организованнее такое совершенствование, тем масштабы реализации заданного результата обширнее, а собственно сроки – минимизированы.

В данном ключе, экономическая безопасность малого бизнеса – это устойчивое к динамике положение, при котором в текущий временной момент риски и угрозы не несут опасности [1].

Но приведенное состояние не синонимично покою, это преимущественно динамический баланс функционирования в качестве единого комплекса, при котором имеются две грани экономической безопасности – нижняя и верхняя.

К спектру факториальных угроз «извне» для экономической безопасности малого предпринимательства, возникающими в различной удаленности от его хозяйственных рамок, причисляются следующие, приведенные ниже на рисунке 2.

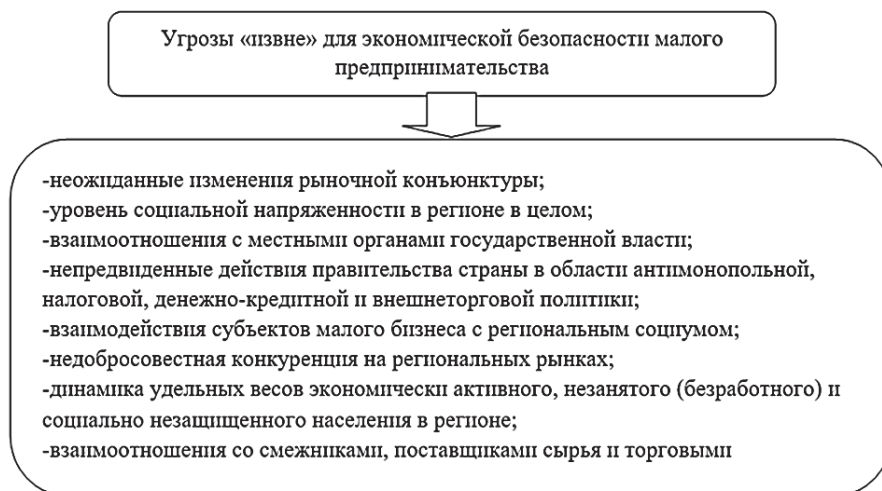

Рисунок 2 – Угрозы «извне» для экономической безопасности малого предпринимательства

Действие приведенных угроз требует от малого бизнеса выделения конкретных ресурсов на защиту, что, хотя и приводит к ущербу, но не допускает столкновения с низшим уровнем экономической безопасности. С данной

точки зрения экономическую безопасность малых форм хозяйствования можно оценивать в качестве обстоятельства защищенности [1].

К перечню факториальных угроз «изнутри» для экономической безопас-

ности малого предпринимательства, которые воздействуют в различной мере на особенности и черты его хозяйствования,

относятся следующие, представленные на рисунке 3.

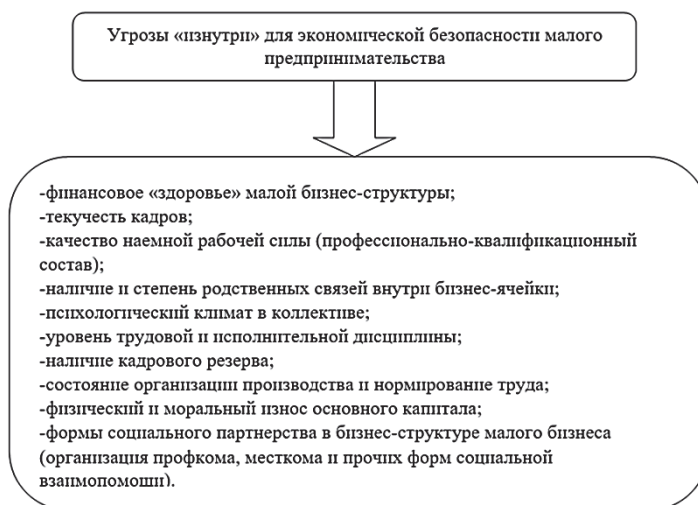

Рисунок 3 – Угрозы «изнутри» для экономической безопасности малого предпринимательства

В данной ситуации даже при выявлении благоприятных обстоятельств и отсутствии действительно острых угроз степень экономической безопасности функционирования малого предпринимательства постепенно сводится к нулю, и от руководящего аппарата будет необходимым шаг по комплексной модернизации бизнес-структуры в совокупности при помощи выработки и исполнения ряда мероприятий для того, чтобы текущая ситуация стабилизировалась. Это предоставляет возможность для сбалансированности внутри бизнеса всех видов ресурсов в качестве вида выражения экономической безопасности [3].

Требуется выделить, что образование и последствия угроз и, как следствие, появление ущерба, выступают неизбежными при ведении бизнес-операций. Но с воззрения именно экономической безопасности актуальны их размерность и область распространения.

В связи с этим, угрозы и риски подлежат ранжированию по их размеру и уровню существенности. С точки зрения

экономики целесообразно особо выделять такие угрозы, влекущие за собой наибольший ущерб, приближая структуру предпринимательства к критерию безопасности. Конечно, имеется вероятность, что по прошествии времени угроза незначительного размера способна разрастись в глобальную с огромными потерями для хозяйствования. Потому иногда выгодно сделать так, что действие угрозы реализовалось незамедлительно с наименьшим ущербом и большей экономической безопасностью, чем вероятные последствия в перспективе [3].

Среди ранжирования бизнес-угроз по размеру, в экономических трудах есть и иная их систематизация (рисунок 4).

Преимуществом приведенной систематизации можно считать нацеленность на понимание источника образования угрозы, и как следствие, результативность в процессе преодоления угрозы.

Рисунок 4 – Систематизация угроз малого предпринимательства

Поскольку числовая оценка для стоящей опасности и ее выражение в пределах «нормы» не может выступать абсолютным параметром экономической безопасности, то целесообразно представить цельную трактовку опасности, которая синтезировала бы установление отрицательных обстоятельств, более того, и ситуаций, при которых исследуемая безопасность вероятно трансформироваться в, собственно, опасность [1].

Значимость приведенной категорией обуславливается тем, что соответствующие показатели экономической безопасности могут быть достигнутыми в ходе контроля за ней и аспектами хозяйствования в комплексе.

Контроль за течением процессов в малом сегменте предпринимательства производится, базируясь на проработанной стратегии, что знаменует наличие качественно-количественных параметров, освещающих цели, заданные стратегией бизнеса. При сказанном обоснованным будет постановление экономической безопасности для малого бизнеса в качестве такого положения, при котором главнейшие оценочные параметры в области функционирования предельно

приближены к обусловленным стратегией [1].

Для реального удержания того или иного положения экономической безопасности в малых формах требуется следовать положениям, заданным стратегией, обеспечивающей надлежащую степень и наращивание социально-экономических возможностей, константное развитие и подготовку к потенциальной отрицательной динамике в малом бизнес-сегменте.

Оценка того, какова текущая степень экономической безопасности, иными словами, параметра отклонения выражения стратегических критериев, непосредственно зависима от знаний, понимания руководящего аппарата изменения ситуации в перспективе, когда названное отклонение уже имеет место.

Возможностям действия угрозы для бизнеса, ее трансформации из потенциальной в действующую характеристику предоставляет категория «риски предпринимательства».

Применительно к малому бизнесу они выступают как хозяйственные и социальные, при этом они крайне ему присущи, так как сущность малого предпринимательства полностью базируется

на устоявшихся законах рынка с характерными неопределенностью, динамикой, массовостью. Потому, как бы экономически ни вел себя субъект предпринимательства, риски имеют место всегда [3].

В связи с этим, нет возможности всецело достичь экономической безопасности хозяйствования. Задача малого бизнеса – это сведение к минимуму рисков, гарантируя этим стабильную динамику преобразования собственных структур бизнеса, практически ликвидируя вероятность «потрясений».

Важно указать, что у большого бизнеса со значительной кадровой численностью одна из характеристик заключается в том, что вероятность образования рисков намного меньше, чем у малого предпринимательства, активность на рынке которых и сопряжена именно с доминированием ситуаций с существенным риском. Для такого бизнеса присущи решения и операции, нацеленные на то, чтобы риск был сведен к минимуму [2].

Одновременно с тем, риск, затрагивающий функционирование малого предпринимательства, может обусловить убытки, которые выражаются неспособностью стейкхолдеров изнутри/извне к исполнению тех или иных обязательств. Как результат, собственно вопрос предоставления экономической безопасности и контроля за ней в большей мере относится именно к малому бизнесу.

Стратегические положения, сопряженные со спектром и иных рыночных участников, малых предпринимательств трактуются нацелено для конкретных определенных условий либо для потенциально разворачивающихся обстоятельств. Итог таких стратегий – продуманное, планированное, просчитанное выражение стратегических параметров совершенствования и возможных отклонений.

Превышение параметра в рамках нормы отклонений может свидетельствовать о приросте потенциальной прибыли, одновременно с тем оцениваться лицом, принимающим решение, в качестве сопряженного с недопустимым риском [3].

Учет издержек на операции по страхованию, с одной точки зрения, и оценки вероятного ущерба при «фиаско», с иной точки зрения, способен породить значительные изменения в отношении малого бизнеса к уровню риска искомого решения.

Итак, сущность системы допустимого риска базируется на двух практически доказанных положениях:

I. Невозможно сделать так, чтобы риск исчез всецело.

II. Всегда имеется вероятность определить операции по минимизации последствий, предоставляющие оптимальную для конкретного бизнеса степень риска.

Система допустимого риска направляет малый бизнес на корректное отношение в области рисков, предопределяет выработку значимых практических рекомендаций для деловой активности. Существенность таковых рекомендаций обуславливается положениями, схематично отраженными на рисунке 5.

Причины риска (исполнения либо наступления) – это такие операции/решения, как субъективного, так и объективного характера, которые имеют следствием отрицательное течение событий, нежелательное для исполнения определенного стратегии. Специфическими импульсами относительно риска и решений в пределах стратегии выступают такие предпосылки, которые увеличивают возможность либо действительность наступления обстоятельств, которые впоследствии могут крайне негативно сказаться на «жизни» бизнеса.

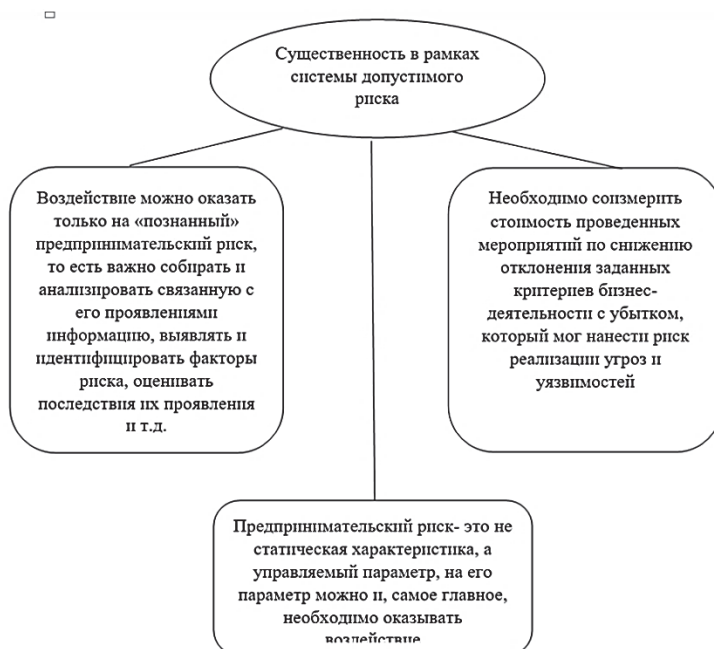

Рисунок 5 – Положения существенности в рамках системы допустимого риска

В целях того, чтобы оценивать существенность конкретного риска, он должен быть представлен в таких параметрах, которые можно сопоставить. В случае, если риски бизнеса можно исчислить и по масштабу потенциальных убытков, и степени наступления, то контроль за подобными рисками наиболее результативен при применении элементов страхования [3].

В теоретико-методической практике малого бизнеса на сегодняшний день есть три основополагающих приема по контролю за рисками предпринимательства:

- I. Поглощение, присущее для малых рисков либо при невозможности применения иных приемов.
- II. Уклонение, применяемое в мобильных комплексах.
- III. Обособление и передача [1].

Укажем, что ни один из приемов доподлинно не гарантирует отсутствие риска в перспективе, ведь некая его доля

так и остается в «личном пользовании» субъекта предпринимательства. В практической жизни малого бизнеса традиционно используют синтез всех методических приемов в соответствующих, оптимальных пропорциях в зависимости от конкретного бизнес-направления и функционирования, а также вероятных опасностей.

Итак, разработка малыми предприятиями стратегии системного характера первостепенно нацелена именно на то, чтобы была достигнута экономическая безопасность. Одновременно с этим, определенный выбор решений в рамках стратегии риск образуется тогда, когда имеется альтернативный перечень (посредством преобразования в бизнесе). Следовательно, можно говорить о том, что риск в пределах конкретного решения стратегического назначения – это претворение в реальность такого варианта, который является нежелательным.

Литература

1. Адамов Н.А., Морозова А.К., Морозов А.Ю., Хмелев С.А. Конкурентные преимущества как фактор обеспечения экономической безопасности потребительской кооперации // Russian Journal of Management. 2019. Т. 7. № 3. С. 61-65.
2. Бурцев Ю.А. Экономическая безопасность малого предпринимательства в России // Мир новой экономики. 2016. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-bezopasnost-malogo-predprinimatelstva-v-rossii> (дата обращения: 06.04.2020).
3. Громова О.Н. Виктимологическая деятельность как составляющая профессионально-правовой деятельности специалистов по обеспечению экономической безопасности субъектов малого и среднего бизнеса // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 3 (52). С. 34-38.
4. Симонов С.Г., Хаматханова М.А., Сафонов Д.А. Экономическая безопасность малого бизнеса: системный подход // Фундаментальные исследования. 2016. № 1-1. С. 198-202 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=39817> (дата обращения: 06.04.2020).

УДК 338.24

**Особенности развития малого предпринимательства в наукограде:
инновационный аспект**

В.Е. Барковская, преподаватель кафедры управления,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет», г. Королев, Московская область

Статья посвящена анализу малого предпринимательства в наукограде Королёв, в частности выделены основные особенности его развития. Среди представителей малого бизнеса автором исследования проведен опрос с целью выявления проблем в развитии данной отрасли. По результатам опроса сформулированы предложения по развитию малого предпринимательства в наукограде Королёв в рамках инновационного аспекта.

Инновации, инновационная деятельность, малое предпринимательство, развитие.

**Features of the development of small entrepreneurship in the science city:
innovative aspect**

V.E. Barkovskaya, the teacher of the department of management,
State Educational Institution of Higher Education
Moscow Region «University of technology», Korolev, Moscow region

The article is devoted to the analysis of small business in the science city of Korolev, in particular, the main features of its development are highlighted. Among small business representatives, the author of the study conducted a survey to identify problems in the development of this industry. According to the results of the survey, proposals were formulated for the development of small business in the science city of Korolev in the framework of the innovative aspect.

Innovation, innovation activity, small business, development.

В условиях современной экономики и возрастающей рыночной конкуренции, особое значение приобретает развитие малого предпринимательства, которое способно улучшить экономические показатели страны, повысить качество жизни, создать новые рабочие места

и пр. [2, с. 224].

Малое предпринимательство наукограда Королёв является центральной точкой регионального развития данной сферы. Количество малых предприятий в наукограде характеризуется устойчивой динамикой роста (табл. 1).

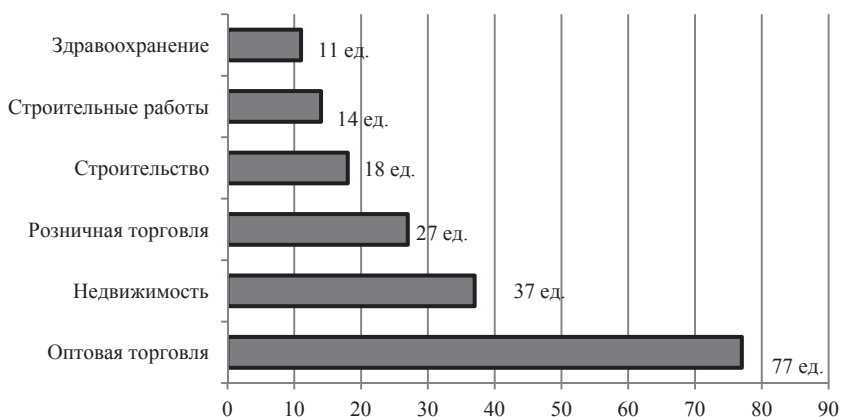
Таблица 1 – Количество малых предприятий, функционирующих в наукограде Королёв

Год	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Количество малых предприятий, ед.	249	282	312	326	349

Источник: [6]

Отраслевая структура малого предпринимательства выглядит следую-

щим образом (рис. 1):

Источник: [6]

Рисунок 1 – Структура малого предпринимательства наукограда Королёв по видам экономической деятельности за 2019 год

Наибольшая концентрация малого бизнеса сосредоточена в области оптовой (77 единиц) и розничной (27 единиц) торговли и недвижимости (37 единиц). Другие сферы экономической деятельности малого бизнеса, не отражены на рисунке, так как представлены лишь в единичных количествах.

С целью выявления особенностей инновационного развития малого предпринимательства наукограда Королёв, автором исследования был проведен онлайн-опрос для представителей субъектов малого бизнеса, среди которых 42,7% респондентов считают, что условия для инновационного развития их предприятия скорее имеют неблагоприятный характер. На вопрос о значимости государственной поддержки малого бизнеса, 54,3% респондентов ответили, что она является одним из главных инструментов инновационного развития данной отрасли. В частности, респонденты отмечают следующие меры поддержки:

1. Частичное предоставление субсидий малым предприятиям на расходы различного характера (57,2%).

Действительно, Администрацией наукограда Королёв, в 2019 году малым предприятиям выделено более 750 тыс. рублей на аренду помещений и участие в

ярмарках и выставках. Фондом поддержки выступил «Королёвский муниципальный фонд поддержки малого предпринимательства» [5].

2. Поддержка на базе инновационного проекта «Сколково» (60,1%).

Малые предприятия наукограда Королёв, участвующие в проекте «Сколково», обладают следующими налоговыми льготами:

- в течение 10 лет страховой взнос составляет 14%, если годовая выручка превышает 1 млрд. руб.;

- освобождение от уплаты налога на прибыль на 10 лет, если годовая выручка не превышает 1 млрд. руб.;

- освобождение от уплаты имущественного налога, если годовая выручка превышает 1 млрд. руб.;

- освобождение от НДС на 10 лет, если годовая выручка превышает 1 млрд. руб. [4].

3. Антикризисные меры для малого бизнеса (55,2%).

Следует отметить освобождение от плановых проверок на три года с момента государственной регистрации малого предприятия. Освобождение от проверок действовало с 1 января 2016 года по 31 декабря 2018 года. После чего,

Президентом РФ решено продлить надзорные каникулы еще на два года. Эта мера, вне всякого сомнения, укрепила позиции малого предпринимательства.

4. Создание и функционирование инфраструктурных учреждений для малого предпринимательства (61%). К таким учреждениям относятся Центр оказания услуг «Мой бизнес», «Королёвский муниципальный фонд поддержки малого предпринимательства», **Торгово-промышленная палата наукограда Королёв и пр.**

Тем не менее, представители малого предпринимательства выделяют следующие проблемы при осуществлении инновационной деятельности:

- сложности с финансированием НИОКР – 47,5% респондентов;
- продвижение инновационных товаров или услуг – 45,2% респондентов;
- высокая конкуренция – 44% респондентов.

Однако, помимо вышеперечисленных, автором в процессе исследования, выделены общие проблемы развития малого предпринимательства наукограда Королёв:

1) малодоступность финансовых ресурсов, при которой начинающий предприниматель сталкивается с трудностью получить кредит в целях инновационного развития своего предприятия;

2) налоговая нагрузка, включающая в себя повышенные страховые взносы и НДС;

3) отсутствие профессиональных навыков ведения бизнеса, составления бизнес-плана, боязнь обращения к консалтинговым услугам, вследствие чего, ставится под сомнение эффективное функционирование предприятия.

В результате анализа состояния малого предпринимательства наукограда Королёв, автором предложены следующие направления его развития (рис. 2).

1. Повышение профессиональных качеств кадрового состава занятого в малом бизнесе.

В рамках предлагаемого направления необходимо повышать квалификацию в области инновационной деятельности руководителей, менеджеров и состоявшихся сотрудников малых предприятий. Для этого государству следует создать налоговые преференции на осуществление расходов на повышение уровня компетенций кадров [3, с. 21].

2. Совершенствование налоговой поддержки в сфере малого предпринимательства.

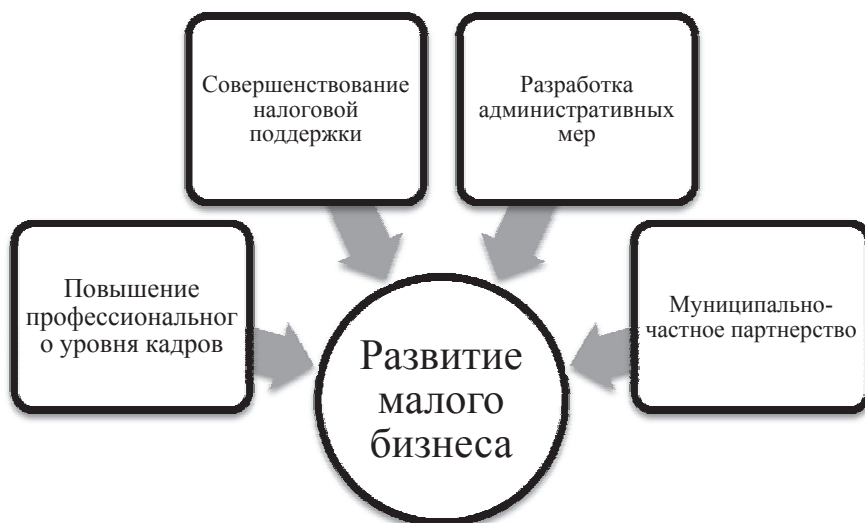
3. На базе муниципалитета необходима организация «Центра налоговой поддержки малого предпринимательства», который будет осуществлять поддержку в области налогового законодательства представителям малого бизнеса, осуществляющих инновационную деятельность, защищать их интересы, оказывать помощь в оформлении налоговых и бухгалтерских отчетностей, проводить мониторинг для предложений по совершенствованию налогообложения.

4. Разработка административных мер на уровне наукограда, а именно:

- организация содействия по заключению контрактов малых предприятий с корпорациями наукограда, образовательными организациями, кванториумом для использования научно-исследовательских ресурсов, производственных мощностей, лабораторий, оборудования, научных кадров в целях осуществления инновационных проектов, в том числе и совместных;

- создание дополнительных финансово-кредитных источников для предоставления субсидий малым предприятиям на проведение НИОКР [1, с. 31];

- формирование механизма поощрения малого предпринимательства на основе конкурса «Лучшее малое инновационное предприятие» или «Лучший инновационный проект», в рамках которого необходима выработка критериев конкурсного отбора. Размер поощрения должен формироваться исходя из средств муниципального бюджета.

Источник: разработано автором

Рисунок 2 – Направления развития малого предпринимательства в наукограде Королёв

5. Создание механизма муниципально-частного партнерства.

Выработка такого механизма позволит сформировать следующие возможности для развития малого предпринимательства:

- заключение контракта о сотрудничестве между муниципальными учреждениями и малыми предприятиями;
- заключение лизингового договора на аренду инновационного оборудования для проведения НИОКР;
- реализация совместных инновационных проектов;

- создание Совета малых предприятий и корпораций наукограда в целях участия в разработке региональных программ инновационного развития малого бизнеса.

В целом можно констатировать, что государство, совместно с местными властями, в настоящее время предпринимают определенные меры по активизации малого бизнеса в наукоградах. Однако этих мер явно недостаточно. Реализация предложений автора позволят улучшить инновационную активность малого предпринимательства в наукоградах.

Литература

1. Горфинкель В.Я., Земляк С.В., Маркова О.М. и др. Малое предпринимательство: организация, управление, экономика: учебное пособие // М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М. 2019. 89с.
2. Демцура С.С. Малое предпринимательство: роль и проблемы развития // Новая наука: Современное состояние и пути развития. 2019. № 9. С. 223-225.
3. Негорожина А.С. Малое предпринимательство как важный структурный элемент региональной экономики // Политика, экономика и социальная сфера: проблемы взаимодействия. 2017. № 3. С. 19-22.
4. Бизнес, технологии, идеи, модели роста, стартапы [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/> (дата обращения 09.03.2020).
5. Официальный сайт Администрации г.о. Королёв [Электронный ресурс]. URL: <http://www.korolev.ru/> (дата обращения 09.03.2020).
6. Официальный сайт ФНС [Электронный ресурс]. URL: <https://ofd.nalog.ru/search.html?mode=extended#pnlSearchResult> (дата обращения: 09.03.2020).

УДК 657.6.012.16

Заключение оценочно-стоимостной экспертизы с позиций оценщика и эксперта. Предпосылки разработки инновационного проекта управления рисками и контроля за производством оценочно-стоимостной экспертизы

Т.Ю. Демина, аспирант третьего года обучения кафедры экономики,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет», г. Королев, Московская область,
заместитель руководителя ООО «РеестрСервис-Консалтинг», г. Москва

Учитывая опыт автора, накопленный в результате рецензирования оценочно-стоимостных экспертиз, проведенных как квалифицированными оценщиками, так и действующими экспертами, предложены следующие спорные вопросы для рассмотрения:

- *Рассматриваем оценку рыночной стоимости актива в рамках уголовного судопроизводства;*
- *Оцениваем применимость результата оценки в уголовном судебном производстве;*
- *Аккумулируем опыт оценщика в экспертной деятельности;*
- *Аккумулируем опыт судебных экспертов в оценке.*

На основании анализа спорных вопросов, обоснованы предпосылки разработки инновационного проекта управления рисками и контроля за производством оценочно-стоимостной экспертизы. Предложенный проект управления сможет реализовать принцип эффективности, конкурентоспособности и перспективности данного направления.

Оценка рыночной стоимости актива в рамках арбитражного, гражданского и уголовного судопроизводства, Опыт оценщика в экспертной деятельности, Опыт судебных экспертов в оценке, Проектное управление.

Conclusion of evaluated value examination with the positions of an estimator and expert. Background of the development of an innovative risk management project and monitoring of the evaluation of value-expert examination

T.Y. Demina, third-year graduate student of the Department of Economics,
State Educational Institution of Higher Education
Moscow Region «University of technology», Korolev, Moscow region,
Deputy Head of LLC «ReestrService-Consulting», Moscow

Taking into account the author's experience gained as a result of the review of appraisal and cost assessments conducted by both qualified appraisers and current experts, the following controversial issues are proposed for consideration:

- *We consider the assessment of market value in the framework of criminal proceedings;*
- *Evaluate the applicability of the result of the assessment in criminal proceedings;*
- *We accumulate the experience of the appraiser in expert activities;*
- *We accumulate the experience of forensic experts in the assessment.*

Based on the analysis of controversial issues, the prerequisites for the development of an innovative project for risk management and control over the production of cost-based expertise are substantiated. The proposed management project will be able to implement the principle of efficiency, competitiveness and prospects of this area.

Assessment of market value in criminal proceedings, the experience of the appraiser in expert activities, the experience of forensic experts in the assessment, Project management.

Итак, возникает необходимость оценить стоимость актива в целях определения ущерба, признания сделки мнимой и т.д.

На чаше весов появляется выбор между Оценочной экспертизой и Отче-

том оценщика.

Несмотря на преследуемую единую цель исследований, это кардинально разные действия.

Рассмотрим различия между ними, применимость каждой и основные

ошибки при попытке оценщика выступить в качестве эксперта и наоборот.

Главное различие – это регламентирующие федеральные законы:

- экспертная деятельность регламентируется Федеральным законом от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а также арбитражным, гражданским и уголовным процессуальным законодательством,
- а оценочная деятельность регламентируется Федеральным законом от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».

При этом прослеживаются недостатки в нормативной базе по оценочной экспертизе, а именно:

- отсутствует нормативная база, четко закрепляющая за субъектом звание «судебный эксперт оценщик» и «кон-

тролирующий/аттестующий орган» по направлению оценки,

- нет выделения оценки как «класса экспертиз» с четким подразделением на рода, определяющие компетенцию эксперта (бизнес, ценные бумаги, недвижимое имущество, транспорт, товары, нематериальные активы и т.д.),
- отсутствует аттестация экспертов по специальности, публикуемый реестр экспертов, единые методики.

На рынке представления услуг «оценки» каждый тянет одеяло на себя. Итак, оценщики, работающие по Федеральному закону № 135-ФЗ присвоили к своему званию «оценщик» еще и звание «судебный эксперт». Хотя работа судебного эксперта регламентирована другим федеральным законом № 73-ФЗ, о чем часто забывают такие оценщики.

На рисунке 1 наглядно представлены варианты проведения расчетов рыночной стоимости актива в рамках судопроизводства.

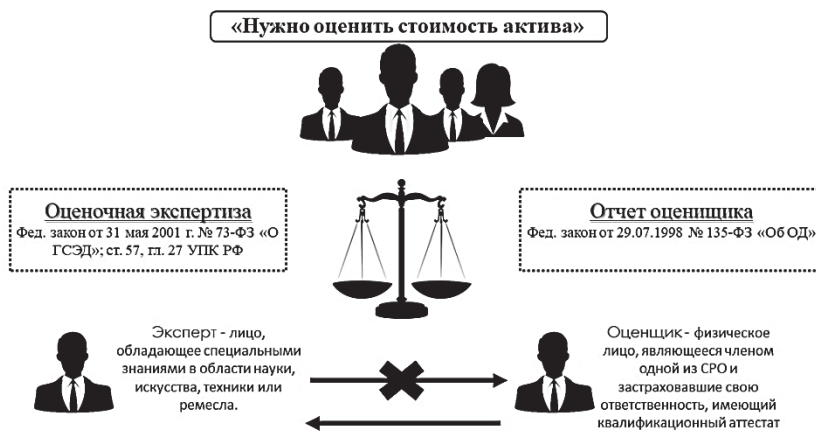

Рисунок 1 – Варианты проведения расчета рыночной стоимости актива в рамках судопроизводства

Определимся с понятиями «эксперт» и «оценщик».

В ст. 4 Федерального закона № 135-ФЗ четко регламентирован закрытый список обязательных требований к понятию «оценщик». Оценщиком может называться исключительно физическое

лицо, имеющее квалификационный аттестат, застраховавшее свою ответственность и являющееся членом одной из саморегулируемых организаций.

Понятие «эксперт», в отличие от четких требований к «оценщику», имеет довольно размытую структуру. Экспер-

том может быть любое лицо, обладающее специальными знаниями в области науки, искусства, техники или ремесла, и назначенное в порядке, установленном законом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения (ст. 57 УПК РФ, Федеральный закон 73-ФЗ).

Эксперт не может подготовить Отчет оценщика, так как эксперт является лицом, не подпадающим под критерии субъекта профессиональной оценочной деятельности (не является членом одной

из саморегулируемых организаций и не застраховавший свою ответственность, не имеет квалификационного аттестата). Эксперт готовит Заключение эксперта.

Оценщик формально может подготовить Заключение эксперта с условием четкого соблюдения Федерального закона № 73-ФЗ и УПК РФ.

В таблице 1 представлен анализ требований к категории оценщиков и экспертов-оценщиков.

Таблица 1 – Сравнительный обзор требований к оценщикам и экспертам-оценщикам

№	Требования	Примеры требований	Оценщик	Эксперт-оценщик
1	Специальные знания (образование в области оценки)	Ст.21 ФЗ №135-ФЗ образование оценщиков осуществляется по образовательным программам высшего образования, дополнительным профессиональным программам	+	+
2	Единый государственный реестр специалистов	В Росреестре содержатся Сведения из единого государственного реестра саморегулируемых организаций оценщиков	+	—
3	Квалификационный экзамен	Ст. 21.1. ФЗ №135-ФЗ установлен квалификационный экзамен в области оценочной деятельности *Установление требования для эксперта исключительно внутренними приказами экспертных учреждений		—*
4	Квалификационный аттестат	Ст. 21.2. ФЗ №135-ФЗ установлен квалификационный аттестат оценщика. *Установление требования для эксперта исключительно внутренними приказами экспертных учреждений	+	—*
5	Опыт работы	Ст. 21.2. ФЗ №135-ФЗ для получения квалификационного аттестата оценщика установлено условие наличия стажа (опыт) работы, связанной с осуществлением оценочной деятельности, не менее трех лет. *Установление требования для эксперта исключительно внутренними приказами экспертных учреждений	+	—*
6	Участие в СРО	Ст. 23 ФЗ №135-ФЗ установлено обязательное участие оценщика в СРО	+	—
7	Страхование ответственности специалиста	Ст. 24.7 ФЗ №135-ФЗ установлено обязательное страхование ответственности оценщика при осуществлении оценочной деятельности	+	—

Однако есть немаловажный нюанс – Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 28 от 21.12.2010 дает

разъяснения, где производится судебная экспертиза, а именно: субъектами проведения судебной экспертизы могут быть

как государственные судебные экспертами, так и иные эксперты из числа лиц, обладающих специальными знаниями (ч. 2 ст. 195 [2]). Государственные судебно-экспертные учреждения предусмотрены ст. 11 Федерального закона № 73-ФЗ. Государственная судебно-экспертная деятельность в России организована в восьми ведомствах:

- 1) Министерстве юстиции Российской Федерации,
- 2) Министерстве внутренних дел Российской Федерации,
- 3) Министерстве здравоохранения Российской Федерации,
- 4) Федеральной службе безопасности Российской Федерации,
- 5) Федеральной таможенной службе Российской Федерации,
- 6) Министерстве обороны Российской Федерации,
- 7) Министерстве чрезвычайных ситуаций Российской Федерации,

- 8) Следственном комитете Российской Федерации.

Каждая из указанных государственных судебно-экспертных систем осуществляет свою деятельность в соответствии с установленным профилем. К негосударственным судебно-экспертным учреждениям относятся некоммерческие организации, созданные в соответствии с Гражданским кодексом РФ и Федеральным законом от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». Установлены следующие формы правовой организации некоммерческих организаций: автономные некоммерческие организации, некоммерческие партнерства, а также частные учреждения.

Рассмотрим применимость результата оценки в уголовном судебном производстве (для наглядности представлено схематично на рисунке 2):

Рисунок 2 – Преимущества и недостатки представления в судопроизводстве заключения оценочно-стоимостной экспертизы и отчета оценщика

1. Преимущества заключения экспертизы:

- юридически является доказательством в суде, преимущественно судьи все равно назначают экспертизу;
- четкая итоговая сумма по результатам оценки,

- уголовная ответственность за дачу заведомо ложного заключения;
- цель оценки – решение задачи с учетом особенностей производства оценочной экспертизы в рамках расследования экономических преступлений. Оценка носит до-

вольно субъективный характер в зависимости от подхода, выбранного оценщиком к оценке объекта исследования. По данной причине необходимо определить основополагающий критерий при выборе подхода и, как следствие, методической базы – цель оценки.

В арбитражном, гражданском и уголовном судопроизводстве оценка должна учитывать неизменность использования объекта (цели, место, эффективность) и не предполагает возможную продажу на свободном, открытом и конкурентном рынке при реальном сроке экспозиции, то есть максимально приближена по целям оценки к обязательной оценке.

2. Риск использования заключения эксперта:

- мнение, что при подготовке заключения эксперта обязательно применение Федерального закона № 135 и всех Федеральных стандартов оценки (ФСО) в полном объеме. При этом, как правило, данное заявление подкрепляется ссылкой на ст. 3 Федерального закона № 73-ФЗ и Письмом Минэкономразвития РФ от 19.07.2010 № Д06-2301 [7].

Дело в том, что в ст.3 Федерального закона № 73-ФЗ чётко прописывается, что правовой основой судебно-экспертной деятельности являются федеральный закон и другие нормативные правовые акты, регулирующие организацию и производство судебной экспертизы. Таким образом, Федеральный закон

№ 135 и Федеральные стандарты оценки (ФСО), регулирующие не судебно-экспертную деятельность, а оценочную деятельность, не являются обязательным для применения в полном объёме при подготовке заключения эксперта.

Что же касается Письма Минэкономразвития РФ от 19.07.2010 № Д06-2301 [7] необходимо чётко обращать внимание суда и сторон, что это только «рекомендация» и «частное мнение» организации (о чём авторы письма сами указывают в преамбуле и окончательном абзаце), которая не осуществляет регулирование судебно-экспертной деятельности в РФ.

3. Преимущества отчета оценщика:

- мнение судей об исключительной правомочности в сфере оценки оценщиков, действующих в рамках Федерального закона № 135-ФЗ.

4. Риск использования отчета оценщика:

- контрактная основа оказания услуги (у автора есть примеры, когда со стороны обвинения и защиты были представлены отчеты по оценке рыночной стоимости дебиторской задолженности – одна оценочная организация оценила объект оценки в 50 млн. руб., другая – в 500 млн. руб.);
- организационно-правовая форма оценочной организации (ООО, АО и др.), целью которой является извлечение прибыли от деятельности,
- за дачу заведомо ложного заключения оценщик не

несет уголовной ответственности в отличие от судебного эксперта;

– вариативность выводов по разным подходам к оценке (в оценке регламентированы 3 подхода обязательные к применению оценщиком, которые дают отличные друг от друга результаты и могут иметь существенные расхождения в стоимости (более чем в 2 раза), последующее определение итоговой стоимости находится в исключительной компетенции оценщика – его субъективного мнения),

– возможный диапазон определяемой рыночной стоимости, что может привести к соблазну использования крайних значений диапазона сторонами спора в свою пользу.

Резюмируя вышеизложенное, участие оценщика в производстве экспертизы, как и применение норм законодательства оценочной деятельности остается вопросом открытым и дискуссионным в рамках нынешнего «пробела» в законодательстве, регламентирующем экспертную деятельность.

В силу отсутствия каких-либо официальных реестров экспертов, квалификационных экзаменов на подтверждение права называться экспертом и прочих регуляторов экспертной деятельности все более востребованной является практика производства рецензирования сомнительных заключений эксперта их более «именитыми» коллегами с наработанной долгой практикой безупречной репутацией.

Опыт автора в рецензировании заключений оценочно-стоимостных экспертиз, произведенных как профессиональными оценщиками, так и судебными экспертами, позволяет аккумулировать ошибки в заключениях, позволяющих

«разбить» их в суде.

Таким образом, совершенствуясь в ошибках, автор видит приоритетным вопрос о возможности разработки инновационного проекта управления рисками и контроля за производством оценочно-стоимостной экспертизы в целях приведения практики оценочной деятельности к оформлению заключения эксперта.

Задачами разработки инновационного проекта управления рисками и контроля за производством экспертизы являются:

1. Общее представление о положениях, регламентирующих экспертную деятельность, нарушение которых приводит к признанию экспертизы недопустимым доказательством по делу;

2. Представление о типичных ошибках, совершаемых при производстве экспертиз, выявление слабых сторон и угроз признания экспертизы недостоверной:

– «слабые стороны» – недостатки проекта, которые мешают в достижении стратегических целей;

– «угрозы» – негативные ошибки проекта, представляющие потенциальную опасность для признания экспертизы недопустимой и недостоверной.

3. План действий для повышения качества производства экспертиз.

В целях реализации разработки инновационного проекта управления рисками и контроля за производством экспертиз необходимо осуществить следующий алгоритм действий:

1. Выявить, классифицировать и закрепить факты, представляющие слабости и угрозы экспертизы. Из списка выявленных слабостей и угроз выделить высокорискованные и общего характера;

2. Последовательно изучить влияние каждого факта «Угрозы/Слабости», которыми необходимо заниматься в первую очередь;

3. Выявить факты «Угрозы/Слабости», носящие индивидуальный

характер, относящийся к специфике основной сферы деятельности эксперта;

4. Для большей наглядности промежуточные и итоговые результаты анализа фактов слабостей и угроз удобнее представить схематично или в табличной форме.

Пользователями системы управления рисками и контроля за производством экспертиз могут стать как авторы экспертиз, так и внешние заинтересованные лица.

Разработка инновационного проекта управления рисками и контроля за производством экспертиз может быть полезна для принятия практически любых управленческих решений.

Выводы, сделанные на основании проекта управления рисками и контроля за производством экспертиз позволяют определить основные этапы стратегического планирования проверки качества экспертной деятельности в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. // Рос. газ. 1994. 8 дек.; Собр. законодательства Рос. Федерации 1994. 5 дек. № 32. ст. 3301.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22нояб. 2001 г.: одобрен Сов. Фед. 4 дек. 2001 г. // Рос. газ. 2001. 22 дек.; Собр. законодательства Рос. Федерации 2001. 24 дек. № 52; Парл. газ. 2001. 26 дек. № 245.
3. Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».
4. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».
5. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 28 от 21.12.2010 «О судебной экспертизе по уголовным делам».
7. Письмо Минэкономразвития РФ от 19.07.2010 № Д06-2301 «Включение отчета об оценке в состав экспертного заключения, подготовленного экспертом-оценщиком по инициативе судов и следственных органов».
8. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России: Приказ Минюста России от 27.12.2012 № 237. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Федеральный стандарт оценки «Общие понятия оценки, подходы к оценке и требования к проведению оценки» (ФСО №1): Приказ Министерства экономического развития и торговли от 20.05.2015 № 297. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Федеральный стандарт оценки «Цель оценки и виды стоимости» (ФСО №2): Приказ Министерства экономического развития и торговли от 20.05.2015 № 298. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Федеральный стандарт оценки «Требования к отчету об оценке» (ФСО №3): Приказ Министерства экономического развития и торговли от 20.05.2015 № 299. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Петров В.И. Оценка стоимости предприятия (бизнеса): учебное пособие // Москва: Институт профессионального образования. 2015. 478 с.
14. Суглобов А.Е., Григорьева И.В. Современные проблемы учета и оценки нематериальных активов в бухгалтерском учете // Вопросы региональной экономики. 2010. Т. 3. № 3. С. 28-37.

УДК 330.4

Кластеризация регионов России по качеству жизни населения и уровню цифровой экономики

О.В. Деркаченко, кандидат экономических наук, начальник лаборатории, Федеральное государственное бюджетное учреждение «3 Центральный научно-исследовательский институт» Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва

Разработана методика прогнозирования качества жизни населения в зависимости от экономических показателей и степени цифровизации регионов и выделения однородных регионов по уровню индикаторов качества жизни и цифровой экономики. Построена прогнозная многофакторная модель связи индекса качества жизни населения с валовым региональным продуктом на душу населения, ожидаемой продолжительностью жизни при рождении, уровнем образования и индексом цифровой экономики. Проведена кластеризация регионов по индексам качества жизни населения и цифровой экономики, которая позволила выявить регионы с разными уровнями качества жизни и цифровизации.

Регрессионный и кластерный анализ, регионы, качество жизни, цифровая экономика.

Clustering of Regions of Russia by the quality of life of the population and the level of the digital economy

O.V. Derkachenko, Ph.D., Head of the Laboratory, Federal state budgetary institution «3 Central Research Institute» of the Ministry of Defence Russian Federation, Moscow

A method of predicting the quality of life of the population, depending on economic indicators and the degree of digitization of regions and the allocation of homogeneous regions in terms of quality of life indicators and the digital economy, has been developed. A predictive multifactorial model of the connection of the population's quality of life index with gross regional product per capita, life expectancy at birth, level of education and digital economy index has been built. Regions have been clustered on population quality indexes and the digital economy, which has revealed regions with different levels of quality of life and digitalization.

Regression and cluster analysis, regions, quality of life, digital economy.

Введение

Основной целью государства является повышение качества жизни населения. Качество жизни населения – это сложное и многогранное понятие, изучение и прогнозирование которого актуально на всех уровнях государственного устройства. На основе прогнозирования осуществляется разработка планов социально-экономического развития страны и регионов, направленных на улучшение благосостояния населения.

В настоящее время анализ и оценка качества жизни населения на уровне государств проводится на основе индекса человеческого развития, который определяется путем расчета трех составляющих: валового национального дохода на душу населения, ожидаемой

продолжительности жизни при рождении и уровня образования.

Исследование качества жизни населения на региональном уровне приобретает особую актуальность. Это вызвано тем, что многие показатели качества жизни в различных регионах значительно отличаются по своим количественным характеристикам. Отдельные социально-экономические различия регионов вызваны территориальными и климатическими условиями. Но ряд диспропорций обусловлены либо ограниченностью бюджетных возможностей, либо отсутствием методик объективной оценки качества жизни. На данном этапе существуют различные методики оценки качества жизни населения на региональном уровне, которые, в основном, бази-

руются на рейтинговой оценке индикаторов. Так, например, для оценки качества жизни населения регионов используется методика Рейтингового агентства «РИА Рейтинг». Она учитывает 72 показателя, которые объединены в 11 групп [1]. Эти группы следующие:

- уровень доходов населения;
- занятость населения и рынок труда;
- жилищные условия населения;
- безопасность проживания;
- демографическая ситуация;
- экологические и климатические условия;
- здоровье населения и уровень образования;
- обеспеченность объектами социальной инфраструктуры;
- уровень экономического развития;
- уровень развития малого бизнеса;
- освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры.

Однако ни одна из существующих методик не учитывает влияние цифровой экономики на уровень качества жизни населения. Расчеты показали, что корреляционная связь между индексами качества жизни населения и цифровой экономики по данным таблицы 1 сильная и равна 0,80. Поэтому возникает необходимость в разработке методических подходов к прогнозированию качества жизни населения с учетом цифровизации регионов и определению однородных регионов по степени этих индикаторов.

Методы и результаты

Целью исследования является разработка методики и моделей прогнозирования показателей качества жизни населения регионов с учетом индикаторов, аналогичных индексу человеческого развития, и индекса цифровой экономики, а также выделение однородных регионов по качеству жизни населения и

уровню цифровизации с использованием кластерных технологий.

Предлагаемая методика включает следующие этапы:

1. Построение и анализ регрессионной модели:

- постановка задачи. Выбор регионов с использованием генератора случайных чисел. Сбор и анализ статистической информации;
- построение многофакторной регрессионной модели связи индекса качества жизни населения с валовым региональным продуктом на душу населения, ожидаемой продолжительностью жизни при рождении, уровнем образования и индексом цифровой экономики;
- статистический анализ модели.

Оценка значимости и точности модели.

2. Кластерный анализ регионов:

- кластеризация регионов по индексам качества жизни населения и цифровой экономики с использованием метода полной связи;
- установление граничной линии и выбор числа кластеров;
- анализ кластеров и выработка предложений.

3. Разработка теоретических и практических направлений по дальнейшему исследованию взаимосвязи качества жизни населения с уровнем цифровой экономики.

Обозначения, принятые в таблице 1:

У – индекс качества жизни населения;

X_1 – валовой региональный продукт на душу населения, тыс. руб.;

X_2 – ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет;

X_3 – численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, тыс. чел.;

X_4 – индекс цифровой экономики.

Таблица 1 – Показатели качества жизни населения и цифровой экономики регионов России

Номер региона	Регион	У	X ₁	X ₂	X ₃	X ₄
C1	Красноярский край	46,15	654,5	70,61	76,9	56,11
C2	Ивановская область	44,3	182,4	71,47	26,4	42,83
C3	г. Санкт-Петербург	75,88	727,2	75,45	293,6	67,54
C4	Краснодарский край	62,89	398,4	73,42	117,4	52,77
C5	Кировская область	40,14	238,7	72,72	32,9	33,63
C6	Республика Саха	35,61	951,2	71,68	23,9	60,36
C7	Ростовская область	52,91	318,8	73,03	134,5	61,88
C8	Республика Сев. Осетия	35,51	182,5	75,51	22,9	30,15
C9	Карачаево-Черкесская Республика	25,03	160,1	75,94	10,7	27,69
C10	Свердловская область	56,8	495,1	71,23	124,9	53,27
C11	Белгородская область	64,0	506,4	73,67	49,0	64,51
C12	Тверская область	39,46	297,6	70,45	25,0	31,05
C13	Липецкая область	59,5	431,8	72,46	21,7	62,59
C14	Пензенская область	49,1	273,2	73,34	33,6	33,92
C15	Московская область	70,55	509,5	73,34	77,1	65,61
C16	Самарская область	52,81	422,0	71,73	99,9	59,22
C17	Еврейская АО	27,17	322,7	68,83	2,1	26,06

Источник: составлена автором по данным [2-4]

Факторы (X₁-X₃), влияющие на качество жизни населения регионов, выбирались по аналогии с индексами человеческого развития. Регионы определялись генератором случайных чисел с использованием 20% выборки. В таблице 1 приведена статистическая информация по регионам за 2017 год по данным работ [2-4]. На основе теоретических положений регрессионного анализа, методик и пакета прикладных программ Statistica,

приведенных в работах [5-8], построена статистическая модель связи индекса качества жизни населения с валовым региональным продуктом на душу населения, ожидаемой продолжительностью жизни при рождении, численностью студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры и индексом цифровой экономики. Значения коэффициентов и их характеристики приведены в таблице 2.

Таблица 2 – Коэффициенты модели при переменных и их характеристика

Обозначение переменных	Значения коэффициентов при переменных	Стандартная ошибка	Нижнее значение при γ=0,95	Верхнее значение при γ=0,95
X ₁	-0,02337	0,013446	-0,05267	0,005926
X ₂	0,165056	1,123079	-2,28192	2,612036
X ₃	0,07326	0,035395	-0,00386	0,150379
X ₄	0,793421	0,203184	0,350721	1,236121

Источник: составлена автором

Модель с точностью коэффициентов до 0,01 имеет вид:

$$Y = 3,26 - 0,02X_1 + 0,17X_2 + 0,07X_3 + 0,79X_4. \quad (1)$$

В результате применения регрессионного анализа получили, что коэффициент детерминации равен 0,79;

стандартная ошибка модели равна 7,77; расчетное значение критерия Фишера равно 11,15. Проверка статистической гипотезы с использованием критерия Фишера показала, что модель является значимой. Прогностические свойства модели оценивались по определению

ошибки аппроксимации для региона, не принимавшего участия в построении модели. Датчиком случайных чисел выбран Тюменская область. Подставив ее характеристики в модель (1) получим прогнозное значение индекса качества жизни населения, которое равно 57,66. Сравнив реальное значение индекса качества жизни с прогнозным, определили ошибку аппроксимации, которая равна 3,3%. Модель является качественной и ее можно использовать для прогнозирования индекса качества жизни населения других регионов. Необходимо отметить, что для прогнозирования этого индекса наряду с социально-экономическими показателями впервые используется уровень цифровой экономики.

Для выделения однородных регионов по уровню качества жизни населения и цифровой экономики используется кластерный анализ. Кластеризация позволяет: 1) производить разбиение регионов не по одному индикатору, а по целому набору показателей, что дает возможность получить реальную информацию о их состоянии; 2) рассматривать достаточно большой объем статистических данных и резко сокращать, сжимать большие массивы информации, делать их компактными и наглядными; 3) выявлять однородные кластеры и нетипичные («аномальные») регионы с целью их дальнейшего анализа и прогнозирования показателей; 4) проводить разбиение всех регионов на группы схожих субъектов по уровню качества жизни населения и цифровой экономики, что упростит дальнейшую обработку информации и применить к каждому кластеру определенный метод анализа. На основе теоретических положений кластерного анализа, алгоритмов, методик и пакета прикладных программ Statistica, приведенных в работах [5-12], построена дендрограмма (рис. 1) кластеризации регионов. На рисунке 1 по оси ординат показано евклидово расстояние, по оси абсцисс – номер и наименование региона в соответствии с таблицей 1. Из рисунка 1 вид-

но, что образовалось несколько кластеров. Выделение кластеров проводится с использованием граничного значения евклидова расстояния и критерия качества разбиения регионов на кластеры. Граничное значение определяется по формуле:

$$D_{гр.} = kD_{max},$$

где D_{max} – максимальное значение евклидово расстояния;

k – коэффициент, который задается в пределах от 0,1 до 0,9.

При данной кластеризации коэффициент, от которого зависит граничное значение, выбран равным 0,5. При этом значении критерий качества разбиения регионов на кластеры является максимальным. Критерий качества – это отношение межкластерной дисперсии к внутрикластерной. Чем больше межкластерная дисперсия и меньше внутрикластерная, тем больше критерий, что свидетельствует о наилучшем разбиении регионов на кластеры. При $k = 0,5$ имеем:

$$D_{гр.} = 65 \cdot 0,5 = 32,5.$$

Если на этом уровне провести граничную линию, параллельную оси абсцисс, то эта линия выделит три кластера. Данные по кластерам приведены в таблице 3.

Уровни кластеров (табл. 3) определялись по данным таблицы 1 и рисунка 1. Для перехода регионов с нижестоящего уровня на вышестоящий уровень в статье даются предложения по одной из составляющей качества жизни населения – цифровой экономика:

- увеличение внутренних финансовых средств на развитие цифровой экономики;
- разработка и совершенствование региональных нормативных и руководящих документов, направленных на развитие цифровой экономики;
- совершенствование системы электронного взаимодействия и расширение функциональных возможностей регионального портала государственных услуг;

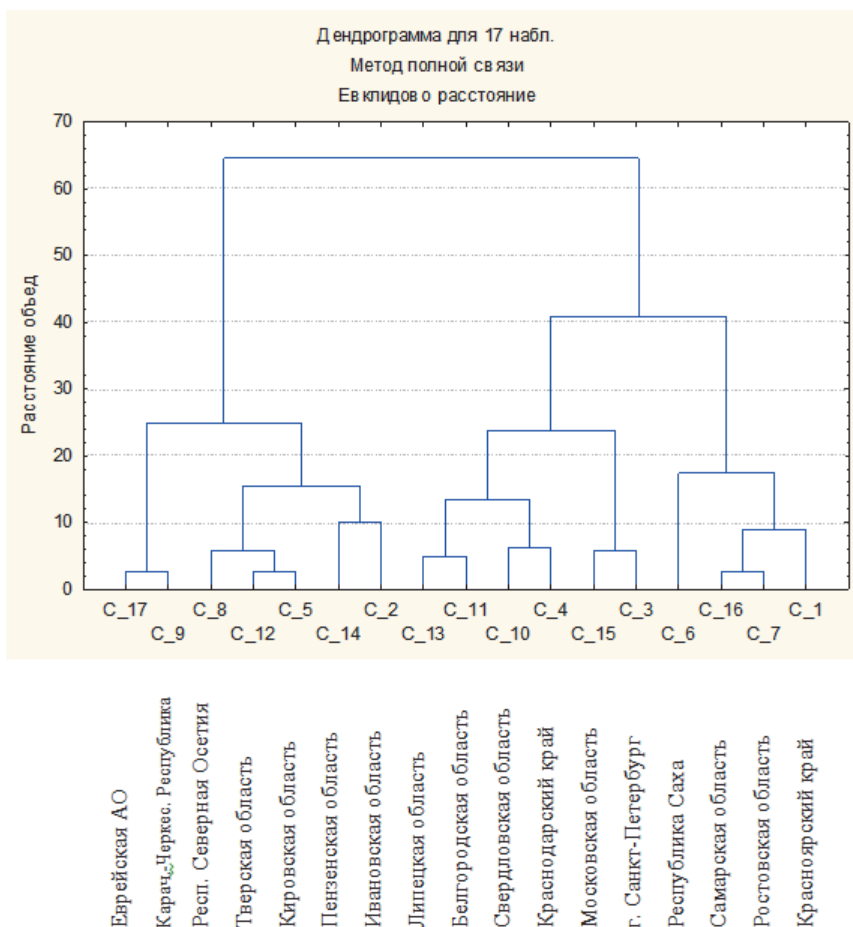

Рисунок 1 – Результаты кластеризации регионов по индексам качества жизни населения и цифровой экономики

Источник: составлен автором

Таблица 3 – Кластеры и их характеристика

Номер кластера	Регионы	Уровень
1	Еврейская АО... Ивановская область	Ниже среднего
2	Липецкая область ... г. Санкт-Петербург	Выше среднего
3	Республика Саха ... Красноярский край	Средний

Источник: составлена автором

- создание профильных подразделений (рабочих групп) по развитию цифровой экономики;
- строительство базовых станций сотовой связи в труднодоступных населенных пунктах и подключение к интернету всех сельских школ;

- совершенствование региональной системы образования, которая должна обеспечивать цифровую экономику высококвалифицированными кадрами.

- разработка учебных программ и методических материалов по новым профессиям;

- создание системы сбора, передачи, обработки и хранения многомерных статистических данных;

- введение в отдельных ВУЗах программы подготовки студентов по специальности «Статистика» с целью эффективной работы с многомерными статистическими данными;

- разработка и развитие методов и методик по обучению населения цифровыми компетенциями;

- повышение мотиваций у предприятий и организаций по внедрению новых компьютерных технологий.

Дальнейшие исследования целесообразно направить на разработку дискриминантных моделей для отнесения регионов, которые не участвовали в кластеризации, к определенным кластерам по уровню качества жизни населения с учетом цифровой экономики.

Заключение

Повышение качества жизни населения является важной и первостепенной задачей государства на современном этапе. Исследование качества жизни населения на региональном уровне приобретает особую актуальность. Существующие методики оценки качества жизни населения стран и регионов не учитывают такую важную составляющую интегрального показателя как цифровая экономика.

Цифровая экономика – понятие обширное и объемное. Однозначного определения этого термина пока не существует. В настоящее время в статистических сборниках приводится небольшой объем информации о цифровизации ре-

гионов страны. Наиболее полный перечень показателей и их статистика дается в исследованиях Индекс «Цифровая Россия». В работе построена многофакторная статистическая модель связи индекса качества жизни населения с валовым региональным продуктом на душу населения, ожидаемой продолжительностью жизни при рождении, численностью студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры и индексом цифровой экономики. Выполнен статистический анализ модели. Модель предлагается использовать для прогнозирования качества жизни населения с учетом общепринятых составляющих и уровня цифровой экономики.

С целью выявления однородных регионов по качеству жизни населения и степени цифровизации в статье выполнен кластерный анализ, который позволил определить кластеры со средним, выше и ниже среднего уровнями. Разбиение всех регионов на группы схожих субъектов по качеству жизни населения и уровню цифровой экономики в дальнейшем упростит обработку информации и позволит применить к каждому кластеру определенный метод анализа и прогнозирования.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для анализа качества жизни с учетом цифровой экономики целесообразно применять многомерные статистические методы и по результатам исследования делать предложения по улучшению качества жизни населения регионов России.

Литература

1. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни // М.: РИА Рейтинг. 2017. 63 с.
2. Интегральный показатель качества жизни [Электронный ресурс]. URL: <https://russia.duck.consulting/maps/12/2017> (дата обращения 09.01.2020).
3. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации 2018 // М.: Стат. сб. / Росстат. 2018. 751 с.
4. Индекс «Цифровая Россия» [Электронный ресурс]. URL: <https://finance.skolkovo.ru/ru/sfice/research-reports/1779-2019-04-22/> (дата обращения 10.01.2020).
5. Дубров А.М., Мхитарян В.С., Трошин Л.И. Многомерные статистические методы // М.: Финансы и статистика. 2003. 352 с.

6. Деркаченко О.В. Рейтинговая оценка государств по военно-экономическим показателям на основе кластерных технологий // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. 2019. № 4 (109). С. 8-16.
7. Кошевой О.С., Деркаченко О.В. Многомерный анализ военно-экономической безопасности государств СНГ // Финансовая экономика. 2019. № 5. С. 34-37.
8. Мхитарян В.С., Попова Г.Л. Сравнительный анализ муниципальных образований Тамбовской области по объемам налоговых поступлений // Вопросы статистики. 2018. № 25(8). С. 25-35.
9. Деркаченко О.В. Кластеризация и дискриминантный анализ регионов Приволжского федерального округа по уровню отдельных социально-экономических показателей // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2016. № 2. С. 36-40.
10. Суглобов А.Е., Смирнова О.Е. Кластерный подход в формировании российской национальной инновационной системы // Вопросы региональной экономики. 2013. № 4 (17). С. 81-86.
11. Суглобов А.Е., Древинг С.Р. Социально-экономические аспекты экономической безопасности и кластеризация экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. Т.5 № 9 (42). С. 18-24.
12. Суглобов А.Е., Древинг С.Р. Социально-экономические аспекты экономической безопасности и кластеризация экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. Т. 5. № 10 (43). С. 66-74.

УДК 331.1

Кадровая проблема и пути ее решения на основе консолидированного взаимодействия заинтересованных сторон

М.А. Измайлова, доктор экономических наук, доцент,
профессор Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Статья посвящена анализу сложившейся кадровой проблемы в российских компаниях: компании не могут найти нужных специалистов, а соискатели – работу. Показаны актуальные тенденции российского рынка труда и варианты его развития в среднесрочной перспективе. Дано описание портрета современного соискателя вакантных позиций на российском рынке труда. Проведен анализ моделей поведения основных участников рынка труда. Делается вывод о необходимости объективизации процесса поиска профессионалов с участием всех заинтересованных сторон.

Профессиональные кадры, рынок труда, соискатель, рекрутер, руководитель, собственник бизнеса.

Personnel problem and ways to solve it based on consolidated interaction interested parties

M.A. Izmailova, Doctor of Science (Economics), Associate professor,
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

The article is devoted to the analysis of the current personnel problem in Russian companies: companies can't find the right specialists, and job seekers can't find a job. Current trends in the Russian labor market and options for its development in the medium term are shown. The description of the portrait of a modern applicant for vacant positions in the Russian labor market is given. The analysis of behavior models of the main participants of the labor market is carried out. It is concluded that it is necessary to objectify the process of searching for professionals with the participation of all interested parties.

Professional staff, labor market, job seeker, recruiter, manager, business owner.

В ситуации кризисных явлений в экономике в компаниях остро встает проблема профессиональности сотрудников, способных приносить прибыль компании и выводить ее на новые горизонты роста. Становление цифровой экономики, несущей в себе как угрозы, так и новые возможности развития рынка труда, выдвигает новые требования к профессиональной компетентности персонала, на который возлагается ответственность за цифровую трансформацию бизнес-сектора и создание на основе прорывных технологий новых продуктов, востребованных обществом [5].

В 2020 году все актуальные тенденции на рынке труда сохраняются. Эксперты [6] подтверждают, что, во-первых, останутся востребованными IT-специалисты всех направлений и уровней: от программистов до СЮ, способных выстроить IT-функцию. Во-вторых,

сохранится спрос на специалистов по цифровым продуктам и решениям. Позиция Head of Digital Transformation уже появляется в вакансиях чаще, чем остальные позиции топ-уровня. Будут востребованы Digital-маркетологи, специалисты по онлайн-обучению. В-третьих, набирает обороты поиск аналитиков, экспертов по Big Data и разного рода аналитическим инструментам. Но вместе с тем, ощущается нехватка представителей и других специальностей.

Анализ взаимодействий на рынке труда показывает, что рекрутеры утверждают об отсутствии на рынке профессиональных кадров, а соискатели выдвигают претензии рекрутерам, указывая на их нежелание заниматься активным поиском и рассматривать кандидатуры. Собственники бизнеса нуждаются в его улучшении, а порой и в его спасении, но сделать это без обновления профессио-

нальных кадров невозможно. Возникает вопрос, как разорвать данный замкнутый круг, какие решения и модели поведения позволят всем заинтересованным сторонам достигнуть консенсуса и объединиться в удовлетворении потребностей бизнеса. Но, предваряя поиск ответа на данный вопрос, следует представить ситуацию, сложившуюся на российском рынке труда.

Согласно данным Росстата [3], на 01 января 2020 г. население России составило 146 745 100 человек, из которых: 75 900 000 человек составляют трудоспособное население, 3 500 000 официально не трудоустроены и остальные 72 400 000 подходят под определение «экономически активное население». По демографическому прогнозу того же Росстата возможны три варианта развития рынка труда в горизонте до 2036 года:

1. Оптимистический – население страны увеличится до 150 млн. человек.
2. Пессимистический – население уменьшится до 134 млн. человек.
3. Реалистический – население уменьшится до 143 млн. человек.

Вместе с этим, прогнозируется снижение процента трудоспособного населения до 65,1% населения страны, процента потенциально трудоспособного населения – детей в возрасте до 15 лет – до 14,2%. При этом в конце 2019 года Росстат зафиксировал максимальное за 3 последних года количество вакансий – 1,1 млн. Из этого следует очень важный вывод: рынок труда приобретает характер соискательства – число вакансий возрастает, а кандидатов становится меньше.

Логично было бы предположить, что на этапе становления цифровой экономики, перспектив масштабной роботизации и развития технологий искусственного интеллекта именно на последний возлагаются надежды по восполнению недостающих специалистов или сокра-

щению вакансий. Примеры этому уже есть, например, в 2018 году Сбербанк заменил 70% менеджеров среднего звена технологией искусственного интеллекта.

Образовательный проект «Атлас новых профессий» [1], созданный для облегчения профориентации, прогнозирует к 2030 году исчезновение 57 профессий. Согласно форсайту рынка труда, изложенному в данном проекте, к 2030 году не останется бухгалтеров, копирайтеров, сметчиков, турагентов, нотариусов, риелторов, переводчиков, системных администраторов, диспетчеров, лифтеров, почтальонов, операторов колл-центра, охранников, шахтеров, швей, инспекторов ДПС, официантов, тренеров и многих других привычных профессий. Одновременно с этим прогнозируется появление 186 новых профессий, таких как: биоэтик, оператор медицинских роботов, молекулярный диетолог, проработочер, экоаналитик, проектировщик личной безопасности, проектировщик интерфейсов беспилотной авиации, тренер творческих состояний, игропедагог, тренер по майнд-фитнесу, режиссер индивидуальных пространств и множество других.

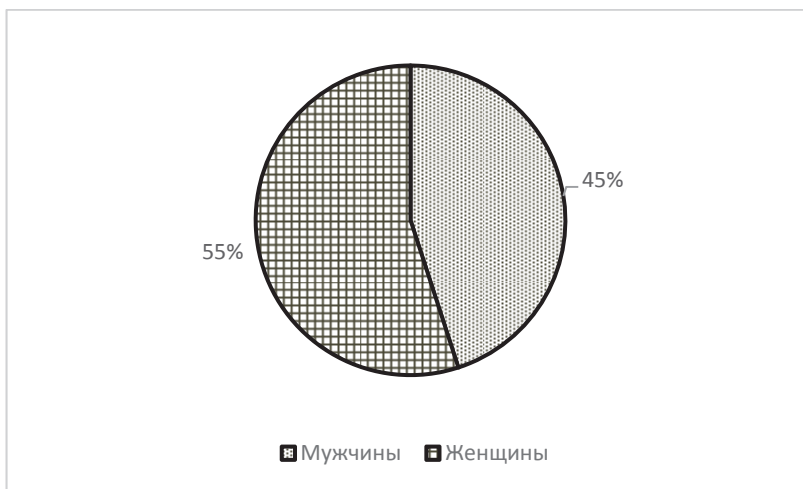
Несмотря на существующие – порой существенно отличающиеся – мнения аналитиков и их прогнозы, все они сходятся в одном: труд практически полностью автоматизируется и человек будет освобожден от монотонного труда. Приоритетными формами отношений станут взаимодействия в диаде «человек-человек». Например, бухгалтер, будучи освобожденным от рутинных операций посредством их передачи искусственному интеллекту, будет заниматься, прежде всего, планированием финансов и инвестиций, оптимизацией расходов клиента. Иными словами, труд человека будет наполняться интеллектуальным содержанием, приоритетными будут иные функции трудовой деятельности, и человек, как их исполнитель, будет востребо-

ван всегда.

Вместе с тем, представляется важным знать портрет современного соискателя вакантных позиций на российском рынке труда. Это позволит понять, какие вакансии наберут максимальное количество откликов, что предлагать соискателям и какие требования пред-

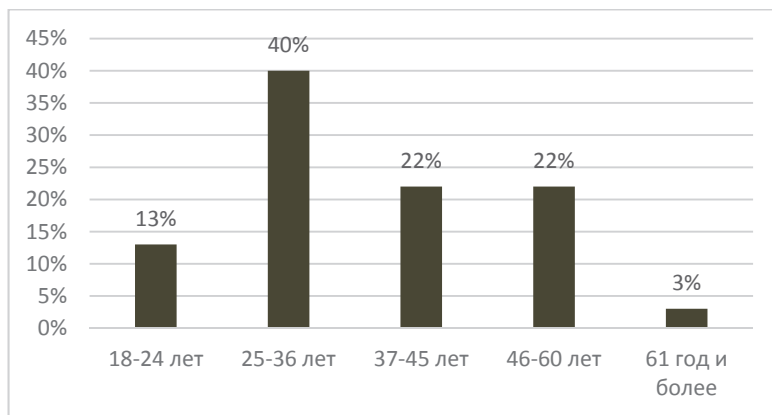
являть к новым сотрудникам.

Основываясь на статистике российской поисковой системы вакансий «ГородРабот.ру» [2], в феврале 2020г. в базе было размещено 110 000 резюме. Усредненный портрет соискателя в России по полу и возрасту представлен на рисунках 1, 2.

Источник: составлено автором по [7]

Рисунок 1 – Распределение соискателей по полу

Источник: составлено автором по [7]

Рисунок 2 – Распределение соискателей по возрасту

Не углубляясь в анализ возрастной статистики, констатируем, что средним соискателем вакансий является женщина 37 лет. Зарплатные ожидания в среднем составляют 35 882 рубля. Опыт

работы соискателей в среднем – 8 лет (мужчины – 9 лет, женщины – 7 лет).

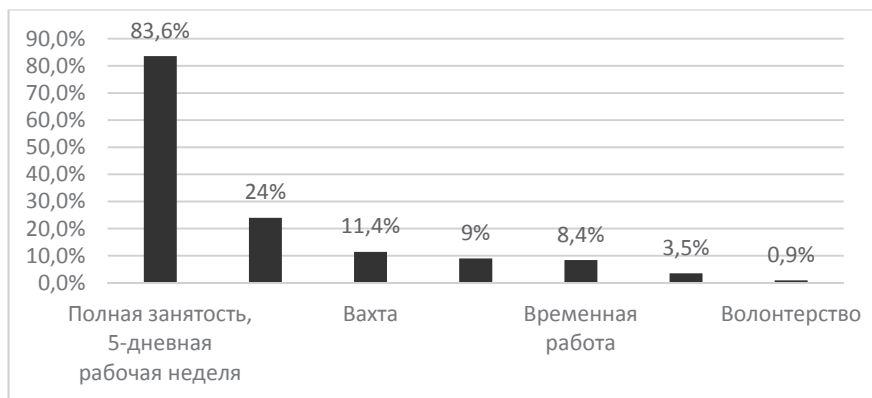
Анализ профессиональной принадлежности соискателей выявил первые 8 профессий: бухгалтер, водитель, про-

давец, профессии строительной сферы, секретарь, администратор, охранник, учитель/преподаватель. Более глубокий анализ позволил выявить самые частые профессии для мужчин – водитель, для женщин – бухгалтер.

Таким образом, получаем средний портрет соискателя-2020: женщина, 37 лет, бухгалтер с опытом работы 8 лет,

ожидает ежемесячную заработную плату около 36 000 рублей. Заметим, что согласно форсайту рынка труда, профессия бухгалтер – в ее классическом понимании – в числе уходящих с рынка труда.

Анализ ожиданий соискателей по типу занятости позволил выявить наибольший процент по предпочтению полной занятости (рис. 3).

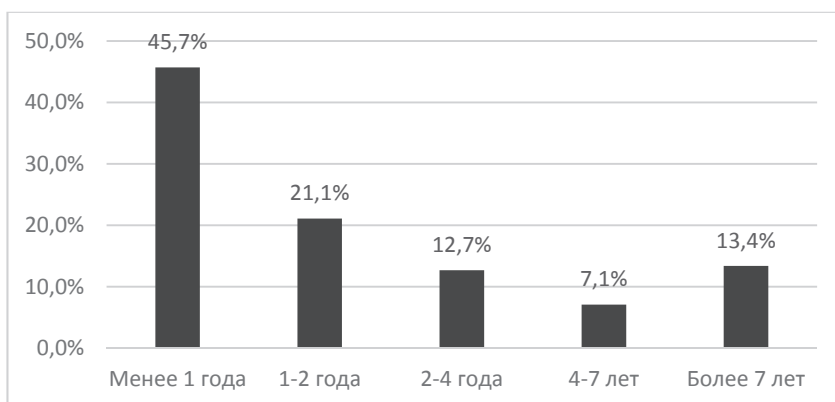

Источник: составлено автором по [7]

Рисунок 3 – Предпочтения соискателей по типу занятости

Весьма впечатляют результаты опроса о продолжительности работы на первом месте работы: из 1500 опрошен-

ных на первом рабочем месте меньше 1 года проработало 45,7% респондентов (рис. 4).

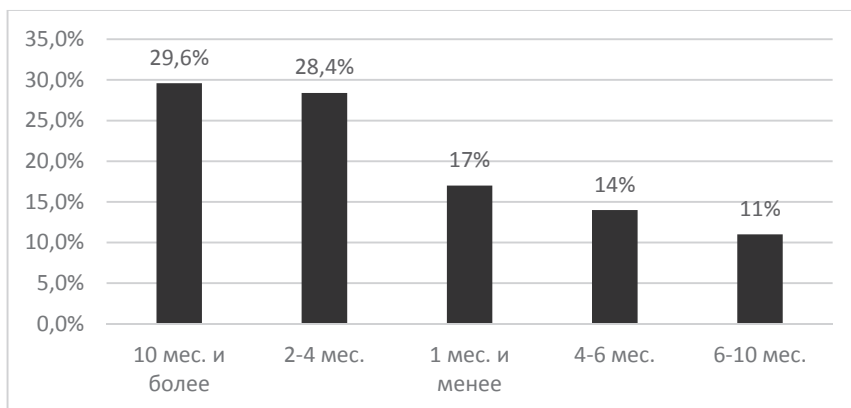

Источник: составлено автором по [7]

Рисунок 4 – Продолжительность работы соискателей на первом месте работы

Опрос 2000 респондентов позволил выявить достаточно продолжительный период поиска работы, который у

трети из них доходит до 10 месяцев и дольше (рис. 5).

Источник: составлено автором по [7]

Рисунок 5 – Продолжительность поиска работы

Основываясь на данных опроса 7000 человек о размере реальной заработной платы и ранее изложенными зарплатными ожиданиями соискателей, уровень зарплаты можно считать одной из ключевых причин поиска нового места работы – большая часть респондентов (60,4%) получают менее 25 000 рублей в месяц [7].

Закономерно возникает вопрос, каковы фактора успеха трудоустройства соискателей на искомые вакансии. В связи с этим возникает необходимость провести анализ поведения основных участников рынка труда: рекрутеров, топ-менеджеров, собственников бизнеса и соискателей. У каждого из названных игроков свои цели и задачи, свое видение существования и развития бизнеса, стратегий достижения целей и адаптации к реалиям рынка.

Рекрутинговые агентства, которые первыми должны самым тщательным образом анализировать соответствие качеств соискателей предъявляемым на открытые вакансии требованиям, вместо этого используют многочисленные фильтры, выставяемые с помощью программного обеспечения. Действительно, с одной стороны, это ускоряет поиск кандидатов по критериям отбора, но с другой – делает практически невозможным поиск необходимых компетентных

специалистов. Это объясняется двумя причинами: не разработаны общие стандарты заполнения резюме; не все соискатели знают и поэтому не используют в резюме ключевые слова, применяемые рекрутерами при поиске кандидатов. Негативным эффектом «подгонки» резюме под требования рекрутера является исключение из резюме тех уникальных знаний и опыта соискателя, который может сыграть в дальнейшем ключевую роль в улучшении бизнес-климата компании. В итоге страдает и компания, и сам соискатель, не находя применения своих компетенций в искомой профессиональной сфере. Из этого следует первая рекомендация: рекрутеру, настроенному на позитивный эффект поиска уникальных специалистов, необходимо просматривать всех кандидатов или «вручную», или используя самый минимальный набор фильтров.

Второй проблемой, мешающей рекрутерам подбирать необходимый персонал, является отсутствие понимания того, специалистов с какими компетенциями они ищут. Идеальная ситуация, когда в вакансии присутствует описание профессиональных требований к работе и к опыту кандидата, но на практике порой имеют место парадоксальные случаи, когда в вакансии указаны одни требования, а на собеседовании задаются

вопросы, не имеющие ничего общего с предъявляемыми к кандидату требованиями. Причиной этого является отсутствие качественной обратной связи от заказчика – топ-менеджера или собственника бизнеса, – формирующего запрос на удовлетворение потребностей в персонале. В связи с этим, формулируется вторая рекомендация: рекрутеру необходимо очень точно понимать, кого он ищет и какими компетенциями должен обладать кандидат, а для этого необходимо изначально получить максимально соответствующее запросу описание требований к кандидату от самого заказчика. Следовательно, высокая ответственность за успех нахождения нужного кандидата возлагается на топ-менеджмент и собственников компаний.

Одна из ключевых задач руководителя – соблюдение пропорции персонала по отношению к бизнес-процессам. Правильный баланс обеспечивает поддержание и развитие бизнеса. Но в процессе закрытия потребностей в персонале топ-менеджеры могут допускать серию ошибок, среди которых поиск подобных себе людей, стереотипный взгляд на «правильного» специалиста, отсутствие ясного понимания, кто нужен и т.д. Поэтому не единичными бывают ситуации, когда руководители отвергают подобранные рекрутерами анкеты кандидатов. Из этого следует третья рекомендация: руководителю следует точно понимать, какого специалиста, с какими компетенциями и опытом он ищет на имеющуюся вакансию, какой кандидат будет максимально соответствовать требованиям к реализации задач и целей по данной вакансии. На собеседовании необходимо в первую очередь обращать внимание на свою профессиональную интуицию, совпадение взглядов по основным позициям, уникальность компетенций кандидата и его способность и готовность развивать свою профессиональную компетентность, и в последнюю – на возраст, пол кандидата, его хобби и прочее. Важ-

но осознать, от того, насколько быстро будет закрыта вакансия, зависит скорость реализации стратегии, решения задач, а, следовательно, и получение прибыли – это дает основание предоставления кандидатам шанса, которые на первый взгляд не совсем подходят для вакансии, но обладают большинством требующихся компетенций и навыков. Вполне возможно, что кандидат справится с поставленными задачами и сможет развить нужные компетенции. В любом бизнесе важна скорость принятия решения, поэтому возможность оперативного закрытия вакансий является приоритетной для любого топ-менеджера.

Поскольку самыми заинтересованными в успешном бизнесе являются сами собственники, их роль в найме профессиональных кадров достаточно велика. В первую очередь это относится к подбору на ключевые позиции: руководителей среднего звена, топ-менеджеров в подчинение генеральному директору и его заместителям, – участие в проведении собеседований крайне необходимо, и это следует считать четвертым фактором успеха профессионального найма. При этом участие собственников в процессе подбора менеджмента имеет двоякую выгоду. Во-первых, будет внесена ясность, каких кандидатов подбирают в компании на ключевые позиции, и появится возможность самостоятельно оценить их компетентность и потенциал, а также обратить внимание топ-менеджеров на те стороны кандидатов, которые, возможно, они сами не увидели. Во-вторых, появляется возможность для собственников оценить уже работающих в компании топ-менеджеров – удостовериться в их компетентности, желании развиваться самим и развивать бизнес. Таким образом, собственники компаний смогут выстроить реальную картину собственного бизнеса и перспектив его развития.

Анализируя поведение соискателей, следует признать парадокс: чем

профессиональнее соискатель, тем сложнее ему найти работу. Объясняется это следующим. Во-первых, у профессионального работника больше требований к компенсации, месту работы и социальным условиям. Во-вторых, большинство топ-менеджеров стараются брать в подчинение управляемый персонал, усердно работающий над поставленными задачами, но меньше проявляющий инициативу – это сохранит ценность действующего руководства верхнего звена в глазах собственников. В-третьих, топ-менеджмент не хочет видеть потенциальных конкурентов, способных в перспективе занять их место. Следствием данных причин может стать застой действующего коллектива и «выгорание» самой компании.

Анализируя поведение соискателя, следует отметить, что он вынужден приводить резюме к требованиям вакансии, исключать все лучшие, но не требующиеся для конкретной вакансии навыки и знания, упрощать подачу себя, исходя из предлагаемой рабочей среды. Такому же стилю поведения соискатель вынужден придерживаться и на собеседовании, чтобы продемонстрировать свою способность адаптироваться в новом коллективе. Такая реальность подталкивает соискателей не к обсуждению профессиональной деятельности, а к формированию навыков психологической «игры» с HR-специалистами и потенциальным работодателем для возможности прохождения собеседования и

устройства на работу. Исходя из этого, сложно сформулировать рекомендации для «правильного» поведения каждого соискателя, но объективно следует признать: на собеседовании соискателю необходимо в большей степени ориентироваться на новые горизонты развития бизнеса, предлагать улучшения, которые он видит и которые при должном подходе и реализации принесут компании финансовые дивиденды. Особенно, если на собеседовании присутствуют собственники или генеральный директор. Важно заинтересовать потенциального работодателя, т.к. одним из навыков профессионального руководителя является умение себя «продать» [4].

В заключение необходимо отметить, что приоритетом большинства компаний является поступательное развитие и рост, а значит, требуются неординарные специалисты, с другим взглядом на развитие существующих бизнесов, отличающееся от взглядов собственников. Именно такие специалисты могут расширить видение на улучшение имеющегося бизнеса и способны использовать для его дальнейшего развития нестандартные методы, предлагать подходы и решения, которые при правильной реализации в ближайшей перспективе выведут компании на новые уровни развития и позволят закрепиться на прогнозируемых рубежах нестабильного российского рынка.

Литература

1. Атлас новых профессий [Электронный ресурс]. URL: https://skolkovo.ru/public/media/documents/research/sedec/SKOLKOVO_SEDeC_Atlas.pdf (дата обращения: 10.03.2020).
2. ГородРабот – система поиска вакансий и резюме [Электронный ресурс]. URL: <https://gorodrabot.ru/> (дата обращения: 11.03.2020).
3. Демография. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/folder/12781> (дата обращения: 11.03.2020).
4. Миляев М. Кадровый голод в России: новая реальность или старые проблемы? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-executive.ru/career/hr-indicators/1988673-kadrovyi-golod-v-rossii-novaya-realnost-ili-starye-problemy> (дата обращения: 15.03.2020).
5. Паньшин Б. Цифровая экономика: особенности и тенденции развития // Наука и инновации. 2016. Т. 3. № 157. С. 17-20.

6. Рынок труда – 2020: за кем будут гоняться рекрутеры в РФ? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-xecutive.ru/career/hr-indicators/1991494-gynok-truda-2020-za-kem-budut-gonyatsya-rekrutery-v-rf> (дата обращения: 16.03.2020).
7. Шабрукова Н. Рынок труда 2020: так ли страшна роботизация? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-xecutive.ru/career/hr-indicators/1991989-usrednennyi-portret-rossiiskogo-soiskatelya?page=2> (дата обращения: 11.03.2020).

УДК 338

Роль приоритетных национальных проектов науки и образования в обеспечении экономической безопасности Российской Федерации

С.К. Клешев, аспирант,

Российский университет кооперации, г. Мытищи, Московская область

В представленной статье рассмотрены аспекты прямого участия науки и образования в процессе удержания экономической безопасности России. Производится оценка воздействия науки и образования на рост экономики, развитость потенциала знаний, наращивание трудовой производительности и, как следствие, рост благосостояния граждан. Определяются пути позитивного влияния внедрения приоритетных национальных проектов на совокупный комплекс прогресса науки, техники и технологий. Выделяется, что смежность категорий «наука» и «образование» выступает добавочным обстоятельством для обеспечения экономической безопасности.

Экономическая безопасность, национальные проекты, наука и образование, приоритетные пути развития, потенциал знаний.

The role of priority national projects of science and education in ensuring the economic security of the Russian Federation

S.K. Kleshev, graduate student Russian University of cooperation, Mytishchi, Moscow region

The article deals with the aspects of direct participation of science and education in the process of maintaining economic security in Russia. The impact of science and education on the growth of the economy, the development of knowledge potential, increasing labor productivity and, as a result, increasing the welfare of citizens is assessed. The ways of positive impact of the implementation of priority national projects on the overall complex of progress in science, technology and technology are determined. It is emphasized that the contiguity of the categories «science» and «education» is an additional circumstance for ensuring economic security.

Economic security, national projects, science and education, priority development paths, knowledge potential.

Аспектам предоставления экономической безопасности государства в российском экономическом теоретическом поле всегда отводился широкий интерес. Одновременно с тем понятийный аппарат «экономической безопасности» довольно нов для экономической науки России, так как распространение он получил только на закате 90-х годов прошлого столетия в момент решения руководящим составом государства по старту образования системы российской экономической безопасности.

Данная система основополагающей целью являла предоставление такого положения отечественной экономики, благодаря которому будут образовываться благоприятные обстоятельства для личностного функционирования, общественно стабильности в области экономики, политики и социума, а также удержания государственной целостно-

сти, результативной борьбы с угрозами изнутри и извне. Без экономической безопасности фактически нет возможности к разрешению хотя бы одной государственной задачи на уровне, собственно, страны и мира.

Но, невзирая на масштабность и разносторонность осуществленных исследований и значимость извлеченных конструктивных выводов, определенный вопросы оцениваемой безопасности по-прежнему исследованы крайне мало, что наращивает требование их детализированного изучения. К подобным вопросам первоначально причисляется установление и исследование места и рычагов воздействия науки и образования на то, какой будет уровень государственной экономической безопасности, хозяйственных отраслей, регионального роста, обособленных объектов производства и социума [1].

Высказывание о том, что наука и образования равноправно значимы для обеспечения экономической безопасности государства, в современных обстоятельствах получил широкое признание и оправдан практикой. При этом собственно аспекты положительного влияния приоритетных национальных проектов науки и образования в частности на экономическое совершенствование населения и его социально-экономическую устойчивость сейчас все еще изучены мало и на территории России, и в иных государствах мира, невзирая на широкие исследовательские публикации в данном вопросе, преимущественно зарубежные.

Совокупный минус всех рекомендованных советскими трудами расчетных методик эффективности науки и образования состоял в том, что каждая из них имела за основу применения параметров, довольно условно сопряженных с качественными критериями человека. Всякие надлежащие к расчетам связи стоимостного выражения кадровой подготовки и количества лет кадрового обучения, с одного воззрения, и трудовой длительностью данных кадров, с иного воззрения, абсолютно не прослеживаются [1].

Важно упомянуть, что в советском пространстве рекомендовались и всевозможные расчетные формулы по совокупному коэффициенту эффективности науки и образования, но и в данном ключе надлежащих результатов получено не было, первоначально потому, что фундаментальных исследований по конкретной проблематике не осуществлялось.

В настоящее время исследователями продолжается расширение спектра оцениваемых факторов влияния проектов науки и образования на рост экономики, производятся попытки к выработке подходящих для практической реализации расчетных методов в области экономической результативности науки и образования и оценивания уровня их воздейст-

вия на собственно экономическую безопасность [1]. Вопросами финансирования и обеспечения экономической безопасности науки и образования в разные годы занимались российские ученые: Поляк Г.Б., Эриашвили Н.Д., Соколов А.П., Маилян С.С., Медведев А.А., Суглобов А.Е., Крылов Т.А., Кузнецова Е. И., Сараджева О.В., Барикаев Е.Н., Филатова И.В., Осипов В.С., Богомолов В.А., Орлова Е.А., Хмелев С.А. [5,6,7,8,9].

Полагается, что уместно построить предположение о том, что изучения в сфере экономической эффективности науки и образования, их связи с экономической безопасностью удержат остроту проблемы в среднесрочной тенденции.

Кроме того, за последнее десятилетие в обстоятельствах динамических колебаний каждого сегмента экономики важную роль приобретает постановка теоретических и практических аспекта предоставления личностной, общественной, государственной безопасностей. А значит, перед экономической средой устанавливается вопрос перспективного развития исследований экономической безопасности, в пределах которых, по авторскому мнению, и должны осуществляться процессы по оценке экономической эффективности приоритетных проектов науки и образования.

Сейчас для того, чтобы в России производились подобные исследования, имеется следующая мотивация – трансформация экономики науки и образования, отраженная на рисунке 1.

Первоначально российские исследователи при собственной деятельности могут базироваться в большей мере на импортных разработках, это касается того, что было «собрано» экономикой мира в сфере определения и аналитики причинно-следственной цепочки науки и образования и всевозможных областей общественного жизнеобеспечения, устойчивости экономических процессов и экономической безопасности.

Рисунок 1 – Перспективная трансформация экономики науки и образования

Поэтому нельзя не указать, что именно с определения и аналитики названной цепи и должна начинаться выработка теоретических аспектов определения критериев соответствия совершенствования науки и образования нормативам удержания экономической безопасности государства и механизмов, требующихся для мониторинга и диагно-

стики обстоятельств в перспективе [1].

На рисунке 2 отражена иерархическая последовательность подчиненности воздействия компонентов, предоставляющих экономическую безопасность государства.

Рисунок 2 – Иерархическая последовательность подчиненности воздействия компонентов, предоставляющих экономическую безопасность

Представленная на рисунке выше последовательность воздействий –

это тот аспект, благодаря которому текущая экономика именуется «экономи-

кой исследований и знаний» [1].

Важно представить, что плотная взаимная связь науки с образованием выступает добавочным условием для того, чтобы экономическая безопасность была обеспечена, так как научные знания наращивают человеческие, общественные и государственные возможности в воспрепятствовании всевозможным угрозам, прогнозированию и ликвидации образующихся опасностей.

Сейчас на территории России особый интерес отведен совершенствованию технологий информации, преобразованию способов ее извлечения, сохранности, отбора и передачи. И тут образование, помимо содействия совер-

шенствованию таких технологий посредством науки, напрямую вырабатывает у учащихся навыки к поиску и применению надлежащих информационных источников. Под влиянием инновационных технологий совершенствуется также процесс обучения. Все приведенное, однозначно, имеет существенное значение для предоставления информационной, значит, и экономической безопасности в обстоятельствах современности [2].

Вовлекаясь в квалификационный процесс кадров, образование значительно воздействует на такие производственные стороны, как следующие, приведенные на рисунке 3.

Рисунок 3 – Области воздействия в производстве через образование

И даже тот факт, что огромное количество попыток исследователей России хотя бы мало определенно выявить размер позитивного воздействия образования на представленные области не обозначили приемлемых практических итогов, по авторскому мнению, это знаменует лишь о том, что примененные методики исследования несовершенные, как и используемые исследовательские механизмы, а степень сосредоточения усилий и ресурсов при разрешении трудных вопросов низка [2].

Малая трудовая производительность в большей части отраслей и на-

правлений экономики России, прослеживаемая уже долгое время, образует для нее наибольшую существенную опасность, отрицательно воздействует на рейтинги и связи в экономике, отражает очевидную нехватку отдачи человеческих ресурсов в качестве ключевого типа ресурсов экономики [4].

Ввиду того, что показатель трудовой производительности в настоящий временной период меньше фактически в три раза, чем вероятный к достижению в России, в экономике прослеживается малый для эффективной трудовой мотивации уровень оплаты. Что, в собствен-

ную очередность, как сокращает кадровый интерес к продуктивности на рабочих местах, так и может выступить предпосылкой к недовольству социума, а данное уже угрожает безопасности и устойчивости [1].

На авторский взгляд, часть ответственности за то, что трудовая производительность в России отстает от аналогичного параметра стран мира, имеется и у отечественных комплексов науки и образования по тому направлению, что на этапах обучения, а затем и исследования личности не прививается тот факт, что трудовая производительность – это ключевой фактор стабильности государства, эффективности каждой деятельности и экономической безопасности страны.

В данных комплексах, полагается, через весь непрерывный процесс обучения, исследования и рабочей деятельности необходимо доносить до трудовых ресурсов, что наиболее высокая доходность будет получена не через требования в установке более высокой оплаты труда, а посредством наращивания трудовой результативности. Соотношение «трудовое вознаграждение – качественные-количественные показатели работы» есть одно из основополагающих принципиальных положений удержания экономической безопасности в любом направлении функционирования, ориентированном на результат [3].

Обособляя образование, укажем, что его положительное воздействие на то, какого качества будет продукция на выходе, проявляется как напрямую через его вовлечение в становление кадровой квалификации, так и при помощи такой его функции, как воспитание, содействующей наращиванию степени кадровой ответственности за итоги труда, а значит, и увеличению значимости приоритетных национальных проектов образования для удержания российской экономической безопасности. Бесспорно, что кадровый профессионализм, имеющей базой зна-

ния и навыки, извлеченные при обучении, также воздействует на итоговое трудовое качество [3].

Говоря отдельно о науке, важно сказать, что угроза при реализации приоритетных научных национальных проектов заключается в том, что виды, приемы и способы построения управления развитием экономики и социума крайне несовершенные, будь то на уровне обособленного субъекта предпринимательства либо уже уровень государственного управления.

Одновременно с тем, нельзя не указать, что для рационального воздействия приоритетных национальных проектов науки и образования на удержание экономической безопасности России, на, собственно, комплексы науки и образования должна накладываться ответственность за квалификацию кадров в управленческой стезе, особенно за тех, которые в перспективе способны эффективно контролировать социально-экономические преобразования страны для ее процессов на мировой арене. Но сейчас все больше отводится внимание подготовке таких кадров, которые будут задействованы и заинтересованы в управлении на национальном уровне, что, по сути, вызвано особенностями знаний и навыков в пределах узкого производства и управления кадрами [1].

На территории Российской Федерации, очевидно, мало исследуются аспекты научного управления в рамках стратегий, параметры планирования, прогнозные процессы на уровне мира как по масштабности, так и по содержанию, что так или иначе имеет последствия для качества национального управления в экономической среде и положения экономической безопасности по отдельным направлениям, а также для эффективной реализации собственно приоритетных национальных проектов науки и образования.

Проекты науки и образования напрямую вовлечены в разрешение про-

блематики трудовой занятости общества, удержание в надлежащей степени явления безработицы и воспрепятствование ее прогрессированию. Позитивное воздействие данных проектов настолько возрастает, насколько увеличиваются шансы для адаптации к преобразованиям экономической структуры кадров науки и выпускников высших учебных заведений. Но первоочередной значимостью в воспрепятствовании безработице обладает комплекс повышения кадровой квалификации в научном сегменте, возможности вступления на этап переподготовки и планового распределения выпускников ВУЗов по актуальным рабочим местам (что в достаточной мере подтверждают в общедоступной документации органы статистики) [4].

В рамках настоящей статьи отметим, что неоспорима связь показателей жизни населения с экономической безопасностью государства, которые напрямую сопряжены с тем, насколько точно и целесообразно реализуются приоритетные национальные проекты науки и образования. Нарращивание параметров качества жизни обширных масс общества, следование цели в достижении желаемого показателя жизни, воспрепятствование излишнего разграничения денежных поступлений и собственного имущества входят в комплекс экономической безопасности, поскольку при малом количестве таковых мер усиливается напряжение в социуме, угрожающее безопасности государства.

Ввиду периодических «скачков» по вхождению и выходу из мирового кризиса экономики и финансов, а также сокращения стоимостного выражения нефти в мире экономическая безопасность России предстала рецессивной, а потому направление по наращиванию уровня жизни преобразуется в воспрепятствовании угрозе минимизации под-

линных доходов общества до такого состояния, которое несет опасность для как для социального благополучия, так и для жизни населения.

Названная проблематика в совокупности должна разрешаться цельным национальным социально-экономическим комплексом, при этом свои усилия по ее устранению вносят приоритетные национальные проекты науки и образования [2].

Кроме названных аспектов, проекты науки и образования содействуют тому, чтобы удерживались культурные традиции и ценности страны, рационально вырабатывались личностные установки морали и нравственности, а также правильная гражданская позиция. Важно, что наука и образование с экономикой тесно переплетены широким перечнем связей, которые не всегда очевидны на первый взгляд, следовательно, не принимаются к учету в решениях управления.

В пределах одной исследовательской статьи невозможно обусловить всю широту и разносторонность роли приоритетных национальных проектов науки и образования в развитии государства с точки зрения экономики и социума, удержания его стабильности по данным направлениям. Ввиду сказанного нами были лишь перечислены те, которые весьма очевидны в современности, а потому в большей степени не изучены в надлежащей степени в экономических трудах.

Все сказанное требуется для того, чтобы было сформировано подлинное представление о национальном комплексе науки и образования, а также сущности приоритетных национальных проектов в данном ключе, которые предоставляют государственное развитие экономики, науки, техники, культуры и социума на степени удержания экономической безопасности.

Литература

1. Гуреева М.А. Научно-техническая безопасность России на современном этапе // Инновационная наука. 2016. №3-1 (15) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchno-tehnicheskaya-bezopasnost-rossii-na-sovremennom-etape>.
2. Ерошин В.И. Образование как фактор обеспечения экономической безопасности России // Наука и школа. 2017. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-kak-faktor-obespecheniya-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossii>.
3. Карионов А.В. Рынки труда и образовательных услуг как регуляторы социально-экономического развития // Вестник ЧелГУ. 2016. № 2 (384) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rynki-truda-i-obrazovatelnyh-uslug-kak-regulyatory-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya>.
4. Плотников Н.В. Теоретические аспекты обоснования принципов формирования и развития системы экономической безопасности высшего образования // Известия вузов. Северокавказский регион. Серия: Общественные науки. 2015. № 3 (187) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-obosnovaniya-printsipov-formirovaniya-i-razvitiya-sistemy-ekonomicheskoy-bezopasnosti-vysshego-obrazovaniya>.
5. Поляк Г.Б. Государственные и муниципальные финансы: учебник для студентов вузов / Г.Б. Поляк. – 4-е изд., перераб. и доп. // М.: Юнити-Дана. 2016. 391 с.
6. Суглобов А.Е., Хмелев С.А., Орлова Е.А. Экономическая безопасность предприятия: учеб. Пособие // М.: Юнити-Дана. 2017. 271 с.
7. Эриашвили Н.Д., Соколов А.П., Маилян С.С., Суглобов А.Е., Крылов Т.А., Кузнецова Е. И., Сараджева О.В., Барикаев Е.Н., Филатова И.В., Осипов В.С., Богомолов В.А. Экономическая безопасность // М.: Юнити-Дана. 2018. 503 с.
8. Суглобов А.Е., Медведев А.А. Основные категории и понятия в оценке экономической безопасности инновационного производства в особой экономической зоне // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 5. С. 264-268.
9. Орлова Е.А. Развитие теории финансового контроля и ее влияние на организацию деятельности государственных образовательных учреждений / В сборнике: Современное состояние и перспективы развития бухгалтерского учета, экономического анализа и аудита. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Под научной редакцией Е.М. Сорокиной. 2012. С. 362-370.

УДК 330.163.12

Анализ производственного потенциала персонала наукоемкого предприятия и поиск социально-экономических детерминант его развития

С.В. Коблов, кандидат технических наук, генеральный директор,
Акционерное общество «Центральный научно-исследовательский институт машиностроения»,
АО «ЦНИИМаш», г. Королёв, Московская область

В статье излагаются результаты исследования влияния условий жизнедеятельности трудового коллектива на эффективность использования трудового потенциала в разрезе различных социальных групп и структурных подразделений института. Определены социально-экономические детерминанты развития трудового потенциала института на момент исследования. Показана зависимость волатильности влияния условий жизнедеятельности от уровня управляемости персонала.

Бизнес-процессы, управляемость персонала, анкетный опрос, факторный анализ, линейное программирование, цифровая трансформация.

Analysis of the productive capacity of the staff of high-tech enterprises and the search for social and economic determinants of its development

S.V. Koblov, Ph.D., general director,
Joint Stock Company «Central Research Institute for Machine Building»,
JSC «TsNIIMash», Korolev, Moscow region

The article presents the results of a study of the impact of living conditions of the staff on the effectiveness of the use of labor potential in the context of various social groups and structural divisions of the institute. The socio-economic determinants of the development of the labor potential of the institute at the time of the study are determined. The dependence of the volatility of the influence of living conditions on the level of team manageability is shown.

Business processes, team manageability, questionnaire, factor analysis, linear programming, digital transformation.

Существующая в настоящее время ситуация в российской экономике обеспечивает предпосылки для развития наукоемких отраслей. Конкурентоспособные предприятия, сохранившие в сложные периоды свой кадровый и научный потенциал, в нынешних условиях имеют возможность активизировать развитие трудовых коллективов с целью создания высокотехнологичных продуктов, повышения эффективности производства. К их числу относится ЦНИИМаш, играющий ключевую роль в российской космонавтике как научное ядро отрасли.

В качестве основного аналитического центра Госкорпорации «Роскосмос» институт проводит широкий спектр общесистемных исследований: от проектирования концепции долгосрочного развития отрасли до решения конкрет-

ных технологических задач по разработке ракетно-космической техники с учетом использования полученных результатов в других секторах экономики.

В институте проводится работа по созданию и совершенствованию отраслевых систем качества, надёжности и безопасности, стандартизации ракетно-космической техники. Уникальные компетенции ЦНИИМаш сосредоточены на 3-х направлениях:

Во-первых, – это идеология и координация развития космической деятельности России, реализации целевых космических программ (ФКП, ГЛОНАСС, развитие космодромов и др.).

Во-вторых, – это прикладные научные исследования и экспериментальная отработка ракетно-космической техники на основе сильнейших научных школ и уникальной экспериментальной

базы, являющейся национальным достоянием России.

В-третьих, – это всемирно известный центр управления космическими полётами и исследований в области баллистики.

Большое внимание в институте уделяется развитию кадрового потенциала наряду с необходимостью проведения организационно-структурных преобразований под внутренние задачи развития Института, а также в связи с влиянием внешних факторов, что является одним из ключевых условий успешной реализации программы перемен.

Для исследования готовности персонала института к организационно-структурным преобразованиям с целью повышения трудовой отдачи, раскрепощению и активизации трудового потенциала во 2-м квартале 2019 года был проведен анкетный опрос. Всего было получено 425 анкет, выборка анкетирования составила 13% от фактической

численности трудящихся. Анализ проводился для всего массива анкет, для структурных подразделений института, по социальным группам: мужчины; женщины; сотрудники (инженер/специалист научного подразделения, научные работники); руководители научного подразделения (отдела, отделения, центра), группы/сектора/лаборатории в научном подразделении; возраст до 30 лет; возраст 31-40 лет; возраст 41-55 лет; возраст 51-60 лет; возраст 61-65 лет и более.

По данным опроса получены значения натуральных показателей (возраст, стаж, заработок, доход на 1 члена семьи, размер жилплощади на 1 члена семьи). Ниже представлены диаграммы для иллюстрации этих показателей по анализируемым выборкам. Анализируемые структурные подразделения института обозначены условно на рисунках как «А», «В», «С», «D», «E».

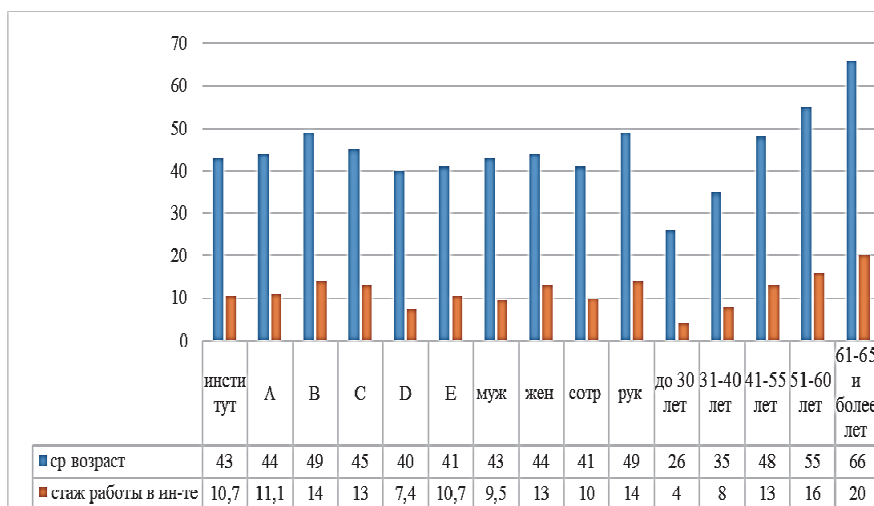

Рисунок 1 – Возраст и стаж, лет

По данным настоящего анкетирования средний возраст сотрудников – 43 года. Численность персонала до 40 лет составляет 52% (это целевая аудитория), 40-60 лет – 27%, старше 60 – 20%.

Из рисунка 1 видно, что средний возраст по массивам тесно коррелирован

со стажем работы в институте. Вследствие этого отдельно социальные группы по стажу работы не выделялись для анализа.

Обеспеченность жильем в социальных группах различается мало (рис. 2).

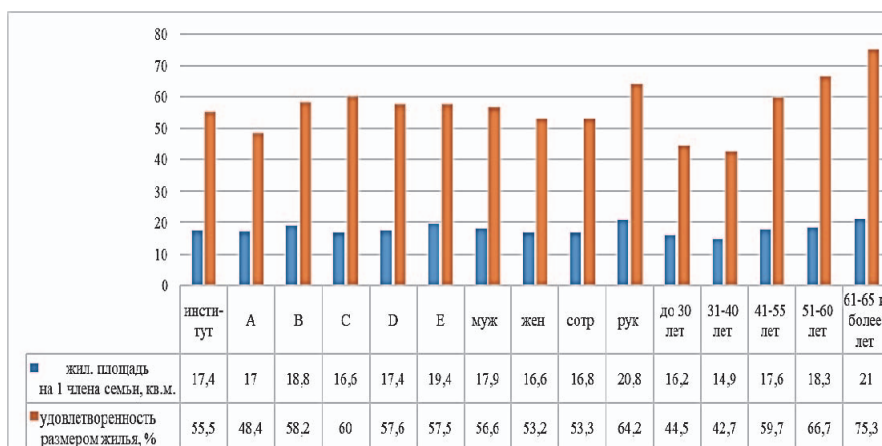

Рисунок 2 – Сопоставление размера жилья на 1 члена семьи и удовлетворенности жильем

В собственной квартире живут 55%, в ипотечной – 11%, в арендуемой – 13%, у родственников – 17%, в общежитии – 3%.

По результатам анкетного опроса доля сотрудников научных подразделений составляет 89%. Характер труда интеллектуальный. Одним из основных мотивов работы в институте является возможность творчества и самореализации. В ценностных ориентациях на первое место респонденты поставили «овладение в совершенстве своей профессией». Данную позицию высказывали многие респонденты в открытых вопросах. Ответы на вопрос «Какие цели вы ставите перед собой в работе» показывают, что основной вектор ценностных ориентаций направлен на совершенствование профмастерства в рамках занимаемой должности (47% опрошенных при возможности выбора предпочли бы существующую должность).

В ответах на открытый вопрос «Конкретно, на какие курсы/тренинги Вы хотели бы быть направлены от ин-

ститута?» респонденты назвали 34 вида различных курсов повышения квалификации в 106 высказываниях. Однако, на фоне большой заинтересованности персонала в повышении квалификации необходимо отметить довольно низкую существующую эффективность форм обучения: по поводу внутреннего и внешнего обучения 39% и 30% респондентов отметили, что они «ничего не дают».

Функциональная взаимозависимость между членами коллектива высокая. Об этом свидетельствует ответ на вопрос «Что делать при нехватке средств на оплату труда»: 69% выбрали альтернативу «Всем получать пропорционально меньше», а не «Сократить часть коллектива».

Для оценки трудового потенциала коллектива института в качестве критериального использовался вопрос «Считаете ли Вы, что работаете с полной отдачей?». По всем массивам большинство респондентов ответили «Да».

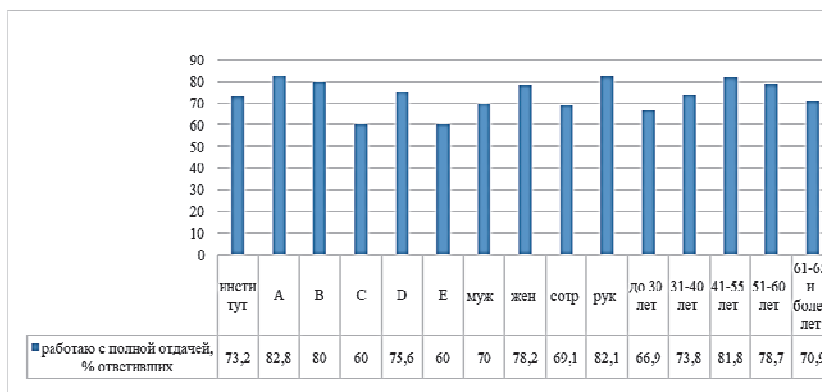

Рисунок 3 – Полнота трудовой отдачи

Однако представленное на рисунке 3 распределение ответов дает лишь общую иллюстрацию явления, изучить глубинные причины полноты трудовой отдачи оно не позволяет. Для этого необходимо определить условия жизнедеятельности трудящихся, от которых в наибольшей степени зависит их трудовое и личностное поведение. Позитивный результат управленческих воздействий можно достигнуть при условии управляемости персонала, то есть необходимо определить по отношению к какому рода управленческим воздействиям коллектив будет управляем, на какие стороны жизнедеятельности персонала необходимо нацеливать управленческие воздействия.

Достаточная управляемость персонала предприятия является необходимой предпосылкой и критерием успешности внедрения организационных и технологических инноваций на предприятии, в том числе в рамках цифровой трансформации. Определить управляемость – значит определить, будут ли действенны мероприятия по повышению трудовой отдачи. Диагностика управляемости персонала ЦНИИмаш проводилась по методике, описанной в [1].

Оценка управляемости персонала проводилась как для всего массива анкет, так и по структурным подразделениям института, и по социальным группам (всего 15 массивов анкет).

По всем массивам было проведено 115 серий расчетов по оценке управляемости, каждая из которых включала определенную последовательность вычислительных процедур с использованием разработанных программ по обработке результатов анкетирования, стандартных пакетов прикладных программ математической статистики «Statgraphics» и линейного математического программирования «LINDO».

На рисунке 4 представлены полученные значения управляемости по анализируемым выборкам.

В целом персонал института достаточно управляем (на 72%) по основному критерию.

По структурным подразделениям института и социальным группам анализ показал различную управляемость. Так, из структурных подразделений менее всего управляем «Е» (34%). Наибольшая управляемость в «А» (71%).

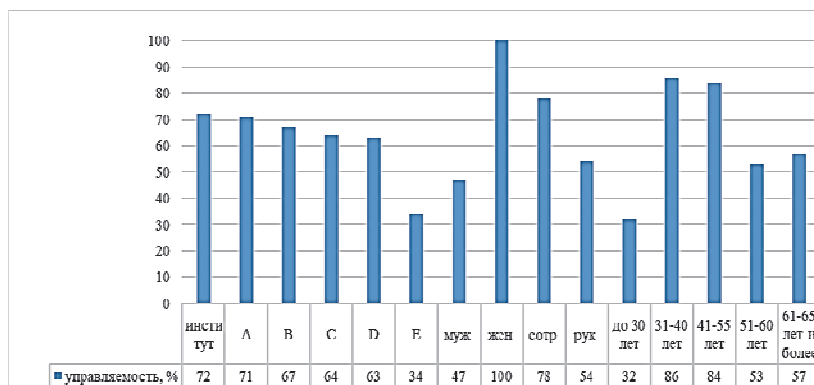

Рисунок 4 – Управляемость персонала по критерию МАХ «Трудовая отдача»

По социальным группам выявлены следующие различия:

1. Мужчины менее управляемы, чем женщины (47 и 100% соответственно).

2. Руководители подразделений менее управляемы, чем сотрудники (54% и 78%).

3. Для социальных групп по стажу выявилась следующая тенденция:

- наименее управляем персонал до 30 лет (32%);

- с возрастом, для групп от 30 до 55 лет, управляемость увеличивается до 84-86%;

- для последующих групп от 55 лет и до пенсионного возраста управляемость опять снижается (53% и 57%).

Структурные подразделения и социальные группы с низкой управляемостью следующие:

- Подразделение «Е»;
- Мужчины;
- Руководители;
- Возраст до 30 лет;
- Возраст 61-65 лет и более.

Для более детального анализа уровней управляемости этих социальных групп и поиска условий жизнедеятельности, от которых зависит трудовая отдача, анализировалось влияние на персонал института следующих групп условий жизнедеятельности:

1. Социально-бытовые условия в городе. Внепроизводственная социальная

инфраструктура (жилищные условия, мед. обслуживание по месту жительства, ясли и детсад, условия для занятий физкультурой и спортом, досуга, отдыха, общественный транспорт, бытовые услуги).

2. Социально бытовые условия на работе. Социальная инфраструктура института (столовая в институте, медицинский пункт, дом отдыха, общежитие, медсанчасть).

3. Оплата труда (размер заработка, нормирование, распределение, зависимость заработка от усилий).

4. Организация труда, условия на рабочем месте, безопасность труда, уровень механизации и автоматизации, содержание труда.

5. Межличностные взаимоотношения по горизонтали и вертикали.

6. Социальная эффективность руководства. Доверие руководству института и оценка внимания руководства к условиям труда работников, быта и отдыха, личным проблемам работников.

Методически для установления факта «влияния-невлияния» каждой из перечисленных выше групп условий жизнедеятельности на уровень управляемости применялась следующая процедура:

- в матрице исходной информации для факторного анализа убирались параметры, характеризующие анализируемую группу (на-

пример, «межличностные взаимоотношения по горизонтали и вертикали»);

- определялась управляемость объекта исследования без этой группы параметров.

Если управляемость изменялась, то это свидетельствовало о влиянии анализируемой группы условий жизнедеятельности на управляемость персонала.

Результаты расчетов влияния групп условий жизнедеятельности персонала на его управляемость по критерию МАХ «трудовая отдача» представлены ниже.

Расчеты показали отсутствие какого-либо влияния «социально-бытовых

условия в городе» на управляемость персонала. Это объяснимо, так как городская среда в Московском регионе достаточно развита для удовлетворения потребностей населения в товарах и услугах. Индекс качества городской среды, по оценкам Минстроя РФ, самый высокий среди городов России. Можно сделать вывод, что при достаточной развитости городской среды социальное самочувствие сотрудников института от нее не зависит и эти параметры не оказывают влияния на поведение персонала.

По остальным группам условий жизнедеятельности получены следующие результаты их влияния на управляемость персонала института (рис. 5).

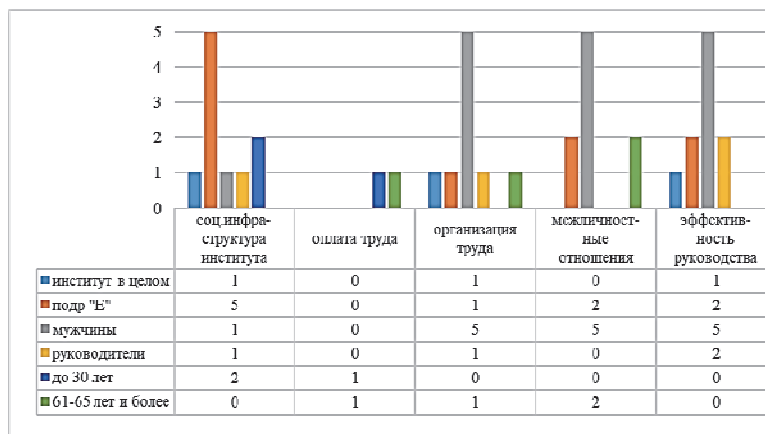

Рисунок 5 – Степень влияния условий труда на управляемость персонала, (от 0 до 5 баллов)

На рисунке 6 наглядно показано отличие «управляемых» объектов (например, «институт в целом») от «неуправляемых». Для первых характерно сильное влияние условий жизнедеятельности на управляемость, большая волатильность значений управляемости. Для вторых, – характерна ровная картина, без выраженной волатильности.

Ранжирование условий жизнедеятельности по степени их влияния на трудовую отдачу персонала института

следующее:

1. Социальная инфраструктура института (10 баллов);
2. Эффективность руководства (10 баллов);
3. Организация труда (9 баллов);
4. Межличностные отношения (9 баллов);
5. Оплата труда (2 балла).

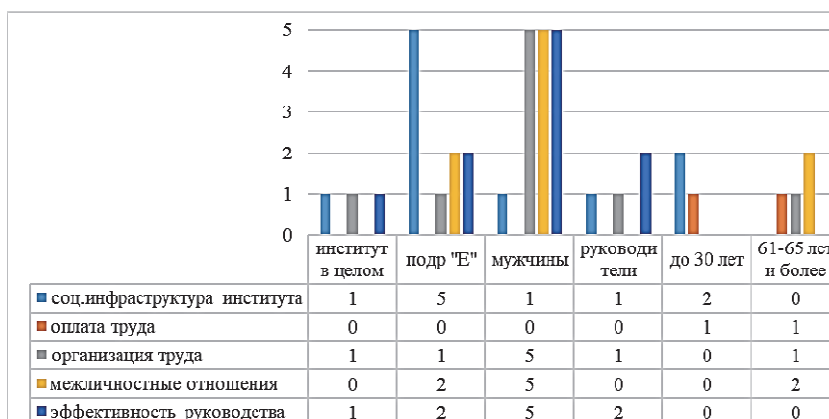

Рисунок 6 – Влияние условий труда на управляемость по социальным группам, (от 0 до 5 баллов)

Неожиданным оказалось то, что оплата труда не оказывает большого влияния на реализацию трудового потенциала. Этот параметр оказался значимым только для групп «до 30 лет» и «61-65 лет и более».

Для повышения трудовой отдачи персонала наиболее значимыми условиями труда для исследованных групп респондентов являются следующие:

- для Подразделения «Е»: социальная инфраструктура института, межличностные отношения, эффективность руководства, организация труда;
- для мужчин: организация труда, межличностные отношения, эффективность руководства, социальная инфраструктура института;
- для руководителей: эффективность руководства, организация труда, социальная инфраструктура института;
- для сотрудников в возрасте до 30 лет: социальная инфраструктура института, оплата труда;
- для сотрудников в возрасте 61-65 и более лет: межличностные отношения, оплата труда.

Исходя из вербальных высказываний респондентов на открытые вопросы анкеты («Что бы Вы хотели улучшить

в работе института?», «Что бы Вы хотели получить от института?», «Что Вам мешает в работе?») было получено 492 предложения по совершенствованию условий жизнедеятельности. Пересечение массива высказанных предложений с перечнем выделенных для каждой «проблемной» социальной группы условий жизнедеятельности, по сути, представляет собой практические рекомендации для руководства по активизации трудового потенциала института.

Расчеты по критерию МАХ «Доверие руководству института» (вопрос в анкете: «Считаете ли Вы, что руководство Института способно защитить Вас в условиях рынка и повышения цен?», направленность ответа – «Да, я полностью полагаюсь на руководство Института») показали значительную степень доверия персонала руководству института.

Расчеты по критерию МАХ «Положительная оценка происходящих изменений» (вопрос в анкете «Согласны ли Вы, что в последнее время в институте в целом происходят изменения:», направленность ответа – «к лучшему») показали большие ожидания к лучшему от происходящих в институте реформ.

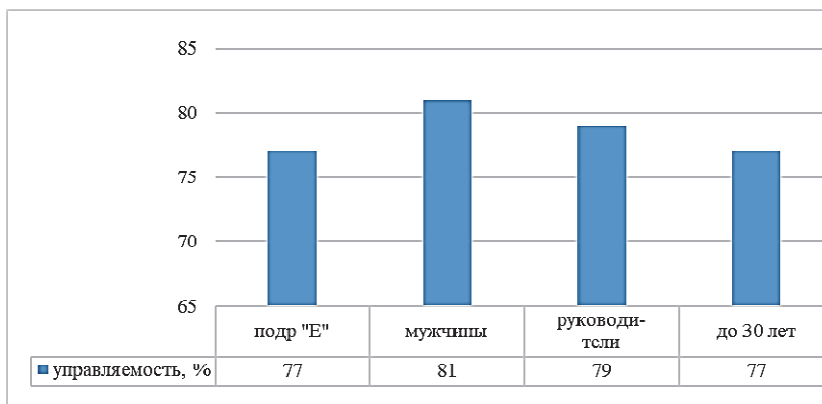

Рисунок 7 – Управляемость персонала по критерию МАХ «Доверие руководству», %

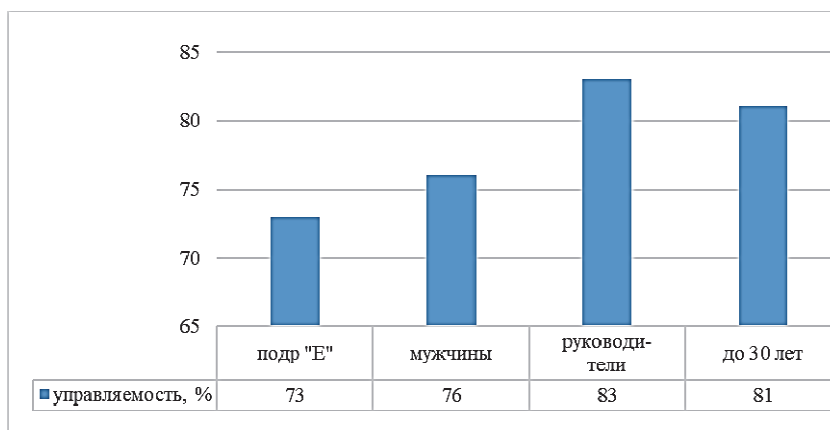

Рисунок 8 – Управляемость персонала по критерию МАХ «Положительная оценка происходящих изменений», %

На основании этих расчетов можно сделать вывод, что персонал института восприимчив к решениям руководства.

Достаточно высокая управляемость по двум последним критериям («доверие» и «оценка изменения к лучшему») является предпосылкой и условием для успешного проведения цифровой трансформации в институте.

Оценку эффективности цифровой трансформации посредством оценки изменения производственного потенциала можно оценить по изменению управляемости персонала после проведенных мероприятий по цифровизации путем повторного исследования. Предполагает-

ся, что проведение цифровой трансформации опосредованно будет влиять на следующие параметры:

- удовлетворенность организацией труда;
- удовлетворенность уровнем механизации и автоматизации труда;
- удовлетворенность уровнем собственной квалификации;
- удовлетворенность содержанием своего труда, возможностью самореализации;
- увеличение привлекательности работы в институте по позиции «творческое начало в работе»

(интеллектуальный рост, самореализация, интересная работа)».

В настоящее время в институте происходят значительные структурные изменения: создан центр по исследованию и освоению планет и тел Солнечной системы; планируется создание экспериментального конструкторского бюро для разработки легких многоразовых ракет; положено начало внедрения в практику принципов параллельного инжиниринга, реализация которых позволит сократить сроки разработки изделий за счет снижения рисков возникновения ошибок на ранних стадиях проектирования. В ближайшей перспективе планируется создание на базе ЦНИИмаш полнофункционального отраслевого Центра параллель-

ного проектирования.

Очевидно, что все предпринимаемые меры по совершенствованию организационной структуры института повлекут за собой изменения в социальном состоянии персонала. Для оценки социальной эффективности структурных реформ целесообразно проведение повторного исследования для фиксации фактических изменений в социальном состоянии персонала в результате проведения инновационных мероприятий. При этом необходимо делать акцент на анализ отношений и организации труда в контексте бизнес-функций, расширить блок вопросов по организации труда в части детализации бизнес процессов и функций персонала.

Литература

1. Коблов С.В. Методика оценки эффективности цифровой трансформации предприятия на основе анализа изменений производственного потенциала трудового коллектива // Вопросы региональной экономики. 2019. № 3 (40). С.41-49.

УДК 332.14

**Закономерности и тенденции развития региональной политики:
методологический аспект**

Л.В. Кусургашева, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики,
А.К. Муромцева, кандидат экономических наук, доцент кафедры
производственного менеджмента,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Кузбасский государственный технический университет
имени Т.Ф. Горбачева (ФГБОУ ВО КузГТУ им. Т. Ф. Горбачева), г. Кемерово

В статье рассматриваются теоретико-методологические основы проведения региональной политики на современном этапе. Выделены закономерности и тенденции региональной политики и обоснована необходимость усиления роли федеральной составляющей в структурной перестройке регионов.

Стагнация, региональная дифференциация, региональная политика, экономическая самостоятельность, региональный менеджмент, структурная перестройка.

Patterns and trends in regional policy development: methodological aspect

L.V. Kusurgasheva, PhD in economics, professor at Economics Department,
A.K. Muromtseva, PhD in economics, associate professor at Management Department,
The Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education T.F. Gorbachev
Kuzbass State Technical University, Kemerovo

The article deals with the theoretical and methodological foundations of regional policy at present. The regularities and trends of regional policy are highlighted; the necessity to strengthen the role of the federal component in the structural reconstruction of the regions was done in the article.

Stagnation, regional differentiation, regional policy, economic independence, regional management, structural adjustment.

Современное состояние российской экономики, несмотря на положительную трехлетнюю динамику экономического роста, вряд ли можно охарактеризовать как динамично развивающееся, позволяющее ей совершить необхо-

димый прорыв в технологическом развитии. Скорее – это стагнация, продолжающаяся уже седьмой год подряд [1, С. 17], о чем говорят данные о динамике важнейших макроэкономических показателей (табл. 1).

Таблица 1 – Динамика макроэкономических показателей, 2013–2019, % [9]

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Валовой внутренний продукт	1,3	0,6	-2,8	-0,2	1,5	2,3	1,3
Инвестиции в основной капитал	0,8	-1,5	-10,1	-0,9	4,4	4,3	1,7
Реальные располагаемые денежные доходы населения	4,0	-1,2	-2,4	-4,5	-0,5	0,1	0,8

Для большинства экономистов очевидно, что продолжение либерального курса макроэкономической политики блокирует достижение более «амбициозных» темпов, требующихся для преодоления отставания России от развитых

стран. В рамках этого курса за десятилетие проводимых радикальных экономических реформ в 90-е годы прошлого века, восстановительного роста, глубокого кризисного падения и незначительного посткризисного восстановления роль

и значение государства, его влияние на развитие экономики резко ослабли, если только не иметь в виду всеохватывающую и быстро прогрессирующую бюрократизацию всего и вся. В результате до сих пор не сформировалась экономическая политика, адекватная как общемировым трендам, так и национальным целям и стратегическим задачам развития Российской Федерации, установленными майскими Указами Президента России. Это относится ко всем ее направлениям, методам и инструментам, среди которых немаловажное место занимает региональная политика.

Россия с её огромной территорией, объединяющей экономически, природно-географически, национально и культурно-исторически неоднородные регионы, «обречена» содержать в арсенале макроэкономической политики региональную составляющую в том или ином виде. Она может быть в виде отдельного направления как региональная политика, либо быть явно или неявно включенной в другие направления государственного регулирования. Если брать только постсоветский период, то в развитии региональной политики выделяются несколько этапов, различающиеся целевыми приоритетами, принципами и содержательным наполнением административно-политического механизма отношений государства и регионов, действующими моделями бюджетного федерализма и т.д. В литературе отмечается, что, несмотря на то, что за последние более чем двадцать лет региональная политика (в широком смысле слова, как система взаимоотношений государства и регионов) претерпела существенные трансформации, и при этом многие задачи, которые были поставлены Указом Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803 «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации» были решены. Стоит отметить, что на протяжении этих лет вопросы, связанные с совершенствованием региональной политики государства, а также повышени-

ем ее эффективности в России всегда была актуальна [3, С. 151–152]. Данная оценка эффективности региональной политики, является, на наш взгляд, крайне комплиментарной; скорее можно говорить о ее практически полном отсутствии или крайне низкой эффективности. Многочисленные исследования состояния и тенденций пространственного развития экономики России конца XX – начала XXI века свидетельствуют об усилении неравномерности развития отдельных регионов по разным критериям и при этом, отмечается, что пространственная структура изменялась достаточно медленно. В то время как мобильность населения оставалась низкой, и это, в свою очередь, объяснялось сильным влиянием исторических факторов и так называемого «советского наследия», а также неразвитостью рынка жилья и «большой стабилизирующей ролью ресурсной экономики, которая поддерживалась благоприятной глобальной рыночной конъюнктурой» [5, С. 89]. Анализ экономической дифференциации регионов в постсоветский период показывает, что в 90-е годы прошлого века она нарастала, затем этот тренд несколько сгладился; при этом наблюдалась тенденция нарастания показателей дифференциации в период экономического подъема и снижения в периоды стагнации и кризиса (табл. 2) [4, С. 46–47].

Существует мнение, что российская региональная политика и, как следствие, региональное управление приобрели новую форму после принятия Стратегии пространственного развития России на период до 2025 года [11, С. 9]. Сторонники противоположной точки зрения считают, что принятая Стратегия пространственного развития ничего не сможет изменить, но «жизнь продолжается, а вместе с ней и дискуссия о том, как должно и как реально будет развиваться российское пространство» [5, С. 144]. Несомненным фактором последнего выступает региональная политика.

Таблица 2 – Показатели экономической дифференциации регионов в различных фазах экономического цикла

Фазы экономического развития	Децильные показатели экономической дифференциации российских регионов	
	По душевой величине ВРП	По душевой величине инвестиций в основной капитал
Период неустойчивого развития и кризиса 1995–1998 годов (среднегодовой темп изменения ВВП: –1,05)	3,34	4,36
Период относительного экономического подъема 1999–2007 годов (среднегодовой темп изменения ВВП: + 7,09)	3,71	6,0
Период замедления темпов экономического роста и стагнации 2008–2014 годов (среднегодовой темп изменения ВВП: + 0,99)	3,50	5,34

Необходимость региональной политики вообще диктуется двумя обстоятельствами. Во-первых, созданием и сохранением единого экономического пространства в рамках определенной территориальной общности (страны или группы стран). Во-вторых, существованием региональных диспропорций, вытекающих из самих принципов рыночной организации общественного производства. Рынок, основанный на частной собственности и конкуренции, как известно, порождает дифференциацию доходов на всех уровнях, в том числе и на региональном. Он также не обладает механизмом равномерного распределения ресурсов, направляя их в те отрасли и регионы, где предполагаемая прибыль выше средней. Кроме того, регионы различаются по своим природно-климатическим условиям и историческим особенностям развития. Все это обуславливает наличие более или менее существенных диспропорций в уровне экономического и социального развития отдельных регионов и необходимость проведения государственной региональной политики.

В рамках региональной науки наличие диспропорций в пространственном развитии признается не просто очевидным фактом, но им дается теоретическое объяснение. Здесь сложилось несколько концепций, которые, по мнению В. С. Федоляк, имеют наибольшую объяснительную силу применительно к российской действительности: теория «ку-

мулятивной причинности», модель «совокупной причинной обусловленности» и модель «диффузия нововведения» [10, С. 17]. Все эти теории основаны на неоклассической программе и, соответственно, обладают теми же недостатками, что и современный мейнстрим в целом. В том числе и поэтому еще в 2010 году известными специалистами в области региональной экономики был сделан вывод о том, что «пространственный аспект многомерных экономических систем в современных условиях не может быть адекватно описан существующими подходами в рамках региональной экономики. Следовательно, на повестку дня выдвигается теоретическое и методологическое оформление нового подхода к системному представлению экономики как взаимодействию микроэкономических агентов, регио-, макро- и глобальных взаимодействий» [8, С. 24].

Все эти претензии к региональной науке соответственно отражаются на региональной политике.

Существуют различные определения региональной политики. Однако при всем различии мнений можно выделить главное. Оно состоит в том, что государство должно обеспечить сбалансированное, равномерное и эффективное развитие регионов. С этой целью государство, во-первых, создает институциональную среду, в которой протекает деятельность рыночных субъектов, во-вторых, разрабатывает и осуществляет

регионально ориентированные программы и мероприятия.

За время существования региональной политики как самостоятельного направления западными странами был накоплен определенный опыт в этой области. Прежде всего, к нему относятся методы и инструменты региональной политики: законодательное разграничение прав и ответственности центрального правительства и органов власти на местах, установление правил и норм, регулирующих взаимоотношения центра и регионов по поводу собственности, финансов и других ресурсов, селективная поддержка отдельных регионов. В последние годы в западных странах наблюдается тенденция к большей децентрализации в региональной политике, что означает приобретение регионами экономической самостоятельности. Отдельные региональные образования (штаты, муниципалитеты, области и т.п.) обладают довольно широкими правами. Речь идет, прежде всего, о местном хозяйстве (транспорт, коммунальное хозяйство), об установлении правил и норм землепользования и охраны окружающей среды, использования природных ресурсов (если только они не являются государственной собственностью) и т.д. Материальной основой экономической самостоятельности регионов служит самостоятельность местных бюджетов, т.е. наличие собственных источников формирования. В этой связи большое значение имеет процесс распределения по уровням власти доходов и расходов, иными словами – организация бюджетного федерализма. Выбор того или иного варианта бюджетного федерализма (американского или германского) зависит от исторических особенностей формирования государственности в данной стране, состояния её экономики, соотношения политических сил, других конкретно-ситуационных условий. Представляется, что главный принцип здесь может быть сформулирован следующим образом:

права и ответственность регионов в решении экономических и социальных проблем на своих территориях не могут быть меньше и не должны быть больше налоговой базы регионального (местного) бюджета.

Еще одна тенденция, которую отмечают западные исследователи региональных проблем – переход от администрирования к менеджменту. Она состоит в том, что региональные органы власти, являясь «публичными» (общественными) организациями, все больше используют в своей деятельности формы, методы и способы, характерные для частных коммерческих организаций. Поэтому, говоря о региональном менеджменте, имеют в виду коммерческую деятельность региональных (местных) органов власти, приносящую прибыль, которая является источником пополнения бюджета.

Формы предпринимательской деятельности могут быть разными: инвестиции, вкладываемые местными фондами (например, в предприятия по переработке мусора и отходов), жилищное строительство, аренда муниципальной собственности, жилищно-коммунальное хозяйство, музеи, театры, платные стоянки для автомобилей и т.д.

В определенных границах развитие регионального менеджмента необходимо и возможно. Однако, следует иметь в виду, что получение прибыли не может являться главной целью региональных организаций. Они являются, прежде всего, представителями государственного управления на местах, и их деятельность должна быть направлена на регулирование общих условий развития региона, в том числе и предпринимательства, и не должна подменять саму эту деятельность.

Очевидно, что в условиях переходной российской экономики отмеченные тенденции в развитии региональной политики не могут реализоваться в полной мере. Развал единого народно-

хозяйственного комплекса, существовавшего в СССР, затяжной экономической кризис, утрата управляемости экономикой – все эти и другие негативные последствия перестройки и либерализации отбросили нашу страну на много лет назад и выдвинули на первый план задачу сохранения целостности страны [3, С. 224].

Самоустранение государства (федерального центра) от осуществления регулирующих функций в экономике, социальной сфере, межнациональных отношениях и ориентация на формирование саморегулирующегося рынка привели к возникновению тенденции к дезинтеграции (обособлению) регионов. В сложившихся условиях регионы были вынуждены «брать власть в свои руки»: так или иначе решать социальные проблемы, создавать механизм контроля за движением финансовых потоков на своей территории, использовать административный ресурс для стабилизации и вывода из кризисного состояния промышленные предприятия, обеспечивать товарообмен между собой. Однако, самостоятельно, в рамках отдельных регионов, невозможно эффективно решить весь комплекс накопившихся экономических, социальных, политических и других проблем. Подтверждение этому – создание макрорегионов, основной задачей которых является координация действий регионов в рамках совместно принятых экономических и социальных программ. Отмечается авторами, что с наличием высокого уровня межрегиональных различий в совокупности с достаточно низкой плотностью населения приведет к состоянию интегрированности и связности пространства страны [6, С. 102].

Итак, объективной тенденцией развития региональной политики является усиление экономической самостоятельности регионов. В условиях современной России этот процесс приобрел характер территориальной дезинтеграции, что было обусловлено дезорганиза-

цией экономической жизни и потерей управляемости экономикой в результате проведения либерально-монетаристского курса реформ. Из этого вытекает основная цель региональной политики – блокирование этой негативной тенденции путем разработки и осуществления государственной региональной экономической политики, которая должна обеспечить территориальную целостность России и вместе с тем дифференцированный подход к развитию регионов.

Если говорить о региональной политике более конкретно, то, на наш взгляд, она должна включать в себя, прежде всего, помощь регионам в структурной перестройке. Государство в любой экономике так или иначе влияет на процесс структурной перестройки, т.к. частный бизнес не в состоянии осуществить её быстро и эффективно [7, С. 68]. В России в силу указанной выше тенденции к обособлению, структурные диспропорции достигли недопустимо высокого уровня, а это в свою очередь приведет к увеличению социальной и экономической региональной дифференциации. В частности, многие регионы Сибири и Урала представляют собой старопромышленные районы с преобладанием добывающей промышленности и сильно устаревшими основными фондами. Мировой опыт показывает, что государство либо поддерживает старые отрасли и регионы (дотации, субвенции, льготные кредиты), либо способствует свертыванию производства, перепрофилированию предприятий и переквалификации кадров. И в том, и в другом случае требуются огромные средства из госбюджета. Ясно, что это противоречит финансовой стабилизации, которая с самого начала реформ являлась приоритетной целью экономической политики российского правительства. Представляется, однако, что альтернативы дефицитному финансированию структурной перестройки на современном этапе нет.

Следует отметить, что в послед-

ние годы вопросы регионального развития в связи с укреплением вертикали власти и усилением позиции федерального центра начали решаться (в частности, проблемы бюджетного федерализ-

ма), хотя глубинные основания дезинтеграции и дифференциации регионов могут быть преодолены лишь со сменой идеологии и курса макроэкономической политики.

Литература

1. Аганбегян А.Г. О преодолении стагнации, рецессии и достижении пятипроцентного роста // Экономическое возрождение России. 2019. № 2 (60). С. 17-24.
2. Бабкина С.И. Многоуровневый анализ формирования инновационной экономики: мир-система, регион, предприятие. Кемерово: Кузбассвузиздат. 2014. 331 с.
3. Баженова Е.Ю., Сериков А.В., Черноус В.В. Эволюция государственной региональной политики России в аспекте обеспечения ее национальной безопасности: этапы, содержание, результаты // Гуманитарий Юга России. 2016. Том. 22. № 6. С. 149-159.
4. Бахтизин А.Р., Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В. Экономическая дифференциация регионов России: новые оценки и закономерности // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2017. С. 41-56.
5. Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135-145.
6. Коломак Е.А. Пространственное развитие России в XXI в. // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 85-106.
7. Кусургашева Л.В., Лубягина Л.У., Муромцева А.К. Национальная экономия как способ реализации социального потенциала экономической теории // Проблемы современной экономики. 2018. № 3 (67). С. 67-71.
8. Минакир П.А., Демьяненко А.Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Экономическая наука современной России. 2010. № 3 (50). С. 7-25.
9. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gks.ru/> (дата обращения 01.03.2020).
10. Федоляк В.С. Межрегиональные диспропорции социально-экономического развития сквозь призму базовых теорий региональной экономики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. Вып. 1. С. 16-20.
11. Шамахов В.А., Межевич Н. М. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: экономические возможности и управленческие ограничения. Статья первая // Управленческое консультирование. 2019. № 4 (124). С. 19-27.

УДК 630.46

Оценка устойчивости развития машиностроительной отрасли региона

А.О. Меренков, кандидат экономических наук, старший преподаватель
кафедры управления транспортными комплексами,

Е.В. Медведева, аспирант кафедры управления транспортными комплексами,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет управления», ГУУ, г. Москва

Стремительное внедрение новых технологий во всех областях деятельности приводит к изменениям в устойчивости функционирования машиностроительной отрасли. В исследовании обоснована и апробирована методика оценки устойчивости развития машиностроительной отрасли региона, сформированы направления ее развития.

Устойчивость, машиностроительная отрасль, методика, регион.

Evaluation of the sustainability development of the region's mechanical engineering industry

A. Merenkov, Candidate of Economic Sciences, senior lecturer at
the department of management of transport systems,

E. Medvedeva, postgraduate at the department of management of transport systems,
State University of Management, SUM, Moscow

Rapid introduction new technologies in all areas of activity leads to changes in the steadiness of the mechanical engineering industry. The research substantiates and tests the methodology for assessing the steadiness of development the mechanical engineering industry in the region, and forms the directions of its development.

Steadiness, mechanical engineering industry, methodology, region.

Требование устойчивого функционирования отраслей приводит к необходимости развития методологии ее оценки и к формированию условий и факторов, формирующих необходимые предпосылки их стратегического развития. Однако, исследования, посвященные проблема устойчивого развития экономики России, в научном плане представлены далеко не полностью. Особенно это касается разработки новых методов, инструментов и механизмов обеспечения устойчивого развития отдельных отраслей.

Исследование отечественных и зарубежных источников свидетельствует о том, что оценка устойчивости развития предприятия в настоящее время неоднозначна в своей трактовке. В трудах зарубежных ученых категории «устойчивое развитие» зачастую рассматривается как синоним понятия «устойчивый экономический рост». Исследование вопросов устойчивого экономического роста отражены в научных публикациях зарубежных авторов, таких как Й. Шумпетер,

Р.Ф. Харрод, Е. Домар, Р. Лукас, М. Портер, Д. Хэя, Д. Моррис и др. Исследованию устойчивости развития организаций посвящены труды известных российских исследователей, в том числе М.И. Баканов, Н.И. Брагин, В.В. Ковалев, И.К. Ларионов, В.П. Логинов, В.Д. Руднев и др. [2,3]. Однако, внимание российских экономистов в большей мере сконцентрировано на условиях создания финансовой устойчивости предприятия, зачастую не затрагивая технологии производства с учетом динамично изменяющихся внешних факторов. Проблема устойчивого развития отраслей в условиях динамичного внедрения новых технологий в России в научных исследованиях отечественных авторов явно недостаточно изучена. Целью исследования является оценка устойчивости развития машиностроительной отрасли на региональном уровне в условиях внедрения новых технологий.

В научной литературе существуют разные подходы к определению механизма устойчивого развития. Ряд

авторов предлагает трактовать механизм устойчивого развития с точки зрения тенденций изменения инновационных процессов [4,6]. Потенциал предприятий должен позволять своевременно обновлять производство с учетом требований научно-технического прогресса, что обеспечит эффективное развитие и инвестиционную привлекательность отрасли в целом [2].

К специфическим особенностям машиностроительной отрасли можно отнести:

- создание машин и оборудования;
- обеспечение занятости значительной доли трудовых ресурсов;
- потребление продукции металлургии;
- отражение степени развития производительных сил региона;
- создание предпосылок для развития прогрессивных технологий.

Предлагаем с учетом вышесказанного следующую трактовку категории «механизм устойчивого развития машиностроительной отрасли» – это комплекс последовательных действий, направленный на совокупность взаимосвязанных и согласованных элементов машиностроительной отрасли, не изменяющих экономическое равновесие, и сконцентрированный на создании машин и оборудования более совершенного уровня, давая стимул развития передовых технологий и гарантируя занятость трудовых ресурсов региона.

В Вологодской области машиностроительный комплекс включает три производственных комплекса: электронное и оптическое оборудование; электрооборудование, транспортные средства и оборудование машины и оборудование. В городе Вологда сосредоточена большая часть предприятий машиностроительной отрасли (более 70% предприятий области), основным видом деятельности которых является производство машин и оборудования [5].

Центральные машиностроительные организации области объединены в

Ассоциацию «Машиностроительные предприятия Вологодской области» [1].

Для анализа и развития концепций, описанных в трудах зарубежных и отечественных авторов, по оценке уровня устойчивости какого-либо объекта, представляем методику оценки уровня устойчивого развития машиностроительных предприятий региона, которая содержит определение количественных и качественных параметров, возможность применения с целью прогнозирования развития предприятий в регионе на базе сравнительного и динамического анализа ее показателей. Выработанная система сбалансированных параметров, отражает наиболее значимые аспекты устойчивого развития: финансовые, производственные, инновационные (рис. 1).

Для определения тенденции развития отрасли того, определены показатели, характеризующие общую ее устойчивость, которые объединены в 3 группы показателей устойчивости: финансовой, производственной, инновационной.

Апробация методики представлена на примере Вологодской области за период с 2008-2019 гг.

Первый этап оценки уровня устойчивого развития машиностроительной отрасли – сбор первичной информации. Источниками данных послужили Статистические бюллетени «Производство продукции промышленности по Вологодской области», «Производство продукции промышленности по районам и городам Вологодской области» и результаты экспертных оценок ведущих специалистов отрасли.

Второй этап – приведение показателей устойчивости развития машиностроительной отрасли (таблица 2) к однородному виду на основе индекса (формула 1):

$$a = \frac{a_i - a_{min}}{a_{max} - a_{min}}, \quad (1)$$

где a_{max} , a_{min} – максимальное и минимальное значение параметра в исследуемой сумме лет.

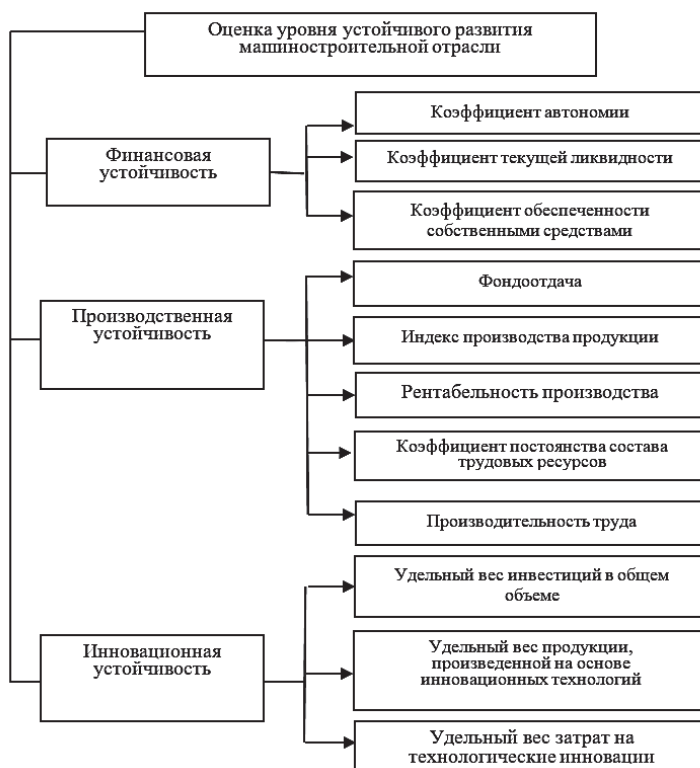

Рисунок 1 – Система показателей оценки устойчивого развития машиностроительной отрасли

Таблица 2 – Показатели устойчивости развития машиностроительной отрасли Вологодской области в сопоставимом виде (фрагмент)

Показатель	2008г.	2015г.	2016г.	2017г.	2018г.	2019г.
Производственная устойчивость						
Индекс производства продукции	0,00	1,00	0,71	0,66	0,54	0,70
Фондоотдача	0,00	0,62	0,12	0,59	1,00	0,85
Рентабельность продаж	0,12	0,00	0,33	0,19	0,27	0,02
Производительность труда, тыс. руб./чел.	0,00	1,00	0,81	0,79	0,96	0,94
Коэффициент постоянства состава трудовых ресурсов	0,17	0,22	0,27	0,29	0,28	0,28
Финансовая устойчивость						
Коэффициент автономии	0,56	1,00	1,00	1,00	1,04	1,00
Коэффициент текущей ликвидности	0,52	0,38	0,15	0,00	0,29	0,21
Коэффициент обеспеченности собственными средствами	0,39	0,84	0,87	0,90	1,00	0,97
Инновационная устойчивость						
Удельный вес инвестиций в общем объеме	0,25	0,24	0,34	0,27	0,29	0,22
Удельный вес затрат на технологические инновации	0,46	0,37	0,40	0,40	0,40	0,24
Удельный вес продукции, произведенной на базе инновационных технологий	0,36	0,29	0,14	0,29	0,21	0,57

На третьем этапе совершается преобразование относительных значений индикаторов в обобщенные коэффициенты финансовой, производственной, инновационной устойчивости машиностроительной отрасли с помощью вы-

числения средней арифметической. При дальнейших расчетах определены удельные веса обобщенных коэффициентов каждой группы за исследуемый период (таблица 3).

Таблица 2 – Расчетные значения уровня устойчивого развития машиностроительной отрасли в Вологодской области (фрагмент)

Показатель	2008г.	2015г.	2016г.	2017г.	2018г.	2019г.
Коэффициент производственной устойчивости	0,03	0,66	0,49	0,56	0,69	0,63
Коэффициент финансовой устойчивости	0,49	0,74	0,67	0,63	0,78	0,73
Коэффициент инновационной устойчивости	1,01	0,47	0,34	0,43	0,11	0,60

На четвертом этапе формируются общие показатели уровня устойчивого развития машиностроительной отрасли на базе средней геометрической взвешенной из комплексных показателей производственной, финансовой и инновационной устойчивости (формула 2).

$$L_s = U_{y1}^{\varphi U_{y1}} * U_{y2}^{\varphi U_{y2}} * U_{y3}^{\varphi U_{y3}}, \quad (2)$$

где L_s – уровень устойчивого развития машиностроительной отрасли;

U_{y1} – коэффициент финансовой устойчивости;

U_{y2} – коэффициент производственной устойчивости;

U_{y3} – коэффициент инновационной устойчивости;

φU_{y1} – доля коэффициентов финансовой устойчивости;

φU_{y2} – доля коэффициентов производственной устойчивости;

φU_{y3} – доля коэффициентов инновационной устойчивости.

Динамика показателя уровня устойчивого развития машиностроительной региона представлена на рисунке 2.

Пятый (заключительный) этап – определение нормативных значений для интерпретации полученных результатов. Наивысший уровень устойчивого развития отрасли Вологодской области достигнут в 2008г. – 0,71 при вкладе машиностроения в валовой региональный продукт на уровне 5%. Опыт развитых стран в области машиностроительной отрасли показывает, что данный показатель должен быть на уровне 70%. С учетом вышесказанного верхнюю границу определяем на уровне 1,4 ед., а нижнюю как ноль (рис. 3).

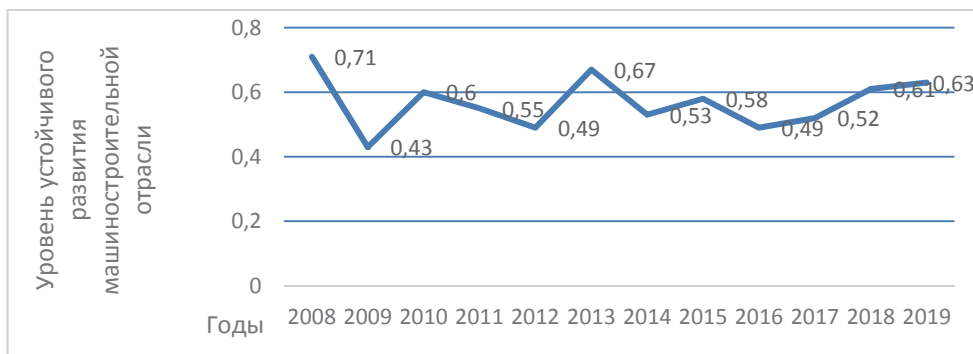

Рисунок 2 – Динамика уровня устойчивого развития машиностроительной отрасли Вологодской области

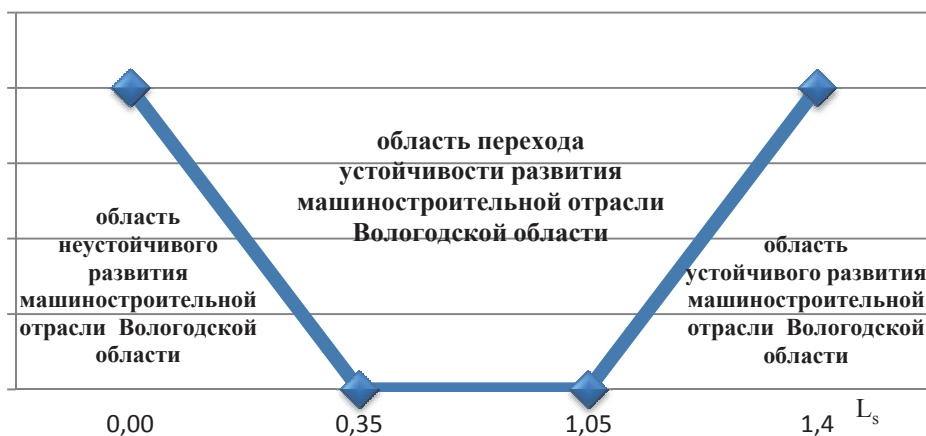

Рисунок 3 – Границы области устойчивого развития машиностроительной отрасли региона

Внедрение комплексного, пошагового расчета показателей устойчивого развития машиностроительной отрасли и получение на их основе обобщенного показателя выделяет среди других предложенную методику оценки уровня устойчивого развития. На все проанализированные в исследовании показатели, характеризующие уровень устойчивого

развития машиностроительной отрасли Вологодской области, оказывают воздействие факторы внешней и внутренней среды. Результаты исследования позволяют выработать обоснованные управленческие решения для формирования государственной политики в области машиностроения и контроля за ее реализацией.

Литература

1. Гуреева М.А., Медведева Н.А. и др. Теоретико-методологические подходы к формированию системы развития предприятий, комплексов, регионов / под общей редакцией В.В. Бондаренко // Пенза: Московская открытая социальная академия. 2013. 516с.
2. Гуськова Н.Д., Салимова Т.А., Краковская И.Н. Программно-целевое регулирование устойчивого развития и повышения конкурентоспособности региона // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2017. № 4. С. 49-59.
3. Каримова А.И. Оценка уровня устойчивого развития малого предпринимательства в регионе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2012. № 30 (289). С. 138-144.
4. Макоев В.Н. Машиностроение региона: тенденции и ключевые проблемы развития // Проблемы развития территории. 2013. № 1 (63). С.23-29.
5. Медведева Н.А. Теория и методы прогнозирования развития экономических систем // Вологда-Молочное: ИЦ ВГМХА. 2015. 84 с.
6. Овсянников С.О. О механизме устойчивого развития промышленных предприятий // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 5. С. 131-141.

УДК 334.7

Формы и виды кооперативных формирований на сельских территориях

А.Р. Набиева, кандидат исторических наук, ректор,

Казанский кооперативный институт (филиал Российского университета кооперации), г. Казань

Сельскохозяйственная кооперация – это один из векторов хозяйственной организационно-правовой конфигурации, выражающийся в качестве комплекса всевозможных кооперативов в сельском хозяйстве, их соединений, сформированным соответствующими производителями для того, чтобы были удовлетворены как их собственные потребности с точки зрения экономики, так и иные – общественные.

Сельскохозяйственная кооперация фактически не имеет альтернативы, выступая одним из наращивающих эффективность приемом производства в сельском хозяйстве. Именно данным аргументируется обширное развитие сельскохозяйственных кооперативных формирований. В подавляющем большинстве развитых капиталистических государств кооперативы предстали наиболее обширной фермерской организацией.

Сельские территории, кооперация, формы кооперативных формирований, виды кооперативов, сельскохозяйственные кооперативы, мировое сельское хозяйство.

Forms and types of cooperative formations in rural areas

A.R. Nabieva, candidate of historical Sciences, rector

of the Kazan cooperative Institute (branch of the Russian University of cooperation), Kazan

Agricultural cooperation is one of the vectors of economic organizational and legal configuration, which is expressed as a complex of various cooperatives in agriculture, their connections formed by the relevant producers in order to satisfy both their own needs from the point of view of the economy, and other social ones.

Agricultural cooperation actually has no alternative, being one of the methods of increasing the efficiency of production in agriculture. This is the reason for the extensive development of agricultural cooperative formations. In the vast majority of developed capitalist States, cooperatives appeared to be the most extensive farming organization.

Rural territories, cooperation, forms of cooperative formations, types of cooperatives, agricultural cooperatives, world agriculture.

Кооперативным формированиям в сельском хозяйстве отведено значимое место в сравнении с иными типами коллективных формирований. Так, сельскохозяйственная кооперация – это один из векторов хозяйственной организационно-правовой конфигурации, выражающийся в качестве комплекса всевозможных кооперативов в сельском хозяйстве, их соединений, сформированным соответствующими производителями для того, чтобы были удовлетворены как их собственные потребности с точки зрения экономики, так и иные – общественные [1].

В контексте рассматриваемой тематики терминология словосочетания «сельскохозяйственный товаропроизводитель» выступает фундаментальной, центральной при причислении кооператива к категории сельскохозяйственного

и характеризует всякое лицо (как физическое, так и юридическое), которое осуществляет производственные процессы, сопряженные с сельскохозяйственной продукцией, в свою очередь которой надлежит образовывать более, чем половина совокупного объема производимых ценностей [3].

Обозначим, что кооперативное формирование в рамках сельского хозяйства формируется, «живет» и совершенствуется на базе таких принципиальных положений, как:

- членская добровольность;
- взаимное оказание поддержки и помощи, предоставление выгоды для кооперативных членов с точки зрения экономики;
- распределение кооперативных прибыльных поступлений и убыточных

потоков среди участников, принимая к учету то, насколько они собственно вовлечены в труд либо процессы хозяйствования формирования;

- лимит для участия в хозяйствовании лиц, которые не являются кооперативными членами;

- лимит дивидендов по членским добавочным паям взносам, а также аналогичным взносам от ассоциированных участников;

- контроль за функционированием кооператива по принципу демократии;

- информационная доступность о «жизни» кооператива для каждого участника [1].

Предпосылки предрасположенности сельского хозяйства к кооперативным формированиям обусловлена рядом условий, приведенных на рисунке 1.

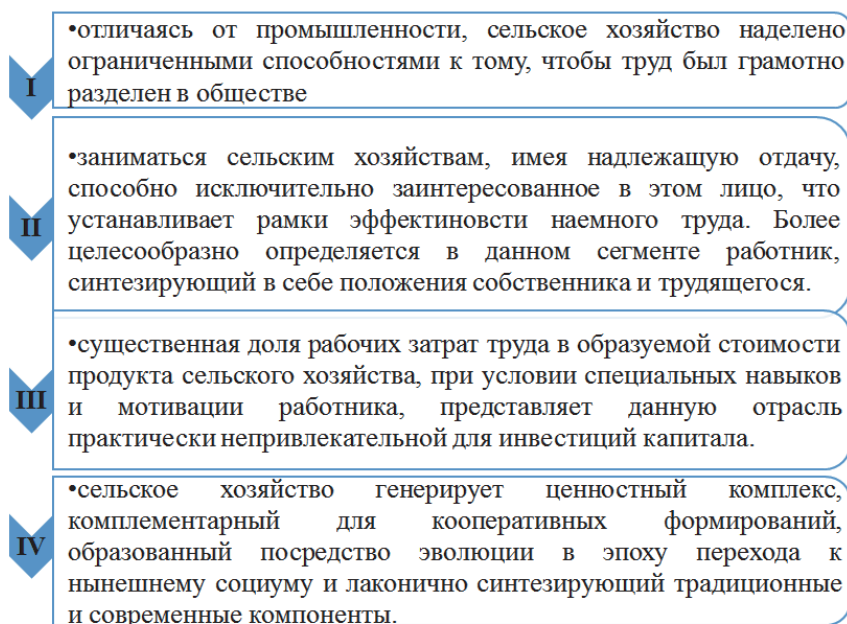

Рисунок 1 – Предпосылки предрасположенности сельского хозяйства к кооперативным формированиям

Ввиду представленных предпосылок сельскохозяйственная кооперация фактически не имеет альтернативы, выступая одним из наращивающих эффективность приемом производства в сельском хозяйстве. Именно данным аргументируется обширное развитие сельскохозяйственных кооперативных формирований. В подавляющем большинст-

ве развитых капиталистических государств кооперативы предстали наиболее обширной фермерской организацией [2].

Кооперативные формирования в общем их виде на сельских территориях могут быть представлены в качестве одной из двух крупных групп (рисунок 2), рассмотрим их различия.

Рисунок 2 – Виды кооперативных формирований на сельских территориях и их особенности

Поясним, что кооперативные члены группируются на:

- ключевых в виде физических/юридических лиц или их совокупности, которые вносят паи и избираются в кооперативное формирование посредством голосования, а также сами наделены правом голоса;

- ассоциированных в виде физических/юридических лиц или их совокупности, которые вносят паи, извлекают дивиденды, однако не обладают правом голоса, исключая predeterminedенные законодательством ситуации [1].

Принимая во внимание социальное значение исследуемой отрасли, кооперация в сельском хозяйстве имеет особый интерес для государства, политика в

ее отношении предопределяет как предпочтения материального характера, так и консалтинг, кроме того, планирование среды (сельского хозяйства) с учетом соответствующих кооперативных, рыночных и общественных интересов в купе.

Одновременно с тем важно выделить, что кооперация в рамках сельского хозяйства в качестве закономерной конфигурации построения аграрного сегмента являет необходимостью следующую формулу (рисунок 3) в целях обеспечения нормального течения функционирования каждого сельскохозяйственного кооперативного формирования [4].

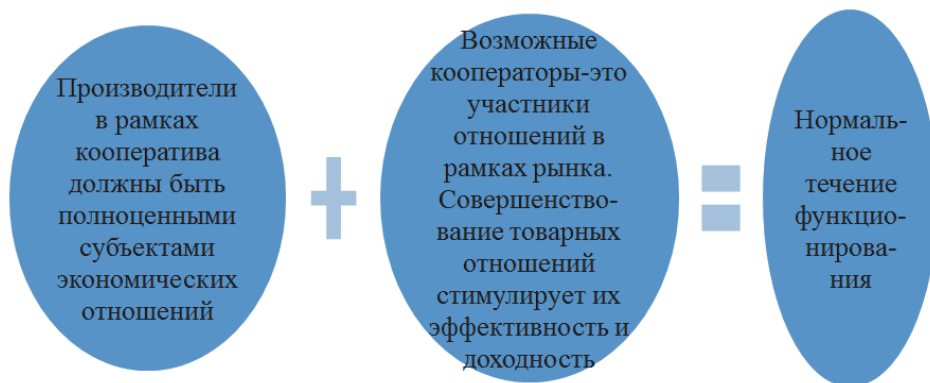

Рисунок 3 – Формула обеспечения нормального течения функционирования сельскохозяйственного кооперативного формирования

Действия государства с сельскохозяйственными кооперативными формированиями, где они применяются в качестве инструментария противостояния пауперизации жителей сельских территорий, первоначально присущи для стран, которые развиты слабо, а потому заведомо обречены на фиаско. Массы полупролетария, образующие ключевой «материал» социума для того, чтобы миссии «сверху» были продвинуты, кроме отсутствия надлежащего статуса, не обладают такими важными критериями собственника, которые есть непереносимое обстоятельство для кооперирования.

Задача руководящего аппарата стран, где аграрный сегмент неразвит, перескочить стадию зарождения коопераций, как в странах развитых, в преобладающем большинстве случаев задает кооперативный вектор, при этом нанося ему непоправимый ущерб для дальнейшего продвижения [1].

Практические аспекты мира отражают, что главнейшим рычагом регулирования кооперативных формирований на сельских территориях со стороны государства выступает налоговая политика.

Однако не менее эффективными, но наименее обширными методами финансовой помощи от государства к кооперативным формированиям в сельском

хозяйстве предстали непосредственные субсидии и их рыночное страхование рынков в пределах функционирования [2].

Сельскохозяйственные кооперативные формирования могут развиваться в двух видах конфигураций (рисунок 4).

Укажем, что непереносимое течение трансформации простого кооперативного формирования в сложное не является необходимостью и в действующей практике не отмечается.

Вместе с существенно малым числом сельскохозяйственных производственных кооперативов всецелого обобществления, включая и развитые государства, в обширных количествах имеются и всевозможные товарищества, которые кооперируют одно/несколько ответвлений цикла производства.

Следует упомянуть такую закономерность у сельскохозяйственных кооперативных формирований, как очевидно стоящую цель кооперативных форм выстраивать удельную долю экономических связей в секторе кооперации с аналогичными себе, что в собственную очередность обуславливает новейший потенциал в производственной концентрации, целесообразном укрупнении комплексов кооперации, формировании кооперативных ассоциаций [3].

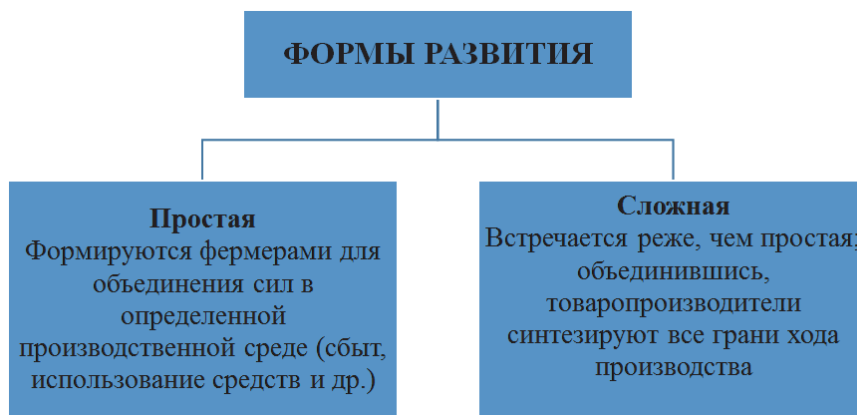

Рисунок 4 – Конфигурации сельскохозяйственных кооперативных формирований

Кроме формирования интегрированных ассоциаций между кооперативами, названная ранее закономерность исполнялась в явном стремлении первичных кооперативов к трансформации в объединения на уровне региона, отрасли, государства.

Значительная степень конкуренции в сельскохозяйственной рыночной нише порождает соединение первичных товариществ в союзы по профилям.

Значимое место в сегменте сельскохозяйственной кооперации отведено коллективной фермерской производственной переработке. Кроме разрешения первоначальной задачи (наращивание экономической состоятельности производителей в рассматриваемой среде), кооперативные формирования исполняют значимую функцию с точки зрения социума – снабжение общества действительно качественной и экологичной продукцией.

Не менее важная роль отведена кооперации при операциях снабжения в сельском хозяйстве. Значимость рационального построения снабжения сегмента сельского хозяйства предопределила приоритет именно кооперативов снабженческого типа [4].

Более часто, чем простые товарищества, которые продвигают превалирующую грань производственного цикла,

сельскохозяйственная практика показывает, что имеются кооперативы, которые синтезируют сразу несколько векторов функционирования, при этом не затрагивая частную хозяйственную сферу.

Кооперативные формирования фермеров кредитного характера в финансировании сельского хозяйства имеют важную значимость, отличаясь от потребительского, финансирование сельскохозяйственных коопераций производится посредством государственной поддержки.

Оценивая размерность и актуальность кооперативных функций в рамках мирового сельского хозяйства, можно говорить о том, что такие формирования обладают существенным функциональным потенциалом. Обширный развитый сектор кооперации нынешнего сельского хозяйства дает утверждение как минимум в том, что мнение касательно перспективности лишь частного сегмента в рассматриваемом экономическом поле одностороннее.

В завершение сказанного отметим, что тем актуальнее предстает опыт мировой сельскохозяйственной кооперации для российских сельских территорий, обладающих пространственными критериями и чертами.

Литература

1. Воронин Б.А., Маланичева А.В., Воронина Я.В., Погарцева Е.Е. Сельскохозяйственная потребительская кооперация: экономико-правовые проблемы развития в современной России // АБУ. 2016. № 8 (150) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/selskohozyaystvennaya-potrebitelskaya-kooperatsiya-ekonomiko-pravovyye-problemy-razvitiya-v-sovremennoy-rossii>.
2. Егоров В.Г. Мировой опыт развития кооперации в сельском хозяйстве // Вестник МГУЛ – Лесной вестник. 2012. № 3 (86) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mirovoy-opyt-razvitiya-kooperatsii-v-selskom-hozyaystve>.
3. Ибрагимова Г.Х., Вострцова Т.В. Кооперативные формы хозяйствования в системе управления развитием сельских территорий // АБУ. 2010. № 3 (69) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kooperativnye-formy-hozyaystvovaniya-v-sisteme-upravleniya-razvitiem-selskih-territoriy>.
4. Хлопонина-Гнатенко О.И. Формирование кооперативного принципа развития сельских территорий // Молодой ученый. 2014. № 2. С. 560-562 [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/61/9239/>.
5. Суглобов А. Социальная инфраструктура и ее значение для развития агропромышленного комплекса России // Проблемы теории и практики управления. 2006. № 7. С. 40-48.
6. Суглобов А., Мацкевич Д. Механизм взаимодействия субъектов национальной инновационной системы России // Финансовая жизнь. 2011. № 3. С. 48-53.
7. Набиева А.Р. Аспекты выхода на внешний рынок сельскохозяйственных кооперативов // Научное обозрение: теория и практика. 2018. № 7. С. 102-110, № 8. С. 53-61.
8. Набиева А.Р. Стратегическое управление развитием кооперативного движения в регионе // Научное обозрение: теория и практика. 2018. № 7. С. 220-226, № 8. С. 211-217.
9. Набиева А.Р. Новый взгляд на сущность предпринимательства и его социальную ответственность перед обществом / Л.П. Дашков, А.Р. Набиева // Вестник Российского университета кооперации. № 4 (38). 2019. С. 35-39.
10. Набиева А.Р. Потребительская кооперация в структуре рынка дикорастущих плодово-ягодных культур и лесных грибов // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Сельскохозяйственные науки. Экономические науки» 2019. № 4. (20). С. 470-480.

УДК 330.3

Классификация угроз экономической безопасности предприятий военно-промышленного комплекса

Н.С. Орлов, аспирант третьего года обучения кафедры финансового учета и контроля,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«МИРЭА – Российский технологический университет», г. Москва

Настоящая статья освещает текущую ситуацию в области экономической безопасности субъектов (предприятий), относящихся к военно-промышленному комплексу, дает характеристику присущей ему проблематике, трансформирующейся в ряд угроз. Кроме того, обусловлены параметры и критерии данных угроз с приведением их детализации, классификационных групп.

Экономическая безопасность, военно-промышленный комплекс, проблемы экономической безопасности, угрозы функционированию предприятия, параметрическая оценка.

Classification of threats to economic security of enterprises of the military-industrial complex

N.S. Orlov, third year postgraduate student, Department of Financial Accounting and Control,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«MIREA – Russian Technological University», Moscow

This article highlights the current situation in the field of economic security of subjects (enterprises) belonging to the military-industrial complex, gives a characteristic of its inherent problems, which are transformed into a number of threats. In addition, the parameters and criteria for these threats are determined, including their details and classification groups.

Economic security, military-industrial complex, problems of economic security, threats to the operation of the enterprise, parametric assessment.

Один из ведущих векторов национальной безопасности России – это реформы по стратегическим отраслям, степень развитости которых обуславливает государственную экономическую безопасность, являющуюся ключевым компонентом собственно национальной безопасности и основополагающим фактором для «жизни» и преобразования страны [1,2,3]. Соответствующие Стратегии определяют крайнюю значимость военно-промышленного комплекса в предоставлении российской национальной безопасности.

Научно-аналитическое исследование трудов в области экономики доказывает роль экономической безопасности

военно-промышленных предприятий в контексте экономической безопасности страны (рисунок 1).

Текущий отечественный военно-промышленный комплекс возник и модифицируется во времени, основываясь на аналогичном комплексе Советского Союза в качестве приоритетного вектора его политических процессов в экономике. Сейчас данный комплекс – это единство предприятий/учреждений, направлением которых является производство оборудования/техники для защиты государства, а также для поставки за границу, и, кроме того, выпуск конверсионной продукции для населения [4].

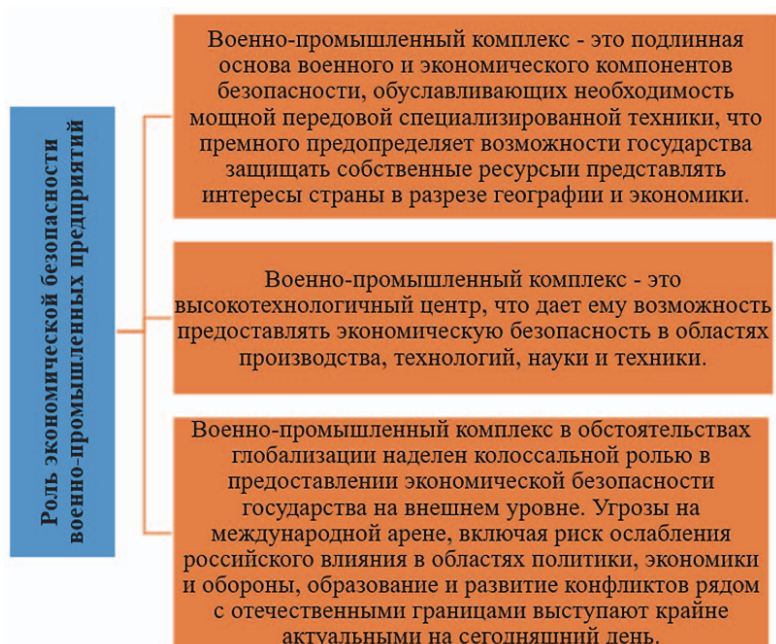

Рисунок 1 – Роль экономической безопасности военно-промышленных предприятий в контексте экономической безопасности страны

Военно-промышленный комплекс России синтезирует в себе предприятия следующего типа (рисунок 2).

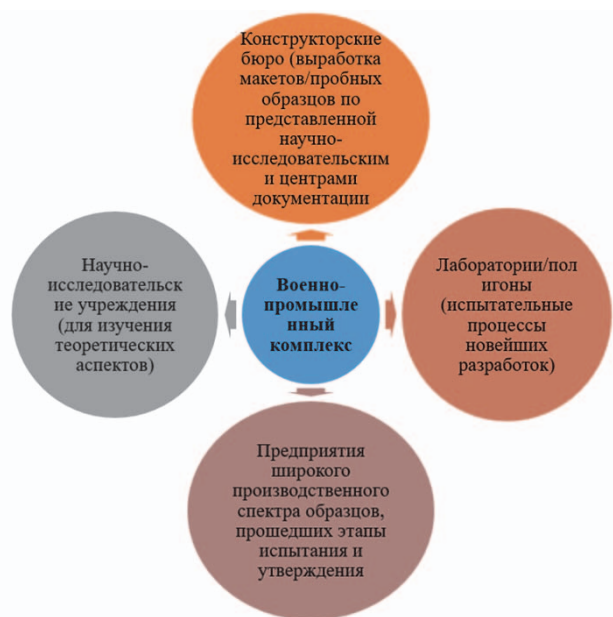

Рисунок 2 – Субъекты военно-промышленного комплекса

На рисунке 3 приведен удельный вес предприятий, функционирующих в военно-промышленном комплексе, в сегменте наукоемкой продукции по соответствующим видам высоких технологий [5].

Рисунок 3 – Удельный вес предприятий, функционирующих в военно-промышленном комплексе, в сегменте наукоемкой продукции высокотехнологичного производства

На практике предполагается, что военно-промышленный комплекс трансформируется в систему широкого спектра, которая будет включать в себя и крупные предприятия, способные вступить в сильную конкуренцию.

Решением на перспективу выступает внедрение военно-промышленный компаний в холдинги, что будет содействовать численному

приросту акционерных обществ и численному оттоку унитарных компаний государственной принадлежности [5].

На рисунке 4 находит отражение современная подчиненность предприятий России военно-промышленного комплекса соответствующим структурам [6].

Рисунок 4 – Подчиненность предприятий России военно-промышленного комплекса

Стоящие проблемы военно-промышленного комплекса обуславливают и положение экономической безопасности предприятий данного сегмента.

Невзирая на то, что российский военно-промышленный комплекс наделен совершенной наукой по отраслям, уникальными конструкторскими разработками, высочайшими возможностями к экспорту, в его предприятиях есть широкий спектр проблем, которые образуют угрозы для собственно экономической безопасности и вызывают необходимость моментальных решений, и научно-прикладных разработок по их минимизации (рисунок 5).

В настоящее время, реформация военно-промышленного комплекса не дала возможность разрешить названные

проблемы. Поэтому для удержания потенциала производства исполняется два вектора:

- поставка за границу вооружения;
- конверсия, т.е. долевая переориентация на то, чтобы в большем количестве выпускалась продукция и для гражданского пользования.

При данной ситуации производственный инструментариум требует существенного наращивания эффективности, а текущая мощнейшая зависимость от импортных заказов и структуры политических целей значительно воздействует на стабильность предприятий военно-промышленного комплекса [7].

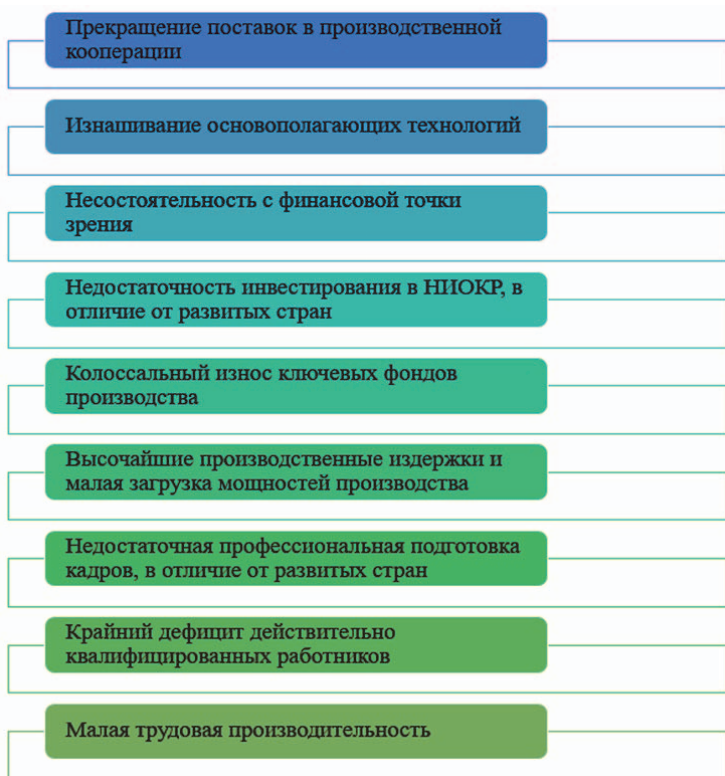

Рисунок 5 – Текущие проблемы предприятий военно-промышленного комплекса, образующие угрозы для их экономической безопасности

Для того, чтобы оценить экономическую безопасность, требуется параметрическое и критериальное единство, которое дает характеристику возможности противодействовать аспектам тех или иных угроз. В соответствии с конкретными критериями образуются надлежащие параметры экономической безопасности [6].

Параметры экономической безопасности и присущих конкретной ситуации угроз предстают полярными по сущности величинами, поскольку дают характеристику противоположным положениям единого критерия совершенствования субъектов военно-промышленного комплекса. Максимальное по пределу значение параметра угрозы отражает возможность утраты военно-промышленным предприятием собственного статуса, эффективности, структур-

ности [6].

Критерий устанавливает качественную базу в рамках экономической безопасности военно-промышленной организации, в то время как параметру дает оценку с количественного воззрения.

На рисунке 6 приведены основные угрозы для экономической безопасности субъектов военно-промышленного комплекса и их соответствующие параметры [7].

Важно отметить такой параметр экономической безопасности, являющийся полярным и именующийся предельным, при котором возможность угрозы для военно-промышленного субъекта варьируется от 0 до 1, а его математическая интерпретация приравнивается к единице.

Рисунок 6 – Параметры основополагающих угроз для экономической безопасности субъектов военно-промышленного комплекса

В общем смысле, безопасность военно-промышленного учреждения в качестве системы с точки зрения экономики выражается широким спектром параметров и критериев. Его возможность противодействовать угрозам отмечается обеспечением ресурсами, технологиями, внутренней организацией и финансовыми потоками, а вся совокупность рассматриваемых угроз детализируется на две обширные группы – требуемые к понижению (остро стоящая угроза, необходимая к срочному предотвращению) и требуемые к повышению (иногда на практике бывает необходимо снизить меры противодействия одной угрозе, тем самым нарастив ее, чтобы

была возможность наоборот усилить противодействие в отношении другой угрозы) [6].

Критерием принадлежности к конкретной группировке выступает приоритетный вектор преобразования параметра для минимизации конкретной угрозы [7].

Итак, первостепенная оценка «маячка» динамики угрозы в ретроспективе дает возможность к корректировке методик противостояния в целях предоставления экономической безопасности для исследованных предприятий, принадлежащих к военно-промышленному комплексу.

Литература

1. Банк С.В., Банк О.А. Цели и векторы обеспечения экономической безопасности высокотехнологичных компаний // Вопросы региональной экономики. 2019. № 3. (40). С. 8-13.
2. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом президента РФ от 31.12.2015 № 683 [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения 06.04.2020).
3. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденная Указом президента РФ от 13.05.2017 № 208 [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201705150001.pdf> (дата обращения 06.04.2020).
4. Мармузов П.А. Оборонно-промышленный комплекс в системе экономической безопасности России: дисс. канд. экон. Наук // СанктПетербург. 2011. 188 с.
5. Феофилова Т.Ю., Литвиненко А.Н., Радыгин Е.В. Экономическая безопасность в контексте новой стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 7 (340). С. 107-118.
6. Гурьянов А.В., Чешина В.В. Обоснование основных угроз экономической безопасности предприятия оборонно-промышленного комплекса // Вестник военной академии материально-технического обеспечения им. Генерала армии А.В. Хрулева. 2017. № 4(12). С. 55-60.
7. Гурьянов А.В., Бабенков В.И. Военно-промышленная безопасность цепей поставок компонентов оборонно-промышленного комплекса // Электронный научный журнал. 2017. № 7 (22). С. 72-75.
8. Суглобов А.Е., Хмелев С.А., Орлова Е.А. Экономическая безопасность предприятия: учеб. Пособие // М.: Юнити-Дана. 2017. 271 с.
9. Экономическая безопасность: учебник под ред С.С. Маиляна // М.: Юнити-Дана. 2018. 503 с.

УДК 332.1

Оценка тенденций и прогнозирование динамики развития региональной экономики

Е.А. Остапенко, кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры «Финансового менеджмента и банковского дела»,
ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный аграрный университет»,
г. Ставрополь, Ставропольский край

В статье рассматривается утилитарное применение сценарного подхода в практике управления региональным развитием. Изучен опыт, обусловлена целесообразность разработки целевых сценариев социально-экономического развития региона. Рассмотрена взаимосвязь сценарного подхода с обеспечением устойчивого развития и вариантов решения проблемы модернизации экономики региона.

Региональная экономика, социально-экономическое развитие, сценарии развития, прогнозирование.

Assessment of trends and forecasting the dynamics of the regional economy

E.A. Ostapenko, Ph.D., associate professor,
associate professor of the department of financial management and banking,
FGBOU VO «Stavropol State Agrarian University», Stavropol, Stavropol Territory

The article discusses the utilitarian application of the scenario approach in the practice of managing regional development. The experience was studied, the expediency of developing targeted scenarios for the socio-economic development of the region was determined. The relationship of the scenario approach with ensuring sustainable development and options for solving the problems of modernization of the economy of the region is considered.

Regional economy, socio-economic development, development scenarios, forecasting.

В результате реализации государственной политики регионального развития за последние 10 лет наблюдается снижение межрегиональных социально-экономических диспропорций. Пространственная организация российской экономики с 1990-х годов трансформировалась под влиянием множества факторов, а также условий международной торговли и научно-технического развития. За этот период в России сформировались крупные центры экономического роста, обеспечивающие более 1% от общего прироста ВРП. К ним относятся 19 крупных городских агломераций, а также 4 центра минерально-сырьевых ресурсов (Республика Саха, Сахалинская область, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский автономные округа).

Центры экономического роста меньшего масштаба сформировались в регионах РФ, которые являются административными центрами.

На фоне увеличения демографической нагрузки на трудоспособное население и увеличения миграционной мобильности отмечается стабилизация населения в большинстве регионах. Наблюдается сокращение миграционного оттока из Восточной Сибири и северных регионов европейской части, с Дальнего Востока.

Население городов с численностью менее 100 тыс. человек, а также сельских территорий неуклонно сокращается, за исключением большинства южных регионов европейской части, а также территорий, являющиеся городскими агломерациями.

Сохраняются низкие темпы развития сети скоростного движения, что препятствует реализации транзитного потенциала РФ и увеличивает скорость движения между городскими агломерациями.

Наиболее значительными изменениями в пространственной организации экономики являются:

– рост производства товаров народного потребления в центральных регионах европейской части и субъектах РФ;

– сосредоточение научной, научно-технической и инновационной деятельности в агломерациях;

– перенос добычи углеводородов на слаборазвитые территории, а также в акватории дальневосточных и

арктических бассейнов;

– концентрация сельскохозяйственного производства в районах с наиболее благоприятными агроклиматическими и почвенными условиями и выгодным положением по отношению к крупным потребительским рынкам.

Наступательно распространяются удаленные формы выполнения трудовой деятельности, усиливается дистанционная доступность услуг за счет внедрения информационных и телекоммуникационных технологий [4].

Рисунок 1 – Сценарий пространственного развития регионов РФ

Для снижения межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии регионов РФ и сокращения внутрирегиональных социально-экономических различий необходимо:

– за счет социального и экономического развития городов и сельских территорий повысить устойчивость системы расселения с учетом плотности на-

селения, разного характера освоения и использования территорий, условий окружающей среды, удаленности от крупных городов;

– улучшить территориальную организацию предоставления услуг секторам социальной сферы (здравоохранение, образование, культура, физкультура и спорт, социальные услуги);

– увеличить конкурентоспособность региональной экономики за счет реализации конкурентных преимуществ субъектов РФ;

– обеспечить межрегиональное сотрудничество в рамках макрорегионов РФ.

В целях ускорения экономического роста, научно-технического и инновационного развития РФ посредством социального и экономического развития предлагается:

– форсировать экономическое, научное, технологическое и инновационное развитие;

– развивать отрасли социальной сферы;

– повысить качество и комфорт городской среды;

– внедрить информационные технологии, платформенные решения для управления городской инфраструктурой [1].

Прогноз пространственного развития может основываться на стандартном наборе сценариев – инерционном и приоритетном, чтобы затем проектировать на каждое направление простран-

ственную специфичность с всевозможными комбинациями факторов развития и барьеров. Но при любом сочетании основной тенденцией развития станет сокращение жилого и экономического пространства.

Инерционный сценарий предполагает сохранение текущего тренда развития системы расселения и экономики при условии, что запланированные меры и механизмы устойчивого и сбалансированного пространственного развития не будут реализованы.

Приоритетный сценарий направлен на снижение региональных различий по базовым социально-экономическим показателям.

Реализация мероприятий регионального социально-экономического развития, рост доступности социальных услуг, в том числе за счет разработки современных методов предоставления услуг, улучшения транспортной доступности, будет способствовать сохранению и развитию человеческого капитала. Целевые показатели пространственного развития Российской Федерации представлены в таблице 1 [3].

Таблица 1 – Показатели пространственного развития в РФ

Показатели	2017	Инерционный сценарий	Целевой сценарий
		2025	2025
Среднегодовой темп роста ВРП регионов РФ, в которых расположены центры экономического роста РФ, %	101	102,6	103,7
Отношение среднедушевого ВРП регионов, которые к приоритетным геостратегическим территориям	0,64	0,66	0,7
Дифференциация индекса человеческого развития между субъектами по отношению к 2017 г., %	100	101	97
Рост транспортной мобильности населения по отношению к 2017 г., %	100	115	118
Рост экспорта услуг по отношению к 2017 г., %	100	135	143

Ставропольский край является одним из ключевых субъектов на юге

Российской Федерации – центр Северо-Кавказского макрорегиона, геостратеги-

ческая территория, имеющая существенное значение для обеспечения территориальной целостности и безопасности государства. Территория края относится к приоритетным территориям Северо-Кавказского федерального округа (СКФО).

В 2017 году по общему объему валового регионального продукта край занял 1-е место среди субъектов СКФО и 32-е место среди субъектов Российской Федерации (доля ВРП региона в федеральном округе составляет 35,7% и 0,8% в ВРП федерации). По объему ВРП на

душу населения регион находится на первом месте среди субъектов СКФО.

В 2018 году регион по общему объему инвестиций занял 2-е место в СКФО (после Республики Дагестан), общая доля инвестиций в основной капитал региона по СКФО составила 28,7%, в совокупном объеме инвестиций регионов РФ – 0,9%.

Доля региона в показателях социально-экономического развития Южного федерального округа (ЮФО) и СКФО и СКФО отражена в таблице 2.

Таблица 2 – Роль Ставропольского края на Юге России

Ставропольский край на Юге России (ЮФО и СКФО)		Ставропольский край в СКФО	
Площадь	11%	Площадь	39%
Население	11%	Население	29%
Занятые	12%	Занятые	36%
Валовой региональный продукт	10%	Валовой региональный продукт	36%
Стоимость основных фондов	9%	Стоимость основных фондов	37%
Добыча полезных ископаемых	3%	Добыча полезных ископаемых	40%
Обрабатывающие производства	10%	Обрабатывающие производства	67%
Производство, распределение электрической энергии, газа и воды	16%	Производство, распределение электрической энергии, газа и воды	60%
Производство сельскохозяйственного сырья	15%	Производство сельскохозяйственного сырья	46%
Растениеводство	16%	Растениеводство	57%
Животноводство	13%	Животноводство	32%
Ввод жилья	9%	Ввод жилья	25%
Оборот розничной торговли	11%	Оборот розничной торговли	31%
Инвестиции в основной капитал	7%	Инвестиции в основной капитал	25%

Анализ статистики и результатов социологических опросов выявил в регионе наличие внутрирегиональной дифференциации по качеству жизни. Существующие проблемы на рынке труда, в сфере образования и здравоохранения серьезно влияют на качество жизни населения края, заставляя его задумываться о миграции в город Ставрополь, являющийся административным центром края, или другие субъекты Российской Федерации. В наибольшей степени это касается восточных районов региона, где проблемы с рабочими местами, наличием и качеством социальной и коммунальной инфраструктуры наиболее остры, а кли-

матические условия наименее благоприятны. Города вне агломераций, которые должны быть основой каркаса расселения региона, в настоящее время не предстают в глазах населения привлекательными для проживания за счет существующих экономических и инфраструктурных проблем, меньших возможностей для профессионального роста и самореализации по сравнению с центрами агломераций (город Ставрополь, города-курорты Кавказских Минеральных Вод), в связи с чем, города вне агломераций испытывают стабильный миграционный отток. Тем не менее, агломерации также не лишены перечисленных выше обще-

региональных проблем, к которым добавляются такие как транспортные заторы, перегруженность объектов социальной инфраструктуры, проблемы экологического характера.

Приоритетным вектором пространственного развития региона является выравнивание территориальных диспропорций. Результативное простран-

ственное развитие региона и повышение конкурентоспособности его территорий возможны при условии грамотной реализации политики пространственного развития.

Сценарии социально-экономического развития региона определены совокупностью внешних и внутренних факторов [5].

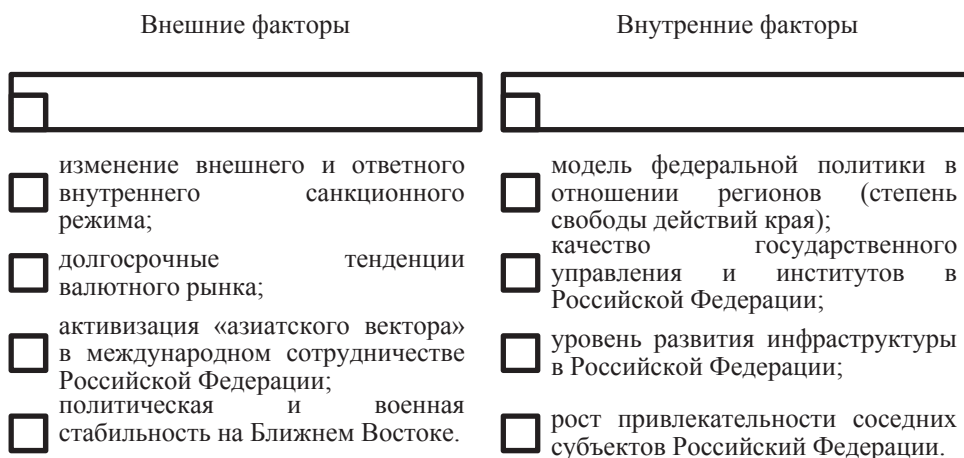

Рисунок 2 – Совокупность внутренних и внешних факторов, определяющие вектор регионального развития

В зависимости от изменения внешних и внутренних факторов предлагается три сценария. Важная роль в пространственном развитии территории отводится комплексу мер Правительства региона по реализации приоритетного вектора социально-экономической политики.

Для каждого сценария предлагается перечень действий органов власти, который позволит достичь предельный уровень социально-экономического развития региона с учетом внешних и внутренних факторов.

В первом сценарии (инерционный) внешние факторы фиксируются в текущем состоянии, сохраняются существующие практики федеративных отношений, долговая и межбюджетная политика. Внешние санкции сохраняются на

длительный период. В результате реализации указанных условий, активная политика в области импортозамещения сохранится, спрос на отечественную сельскохозяйственную продукцию и продукты питания будет устойчивым, что выгодно агропромышленным регионам. В заданных условиях регион будет максимально использовать свои климатические преимущества и займет существенную долю рынка продовольствия. Отметим, что наиболее востребованными будут недорогие продукты, что ограничит возможности производителей продукции вкладывать средства в новые технологии и, как следствие, ограничит доходы регионального бюджета. В туристическом и других секторах экономики сложится аналогичная ситуация: сохранятся текущие тенденции, про-

изойдет импортозамещение ключевых позиций, отрасли будут демонстрировать ограниченный рост и умеренное обновление технологий и моделей бизнеса.

Во втором сценарии (умеренное развитие) принципиального изменения модели социально-экономического развития региона не произойдет, как и существенных структурных сдвигов. При этом сохранится сравнительно благоприятная мировая конъюнктура на ключевые экспортные группы российских товаров. Сохранение сырьевой ренты приведет к усилению инвестиционной активности. Наряду с этим усилится региональная конкуренция за инвестирование. Тем не менее, трансформация структуры экономики не произойдет, в традиционных отраслях не сформируются высокотехнологичные сегменты, следовательно, не будут достигнуты целевые ориентиры роста заработной платы, несмотря на то, что темпы роста ВРП могут даже превышать среднероссийский уровень.

Третий сценарий (целевой) формирует условия для сочетания благопри-

ятной внешней среды и реализации собственных возможностей региона. Российская Федерация в целом будет развиваться по целевому сценарию социально-экономического развития, что предполагает интенсивное технологическое развитие, рост расходов бюджетов всех уровней социальную сферу. Увеличение инвестиционных возможностей приведет к росту конкуренции за новые бизнес-идеи и предпринимательские компетенции. Будет больше возможностей для активной и инновационной социальной политики, будет активно развиваться новые информационные технологии, повысится привлекательность российских регионов для посещения иностранными туристами. Активность будет направлена на реализацию проектов по созданию высокооплачиваемых рабочих мест. Существенный акцент экономической политики направлен на внедрение цифровых технологий и экспорт (табл. 3) [6].

Структура ВРП региона по сценариям отражена на рисунке 3.

Таблица 3 – Целевые показатели пространственного развития Ставропольского края

Показатели	2017	2025 (целевой)	2025 (инерционный)	Темп роста
Численность населения, чел.	2804383	2920776	2882018	104 %
Прирост ВРП (индекс физического объема накопленным итогом)	100 %	182 %	141 %	182 %
ВРП на душу населения руб./чел. (в ценах 2017 г.)	243565	424855	333858	174 %
Экспорт, млн. долл. (в фактических ценах)	948	1511	1263	159 %
Индекс роста высокотехнологических производств (накопленным итогом)	100 %	288 %	194 %	288 %
Индекс потребительских цен (накопленным итогом)	100 %	142 %	128 %	142 %
Ввод жилья, тыс.	1270	1596	1510	126 %
Заработная плата, руб. (в ценах 2017 г.)	25745	52270	38067	203 %
Численность занятых, чел.	1305000	1492000	1412000	114 %
Доходы бюджета, тыс.руб. (в ценах 2017 г.)	104101	165962	132677	159 %

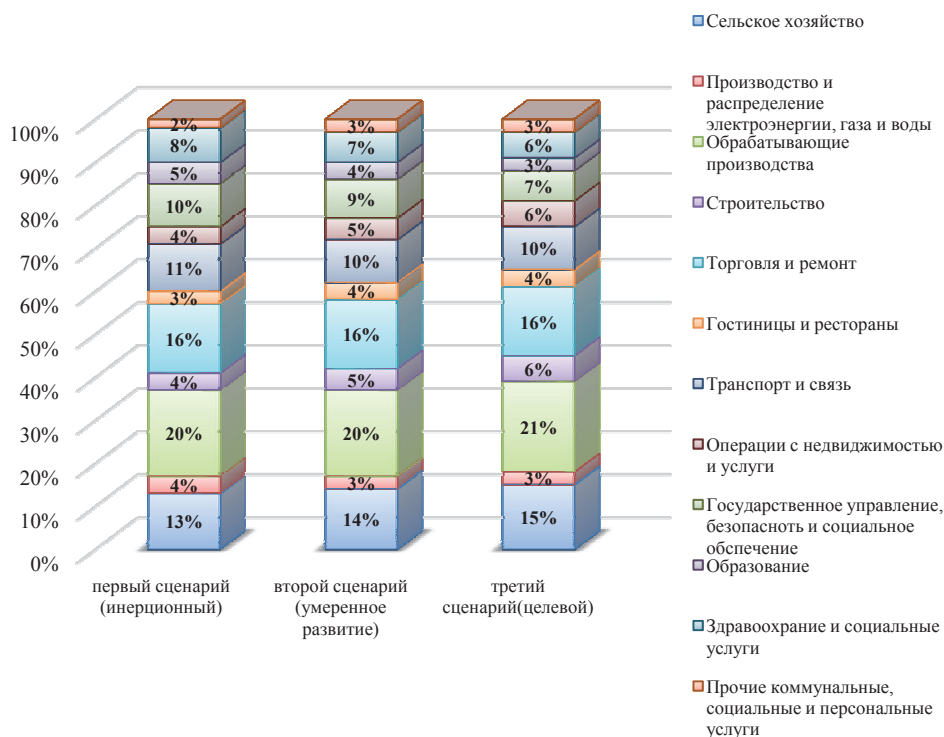

Рисунок 3 – Величина и структура ВРП Ставропольского края по сценариям социально-экономического развития

При реализации целевого сценария произойдут существенные изменения в структуре экономики (рис. 4) [2].

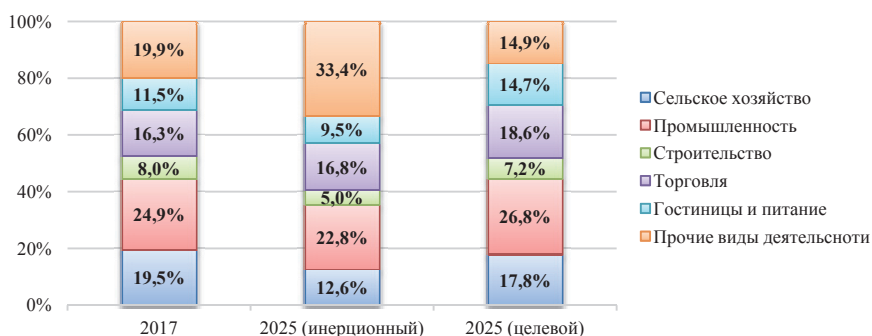

Рисунок 4 – Результаты реализации целевого сценария

Форсированный рост обусловлен качественным увеличением и стабилизацией реального сектора экономики (обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство и строительство – на уровне 52% структуре валового регионального продукта). Рост торговли до 18,6%. Развитие гостиничного и ресто-

ранного бизнеса, превращение его в реальный драйвер экономического роста – | до 15% в структуре ВРП.

Литература

1. Ермоленко А.А. Субъектная целостность российской экономики: взгляд через призму теории интегрированных субъектов // Вестник Волгоградского государственного университета. 2018. № 2. С. 5-15.
2. Закон Ставропольского края от 27 декабря 2019 г. № 110-кз «Стратегия социально-экономического развития Ставропольского края до 2035 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cgi/online.cgi?base=RLAW077&dst=100012&n=157391&req=doc#06080003078893046> (дата обращения 28.03.2020 г.).
3. Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития после кризиса // Журнал новой экономической ассоциации. 2015. № 2. С. 226-230.
4. Шамахов В.А., Межевич Н.М. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: экономические возможности и управленческие решения // Управленческое консультирование. 2019. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/rossiyskoj-federatsii-na-period-do-2025-goda-ekonomicheskie-vozmozhnosti-i-upravlencheskie/viewer> (дата обращения 28.03.2020 г.).
5. Щитинский В.А. Стратегия пространственного развития Российской Федерации – инновация в государственном управлении России // Управленческое консультирование. 2015. № 7 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/federatsii-innovatsiya-v-gosudarstvennom-upravlenii-rossii/viewer> (дата обращения 28.03.2020 г.).
6. Яковлева С.И. Пространственные модели в стратегиях социально-экономического развития регионов России // Псковский региональный журнал. 2014 № 17 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/strategiyah-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-regionov-rossii/viewer> (дата обращения 28.03.2020 г.).

УДК 332.05

Оценка региональных особенностей государственных и муниципальных закупок

Ю.С. Пиньковецкая, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономического анализа и государственного управления,
Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск

Целью исследования является оценка показателей, описывающих региональные особенности закупок для государственных и муниципальных нужд. Рассматривались следующие показатели: средняя стоимость одного контракта по каждому из регионов, средняя стоимость контрактов, в выполнении которых участвуют субъекты малого предпринимательства, экономия при заключении контрактов, доля количества контрактов, в выполнении которых участвуют субъекты малого предпринимательства, и их доля в общей стоимости контрактов. В исследовании использованы данные, сформированные на основании Единой информационной системы по 82 регионам России.

Контрактная система, государственные закупки, регионы, Единая информационная система.

Assessment of regional features of state and municipal procurements

I.S. Pinkovetskaia, Ph.D., associate professor of Economic analysis and state management department,
Ulyanovsk state University, Ulyanovsk

The purpose of the study is to evaluate indicators describing regional features of procurement for state and municipal needs. The following indicators were considered: the average cost of one contract for each of the regions, the average cost of contracts in which small business entities participate, savings in concluding contracts, the share of the number of contracts in which small business entities participate, and their share in the total cost of contracts. The study uses data generated on the basis of a Unified information system for 82 regions of Russia.

Contract system, public procurement, regions, Unified information system.

Деятельность российской контрактной системы организована в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [6]. Общая стоимость заключенных в 2019 году закупок по данным Единой информационной системы достигла РФ в 2019 году 9,6 трлн. рублей. По сравнению с 2018 годом рост общей стоимости контрактов составил 15%. Всего в 2019 году федеральные, региональные и муниципальные заказчики заключили 3,4 млн. контрактов. В процессе заключения этих контрактов была получена общая экономия средств заказчиков 361 млрд. рублей в 2019 году [3].

Одним из наибольших достижений развития контрактной системы в России является переход всех государст-

венных и муниципальных закупок в настоящее время на цифровую платформу. В качестве такой платформы выступает Единая информационная система [3]. В России, в соответствии с законодательством, при осуществлении конкурентных закупок, начиная с 2019 года, применяются только электронные процедуры, включая подписание контрактов. Единая информационная система формирует в режиме реального времени массивы данных, в том числе планы закупок и сведения об их реализации, информацию о закупках и заключенных контрактах; реестр недобросовестных поставщиков; каталоги товаров, услуг и работ для обеспечения муниципальных и государственных служб.

Цифровизация закупок, как показывает накопленный опыт и проведенные научные исследования [9, 12, 15], способна обеспечить повышение эффек-

тивности расходования средств бюджетов всех уровней, уменьшение коррупции, упрощение закупочных процедур, сокращение их сроков и стоимости. Все это может улучшить качество государственного и муниципального управления на основе открытости и прозрачности приобретения необходимой продукции надлежащего качества. Кроме того обеспечивается снижение бюрократических процедур и административных барьеров, а также исключается личное взаимодействие с подрядчиков и заказчиков. В статье [8] подчеркивается, что для электронной контрактной системы необходима правительственная поддержка, принятие соответствующих законодательных актов, развития цифровой инфраструктуры, обеспечение безопасности онлайн-платежей и транзакций. Региональные особенности оказывают большое влияние на объем и структуру закупок для государственных нужд. Это показано в частности, на примере итальянского электронного рынка в работе [7].

Большое внимание при формировании контрактной системы должно уделяться вопросам обеспечения беспрепятственного допуска к тендерам субъектов малого предпринимательства. Некоторые аспекты этой проблемы отражены в научных исследованиях. Так, в статье [14] рассмотрена непропорциональная доля государственных контрактов с малым бизнесом в Европейском Союзе, несмотря на то, что в соответствующем законе признана важная роль таких предприятий в закупках. В работе [10] на основе данных по 271 заказчиком в Ирландии доказано, что имеется существенная разница между декларируемой государственной политикой содействия малым предприятиям при заключении контрактов и реальной ситуацией. Анализ государственных закупок в странах Европы показал [13] значительную разницу в экономии затрат по этим странам и их областям, обусловленную объективными и субъективными причинами.

Наличие Единой информационной системы выдвигает в число актуальных проблему изучения показателей, характеризующих государственные и муниципальные закупки, а также получения новых знаний о них непосредственно после окончания каждого временного периода (месяца, квартала, года).

В ходе исследования мы задаем следующие три вопроса:

1. Каковы общие характеристики всех контрактов по каждому региону России.

2. Каковы характеристики контрактов с участием субъектов малого предпринимательства по каждому региону России.

3. Какую экономию средств обеспечивает проведение контрактных процедур с использованием Единой информационной системы по каждому региону России.

При этом мы отвечаем на последние призывы в литературе к более систематическому изучению закупок для государственных нужд [11]. В ходе исследования оценивались функции плотности нормального распределения, характеризующие относительные показатели проведенных в 2019 году тендеров.

Аналізу закупок для государственных и муниципальных нужд, в том числе работе единой информационной контрактной системы в России, уделяется определенное внимание в исследованиях российских ученых [1, 2]. При этом основное внимание уделяется непосредственно общим вопросам деятельности закупочной системы, региональные особенности заключаемых контрактов, характеризующие их показатели и межрегиональный сравнительный анализ не нашли пока должного отражения в проведенных исследованиях. Вместе с тем, анализ структуры проведенных тендеров в России демонстрирует преобладание заказчиков муниципального (71,1%) и регионального уровней (19,4%). На них приходится больше девяти из каждых

десяти заключенных контрактов. На органы федерального уровня приходится только 9,5% всех заказчиков [3]. Учитывая это, наибольшую актуальность в настоящее время представляет изучение проблемы региональных особенностей функционирования контрактной системы в России.

Необходимо отметить, что сравнительный анализ абсолютных значений региональных показателей государственных и муниципальных закупок представляется не целесообразным, поскольку регионы России существенно отличаются по численности населения, социально-экономическому положению, климатическим условиям, географическому расположению, что оказывает значительное влияние на объемы и структуру таких закупок. Поэтому логичным представляется сравнительный анализ закупок для государственных и муниципальных нужд на основе относительных показателей.

Целью статьи является оценка удельных показателей, описывающих региональные особенности закупок товаров и услуг для государственных и муниципальных нужд на основании информации за 2019 год. Речь идет о следую-

щих показателях, вытекающих из итогов анализа литературных источников, приведенных выше. Первый показатель описывает значение средней стоимости одного контракта по каждому из регионов. Второй показатель характеризует привлечение субъектов малого предпринимательства (МП) к реализации контрактов в качестве основных исполнителей или субподрядчиков (соисполнителей) и отражает среднюю стоимость одного такого контракта по региону. Третий показатель – полученная экономия в процессе заключения контрактов от общей их стоимости. Четвертый показатель – доля контрактов, в выполнении которых участвуют субъекты малого предпринимательства, в общем числе заключенных контрактов. Пятый показатель – доля стоимости контрактов, в выполнении которых участвуют субъекты малого предпринимательства, в общей стоимости всех заключенных контрактов. Использование удельных показателей позволяет проводить сравнительный анализ по регионам, что представляется актуальным для изучения проблемы совершенствования контрактной системы в России.

Таблица 1 – Фрагмент данных о проводимых на территории регионов России государственных и муниципальных закупках

Регионы	Количество заключенных контрактов	Стоимость контракто в млрд. руб.	Относительная экономия, %	Количество контрактов с участием МП	Стоимость контрактов с участи-
Алтайский край	64 618	73,54	6,15	44063	33,5
Амурская область	17 957	26,81	3,8	12325	16,34
Архангельская область	26 149	50,53	6,5	16283	23,96
Астраханская область	23 042	56,85	6,57	15876	25,31
Белгородская область	48 237	75,25	3,06	29182	39,19
Брянская область	27 194	34,07	3,77	15825	15,44
...

В процессе исследования тестировались три гипотезы:

- гипотеза 1 – в настоящее время сложились существенные различия значений каждого из пяти указанных выше показателей в различных регионах России;

- гипотеза 2 – значения показателей не определяются территориальным расположением регионов;

- гипотеза 3 – значения показателей не зависят от уровня экономического развития регионов.

Проверка этих гипотез основывалась на моделировании эмпирических данных с использованием функций плотности нормального распределения. Разработка указанных функций, как показывают выполненные ранее работы автора, позволяют получить несмещенные характеристики изучаемых экономических процессов [4, 5].

В качестве исходной информации использовались официальные данные Единой информационной системы в сфере закупок по 82 регионам России. Фрагмент таких данных по шести регионам приведен в таблице 1.

В настоящей статье приведены разработанные авторами модели, описывающие распределение по регионам значений пяти показателей, указанных в предыдущем разделе. Разработка этих моделей основывалась на относительных показателях, рассчитанных авторами по данным за 2019 год, приведенных на сайте Единой информационной системы. Модели представляют собой, как указывалось ранее, функции плотности нормального распределения. Такие функции (y), описывающие распределение значений показателей закупок для государственных и муниципальных нужд по регионам (X), приведены далее:

- по стоимости одного контракта, x_1 , млн. руб.

$$y_1(x_1) = \frac{41,07}{0,69 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_1-1,69)^2}{2 \times 0,69 \times 0,69}}; \quad (1)$$

- по стоимости одного контракта с участием МП, x_2 , млн. руб.

$$y_2(x_2) = \frac{38,51}{0,54 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_2-1,27)^2}{2 \times 0,54 \times 0,54}}; \quad (2)$$

- по экономии в процессе заключения контрактов, x_3 , %

$$y_3(x_3) = \frac{77,20}{1,62 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_3-5,35)^2}{2 \times 1,62 \times 1,62}}; \quad (3)$$

- по доле контрактов, в выполнении которых участвуют МП, x_4 , %

$$y_4(x_4) = \frac{410,03}{5,42 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_4-64,77)^2}{2 \times 5,42 \times 5,42}}; \quad (4)$$

- по доле стоимости контрактов, в выполнении которых участвуют МП, x_5 , %

$$y_5(x_5) = \frac{1288,57}{13,88 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_5-50,46)^2}{2 \times 13,88 \times 13,88}}. \quad (5)$$

Качество разработанных моделей оценивалось с использованием трех тестов Колмогорова-Смирнова, Пирсона и Шапиро-Вилка. Тестирование показало, что разработанные модели хорошо аппроксимируют исходные данные на всем диапазоне их изменения и имеют высокое качество.

Функции плотности нормального распределения (1)-(5) дают возможность охарактеризовать рассматриваемые нами пять показателей закупок для государственных и муниципальных нужд в регионах России. Средние по регионам значения показателей, исходя из функций (1)-(5), приведены в столбце 2 таблицы 2. В столбце 3 этой таблицы приведены интервалы изменения значений показателей по большинству (68%) регионов. Границы этих интервалов рассчитываются следующим образом: средние квадратические отклонения соответ-

ственно прибавляются и вычитаются из значений, приведенных в столбце 2.

Таблица 2 – Показатели, характеризующие региональные закупки в 2019 году

Показатели	Средние значения	Значения, характерные для большинства регионов
1	2	3
Стоимость одного контракта, млн. руб.	1,69	1,00-2,38
Стоимость одного контракта с участием МП, млн. руб.	1,27	0,73-1,87
Экономия в процессе заключения контрактов, %	5,35	3,73-6,97
Доля контрактов, в выполнении которых участвуют МП, %	64,77	59,35-70,19
Доля стоимости контрактов, в выполнении которых участвуют МП, %	50,46	36,58-64,34

Как видно из данных, приведенных в столбце 2, в 2019 году средняя по регионам России стоимость одного заключенного контракта составляла 1,69 млн. руб. По большинству стран значение этого показателя находилась в интервале от 1,0 до 2,4. Уровень указанного показателя больший верхней границы интервала, отмечался в городе Москве, Мурманской, Сахалинской, Пензенской, Тюменской и Магаданской областях, республиках Ингушетии, Бурятии, Дагестане и Чеченской. Значения показателя, меньшие нижней границы интервала, отмечались в Рязанской, Владимирской, Воронежской, Смоленской, Томской, Липецкой и Омской областях, республиках Хакасии, Удмуртской и Марий Эл.

Средняя по рассматриваемым регионам стоимость одного контракта с участием субъектов малого предпринимательства составляла 1,27 млн. руб. По большинству регионов значение этого показателя находилось в интервале от 0,73 до 1,87 млн. руб. Уровень показателя больший верхней границы интервала, приведенного в столбце 3 таблицы 2, имел место в Новгородской, Московской, Пензенской, Калужской, Сахалинской и Тюменской областях, городе Москве, республиках Саха (Якутия), Северная Осетия – Алания, Дагестан, Бурятия. Низкие значения стоимости контрактов с

МП (менее 0,7 млн. руб.) отмечались в Орловской, Воронежской, Омской, Липецкой, Тульской, Рязанской областях, республиках Удмуртии, Марий Эл и Коми.

Средняя по 82 регионам экономия в процессе заключения контрактов составила 5,35%. При этом по большинству регионов этот показатель находился в диапазоне от 3,73% до 6,97%. Значения экономии выше верхней границы этого диапазона отмечались в Томской, Рязанской, Курганской, Владимирской, Липецкой и Омской областях, республиках Тыве, Чувашии, Башкортостане, Марий Эл, Удмуртии. Значения, меньшие нижней границы диапазона, имели место в Мурманской, Тамбовской, Пензенской, Белгородской, Орловской, Тюменской и Вологодской областях, республиках Северной Осетии – Алании, Татарстане, Адыгее и Кабардино-Балкарии.

Средняя по регионам России доля контрактов, в выполнении которых участвовали субъекты малого предпринимательства, составляла 64,77%. То есть, почти две трети заключенных контрактов предусматривали участие МП. По большинству регионов этот показатель находился в диапазоне от 59,35% до 70,19%. Более 71% закупок с участием МП имело место в Калининградской, Тульской, Воронежской, Орловской и

Тюменской областях, Хабаровском крае, городе Санкт-Петербурге, республиках Дагестане и Удмуртии. Наиболее низкие уровни показателя от 5% до 59% отмечались во Владимирской, Волгоградской, Нижегородской, Костромской, Тверской, Московской и Брянской областях, республиках Калмыкии, Чеченской, Кабардино-Балкарской, а также Ставропольском крае.

Средняя по регионам доля стоимости контрактов, в выполнении которых участвовали субъекты малого предпринимательства, составляла 50,46%. То есть больше, чем в половине заключенных контрактов принимали участие МП. По большинству регионов этот показатель находился в диапазоне от 36,58% до 64,34%. Значения, большие верхней границы диапазона, были в Калужской и Сахалинской областях, республиках Крым, Хакасия, Алтай и Ингушетия. Низкие значения показателя были в 2019 году в Мурманской, Вологодской, Магаданской и Тамбовской областях, республиках Карелии и Татарстане, городе Москве.

Данные, приведенные в таблице 2, а также представленный выше их анализ, продемонстрировали наличие существенной дифференциации значений каждого из пяти рассматриваемых в нашем исследовании показателей по регионам. Таким образом, можно сделать вывод, что выдвинутая ранее гипотеза 1 нашла свое подтверждение. Анализ перечней регионов, для которых характерны высокие и низкие значения каждого из пяти показателей, показал, что как высокие, так и низкие значения имеют место в регионах, расположенных в центре страны, ее севере и юге, а также на западе и востоке. Это позволило сделать вывод о том, что гипотеза 2 получила подтверждение. Аналогичная ситуация с 3 гипотезой, поскольку в число регионов как с высокими, так и низкими значениями показателей входят регионы с разными уровнями экономического раз-

вития.

Выводы исследования, содержащие научную новизну и оригинальность, заключаются в следующем:

- предложено использовать для оценки показателей государственных и муниципальных закупок в России информацию, представленную в Единой информационной системе;

- проведены расчеты значений пяти показателей, характеризующих региональные аспекты закупок для государственных и муниципальных нужд;

- показана возможность описания распределения по регионам России относительных показателей, характеризующих закупки для государственных и муниципальных нужд функций нормального распределения;

- оценены средние значения и интервалы изменения по большинству регионов пяти рассматриваемых показателей;

- определены регионы, для которых характерны высокие и низкие значения показателей;

- показано, что среднее значение экономии средств, при заключении контрактов в 2019 году составило 5,35%;

- доказано, что значения каждого из показателей существенно дифференцированы по 82 регионам России;

- подтверждено отсутствие зависимостей между значениями каждого из показателей и такими факторами, как уровень экономического развития регионов и их территориальное расположение.

Полученные результаты исследования имеют определенное теоретическое и прикладное значение. Результаты проведенного исследования могут быть использованы для развития технологии обработки данных о деятельности контрактной системы, с использованием предложенных пяти показателей. Предложенные показатели могут быть использованы в последующих научных исследованиях по проблемам конкурентных закупок. Правительство, региональ-

ные и муниципальные органы власти могут применять результаты исследования при разработке и реализации проектов и программ развития элементов контрактной системы. Кроме того, результаты исследований представляют интерес для всех участников государственных и

муниципальных закупок, как потенциальных заказчиков, так и потенциальных исполнителей контрактов. Полученные новые знания могут быть использованы в образовательной деятельности высших учебных заведений.

Литература

1. Баркатунов В.Ф., Ларина О.Г. Элементы цифровых технологий, правовые инновации и эффективность управления финансовыми ресурсами в процессе закупок для государственных и муниципальных нужд // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019. Т. 9. № 3. С. 53-73.
2. Меретукова С.К., Меретуков Ш.Т., Гишева С.Ш., Шишхова С.К. Стандартизация и взаимодействие программных систем как инструменты оптимизации контрактной системы государственных закупок // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 4: Естественно-математические и технические науки. 2019. № 1 (236). С. 103-110.
3. Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок [Электронный ресурс]. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html> (Дата обращения 6.02.2020).
4. Пиньковецкая Ю.С. Моделирование показателей деятельности малого и среднего предпринимательства в регионах с использованием функции плотности нормального распределения // Проблемы развития территории. 2015. № 6 (80). С. 93-107.
5. Пиньковецкая Ю.С. Закономерности развития малого предпринимательства в регионах в 2015-2018 годах // Вопросы региональной экономики. 2019. № 2 (39). С. 73-80.
6. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 27.06.2019) [Электронный ресурс]. URL: <https://fsprus.ru/2315090/> (Дата обращения 6.02.2020).
7. Albano G.L., Antellini R.F., Castaldi G., Zampino R. Evaluating Small Businesses Performance in Public E-Procurement: Evidence from the Italian Government's E-Marketplace // Journal of Small Business Management. 2015. Vol. 53. P. 229-250.
8. Altayyar A., Beaumont-Kerridge J. An Investigation into barriers to the adoption of e-procurement within selected SMEs in Saudi Arabia // Journal of Business and Economics. 2016. Vol.7. No. 3. P. 451-466.
9. Fernandes T., Vieira V. Public e-procurement impacts in small – and medium-enterprises // International Journal of Procurement Management. 2015. Vol. 8, No. 5. P. 587-607.
10. Flynn A. Investigating the Implementation of SME-Friendly Policy in Public Procurement // Policy Studies. 2018. Vol. 39. No. 4. P. 422-443.
11. Koala K., Steinfeld J. Theory building in public procurement // Journal of Public Procurement. 2018. Vol. 18. No. 4. P. 282-305.
12. Lewis-Faupel S., Neggers Y., Olken B., Pande R. Can Electronic Procurement Improve Infrastructure Provision? Evidence from Public Works in India and Indonesia // American Economic Journal: Economic Policy. 2016. Vol. 8. No. 3. P. 258-83.
13. Popa M. Uncovering the structure of public procurement transactions // Business and Politics. 2019. Vol. 21. No. 3. P. 351-384.
14. Stake J. Evaluating Quality or Lowest Price: Consequences for Small and Medium-Sized Enterprises in Public Procurement // Journal of Technology Transfer. 2017. Vol. 42, No. 5. P. 1143-1169.
15. Vaidya K., Campbell J. Multidisciplinary approach to defining public e-procurement and evaluating its impact on procurement efficiency // Information Systems Frontiers. 2016. Vol. 18. No. 2. P. 333-348.

УДК 330.322.12

Пути реализации государственных программ развития Северного морского пути за счет привлечения частных инвестиций

Э.А. Попова, кандидат экономических наук, ответственный секретарь приемной комиссии, доцент,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный геологоразведочный университет имени Серго Орджоникидзе», г. Москва,
Ю.С. Сизова, кандидат экономических наук, доцент,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», г. Москва

В статье рассмотрены и обобщены основные направления реализации государственной программы развития Северного морского пути (СМП) с привлечением частного инвестирования. Подчеркивается важность решения проблем Севера России для успешной организации перевозок и определения наиболее эффективных грузопотоков в этом регионе. В статье представлено решение ряда задач по повышению грузопотоков Северного морского пути и повышению конкурентоспособности российского Северного флота в частности, путем развития инфраструктуры территорий. Научная новизна данной работы заключается в применении математических методов для определения возможности обеспечить полномасштабное круглогодичное транзитное судоходство по Северному морскому пути. Подчеркивается необходимость моделирования новой системы морского транспорта и логистики для данного региона, которое должно стать совместным мероприятием отрасли и исследовательского сообщества на основе самых безопасных, наиболее разумных, экономически эффективных и экологически безопасных решений.

Северный морской путь, государственные программы, эффективность морских перевозок, частное инвестирование, развитие Северного морского пути, расходы на инфраструктуру.

Ways of national programmes implementation in the course of the Northern sea route development by attracting private investment

E.A. Popova, Ph.D in Economics, Executive Secretary, Associate Professor
of Sergo Ordzhonikidze Russian State University for Geological Prospecting,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Sergo Ordzhonikidze Russian
State University for Geological Prospecting, Moscow,
Y.S. Sizova, Ph.D in Economics, Associate Professor,
Federal State Budgetary Educational Institution of
Higher Education «Plekhanov Russian University of Economics», Moscow

The paper considers and summarizes the main directions of the state program implementation on the Northern Sea Route development with private investment attraction. The importance of solving Northern Russia regions problems is stressed. The paper presents the solution of a number of tasks to increase the Northern Sea Route haulage, and increase the competitiveness of the Russian Northern Fleet in particular by developing the infrastructure of the territories. The paper scientific novelty lies in the sphere of mathematical methods for specifying the possibility of insuring full-scale yearlong transit shipping traffic along the Northern Sea Route. The need to model a new maritime transport and logistics system for the region, which should be a joint effort of the industry and the research community on the basis of the safest, most reasonable, cost-effective and environmentally sound solutions, is stressed.

Northern Sea Route, national programs, marine transport efficiency, private investment, development of the Northern Sea Route, infrastructure expenditures.

Значительная часть арктического углеводородного ресурсного потенциала находится в северо-западной части России и на шельфе Баренцева и Карского морей у западных ворот СМП [1]. Текущее и будущее развитие этой российской ресурсной базы является основной дви-

жущей силой увеличения поставок по СМП в ближайшие десятилетия.

8 июня 2015 года правительство России обнародовало План комплексного развития Северного морского пути на 2015-2030 годы. В плане подчеркивается важность обеспечения более безопасной

и надежной навигации по Северному морскому пути (СМП) для морского экспорта российских природных ресурсов, а также стратегическое значение СМП для национальной безопасности России. Планируется также увеличить международные транзитные грузоперевозки по СМП в партнерстве со странами Азии, в частности с Китаем.

Как следствие, в декабре 2015 года Министерство развития Дальнего Востока России объявлен открытый тендер на детальное исследование осуществимости и развития СМП, подготовленное Фондом развития Дальнего Востока. Организацией, выбранной для выполнения поставленной задачи, был Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации.

Увеличение грузоперевозок по Северному морскому пути из года в год обусловлено экономическим интересом как к территориям добычи полезных ископаемых, так и сокращением затрат на транспортировку, по сравнению с исторически сложившимися маршрутами. Кроме того, изменение климата и значительное повышение среднегодовой температуры способствует уменьшению времени тяжелых льдов и сокращению затрат на их прохождение.

Значительная часть арктического углеводородного ресурсного потенциала находится в северо-западной части России и на шельфе Баренцева и Карского морей у западных ворот СМП [1, с. 132]. Текущее и будущее развитие этой российской ресурсной базы является основной движущей силой увеличения поставок по СМП в ближайшие десятилетия.

В 2019 году на СМП было перевезено в общей сложности 5,4 млн. тонн товаров и проектных грузов, по сравнению с 4,0 млн. тонн в 2018 году и 3,9 млн. тонн в 2017 году. Эти данные включают доставку грузов для строительства Ямальского завода СПГ и порта Себетта на полуострове Ямал. Только небольшая часть была транзитным грузом между

двумя портами, расположенными за пределами российских официальных границ СМП, или 274 000 тонн в 2018 году и 40 000 тонн в 2019 году, по данным администрации СМП. Администрация СМП получила в общей сложности 715 заявок на плавание по СМП в 2019 году, из них 126 с судов под иностранным флагом [2, с. 77].

Ожидается, что грузопоток СМП значительно увеличится с дальнейшим развитием российских арктических углеводородных проектов. Круглогодичный экспорт СПГ из порта Сабетта должен достичь 17,6 млн. тонн в год, начиная с 2021 года; сырая нефть с Новопортского нефтяного месторождения 8,5 млн. тонн в год (через погрузочный терминал у мыса Каменный); и сырая нефть с Паяхинского нефтяного месторождения – 7,3 млн. тонн в год к 2024 году.

Данные грузопотоки будут дополнением к круглогодичной транспортировке 1,3 млн. тонн никеля и других цветных металлов в год из Норильского никеля в порту Дудинка на реке Енисей. Другими проектами в планируемых государствах являются СПГ Новатэка в Арктике на Ямале и Гыдане с предполагаемым производством 16,5 млн. тонн СПГ в год; транспортировка 5-10 млн. т угля с полуострова Таймыр из порта Диксон в рамках проекта «Восток-уголь»; и 45 млн. т сырой нефти в год в рамках проекта «Транснефть-Арктика» с разработкой морского терминала для загрузки сырой нефти в порту Сабетта.

Если все эти энергетические проекты будут реализованы, то к 2030 году объемы перевозок по СМП могут достичь 100 миллионов тонн в год. Большая часть этого груза будет транспортироваться по СМП на запад от полуостровов Ямал, Гыдан и Таймыр на европейские рынки и далее через Суэцкий край.

Часть груза будет транспортироваться в восточном направлении по СМП на азиатские рынки, но, скорее всего, в

основном в течение пяти-шести месяцев навигационного сезона лето-осень, когда условия морского льда наиболее благоприятны [3, с. 24].

Крупные российские реки, которые впадают на север в Северный Ледовитый океан, также могут служить основными транспортными связями из внутренней части России в СМП, а также наоборот, поскольку российские реки, такие как реки Обь, Енисей и Лена, предлагают логистические возможности для перевозки грузов и проектных грузов из СМП во внутренние районы России, способствующие дальнейшему развитию промышленности.

СМП – это идеальный путь для российских арктических ресурсов и промышленной продукции на запад к европейским рынкам и на восток к рынкам в северо-восточной Азии и для содействия региональному промышленному развитию.

Эффективным способом оценки будущих возможностей транзитного судоходства СМП было проведение нескольких поисковых или демонстрационных рейсов с российскими и не российскими судами под флагом в течение 2010-2013 гг. Это было необходимо для удовлетворения потребности коммерческих судоходных и страховых компаний в надежной информации и данных об условиях эксплуатации судов и лучшей оценке общей картины рисков судоходства по СМП.

Всего за эти три года было совершено около 120 полных транзитных рейсов грузовыми судами Arc4, которые перевозили различные типы грузов в разное время в течение летне-осеннего навигационного сезона и сталкивались с различными условиями морского льда и другими погодными условиями эксплуатации [4, с. 459]. Эти демонстрационные рейсы показали, что СМП может быть относительно безопасным и надежным, обеспечивая сопровождение и руководство от российского ледокольного фло-

та, и использование российских ледовых пилотов (штурманов).

Но для того, чтобы представлять интерес для коммерческого судоходства, СМП должна обеспечивать не только необходимую безопасность, но и предсказуемость, и точность грузовых перевозок. Регулярность круглогодичной поставки товаров не менее важна, чем стоимость перевозки [9, с. 45]. Текущее ограниченное сезонное окно для трансарктических рейсов в пять месяцев (июль-ноябрь) будет ограничением для полного развития СМП и экономической жизнеспособности. В оставшуюся часть года весь Северный Ледовитый океан замерзает со средней толщиной льда около 1,6 м (5 футов), что делает перевозку гораздо более сложной и опасной. Но круглогодичная эксплуатация СМП станет предпосылкой полной интеграции маршрута в мировую транспортную систему.

Еще одной предпосылкой для увеличения роста транзитных перевозок по СМП является наличие и регулярность грузоперевозок из Европы на восток и из Азии на запад. В настоящее время ограниченное количество судов с достаточным ледовым классом представляет собой ограничение использования СМП. И тогда это экономия от масштаба, поскольку СМП уязвима для конкуренции со стороны гораздо более крупных судов, проходящих через Суэц и Кейп.

Чтобы сделать СМП более безопасным и надежным в качестве транспортного маршрута как для арктических ресурсов, так и более привлекательным в качестве альтернативного торгового пути между рынками в СЗ Европы и Северной Азии, необходимо провести ряд важных изменений [5, с. 111]. Это включает в себя укрепление общего администрирования и управления СМП, транспортных услуг и, что не менее важно, морской инфраструктуры.

Сегодня в России нет единой организации, которая наблюдает за всей

деятельностью СМП, услугами и маркетингом, обеспечивает анализ эффективности и оптимизацию маршрутов, координацию движения и обеспечивает стратегии для продвижения коммерческой деятельности. Такая организация также должна определять тарифы; прогнозировать будущее движение СМП, объемы грузов и спрос на помощь ледокола и другие вспомогательные услуги.

Впоследствии роль Администрации СМП должна быть расширена для включения этих дополнительных услуг в соответствии с ролью, которую Управление Суэцкого канала играет для Суэцкого канала. Также необходимо разработать онлайн-многоязычный информационный портал для коммерческих перевозок по СМП.

Руководству СМП также необходимо найти способы снижения риска задержек при доставке из-за морского льда путем улучшения прогнозов морского льда и разведки льда. Перед рейсом необходимо провести детальную оценку и прогнозирование ледовой обстановки и других эксплуатационных условий на маршруте и представить их пользователям СМП.

Тарифы должны зависеть от типа груза (и впоследствии от типа судна). Транспортные расходы в общей стоимости доставки товаров потребителям могут сильно различаться для разных типов грузов. Установить систему тарифных скидок для постоянных пользователей, скидок на большие перевозимые объемы, а также на обратные переходы в балласте. Тарифная скидка также должна быть предоставлена для прохода в колонне по сравнению с индивидуальным плаванием.

Тарифы должны быть привязаны к стоимости топлива и условиям на рынке грузоперевозок. Пользователи также нуждаются в официальном информационном ресурсе, чтобы быстро рассчитать тарифы на помощь ледокола и ледовый пилотаж. И, наконец, система

тарифов должна быть удобной для пользователей, а тарифы конкурентоспособными и аналогичными платным каналам на южных маршрутах (Суэц / Панамы).

Транспортные службы – Ледоколы и ледовые пилотные службы являются ключевыми элементами вспомогательных служб СМП. Должна быть достаточная ледокольная способность, чтобы помочь судам в транзитных перевозках и сохранить маршрут открытым в течение заранее запланированного навигационного периода независимо от состояния морского льда и устранить риск задержек; оптимизация ледокольной мощности, включая стратегическое расположение ледоколов по всей длине СМП. Но проблема в том, что российские ледоколы с 2014 года в основном занимаются арктическими нефтегазовыми проектами, и это, вероятно, продолжится в течение следующих нескольких лет.

Российские арктические порты вдоль СМП должны быть полностью модернизированы и обеспечивать сквозной доступ, услуги по спасению и спасанию, а также погрузочно-разгрузочные работы и обслуживание пассажиров/экипажа [6, с. 105]. Для СМП жизненно важно облегчить доступ в российские порты для погрузки и выгрузки судов не под российским флагом с целью создания возможностей для круговых рейсов.

Средства и операции по ликвидации аварийных разливов нефти должны развиваться в пределах акватории СМП, включая наземную и морскую (плавучую) инфраструктуру, чтобы иметь возможность своевременно реагировать на чрезвычайные ситуации и предоставлять необходимую помощь и материалы (например, медицинские) и проводить эвакуацию и ликвидацию разливов нефти из отдаленных районов СМП. Опять же, новые мощные российские ледоколы и многоцелевые аварийно-спасательные суда (например, «Балти-

ка») будут действовать в качестве плавающих опорных единиц в случае аварий. Для этого эти суда должны быть стратегически расположены и легкодоступны, чтобы помогать и направлять транзитные суда, которые в них нуждаются.

И наконец, необходимы значительные усилия для улучшения навигационной и коммуникационной системы СМП [10, с. 17]. Необходимо проводить обширную гидрографическую съемку и обновлять навигационные карты и предоставлять лучшую информацию в реальном времени, касающуюся операционной среды, включая улучшенный охват передачи голоса, а также мониторинг и отчетность по движению судов.

Президент РФ Владимир Путин распорядился, чтобы правительство планировало расходы на инфраструктуру, надеясь, что крупные инвестиционные и инфраструктурные проекты приведут к замедлению экономического роста.

В пятилетнем правительственном плане, в котором указаны государственные и частные инвестиции в модернизацию автомобильных дорог, портов, аэропортов и железных дорог, ранее было выделено 6,35 триллиона рублей, а 3,26 триллиона – от частных инвесторов.

Но дополнительные инвестиции привели к увеличению доли частных расходов до 3,73 триллиона рублей.

Увеличение частных инвестиций обусловлено пересмотренными планами модернизации автомобильных и железных дорог, а также планами по увеличению объемов грузов через Северный морской путь

Северный морской путь России требует инвестиций в размере 735 млрд. Рублей (11,7 млрд. дол. США), из которых государственный бюджет должен предоставить треть, а остальная часть поступит от компаний и банков [7, с. 80].

Росатом, крупнейшая в мире атомная компания по объемам зарубежных заказов, был выбран правительством

России для управления СМП – арктическим маршрутом, который Москва хочет превратить в новый Суэцкий регион – координирующий развитие проекта среди своих пользователей.

Росатом договорился с Российским фондом прямых инвестиций Норникель, одним из ведущих мировых производителей никеля и палладия, и DP World, среди ведущих мировых портовых операторов, о совместном развитии СМП.

Из государственного бюджета РФ планируется выделить 274 миллиарда рублей. Остальные будут поступать из Росатома, Роснефти, Новатэка, Газпромнефти, Газпрома, Норникеля и других будущих пользователей маршрута, а также через банковские кредиты.

Новатэк, крупнейший в России частный производитель газа, уже использует маршрут для доставки сжиженного природного газа (СПГ) в Европу и Азию, что позволяет сэкономить на затратах и сделать свой СПГ конкурентоспособным на мировом рынке.

Газпромнефть, третий по величине производитель нефти в России, также экспортирует часть своей нефти через СМП.

К 2024 году, если российские компании будут реализовывать проекты с участием СПГ, газового конденсата, нефти, угля, драгоценных металлов и других товаров, грузы общим объемом около 80 миллионов тонн в год будут отправляться через СМП в Европу и Азию.

Россия стремится увеличить экспорт СПГ, сопоставив объемы производства Катара, одного из ведущих мировых экспортеров, главным образом благодаря новым проектам Новатэка.

В федеральном законе от 2 декабря 2019 г. № 380-ФЗ «О федеральном бюджете на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» установлено обеспечить выделение дополнительных бюджетных ассигнований на строитель-

ство терминала сжиженного природного газа и конденсата «Утренний» в морском порту Сабетта и выполнить реконструкцию судоходного подходного канала в Обской губе Карского моря [1, с.140].

В целом, в 2021-2024 гг. инвестиции в терминал «Утренний» должны составить более 125 млрд. руб., в том числе из этой суммы 85,134 млрд. руб. финансируется за счет средств федерального бюджета и 40,477 млрд. руб. –

средства из внебюджетных источников, которые ПАО «Ямал СПГ» должно привлечь в рамках реализации проекта (рис.1).

Планы строительства морского порта в одном из самых северных районов России были восстановлены. Проект стоимостью 4 миллиарда долларов в Ненецком регионе является ключом к стратегическому плану страны открыть судоходство в Арктике.

Рисунок 1 – Соотношения долей государственного и частного инвестирования проекта по строительству терминала «Утренний» [8, с. 36]

Также одним из крупных инвестиционных проектов по развитию транспорта и инфраструктуры является новый порт, который будет расположен в небольшом ненецком поселке Индига и будет работать круглогодично. Годовой грузооборот составит 70 млн. тонн, из которых 50 млн. тонн будет приходиться на поставки угля, добываемого на крупнейшем в России угольном участке в Кузнецком бассейне, расположенном на юго-западе Сибири.

Морской порт будет финансироваться как частными инвесторами, так и государственной поддержкой. Ожидается, что частные инвесторы направят 60 миллиардов рублей (900 миллионов долл. США) в проект, а оставшиеся 198 миллиардов рублей (3 миллиарда долл. США) будут предоставлены правитель-

ством России [2, с. 85].

Новый северный порт потребует создания необходимой наземной инфраструктуры. В проект планируется включить строительство новой железной дороги, соединяющей Индигу с западносибирским городом Сургутом. Идея построить морской порт в поселке Индига не нова. Согласно предыдущему плану, порт предназначался для экспорта сжиженного природного газа, но российский государственный энергетический гигант «Роснефть» не смог получить разрешение, и проект был заморожен [11, с. 188]. Но планы строительства морского порта в одном из самых северных районов России в настоящее время были восстановлены. Проект стоимостью 4 млрд. долл. США в Ненецком регионе является ключом к стратегическому плану страны

открыть судоходство в Арктике.

В недавно представленной Минприроды РФ смете расходов на ближайшие десять лет предусматривается потребность региона в частных инвестициях на общую сумму 10,5 трлн. рублей. Это включает в себя как минимум 118 различных приоритетных проектов в области новой промышленности и инфраструктуры [3, с. 23].

Государственная поддержка развития северных территорий включает как прямые методы (вливания бюджетных средств, государственных заказов на работы и прочее), так и косвенные методы, в виде налоговых льгот. Благодаря государственной поддержке, настойчивости президента и правительства в ключевых приоритетах, планируется к 2024 году увеличение объема перевозок по Северному морскому пути до 80 млн. т в год. Но решение поставленной задачи зависит также от частных инвесторов.

По словам вице-премьера Трутнева, новые инвестиционные преференции будут в равной степени доступны по всей Арктике.

Преференции будут предоставлены для всех проектов в целом по региону. Приоритетными будут признаны четыре категории проектов, среди которых морская нефть и газ, береговая нефть и газ, и производство СПГ. Кроме того, есть категория всех других проектов, которые не относятся к первым трем группам, включая добычу угля.

Новая система налоговых льгот для компаний, инвестирующих в Арктику, является частью новой и обновленной арктической стратегии России, которая будет завершена в течение 2020 года. Стратегия будет охватывать период до 2035 года. Особое внимание уделяется развитию транспорта и инфраструктуры.

Среди конкретных проектов, прямо упомянутых президентом РФ, – Северный широтный ход, грандиозная инициатива по развитию железных дорог, которая свяжет национальную же-

лезнодорожную сеть с арктическим морским портом Сабетта [5, с. 112]. Железная дорога протянется через великую реку Обь до северной оконечности полуострова Ямал и откроет новый экспортный маршрут для товаров, производимых в Уральском регионе и Западной Сибири.

Вывод. Таким образом, морская инфраструктура СМП требует детального исследования, которое показывает структурные и конструктивные характеристики новой транспортно-логистической системы СМП – системы, которую необходимо внедрить в ближайшем будущем, например, к 2040 или 2050 году, чтобы удовлетворить требования безопасности, надежности и окружающей среды.

Результаты должны отображаться в виде интерактивных карт с эффективными компонентами визуализации, анимацией и серией видеороликов, демонстрирующих предлагаемые структурные и конструктивные особенности необходимой физической инфраструктуры, систем связи и навигации и служб реагирования. Другими словами, дать всем заинтересованным сторонам более четкое представление о том, как различные компоненты логистической цепочки связаны друг с другом и как должна функционировать вся логистическая система.

Построение модели должно основываться на различных сценариях развития и анализе осуществимости и чувствительности для различных типов управляемых грузов, объемов и торговых потоков, типов и размеров используемых судов, перевалки, сезонных или круглогодичных операций и других факторов [12, с. 15]. Полномасштабное круглогодичное транзитное судоходство по СМП требует другой физической инфраструктуры и вспомогательных услуг, чем текущая сезонная эксплуатация в течение пяти месяцев лета и ранней осени, которая происходит в значительной степени в ледяных водах. Такое моделирование

новой системы морского транспорта и логистики должно стать совместным мероприятием отрасли и исследовательского сообщества на основе самых безопасных, наиболее разумных, экономически эффективных и экологически безопасных решений.

Если будет достигнуто соглашение о разработке новой системы морских перевозок и логистики СМП, то следующим шагом будет оценка затрат на различные компоненты инфраструктуры новой системы и установление международного сотрудничества и партнерских отношений для создания необходимой инфраструктуры. Россия уже заявила, что идеальными партнерами будут страны в северо-восточной Азии, которые видят выгоду в большем избытке российских арктических ресурсов и в более коротком торговом пути в северо-западную Европу (Китай, Южная Корея

и Япония).

Создание новой инфраструктуры займет много лет и будет дорогостоящим. Без разделения затрат первоначальные капитальные затраты на создание надлежащей морской инфраструктуры являются непомерно высокими и слишком высокими, чтобы Россия могла взять их на себя. Нарращивание инфраструктуры также необходимо на всем протяжении Северо-Восточного прохода, а не только на границах, определенных Россией для СМП. Необходимо провести оценку различных механизмов финансирования при финансировании долгосрочных капиталоемких проектов морской инфраструктуры в рамках Евразийской Арктики. Совместное финансирование между заинтересованными сторонами и правительствами должно стать жизнеспособным решением.

Литература

1. Зеленков М.Ю. Транспортно-логистическая система северного морского пути: перспективы, проблемы и пути их решения // Арктика: экология и экономика. 2019. № 4 (36). С. 131-140.
2. Лазарев В.А. Северный морской путь как фактор притяжения товарных потоков из северо-восточной Азии // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 6. С. 77-87.
3. Марцынюк А.К. Северный морской путь: значение для логистики, перспективы и проблемы развития // Студенческий вестник. 2019. № 45-8 (95). С. 23-25.
4. Огнева А.Ю., Андрищенко О.С. Экономические и стратегические аспекты использования северного морского пути // В сборнике: Молодежь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований Материалы II Всероссийской национальной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. В 4-х частях. Ответственный редактор Э.А. Дмитриева. 2019. С. 458-461.
5. Пимоненко М.М., Филиппова И.О. Атомный ледокольный флот в логистическом обеспечении северного морского пути // Russian Journal of Logistics & Transport Management. 2019. Т. 4. № 2. С. 104-115.
6. Пухова М.М., Харчилава Х.П. Специфика развития северного морского пути под влиянием природно-климатических факторов // Риск: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2019. № 4. С. 102-106.
7. Хейфец Б.А. Северный морской путь – новый транзитный маршрут «одного пояса – одного пути» // Международная жизнь. 2018. № 7. С. 67-87.
8. Шубина А.Ю. Значимость северного морского пути для экономики России // Под научной редакцией Т.М. Шпилиной. 2019. С. 34-39.
9. Григорьев М.Н. Проблемы освоения минеральных ресурсов с круглогодичным вывозом продукции из акватории северного морского пути // Безопасность труда в промышленности. 2020. № 1. С. 42-51.
10. Харламова Ю.А. Борьба за Евразию в фокусе транспортных геостратегий. Монография / Москва. 2020. Сер. Научная мысль. С. 15-23.
11. Толмачева К.М. Развитие российско-китайских отношений в контексте арктической политики // В сборнике: Наука и современное общество: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей Международной научно-практической конференции: в 2 ч. // Пенза. 2020. С. 187-192.
12. Bogomazova M.A. The belt and road initiative and its influence on the economy of the far east of the Russian federation. European research: innovation in science, education and technology // Collection of scientific articles LIX International correspondence scientific and practical conference. 2020. С. 16-19.

УДК 338.22

Место и роль интеллектуального потенциала в обеспечении национальной безопасности

Е.С. Сафронова, преподаватель кафедры финансов и бухгалтерского учета, аспирант,
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
«Технологический университет», г. Королев, Московская область

Интеллектуальная безопасность означает обязательное обеспечение таких условий, которые будут способствовать беспрепятственному наращиванию интеллектуального потенциала и его беспрепятственной реализации. Рассматривая место интеллектуального потенциала в комплексе национальной безопасности, укажем, что оно располагается по вектору «интерес», представляющему одного из «трех китов» указанной безопасности – «интерес», «угрозы», «защитные меры». Интеллектуальный потенциал устанавливает обеспечение страны с точки зрения науки и параллельное исполнение иных направлений предоставления национальной безопасности.

Интеллектуальный потенциал, национальная безопасность, интеллектуальная безопасность, потенциал и ресурсы, угрозы и решение проблем.

Place and role of intellectual potential in ensuring national security

E.S. Safronova, Lecturer, Department of Finance and Accounting, Graduate student,
State Educational Institution of Higher Education
Moscow Region «University of technology», Korolev, Moscow region

Intellectual security means the mandatory provision of such conditions that will facilitate the unhindered development of intellectual potential and its smooth implementation. Considering the place of intellectual potential in the national security complex, we should point out that it is located in the vector «interest», which represents one of the «three whales» of the specified security – «interest», «threats», «protective measures». Intellectual potential determines the provision of the country from the point of view of science and the parallel implementation of other directions of providing national security.

Intellectual potential, national security, intellectual security, potential and resources, threats and problem solving.

Бесспорно, что удержание надлежущей национальной безопасности – это одно из самых значимых государственных функциональных направлений. Коренные изменения в политике и социальном устое, неизбежно и систематически возникающие на территории России, явили необходимостью формирование новейшего комплекса национальной безопасности, бесперебойно развивающегося и модернизирующегося.

Данный комплекс оценивает национальную безопасность с воззрений системы и трактует ее в качестве многоаспектного и многоступенчатого явления, сочетающего в себе комплексы меньшего охвата, но также являющиеся сложными [3].

Через призму системности национальная безопасность предстает еди-

ной, четко ориентированной, сбалансированной и способной к самостоятельному регулированию, иными словами, высококачественным комплексом со сложной иерархической структурой и функциональными особенностями.

Интеллектуальный потенциал – это такой компонент национальной безопасности страны, который направлен на ее развитие и совершенствование в собственных пределах и на мировой арене, а также первоначально включенный в менее крупную систему – в интеллектуальную безопасность государства [1].

Рассмотрим несколько современных трактовок последней названной системы.

Так, ряд деятелей полагает, что интеллектуальная безопасность – это такое положение интеллектуального по-

тенциала страны в ее пределах и за рубежом, когда отсутствуют угрозы интересам государства с точки зрения интеллектуального развития [3].

Вторые отмечают, что такая безопасность знаменует такое положение по интеллектуальным отраслям и направлениям, когда угрозы изнутри и извне государства не могут возникнуть, опасности и ущерб не образуются, иными словами, интеллектуальный потенциал только беспрепятственно наращивается [1].

Остальные оценивают интеллектуальную безопасность в качестве такого высокого уровня защиты интересов государства в области реализации интеллектуального потенциала, когда ему не

грозят вероятные опасности при реализации и возможные угрозы в функциональных направлениях [2].

Как итог, невзирая на разницу при трактовке интеллектуальной безопасности, очевидно, что она знаменует обязательное обеспечение таких условий, которые будут способствовать беспрепятственному наращиванию интеллектуального потенциала и его беспрепятственной реализации.

Рассматривая место интеллектуального потенциала в комплексе национальной безопасности, укажем, что оно располагается по вектору «интерес», представляющему одного из «трех китов» указанной безопасности (рисунок 1).

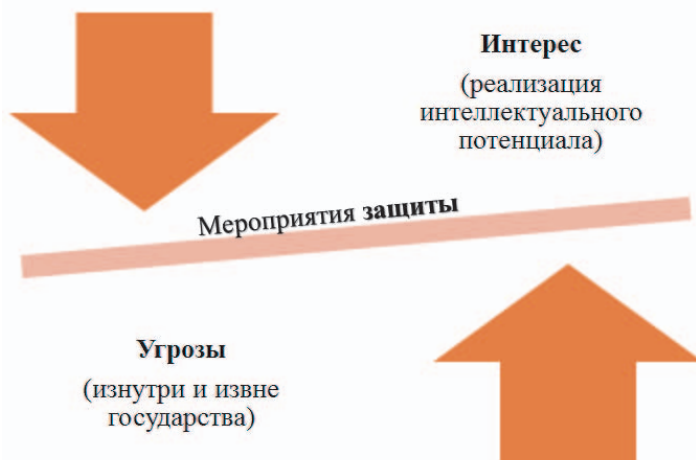

Рисунок 1 – Место интеллектуального потенциала в комплексе национальной безопасности

Почему для интеллектуального потенциала отведена особая роль при обеспечении национальной безопасности? Это объясняется следующим причинно-следственным рядом:

I. Интеллектуальный потенциал устанавливает обеспечение страны с точки зрения науки и параллельное исполнение иных направлений предоставления национальной безопасности.

II. Текущая ситуация в Российской Федерации позволяет рассуждать о стоящих острых проблемах развития интеллектуального потенциала в качестве злободневного вопроса государства, экономики, политики и социума.

III. Кризисная ситуация при наращивании интеллектуального потенциала и его исполнении может нести куда больше опасностей и на больший период, чем кризис экономики, политики

или информации соответствие, а воспрепятствование ему может занять даже более, чем одно десятилетие.

IV. Многогранность, структурность, широта вопроса совершенствования и удержания интеллектуального потенциала возводит его обеспечение (одновременно с вопросами экологии) на пьедестал самых острых проблем текущего времени [3].

Что представляет собой конечная ячейка – интеллектуальная безопасность – для процессов интеллектуального потенциала?

С одной точки зрения, она – это защитная процедура в области умственной деятельности.

С другой – она приравнивается к такой категории, как интеллектуальная собственность.

С третьей – она не только синтезирует в себе защитные процедуры в отношении умственного труда, но и целесообразную реализацию и увеличение качественных критериев умственных возможностей населения, характеризующих вектор их деятельности.

Как обусловлено природой, интеллект – это генетический уклад, следовательно, национальный интеллектуальный потенциал в некотором роде обусловлен и генетическими особенностями населения страны. Представим их взаимную связь. Так, с одного ракурса дисфункции реализации интеллектуального потенциала порождают генетические последствия для населения, масштаб и итоги которых тяжело прогнозировать, с иного, положение и динамика генетического фонда населения напрямую воздействует на национальный интеллектуальный потенциал [1].

Положение государственного интеллектуального потенциала первоначально устанавливается его научными возможностями и ресурсной базой, иными словами, числом и степенью подготовки способных к деятельности носителей соответствующего потенциала, а именно специалистов и профессионально подготовленных лиц.

Системно рассматривая интеллектуальный потенциал и его компоненты, целесообразно раскрывать его в трех гранях (рисунок 2).

Рисунок 2 – Позиции системного рассмотрения интеллектуального потенциала

В контексте интеллектуальной безопасности укажем, что она, равно как и национальная, подвластна внутренним и внешним влияниям и базируется на тех

же «китах» в виде интересов (где находит отражение потенциал), угроз и защитных мер с воззрения интеллекта.

Интересы России с точки зрения интеллектуальных аспектов однозначно выступают крайне актуальными и направленными на перспективу, их суть, как следствие, обуславливается результативным использованием и процессами воспроизводства граней интеллектуального потенциала населения, кроме того, совершенствованием, удержанием и накоплением в дальнейшем названного потенциала и присущих ему ресурсов. Значимое место здесь отводится именно

научному интеллекту, устанавливающейся степени модернизации, истинную суверенность, статус и авторитетность всякого государства [1].

Как было отмечено, что угрозы для рациональной реализации и беспрепятственного наращивания интеллектуального потенциала обусловлены внешним и внутренним происхождением (рисунки 3).

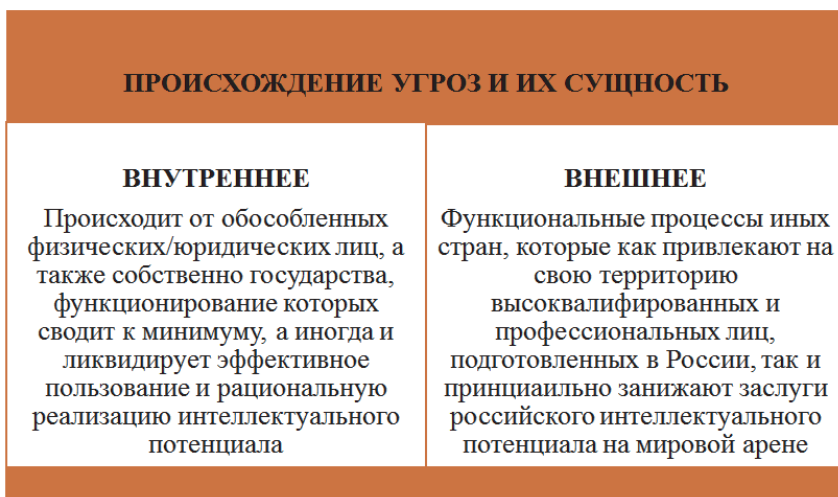

Рисунок 3 – Происхождение и сущность угроз для интеллектуального потенциала

Сейчас реально стоящие угрозы для беспрепятственного наращивания интеллектуального потенциала и правильной его реализации в России заключаются в следующем:

- государство с материальной и моральной точек зрения неправильно оценивает труды и достижения соответствующих специалистов;
- социальная важность соответствующих специалистов занижена;
- труд на благо государства и сопряженные с наукой профессии не имеют престижа;
- потенциальные молодые кадры не стремятся к получению высшего образования, а также работать в секторе науки;

- количественные и качественные характеристики выпускных/дипломных/диссертационных работ крайне занижены;
- соответствующие подготовленные специалисты не имеют возможности либо желания функционировать по своему профилю;
- отток перспективных кадров за границу;
- соответствующие специалисты направляются не по присущему им направлению подготовки;
- малое количество и возрастная категория кадров в области науки.

Приведенные угрозы выступают предпосылкой зарождения колоссально-го ущерба, который претерпевает страна

по различным направлениям и который нельзя материально оценить, а также он имеет весомую продолжительность по восстановлению.

Защита интеллектуального потенциала подразумевает собой всевозможные мероприятия, нацеленные на удержание государственной интеллектуальной безопасности. Факт, что мероприятия, сопряженные с воспрепятствованием названным угрозам, необходимо понимать, как пассивные защитные меры. Одновременно с тем, мероприятия, нацеленные на минимизацию и устранение последствий/ущерба от образовавшихся угроз для интеллектуального потенциала, следует понимать, как активные защитные меры.

Так, на авторский взгляд, пассивные защитные меры в области интеллектуального потенциала Российской Федерации сейчас должны представлять следующими:

- формирование передовой концепции ведения научно-технических политических процессов, совершенствования научно-образовательного комплекса, находящихся в соответствии с новейшими условиями государства в области экономики и социума;

- выработка таких нормативно-правовых регламентов, которые будут обеспечивать и мотивировать совершенствование научно-образовательного комплекса;

- выработка таких нормативно-правовых регламентов, которые будут защищать государственные интеллектуальные интересы, собственность и ее носителей, а также конечный интеллектуальный продукт;

- формирование системы требований к соответствующей кадровой подготовке;

- формирование системы требований к выполнению соответствующих дипломных/выпускных/диссертационных работ.

К активным защитным мерам в области интеллектуального потенциала Российской Федерации же можно причислить:

- практическое претворение личностного, общественного и государственного интеллектуального потенциала;

- наращивание общественно-социальной важности соответствующих специалистов для разрешения как государственных, так и иного спектра задач;

- наращивание трудовых и жизненных условий соответствующих специалистов-носителей интеллектуального потенциала;

- подлинная защита ценностей интеллектуальной деятельности специалистов-носителей интеллектуального потенциала от всевозможных посягательств;

- направление соответствующих специалистов по тому профилю, по которому они имеют подготовку;

- мотивация через моральные убеждения и материальные ценности соответствующих специалистов-носителей интеллектуального потенциала;

- своевременное внедрение и реализация итогов интеллектуальной деятельности в практическую жизнь.

Рассуждая о безопасности интеллектуального потенциала важно указать и такие обстоятельства, в которых возникает необходимость разрешения вопроса предоставления и национальной безопасности нашей страны.

Современные отечественные обстоятельства характеризуются:

- нестабильностью политики и экономики;

- недооценкой интеллектуального труда соответствующих специалистов;

- малой правовой осведомленностью населения;

- отсутствием возможностей у действующей нормативно-правовой базы к защите интеллектуального потенциала;

- нехваткой положений для формирования концепции научно-технических преобразований;

- напряженной атмосфере в социальном пространстве;

- несоответствием заданных норм современности и текущей научно-технической политики;

- усилением процессов потребления;

- приоритетом скорости обогащения над его качеством;

- нехваткой вовлечения большей доли специалистов в избрание и исполнение задач государства в областях науки, техники, социума, политики, экономики и хозяйства;

- недействительностью и чрезмерной продолжительностью соответствующих реформ [1].

Помимо сказанного, смещения в политическом пространстве имеют следствием утрату контрольно-управленческого механизма, включая и фактор обеспечения безопасности для интеллектуального потенциала. Россия обладает колоссальным интеллектуальным потенциалом, требующим собственного результативного применения для разрешения вопросов обеспечения безопасности на национальном уровне.

Важно, что для предоставления, удержания и усиления как национальной, так и безопасности интеллектуального потенциала требуется произвести и исполнить комплекс мероприятий в обла-

стях права, организации, экономики, хозяйства и социума, нацеленных как на удержание и наращивание текущего интеллектуального потенциала, так и прирост престижности для интеллектуального труда, повышения интереса у личностей соответствующего интеллекта в результативной деятельности. При исполнении таких мер образуется объективная значимость в том, чтобы пассивные защитные меры уступили позиции для расширения активных.

Итак, можно заключить, что:

1. Интеллектуальный потенциал – крайне важный компонент комплекса российской национальной безопасности.

2. Интеллектуальный потенциал находится в структуре интеллектуальных интересов, а потому ему присущи сопутствующие угрозы и соответствующие защитные меры.

3. Россия обладает колоссальным интеллектуальным потенциалом, требующим разрешения острых проблем сохранения его безопасности, а потому его требуется реализовывать.

4. Предоставить, сохранить и усилить безопасность российского интеллектуального потенциала в обстоятельствах современности можно исключительно посредством ликвидации соответствующих угроз, соблюдения государственных и общественных интересов, исполнения результативных активных защитных мер.

Литература

1. Любовный В.Я., Ускова Ю.А. Интеллектуальный потенциал городов России как фактор перехода экономики на инновационное развитие // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2009. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intellektualnyy-potentsial-gorodov-rossii-kak-faktor-perehoda-ekonomiki-na-innovatsionnoe-razvitiye>.
2. Марутян Р.Р. Интеллектуальный потенциал и интеллектуальный ресурс государства как основа обеспечения национальной безопасности // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2014. № 1(2) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intellektualnyy-potentsial-i-intellektualnyy-resurs-gosudarstva-kak-osnova-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnosti>.
3. Хмельченко Е.Г. Интеллектуальный капитал – основа развития экономики и инновационных процессов в РФ // Вестник ГУУ. 2014. № 16 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intellektualnyy-kapital-osnova-razvitiya-ekonomiki-i-innovatsionnyh-protssesov-v-rf>.
4. Суглобов А.Е., Хмелев С.А., Орлова Е.А. Экономическая безопасность предприятия: учеб. Пособие // М.: Юнити-Дана. 2017. 271 с.

5. Эриашвили Н.Д. Экономическая безопасность: учебник // М.: Юнити-Дана. 2018. 503 с.
6. Суглобов А.Е., Медведев А.А. Основные категории и понятия в оценке экономической безопасности инновационного производства в особой экономической зоне // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 5. С. 264-268.

УДК 332.14

Активизация деятельности малого предпринимательства как необходимое условие развития регионов

Т.В. Секачева, доцент кафедры «Экономика и финансы»,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Волгоградский государственный технический университет,
Себряковский филиал, Волгоградская область

На сегодняшний день экономический рост в Российской Федерации во многом зависит от развития малого бизнеса. Эта новаторская деятельность считается важным стратегическим проектом, направленным на: внедрение новых продуктов и продвижение их на новые рынки; повышение эффективности рыночной системы; поддержание оптимальной конкурентной среды; создание и предоставление дополнительных рабочих мест; повышение потребительского спроса. Однако, в сложившихся условиях, малые предприятия сталкиваются с серьезными проблемами, решить которые можно только объединив усилия органов власти и местного самоуправления. Анализ основных показателей деятельности малого предпринимательства в масштабах всей страны и регионов в частности, поможет понять причины проблем, позволит активизировать деятельность субъектов малого бизнеса и реализовать их предпринимательский потенциал.

Малое предпринимательство, стратегия развития, национальный проект, федеральный проект, поддержка бизнеса, активизация предпринимательского потенциала.

Activation of small business activity as a necessary condition for regional development

T.V. Sekacheva, docent of the Department of «Economics and Finance»,
Federal state budget educational institution of Higher education Volgograd State Technical University,
Sebryakovsky branch, Volgograd region

Today, economic growth in the Russian Federation largely depends on the development of small businesses. This innovative activity is considered an important strategic project aimed at: introducing new products and promoting them to new markets; improving the efficiency of the market system; maintaining an optimal competitive environment; creating and providing additional jobs; and increasing consumer demand. However, in the current conditions, small businesses face serious problems that can only be solved by combining the efforts of government and local government. Analysis of the main indicators of small business activity throughout the country and regions in particular will help to understand the causes of problems, will allow to activate the activities of small businesses and realize their entrepreneurial potential.

Small business, development strategy, national project, Federal project, business support, activation of entrepreneurial potential.

В Российской Федерации малый бизнес развивается уже 30 лет и занимает свою нишу в национальном хозяйстве, влияя на ее экономический рост. Малые предприятия, не требующие больших начальных вложений, но гарантирующие высокую скорость оборачиваемости ресурсов, способны наиболее быстро и эффективно решить проблемы реструктуризации национальной экономики, формирования и наполнения рынка потребительскими товарами в условиях дестабилизации экономики, а также разобраться с вопросами ограниченности финансо-

вых ресурсов.

Отличительными особенностями малого предпринимательства являются:

- ✓ свобода в выборе направлений и методов работы, как участника рыночных отношений;
- ✓ ответственность за принятые решения, их последствия, в части экономических и правовых аспектов;
- ✓ высокая мотивация к достижению коммерческого успеха, получению прибыли.

Экономическая и социальная

роль малого предпринимательства заключается:

во-первых, деятельность этого сектора экономики, направлена на удовлетворение потребностей общества, посредством создания материальных благ с минимальным вовлечением материальных, энергетических, природных ресурсов,

во-вторых, максимально использует человеческий капитал, формируя условия для самореализации и самообеспечения граждан в пределах прав, предоставленных Конституцией Российской Федерации, Гражданским кодексом Российской Федерации [1], Федеральным законом «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ [17].

В современных условиях рыночной экономики малый бизнес выступает основным механизмом развития общества и ориентирован на использование достижений научно-технического прогресса. Данная сфера деятельности стремится к тому, чтобы труд был высокопроизводительным и высококачественным, прибыль росла, и потребности общества были полностью удовлетворены. И хотя на сегодняшний день малый бизнес представляет собой движущую силу экономического развития, все же у него остается нереализованным огромный потенциал.

Малый бизнес имеет отчетливо выраженную региональную ориентацию, направленную на постоянный поиск и удовлетворение общественных потребностей, за счет использования местных ресурсов. Предприниматели вносят изменения в общественную жизнь, используя в своей деятельности нововведения: альтернативные источники энергии, новые материалы и новые технологии. Что в итоге и составляет основу стратегии малого предприятия. Поэтому, для масштабного развития предпринимательства, как сектора региональной экономики,

необходима активизация действующих участников этого сектора и вовлечение потенциальных.

Деятельность малого предпринимательства способствует созданию гибкой, адаптивной и конкурентоспособной национальной экономики, обеспечивающей стабильную занятость населения в регионах и высокую скорость технологического обновления. На сегодняшний день развитие малого бизнеса сопровождается ростом трудностей, неудач и проблем, для решения которых необходим серьезный государственный подход, обеспечивающий координацию усилий всех органов власти и местного самоуправления. Необходимо отметить, что субъекты малого бизнеса являются неотъемлемой частью не только общероссийской, но и региональной экономики поэтому, чтобы говорить о необходимости их дальнейшего развития необходимо провести анализ основных показателей их деятельности в масштабах всей страны и регионов в частности.

По данным Федеральной службы государственной статистики в Российской Федерации общая численность всех малых предприятий, в период с 2016 года по 2018 год, сократилась соответственно с 2770562 до 2659943 единиц (табл. 1). При этом в 2017 году их число уменьшилось на 15985 или 0,58%, в 2018 году их число уменьшилось на 94634 предприятия или 0,37%. Проследим, как изменилась структура малых предприятий по видам экономической деятельности (рис. 1).

Первое, на что следует обратить внимание, это изменение структуры малых предприятий, занятых в сфере торговли. В 2016 году в торговле работало 37,25% всех малых предприятий, в 2017 году – 36,16%, а в 2018 году – 34,82%. Данная сфера является наиболее привлекательной по причине низких затрат и быстрой оборачиваемости капитала. Кроме того, с 21,68% в 2016 году снизилось число малых предприятий, зани-

мающихся деятельностью по операциям с недвижимым имуществом, в 2017 году – 7,64%, а в 2018 году этот процент составил 7,76%. Сокращается и число предприятий, работающих в сфере обрабатывающего производства с 8,87% в 2016 году до 8,44% в 2018 году. Снижение активности малых предприятий с 2,4% в 2016 году до 2,0% в 2018 году

наблюдается и в сельском хозяйстве, рыболовстве и рыбоводстве. Стабильно работают предприятия в сфере гостиничного бизнеса и общественного питания (2,84%), образования (0,37%), добычи полезных ископаемых (0,39%).

Таблица 1 – Количество малых предприятий (включая микропредприятия) по видам экономической деятельности Российской Федерации за 2016-2018 гг. (единиц) [9,с.320; 10,с.316; 11,с.371]

Показатель	2016 год		2017 год		2018 год	
	Малые предприятия	В % к итогу	Малые предприятия	В % к итогу	Малые предприятия	В % к итогу
Всего по обследуемым видам экономической деятельности, в т.ч.:	2770562	100	2754577	100	2659943	100
торговля оптовая и розничная	1032067	37,25	996055	36,16	926215	34,82
деятельность по операциям с недвижимым имуществом	600666	21,68	210477	7,64	206316	7,76
Прочие виды экономической деятельности	374697	13,52	793906	28,82	803560	30,21
строительство	335948	12,11	343471	12,47	338467	12,73
Обрабатывающие производства	245788	8,87	227188	8,25	224530	8,44
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство рыболовство, рыбоводство	66098	2,39	56014	2,03	53228	2,00
деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	79423	2,87	77208	2,80	75446	2,84
Обеспечение электрической энергией, газом и водой	15661	0,56	30331	1,10	11929	0,45
образование	9949	0,36	9836	0,36	9836	0,37
добыча полезных ископаемых	10265	0,37	10091	0,37	10416	0,39

Увеличилось число малых предприятий связывающих свою деятельность со строительством с 12,23% в 2016 году до 12,47% в 2017 году и до 12,73 в 2018 году.

Одним из критериев отнесения предприятия к разряду малого является среднесписочная численность работаю-

щих на нем сотрудников. Так, микропредприятиями являются все субъекты, среднесписочная численность работников которых не превышает 15 человек, а малыми считаются предприятия, количество сотрудников которых, находится в пределах от 16 до 100 человек включительно. Малые предприятия организуют

рабочие места на местных региональных рынках труда (табл. 2). Поэтому их работа направлена на обеспечение социально-политической стабильности в обществе за счет сокращения безработицы. Безработица является неотъемлемой частью рыночной экономики. Она относится к одной из острых проблем, препятствующих

экономическому росту. Эффективное использование имеющегося экономически активного населения позволит повысить уровень благосостояния в стране. Разработка мероприятий по снижению безработицы является одной из задач государства и регионов [8].

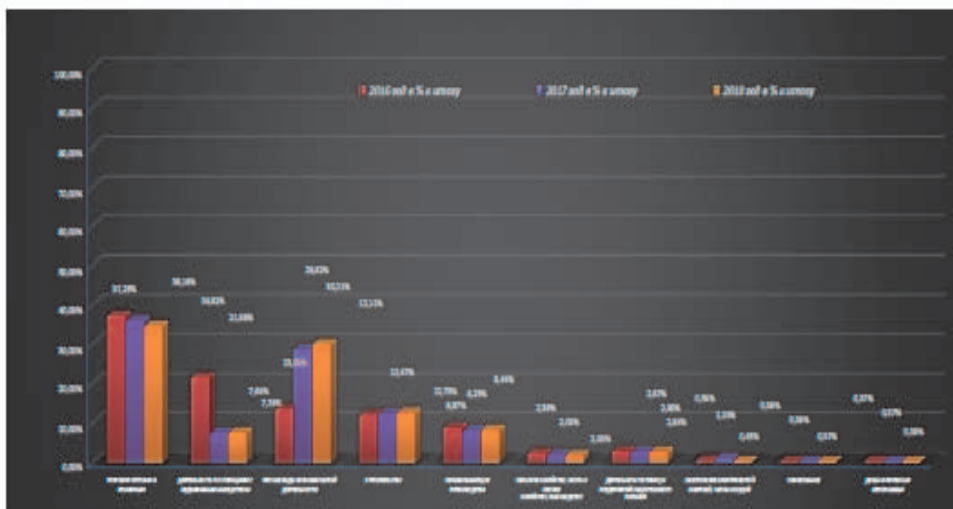

Рисунок 1 – Структура численности малых предприятий (включая микропредприятия) по видам экономической деятельности в Российской Федерации за 2016-2018 гг.

Среднесписочная численность работников, занятых на малых предприятиях с 2016 по 2017 год увеличилась на 946209 человек или на 8,5% и в 2017 году составила 11986265 человек. Небольшое снижение на 166475 человек или 1,4%, относительно численности всех работающих на малых предприятиях наблюдалось в период 2017-2018 годов. Проанализируем структуру распределения численности работников малых предприятий по видам экономической деятельности (рис. 2).

Наибольший удельный вес работников в общем объеме занятых в малом бизнесе составляет оптовая и розничная торговля. Причиной такого положения дел является самый простой способ трудоустройства. Несмотря на небольшое снижение занятых в этой

сфере (с 28,84% в 2016 году до 27,49% в 2018 году), можно говорить о достаточно стабильном состоянии и привлекательности этого сектора. Резко сократилось количество занятых в сфере операций с недвижимым имуществом (с 21,03% в 2016 году до 8,12% в 2017 году и 8,35% в 2018 году). Малый бизнес напрямую работает с местным населением в регионах РФ и первым ощущает происходящие изменения в общественной и экономической жизни, поэтому снижение спроса и реальных доходов населения сразу отразилось на сокращении данного сегмента и стало главной причиной ухода малого бизнеса из этого сектора экономики. Проблемой сокращения количества занятых в сельском хозяйстве, рыболовстве и рыбоводстве (в 2016 году в этой сфере работало 500200 человек, в 2017 году –

487088 человек, а в 2018 году всего 465679 человек), является падение цены труда (отношение заработной платы в сельском хозяйстве к ее среднему уровню в экономике). Можно говорить о том, что современный аграрный сектор испытывает серьезный недостаток не только в высококвалифицированных кадрах, но и неквалифицированных рабочих. Кроме того, 90% сельскохозяйственных земель находится в зоне рискованного земледе-

лия, а значит предпринимательская деятельность в этой сфере априори рискованная. Окупаемость вложенных инвестиций в данном секторе, осуществляется не сразу, а в течение 7-8 лет. Поэтому повышение инвестиционной активности в данном секторе по-прежнему является одной из ключевых задач российской экономики.

Таблица 2 – Среднесписочная численность работников малых предприятий (включая микропредприятия) по видам экономической деятельности Российской Федерации за 2016-2018 гг. (чел.)
[9,с.321; 10,с.316; 11,с.371]

Показатель	2016 год		2017 год		2018 год	
	Численность работников малых предприятий	В % к итогу	Численность работников малых предприятий	В % к итогу	Численность работников малых предприятий	В % к итогу
Всего по обследуемым видам экономической деятельности, в т.ч.:	11040056	100	11986265	100	11819790	100
торговля оптовая и розничная	3183694	28,84	3368914	28,11	3248814	27,49
деятельность по операциям с недвижимым имуществом	2322096	21,03	971940	8,12	986763	8,35
Прочие виды экономической деятельности	1350564	12,23	3197647	26,68	3169756	26,82
строительство	1403148	12,71	1455550	12,14	1426542	12,07
Обрабатывающие производства	1609552	14,58	1673301	13,96	1703065	14,41
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство рыболовство, рыбоводство	500200	4,53	487088	4,06	465679	3,94
деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	444549	4,03	472045	3,94	468099	3,96
Обеспечение электрической энергией, газом и водой	145344	1,32	269483	2,25	264051	2,23
образование	23163	0,21	25805	0,21	20463	0,17
добыча полезных ископаемых	57746	0,52	64492	0,54	66558	0,56

Сокращается количество работников образования: в 2016 году в этой сфере было занято 23163 человек, в 2017 году уже 25805 человек, но в 2018 году

произошло резкое сокращение до 20463 человек. Такое положение дел, является прямым следствием сокращения количества ВУЗов и их филиалов в РФ. Реали-

зация программы оптимизации в данной сфере увеличила количество невостребованных преподавателей и вынудило их искать новый источник заработка.

О стабильном количестве занятых можно говорить в таких отраслях как: добыча полезных ископаемых, деятельность гостиниц и предприятий общественного питания.

Строительство сегодня является тем центром притяжения для малого бизнеса, который позволяет ему стабильно работать и увеличивать количество занятых с 1403148 человек в 2016 году до 1426542 человек в 2018 году.

Необходимо отметить и привлекательность обрабатывающей промышленности. Количество занятых в этом секторе так же выросло за анализируемый период с 1609552 человек (2016 год) до 1703065 человек (2018 год).

Вторым критерием, отнесения предприятий к разряду малых, является доход. Предельное значение дохода для микропредприятий составляет 120 миллионов рублей, а для малых предприятий 800 миллионов рублей. Рассмотрим оборот малых предприятий за 2016-2018 год (табл. 3).

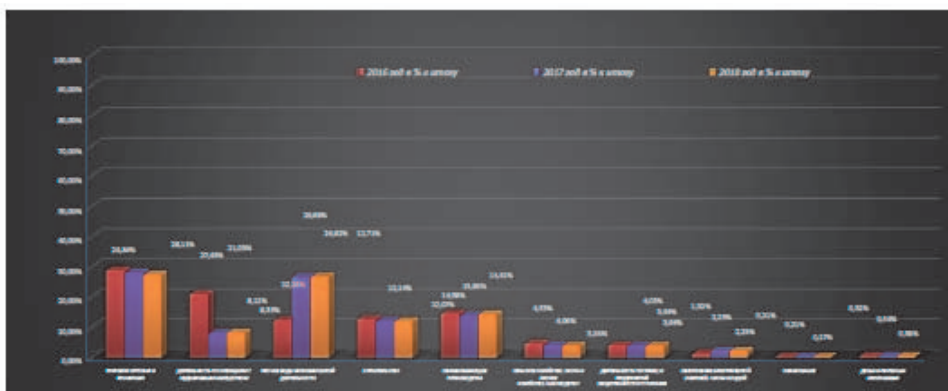

Рисунок 2 – Структура распределения среднесписочной численности работников малых предприятий (включая микропредприятия) по видам экономической деятельности Российской Федерации за 2016-2018 гг.

По данным федеральной службы государственной статистики оборот малых предприятий в 2016-2018 годах увеличился. В 2016 году этот показатель составил 38877026,9 млн. руб., а в 2017 он увеличился на 9582151,2 млн. руб. или 24,6% и составил 48459178,1 млн. руб. Совокупный оборот малых предприятий в 2018 году – 53314226,9 млн. руб., следовательно, увеличение составило 4855048,8 млн. руб. или 10,0%.

В структуре оборота малых предприятий по видам экономической деятельности основную долю занимает торговля: 56,73% в 2016 году, 58,14% в

2017 году и 58,96 в 2018 году. На втором месте по удельному весу располагается строительство – 10,41% в 2016 году, 11,50% в 2017 году, 10,36 в 2018 году. На третьем обрабатывающие производства – 9,47% в 2016 году, 8,66% в 2017 году, 8,92 % в 2018 году (рис. 2).

Малыми предприятиями в 2018 году было освоено 1057403,6 миллионов рублей инвестиций в основной капитал. Из них 22,60% приходилось на отрасль строительство, 13,26% на операции с недвижимым имуществом, 15,43% на сельское хозяйство (табл. 4).

Таблица 3 – Оборот малых предприятий (включая микропредприятия) по видам экономической деятельности Российской Федерации за 2016-2018 гг. (млн. руб.) [9,с.322; 10,с.316; 11,с.371]

Показатель	2016 год		2017 год		2018 год	
	Оборот малых предприятий	В % к итогу	Оборот малых предприятий	В % к итогу	Оборот малых предприятий	В % к итогу
Всего по обследуемым видам экономической деятельности, в т.ч.:	38877026,9	100	48459178,1	100	53314226,9	100
торговля оптовая и розничная	22053385,8	56,73	28172861,4	58,14	31434049,6	58,96
деятельность по операциям с недвижимым имуществом	4464947,9	11,49	2190874,2	4,52	2221338,1	4,17
Прочие виды экономической деятельности	2842133,7	7,31	5696560,8	11,76	6567021,2	12,32
строительство	4046470,0	10,41	5573254,5	11,50	5630773,7	10,36
Обрабатывающие производства	3680024,3	9,47	4194565,3	8,66	4758003,4	8,92
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство рыболовство, рыбоводство	791758,9	2,04	853018,7	1,76	970090,4	1,82
деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	616178,9	1,59	752918,0	1,55	829994,1	1,56
Обеспечение электрической энергией, газом и водой	176744,7	0,45	535546,4	1,11	627952,7	1,18
образование	24064,4	0,06	285564,5	0,59	27960,3	0,05
добыча полезных ископаемых	181318,3	0,47	204014,3	0,42	247043,5	0,46

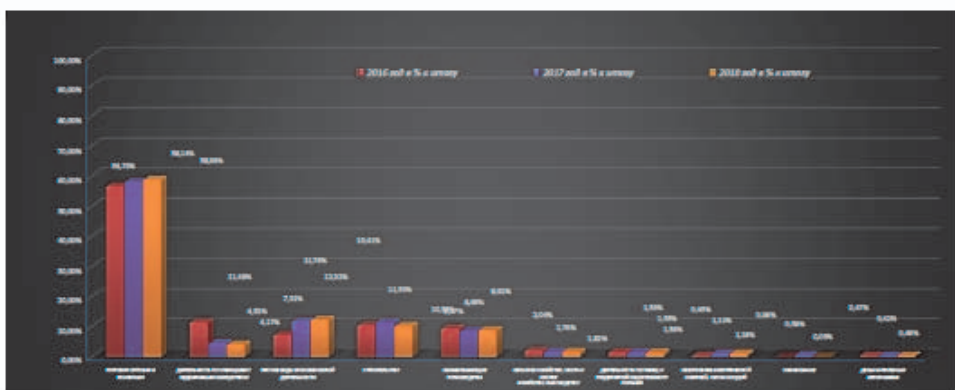

Рисунок 3 – Структура оборота малых предприятий (включая микропредприятия) по видам экономической деятельности Российской Федерации за 2016-2018 гг., в % к итогу

Анализируя, вложенные инвестиции по годам, необходимо отметить, что по сравнению с соответствующим периодом 2016 года этот показатель в

2017 году вырос в абсолютном в выражении на 196874,2 тыс. руб. или на 24,6% и составили 998497,5 тыс. рублей. В 2018 году увеличение составило –

58906,1 тыс. руб. или 6% что соответст- | венно составило 1057403,6 млн. руб.

Таблица 4 – Инвестиции в основной капитал малых предприятий (включая микропредприятия) по видам экономической деятельности Российской Федерации за 2016-2018 гг. (млн.руб.) [2,с.39-40; 3,с.38]

Показатель	2016 год		2017 год		2018 год	
	Инвестиции в основной капитал малых предприятий	В % к итогу	Инвестиции в основной капитал малых предприятий	В % к итогу	Инвестиции в основной капитал малых предприятий	В % к итогу
Всего по обследуемым видам экономической деятельности, в т.ч.:	801623,3	100	998497,5	100	1057403,6	100
торговля оптовая и розничная	91623,2	11,43	117622,2	11,78	150009,3	14,19
деятельность по операциям с недвижимым имуществом	205714,4	25,66	176837,7	17,71	140185,1	13,26
прочие виды экономической деятельности	40761,8	5,08	163192,6	16,34	209996,6	19,86
строительство	222134,9	27,71	194694,6	19,50	238947,2	22,60
обрабатывающие производства	90166,7	11,25	102888,5	10,30	107626,9	10,18
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство рыболовство, рыбоводство	122946,6	15,34	168883,5	16,91	163149,1	15,43
деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	19267,4	2,40	6329,9	0,63	10430,1	0,99
обеспечение электрической энергии, газом и водой	2934,6	0,37	48343,9	4,84	20912,1	1,98
образование	156,8	0,02	274,1	0,03	260,4	0,02
добыча полезных ископаемых	5917,0	0,74	19430,6	1,95	15886,9	1,50

Наибольший объем инвестиций в основной капитал осуществлялся организациями строительного сектора. Их удельный вес в 2016 году был зафиксирован на уровне 27,71%. Несмотря на небольшое уменьшение в 2017 году до 19,50%, в 2018 году удельный вес вырос и составил 22,60%. Второе место по инвестиционной активности занимает сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство рыболовство, рыбоводство (2016 год –

122946,6 млн. рублей или 15,34%; 2017 год – 168883,5 млн. рублей или 16,91%; 2018 год – 163149,1 или 15,43%). Третью позицию занимают предприятия сферы торговли и общественного питания (2016 год – 91623,2 млн. рублей или 11,43%; 2017 год – 117622,2 млн. рублей или 11,78%; 2018 год – 150009,3 млн. руб. или 14,19%) (рис. 4).

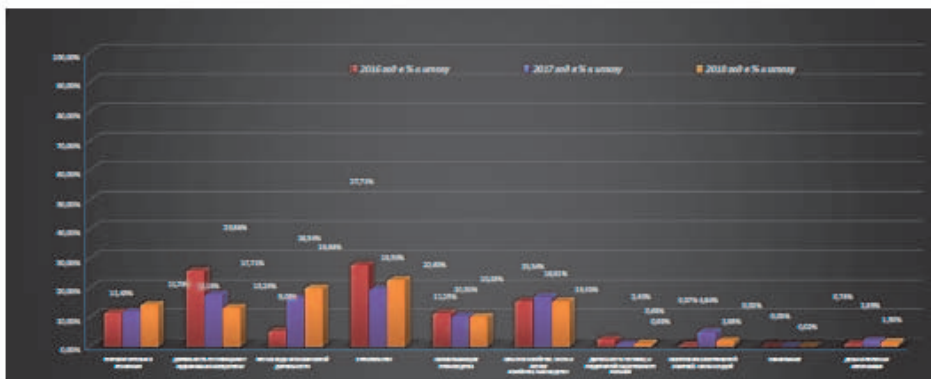

Рисунок 4 – Распределение инвестиций в основной капитал малых предприятий (включая микропредприятия) по видам экономической деятельности Российской Федерации за 2016-2018 гг., в % к итогу

В тоже время, сократили объемы инвестирования предприятия сферы недвижимого имущества (2016 год – 205714,4 млн. рублей или 25,66%; 2017 год – 176837,7 млн. рублей или 17,71%; 2018 год – 140185,1 млн. руб. или 13,26%).

Таким образом, жилищное строительство является одним из приоритетных направлений социально-экономического развития Российской Федерации, которому в последнее время уделяется повышенное внимание. Создание комфортной жилой среды в каждом населенном пункте является залогом успешной реализации политики государства в сфере комплексного развития территорий.

Кроме того, в среднем на 15% в год увеличиваются инвестиции в сельское хозяйство. Прорывных результатов удалось достигнуть за счет создания зерновых, птицеводческих, мясных и молочных кластеров, применения современных технологий обработки земли и посева семян. Следовательно, за анализируемый период приоритетной задачей государства является увеличение инвестиционной и предпринимательской активности. Помимо реализации проектов по строительству, одним из главных направлений привлечения инвестиций во все сферы малого бизнеса является вне-

дрение государственно-частного партнерства. Внедрение такого партнерства позволит реализовать инвестиционные проекты в сельском хозяйстве, образовании, медицине, спорте и др. Сбалансированное сочетание механизмов государственного инвестирования и социальной ответственности бизнеса позволит сформировать максимально комфортный инвестиционный климат на территории всей Российской Федерации.

Развитие экономики страны во многом определяется состоянием региональных экономических систем. Потребности экономики диктуют необходимость дальнейшего увеличения масштабов хозяйственного потенциала России. Поэтому возникает необходимость проанализировать основные показатели деятельности малых предприятий в Волгоградском регионе (табл. 5).

По итогам 2018 года в Волгоградской области насчитывалось порядка 26 559 субъектов малого предпринимательства, на которых было задействовано 144800 работников списочного состава. Суммарный оборот малых хозяйствующих субъектов за январь-декабрь составляет 455366,1 млн. руб., а объем инвестиций в основной капитал – 10626,9 млн. руб. Получить наглядное представление о численности малых предприятий поможет рисунок 5.

Таблица 5 – Основные показатели деятельности малых предприятий (включая микропредприятия) Волгоградской области за 2016-2018 гг. [15,с.411; 16,с.405-406]

Показатель	2016 год	2017 год	2018 год
Число малых предприятий (единиц)	33752	28639	26559
Инвестиции в основной капитал малых предприятий (млн.руб.)	7288,5	10671,1	10626,9
Оборот малых предприятий (млн.руб.)	334409,8	513626,1	455366,1
Численность работников малых предприятий (чел.)	142019	153465	144800

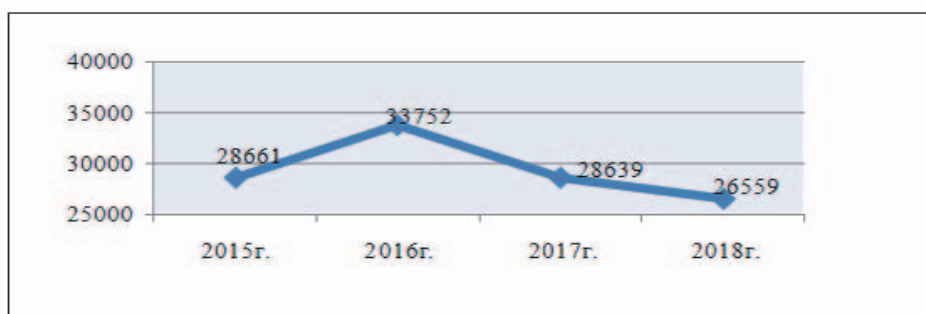

Рисунок 5 – Число малых предприятий (включая микропредприятия) Волгоградской области (единиц)

Из полученных сведений хорошо прослеживается динамика развития малых предприятий, свидетельствующая об ухудшении обстановки в малом бизнесе. Общая численность всех малых предприятий, функционирующих на территории Волгоградской области, в период с 2016 года по 2018 год, сократилась соответственно с 33752 до 26559 (таблица 1). При этом, в 2017 году их число уменьшилось на 5113 или 15,2%, 2018 году их число уменьшилось на 2080 предприятия или 7,3%. Если не предпринимать никаких мер, то это со временем может серьезно сказаться на социально-экономическом развитии региона. Поэтому, необходимо разобраться в причинах, провести SWOT-анализ и выяснить все сильные и слабые стороны развития малого бизнеса в регионе (таблица 6).

Проведенный SWOT-анализ позволяет сделать вывод о том, что для ус-

пешного развития, субъектам малого предпринимательства необходима как финансовая, так и информационная, консультационная, имущественная поддержки. Поэтому, для того, чтобы малый бизнес смог справиться со всеми проблемами и заработал в полную силу, необходима как государственная, так и региональная поддержка. Ведь только благодаря общим усилиям можно превратить малый бизнес в своего рода локомотив, способный поднять уровень российской экономики на качественно новый уровень.

На сегодняшний день поддержка предпринимательства – в числе приоритетных направлений государства. 24 декабря 2018 года президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию был принят национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпри-

нимательской инициативы». Реализация данного проекта предусмотрена до 2024 года и направлена на улучшение предпринимательского климата в России. Национальный проект содержит пять модулей. Волгоградская область включена в реализацию всех пять федеральных проектов. Структура национального проекта охватывает не только все фазы жизненного цикла малого предприятия, но и основные факторы, влияющие и

сопровождающие его деятельность. Именно интеграция в единое целое всех компонентов, влияющих на развитие малого предпринимательства, создаст возможности для реализации предпринимательского потенциала, что в результате будет способствовать устойчивому росту числа предпринимательских субъектов.

Таблица 6 – SWOT – анализ деятельности малого предпринимательства в Волгоградской области

Сильные стороны	Слабые стороны
<ul style="list-style-type: none"> ❖ Высокая степень самостоятельности и свободы в принятии решения ❖ небольшой стартовый капитал ❖ гибкость и восприимчивость к конъюнктуре рынка ❖ способность быстро внедрять и апробировать новую технологию ❖ обеспечение быстрой оборачиваемости оборотных средств ❖ создание дополнительных рабочих мест ❖ использование местных ресурсов ❖ экономическая самостоятельность и независимость хозяйствующих субъектов ❖ широкий спектр услуг ❖ индивидуальный подход к клиентам ❖ упрощенное налогообложение 	<ul style="list-style-type: none"> ❖ малая доля освоения рынка ❖ высокая зависимость от изменения конъюнктуры рынка ❖ отсутствие влиятельной поддержки ❖ недостаток финансовых ресурсов для осуществления крупных проектов ❖ ограниченные перспективы роста ❖ зависимость предпринимательских структур от внешней среды ❖ неквалифицированный персонал ❖ высокая степень персональной ответственности за успех предпринимательской деятельности
Возможности	Угрозы
<ul style="list-style-type: none"> ❖ возможность быстрой адаптации к изменению рынка ❖ дает мощный толчок к высокопроизводительному и высококачественному труду ❖ возможность активного использования потенциально свободной трудовой силы ❖ возможность к творческой самореализации ❖ возможность пополнения государственного бюджета ❖ возможность расширения спектра услуг ❖ возможность смягчения проблемы безработицы ❖ возможность внедрения новых ресурсов и технологий ❖ возможность выхода на новые региональные рынки ❖ возможность привлечения к выполнению госзаказа 	<ul style="list-style-type: none"> ❖ высокий уровень конкуренции ❖ нехватка оборотного капитала ❖ отсутствие доступных финансовых ресурсов ❖ административные барьеры ❖ ограниченный доступ к информации и достижениям НИОКР ❖ ухудшение экономической ситуации (экономический кризис) ❖ отсутствие платежеспособного спроса ❖ риск банкротства

Интеграционная модель (рис. 6) включает реализацию основных направлений развития малого предпринимательства. Принятые федеральные проек-

ты позволят создать структурированную систему поддержки малых форм бизнеса. Результатом такой коллаборации будет устойчивый рост количества малых

предприятий в конкретном региональном пространстве.

Первый федеральный проект, действующий на территории Волгоградской области, «Расширение доступа субъектов малого и среднего предпринимательства к финансовой поддержке, в том числе к льготному финансированию» (утвержден Советом при Губернаторе Волгоградской области по реализации национальных проектов протоколом от 28 февраля 2019 года № 2) [6]. Главной целью, которую преследует данный проект, является упрощение доступа субъектов малого и среднего бизнеса к льготному финансированию (льготным кредитам). В 2019 году процентная ставка по займам снизилась с 7,75 до 6,25% и расширены виды услуг. В настоящее время действуют следующие программы:

- для начинающих и социальных предпринимателей;
- для планирующих расширение деятельности компании;
- для инвесторов;
- для экспортеров.

Очень важным моментом является то, что предоставление кредитов для начинающих предпринимателей осуществляется без залога. Кроме того, они могут рефинансировать свой кредит в другом банке под более низкий процент.

Предприниматели, проживающие в моногородах нашей области, могут воспользоваться заемными средствами со ставкой 3,125% годовых без допкомиссий. Так, в моногородах Михайловке и Фролово, уже шесть предпринимателей в 2019 году использовали эту возможность.

Предоставлением финансовой помощи в волгоградской области занимаются два региональных центра: Фонд микрофинансирования предпринимательства и Государственный фонд «Региональный микрофинансовый центр» (микрокредитная компания). Эти два областных института, в 2019 году, предоставили займы 107 субъектам пред-

принимательства на общую сумму 203,4 миллиона рублей при запланированном объеме в 150 млн. рублей ежегодно. Такая финансовая поддержка помогла реализовать предпринимательские инициативы в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве и других сферах.

Второй региональный проект направлен на улучшение условий ведения предпринимательской деятельности (утвержден Советом при Губернаторе Волгоградской области по реализации национальных проектов протоколом от 28 февраля 2019 года № 2) [8]. Основным направлением реализации данного проекта будет снижение административной нагрузки на субъекты предпринимательской деятельности, расширение их имущественной поддержки, а так же создание благоприятных условий для осуществления деятельности самозанятых граждан.

В регионе созданы и успешно действуют: Волгоградский областной бизнес-инкубатор начинающим бизнесменам дает право на льготную аренду офисов, Центр инжиниринга (технологический и проектный инжиниринг), Центр инноваций социальной сферы Волгоградской области осуществляет содействие экологическому предпринимательству, Центр поддержки предпринимательства (консалтинговое сопровождение), Центр координации и поддержки экспортно-ориентированных субъектов малого и среднего предпринимательства, многофункциональный центр для бизнеса, гарантийный фонд, а также региональный комитет экономической политики и развития, аппарат Уполномоченного по защите прав предпринимателей, Корпорация развития Волгоградской области. Все региональные институты поддержки предпринимательства объединяет центр «Мой бизнес», созданный в конце две тысячи девятнадцатого года.

В рамках реализации данного проекта будет обеспечен доступ пред-

принимательских субъектов к предоставленному на льготных условиях имуществу: базовый период (2019 год) – 1870 объектов, а к 2024 году их число

увеличится на 27,5% и составит 2385 объектов.

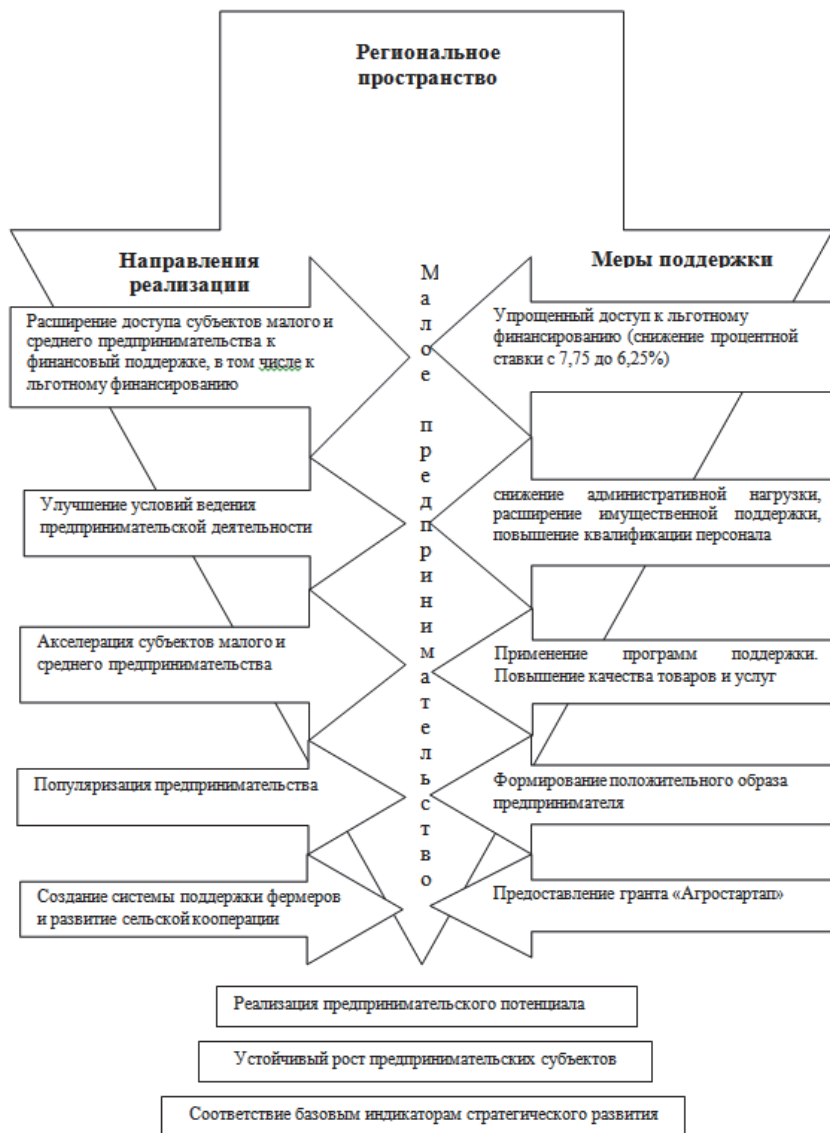

Рисунок 6 – Интеграционная модель активизации развития малого предпринимательства в регионе

Для обеспечения благоприятных условий деятельности самозанятым гражданам будет создан режим налогообложения, предусматриваю-

щий освобождение от предоставления отчетности в налоговые органы РФ, а так же уплату единого платежа с выручки, включающего в себя страховые

взносы. Начиная с первого января две тысячи двадцатого года, Волгоградская область вошла в число пилотных регионов, на территории которых введен и действует специальный налоговый режим для самозанятых. В период новогодних каникул в этом качестве зарегистрировались более тысячи жителей нашего региона, а к марту уже 4000 жителей. Общее же количество самозанятых должно увеличиться к 2024 году до 12 тыс. человек.

Кроме того, в рамках реализации приоритетных региональных проектов, на территории Волгоградского государственного технического университета открыт Центр прототипирования. Центр вошел в структуру ГАО ВО «Мой бизнес». Работа нового центра направлена на поддержку субъектов малого и среднего бизнеса и предоставляет возможность предпринимателям на льготных условиях изготовить макеты, прототипы и опытные образцы, а так же иную мелкосерийную продукцию. Площадка оснащена:

- графической станцией предназначенной для проектирования, разработки конструкторской документации и корректировки 3D-моделей по готовым чертежам;

- 5D-принтером;

- высокоточным металлообрабатывающим станком.

Высокоточное оборудование позволит просчитать целесообразность выпуска новой продукции, а работа центра будет способствовать модернизации и повышению конкурентоспособности промышленности региона. Интеграция предпринимательской деятельности и научных организаций и учебных заведений повысит эффективность научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, что в свою очередь сократит время и стоимость инновационной продукции.

Региональный проект «Акселерация субъектов малого и среднего

предпринимательства» (утвержден Советом при Губернаторе Волгоградской области по реализации национальных проектов протоколом от 28 февраля 2019 года №2) [4], направлен, во-первых, на развитие электронного доступа субъектов предпринимательства к мерам поддержки, а, следовательно, как результат – увеличение числа занятых в малом и среднем бизнесе и во-вторых, на повышение качества сбыта товаров и услуг. Для этого будет сформирован единый реестр субъектов предпринимательства, которым необходима поддержка. Реализация данного проекта предусматривает помощь предпринимателям при прохождении процедуры стандартизации и сертификации продукции по международным стандартам, обеспечение защиты интеллектуальной собственности. В рамках зарубежных бизнес-миссий запланированы поездки волгоградских товаропроизводителей в Армению, Казахстан, Узбекистан, Белоруссию, Киргизию и другие государства. Возможна организация экспертизы экспортного контракта по запросу субъектов предпринимательства.

С учетом задач, поставленных Министерством труда и социальной защиты РФ населения, перед регионами поставлена задача реализации проекта «Популяризация предпринимательства» (утвержден Советом при Губернаторе Волгоградской области по реализации национальных проектов протоколом от 28 февраля 2019 года № 2) [5]. Для увеличения числа занятых малым и средним бизнесом, необходима комплексная программа, способствующая формированию положительного образа предпринимателя среди жителей региона. В Волгоградской области этот проект реализуется и для людей с ограниченными возможностями. Данная категория людей является наиболее незащищенной, вследствие низкого уровня доходов. Основным на-

правлением поддержки является профессиональная реабилитация и возможность личностного роста. Предпринимательская деятельность позволяет сочетать возможность заниматься посильной трудовой деятельностью и самореализацией. И когда доход от трудовой деятельности, а не пенсия, станет основным источником существования, люди с ограниченными возможностями станут материально независимыми, смогут расширить коммуникативные связи и самоутвердиться в обществе.

На территории Волгоградской области ведутся мероприятия по развитию действующей поддержки малого бизнеса, вовлечению молодежи в предпринимательскую деятельность, которые направлены на создание новых объектов инфраструктуры. Организуется работа по внедрению центра инноваций социальной сферы и двух новых центров молодежного инновационного творчества по направлениям «Бионика и нейротехнологии», «Биомедицина».

Пятый региональный проект, утвержденный Советом при Губернаторе Волгоградской области по реализации национальных проектов протоколом от 28 февраля 2019 года № 2 «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации» [7], открывает новые возможности для агробизнеса. Целевым показателем при реализации проекта должно стать количество вновь вовлеченных субъектов малого бизнеса в сельское хозяйство – не менее 2945 человек. Государственная поддержка будет осуществляться предоставлением: гранта «Агростартап», гранта на поддержку начинающего фермера; грант для семейных животноводческих ферм; субсидии сельскохозяйственным потребительским кооперативам. Шестьдесят процентов продукции животноводства в области производят малые формы предпринимательства. Поэтому приоритет отдан

развитию животноводства. Размер грантовой помощи по этому направлению составляет до трех миллионов рублей, по остальным направлениям – до полутора миллионов рублей. Результатом работы в 2019 году является защита проектов участников конкурса «Агростартап», состоявшаяся в комитете сельского хозяйства области. Пятьдесят восемь претендентов подали свои заявки для участия в конкурсе. Среднеахтубинский район презентовал двенадцать заявок и стал лидером 2019 года в Волгоградской области.

Все рассмотренные федеральные проекты носят комплексный характер и при грамотном подходе способны дать реальный толчок в развитии не только предпринимательской деятельности, созданию конкурентной среды, но экономики региона в целом. Интеграционный подход активизирует деятельность малого предпринимательства на основе реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» позволит:

- во-первых, малому бизнесу развиваться на территории России более равномерно, поскольку все регионы окажутся в одинаковых условиях и смогут получить помощь и поддержку вне зависимости их местонахождения;

- во-вторых, малый бизнес сможет работать легально и это будет ему выгодно, не обходя все нормы и правила, а выполняя их. Гибкий режим правового регулирования позволит внедрять инновационные разработки, новые технологии и реализовывать новые проекты;

- в-третьих, субъекты предпринимательства смогут сами определить нужные им меры государственной поддержки, конкретизировать их и получать необходимые ресурсы: финансовые, имущественные, информационные;

- в-четвертых, стабильные налоговые условия позволят предпринимателю не только начать свое дело, но и развивать его, вкладывая большую часть полученной прибыли;

- в-пятых, предпринимательство в общественной жизни является тем индикатором, который можно использовать для моделирования качества и условий жизни населения;

- в-шестых, создание системного подхода к реализации и сбыту товаров и услуг, производимых субъектами малого бизнеса. Очень часто основной причиной закрытия малых форм предпринимательства является именно недоступность реализации товаров и услуг на местных рынках и в сетевых магазинах. Реализация национального проекта поможет предпринимателю производить систематические сравнения альтернативных доступных способов реализации и выбирать наиболее подходящий;

- в-седьмых, создание предпринимательской среды и доступность к местным рынкам сбыта, позволит каждому региону развиваться, учитывая особенности специализации и комплексного развития территории.

Реализация интеграционной модели будет способствовать развитию в стране эффективной рыночной экономики, формированию среднего класса населения, смягчению социальной напряженности в обществе. В любой развитой экономической системе представители малого и среднего бизнеса являются неотъемлемой частью современной системы хозяйствования.

Малое предпринимательство как особый творческий тип экономического поведения является существенной чертой всех факторов достижения экономического успеха [13]. Однако на сегодняшний день у него все же остается нереализованным огромный потенциал. Поэтому реализация национального проекта «Малое и среднее предпринима-

тельство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», направлена на достижение главной цели – активизацию и устойчивое развитие малого бизнеса как эффективного сектора экономики, обеспечивающего успешное решение социально-политических и финансово-экономических задач [14]. Входящие в состав национального проекта пять федеральных проектов успешно реализуются в Волгоградской области. Оценивая перспективы развития малых форм предпринимательства на территории Волгоградской области, можно прогнозировать, что область сможет закрепить положительные тенденции и нивелировать отрицательные. Работая по всем пяти направлениям, экономика региона сможет сформировать экономическую среду, стимулирующую деловую активность предпринимательских субъектов, что в свою очередь обеспечит стабильный рост инвестиций. Национальный проект предполагает необходимые меры поддержки предпринимательства на всех этапах развития бизнеса: имущественные, финансовые, образовательные, налоговые и консультационные. Выделение пяти направлений, позволит выявить особенности социально-экономического развития региона по основным направлениям. Единственным сдерживающим фактором на сегодняшний день является неразвитость общественно-деловых пространств регионов. На территории Волгоградской области расположено шесть городов областного значения (г. Волгоград, г. Волжский, г. Камышин, г. Михайловка, г. Урюпинск, г. Фролово), тридцать три муниципальных района (19 городов районного подчинения и 24 поселка городского типа) и 1458 сельских населенных пунктов. Поэтому необходимо, чтобы интегральная модель, охватывала все пять модулей поддержки малого бизнеса, чтобы в самом удаленном уголке Волгоградской области началась реализация национального проекта.

За последние пять лет на территории региона создана необходимая база, сформирована управленческая команда, выстроено эффективное взаимодействие между государственной властью и властью на местах. Реализация национальных проектов в установленные сроки позволит увеличить число занятых. Каждый желающий сможет

реализовать свою инициативу и стать успешным предпринимателем. Таким образом, реализация национального проекта позволяет взаимоувязывать государственную политику поддержки предпринимательской деятельности с региональной политикой.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019г.) // «Собрание законодательства РФ». 05.12.1994. № 32.
2. Малое и среднее предпринимательство в России. 2017: Статистический сборник // М. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 2017. 78 с.
3. Малое и среднее предпринимательство в России. 2019: Статистический сборник // М. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 2019. 87 с.
4. Региональный проект «Акселерация субъектов малого и среднего предпринимательства» [2019] [Электронный ресурс]. URL: <https://urp.volganet.ru/forms/> (дата обращения 28.01.2020 г.).
5. Региональный проект «Популяризация предпринимательства» [Электронный ресурс]. URL: https://obraz.volgograd.ru/upload/iblock/f19/RP-Popularizatsiya-Volgogradskaya-oblast-_protokol-ot-28.02.2019-_2 (дата обращения 28.01.2020 г.).
6. Региональный проект «Расширение доступа субъектов малого и среднего предпринимательства к финансовой поддержке, в том числе к льготному финансированию» [Электронный ресурс]. URL: <https://urp.volganet.ru/forms/> (дата обращения 28.01.2020 г.).
7. Региональный проект «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации» [Электронный ресурс]. URL: <https://ksh.volgograd.ru/> (дата обращения 28.01.2020 г.).
8. Региональный проект «Улучшение условий ведения предпринимательской деятельности» [Электронный ресурс]. URL: <https://urp.volganet.ru/forms/> (дата обращения 28.01.2020 г.).
9. Российский статистический ежегодник. 2017: Статистический сборник // М. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 2017. 686 с.
10. Российский статистический ежегодник. 2018: Статистический сборник // М. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 2018. 694 с.
11. Российский статистический ежегодник. 2019: Статистический сборник // М. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). 2019. 708 с.
12. Секачева Т.В., Землянская Е.В. Безработица в России: причины, последствия, меры // Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы: сборник статей Международной научно-практической конференции (24 сентября 2019 г., г. Екатеринбург) в 2 ч. Ч.1 // Уфа: редакционно-издательский отдел Международного центра инновационных исследований OMEGA SCIENCE. 2019. С. 70-74.
13. Секачева Т.В. Комплексная модель формирования творческого потенциала предпринимательского субъекта // Симферополь. Ученые записки КФУ имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2019. Т. 5 (71). № 4. С. 136-146.
14. Секачева Т.В., Забазнова Т.А., Ерохина Е.А. Стратегия устойчивого развития регионов // Экономика и предпринимательство. 2017. № 4-2 (81-2). С. 1094-1100.
15. Статистический ежегодник Волгоградская область 2017: сборник // Волгоград. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области (Волгоградстат). 2018. 768 с.
16. Статистический ежегодник Волгоградская область 2018: сборник // Волгоград. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области (Волгоградстат). 2019. 768 с.
17. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 27.12.2019) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». 30.07.2007. № 31.

УДК 332.145

Экономико-правовые аспекты кластеризации и функционирования региональных кластерных систем в России (на примере Мурманской области)

Е.В. Третьякович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и финансового права, ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет», г. Мурманск, Мурманская область,
Е.С. Хаценко, кандидат экономических наук, доцент, директор УФПС Мурманской области – филиала АО «Почта России», г. Мурманск, Мурманская область

Представленная статья посвящена теоретико-правовым аспектам процесса кластеризации, экономико-правовой регламентации вопросов создания и функционирования экономических кластеров в России на примере Мурманской области.

Кластер, региональный экономический кластер, кластерная политика.

Economic and legal aspects of the cauterization and the functioning of regional cluster systems in Russia (by the example of the Murmansk region)

E.V. Tretiakovich, PhD, Associate Professor of the Department of Civil and Financial law, Murmansk Arctic State University, Murmansk, Murmansk region,
E.S. Khatsenko, PhD, Associate Professor, Head of Murmansk regional branch RussianPost, Murmansk, Murmansk region

This article is devoted to the theoretical and legal aspects of cauterization, economic and legal regulation of the creation and functioning of economic clusters in Russia by the example of the Murmansk region.

Cluster, regional economic cluster, cluster policy.

В современных рыночных условиях деление российской экономики на секторы (государственный и негосударственный; реальный и финансовый и др.) постепенно отходит на второй план. Трендом развития отечественной экономики становится объединение хозяйствующих субъектов по принципу кластеризации и развития регионального экономического пространства. Это и неудивительно, поскольку, как справедливо отмечают авторы Шинкевич А.И., Малышева Т.В., Зарайченко И.А., кластеры формируют межфирменные взаимодействия, систему, превышающую функциональную значимость составляющих ее компаний [13, С. 299]. Участники кластера получают синергетический эффект от взаимообмена технологиями, экономическими связями, знаниями, внутренними ресурсами.

Кластеризация для российской экономики является сравнительно новым процессом, более мобильным по отно-

шению к динамично меняющимся запросам хозяйствующих субъектов, однако еще недостаточно отрегулированным и потому требующим дополнительного внимания со стороны органов публичной власти в целях его адекватной регламентации, в первую очередь, нормативно-правовой.

Так, в России до 2005 года дефиниция термина «кластер» на уровне федерального закона отсутствовала. Однако действовали подзаконные акты, в которых были закреплены определения кластеров различных видов, например, «научно-производственный кластер», «фармацевтический кластер», «технологический кластер», «территориальный кластер» и др.

Например, в постановлении Правительства Ярославской области от 30.06.2009 г. № 650-П «Об утверждении Концепции кластерной политики Правительства области» (далее – постановление № 650-П) было закреплено опреде-

ление термина «кластер в приоритетной сфере региональной экономики» – симплекс территориально близких и хозяйственно связанных организаций, объединенных по общности деятельности и способных дополнять друг друга в производственном процессе [8].

Примечательно, что указанная дефиниция, за небольшими изъятиями, воспроизводит определение кластера, сформулированное Майклом Портером – основоположником теории кластерного развития: общность территориально близких взаимосвязанных бизнес-единиц (группа поставщиков и производителей) и близких к ним на основании хозяйственных взаимосвязей компаний-партнеров, обеспечивающих формирование кластерной инфраструктуры (например, образовательные организации, органы государственной власти, инфраструктурные компании), действующих в определенной сфере и взаимодополняющих друг друга [9, С. 51]. Получается, что своим содержанием норма-дефиниция регионального нормативного правового акта обязана определению, сформулированному известным американским ученым.

В отечественной экономической школе, вопросах кластерного развития и формирования экономико-правовой дефиниции термина «кластер» выделяются работы ученых Суглобова А.Е. и Древинг С.Р [11,12]. Авторы развернуто дают определение термина «кластер», обозначая его инновационную и хозяйственную роль в обеспечении функционировании экономических систем, определяя роль кластерных образований, как базовых при формировании национальной инновационной системы [13], инструментом формирования системы региональной экономической безопасности [11,12].

Только в 2005 году в федеральном законе об особых экономических зонах в РФ было закреплено определение термина «кластер», охарактеризованного

как «совокупность особых экономических зон одного типа или нескольких типов». В дефиниции дополнительно указывается, что такая совокупность определяется Правительством РФ, управление совокупностью должно осуществляться одной управляющей компанией [1].

В 2014 году в статье 3 федерального закона о промышленной политике в РФ [2] была закреплена дефиниция термина «промышленный кластер», которая раскрывалась через систему хозяйственных субъектов, связанных внутриотраслевыми задачами, обусловленными географической близостью и инфраструктурной зависимостью (с обязательным условием размещения в территориальных рамках одного или нескольких субъектов РФ).

В 2015 году в статье 2 федерального закона о международном медицинском кластере нашла свое закрепление дефиниция термина «международный медицинский кластер» как совокупность трех его составных элементов:

- инфраструктуры территории кластера,
- участников проекта,
- механизмов взаимодействия участников проекта [3].

В действующем бюджетном законодательстве РФ используется термин «инновационный территориальный кластер», который так и не получил своего легального определения.

В подавляющем большинстве дефиниций термина «кластер» можно выделить следующие общие черты: представление кластера в качестве группы, совокупности хозяйствующих субъектов, объединенных территориальным (географическим) расположением и (или) общностью сферы деятельности (рынком).

Цель такого объединения – повышение конкурентоспособности как отдельно взятого участника кластера, так и всей кластерной общности в целом –

зачастую остается за рамками определения, однако подразумевается. Такая цель вовсе не означает отсутствие конкуренции между основными хозяйственными структурами, входящими в кластер, и имеющими пересекающиеся интересы. Можно сказать, что конкуренция и кооперация являются неотъемлемыми характеристиками взаимодействия участников рассматриваемого экономического феномена.

Процесс региональной экономической кластеризации основывается на следующих принципах кластерного объединения [10, 15]:

1. Принцип соответственности целям формирования кластера. Указанный принцип основывается на моделях формирования кластеров: начальноцентрализованной, завершеноцентрализованной, равномерно распределенной [10, 15]. Для описания принципа, по нашему мнению, целесообразно рассматривать характеристики равномерно распределенной модели кластера, как наиболее реалистичной [10, 15]. Ермолаев Д.В. сформулировал определение равномерно распределенной модели кластера, как кластерной системы, созданной двумя подтипами кластеров, формирующей кластерный когнитив, с функционированием центров кристаллизации, образующей обширную сеть внешних реципиентов и обеспечивающей ускоренный процесс диверсификации на рынке сбыта (поставщиков и покупателей) для создания устойчивых региональных кластеров [10,15].

2. Принцип размера. Принцип строится на взаимном участии всех членов кластера и формировании единого экономического результата, в зависимости от объема и структуры производства. Ермолаев Д.В. справедливо отмечает, что синергетический эффект членов кластера обеспечивает высокую производственную эффективность, но формирует риски управляемости кластеров при увеличении образования в объе-

ме. Таким образом отмечается тенденция роста инерционных процессов, формирующих отрицательные предпосылки снижения диверсифицированности и эффективности производства, создается эффект промышленной концентрации и снижается доля индивидуального производственного предпочтения кластерной структуры. Формируемая отраслевая специфика кластера полностью зависит от системы функционирования и стратегии регионального кластерного развития [10, 15].

3. Принцип кооперации и конкуренции [10, 15]. Принцип базируется на процессе динамичного движения (вхождения и выбытия членов кластера) за счет выполнения установленных правил конкуренции и совместной кооперации. Кластерная группа функционирует внутри границ кластера за счет выстроенных технологических цепочек, формируя параллельно две направляющих: активную и полезную внутреннюю конкуренцию и решают текущие технологические задачи, тесно связанные с инвестиционным региональным и внутрикорпоративным (кластерным) заданием.

4. Принцип изменчивости границ кластера [10, 15]. Данный принцип состоит из правила поддержания равновесного количества элементов кластера (как основного, так и смежного производства) с целью выполнения конечной цели формирования чистой прибыли кластера.

5. Принцип целостности системы управления [10, 15] означает, что процессы функционирования и формирования кластера должны обеспечиваться единоличным органом управления. Данное утверждение тесно коррелируется с моделью структуры кластерного образования и органов управления кластером, предложенной авторским коллективом Е.С. Хаценко, К.А. Чудиновым и Д.А. Лашиным [14].

6. Принцип гармоничного интегрирования [10, 15] базируется на

процессе формирования системы текущего и перспективного планирования с учетом концепции развития региона в среднесрочном периоде. Данный принцип тесно связан со стратегией инвестиционного развития региона.

7. Принцип продуктовой специализации [10, 15]. Указанный принцип Ермолаев Д.В. формулирует, как анализ и совершенствование системы продуктовой специализации кластера, с формированием стратегии развития продуктовой политики (с акцентом на монопроизводство или полипродуктовый процесс производства).

8. Принцип инновационности [10, 15] базируется на необходимости внедрения инноваций на технологическом и управленческом уровнях [10, 15].

Взаимодействие кластерных структур должно строиться не на краткосрочной (например, в целях реализации разового проекта, выполнения условий отдельного соглашения и т.п.), а на среднесрочной или долгосрочной перспективе.

Возвращаясь к правовому аспекту рассматриваемой темы, следует отметить, что правотворческая активность в вопросах формирования и деятельности территориальных и производственных кластеров на федеральном уровне сконцентрирована, в большей мере, на разработке и корректировке государственных программ социально-экономического развития крупных территориальных образований (округа, зоны). На региональном уровне правотворческая деятельность в рассматриваемой сфере, в основном, оформляется нормативными правовыми актами подзаконного уровня, направленными на реализацию указанных программ в территориальных границах соответствующего субъекта Российской Федерации.

Проиллюстрируем это на примере Мурманской области. Важнейшим нормативным правовым актом федерального уровня, рассчитанным на реализа-

цию в три этапа (2015-2017, 2018-2020, 2021-2025 годы, соответственно) и позиционирующим Мурманскую область в качестве одной из опорных зон развития АЗ РФ, является постановление Правительства РФ, утвердившее федеральную государственную программу «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» (далее – Программа развития) [7]. В указанной Программе развития отмечается, что базовым регламентирующим документом области является Стратегия социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года» (далее – Стратегия) [7].

В Стратегии закреплена амбициозная и крайне сложная задача развития Мурманской области – к 2025 году стать стратегическим центром АЗ РФ, регионом, лидирующем в финансовой и интеллектуальной сферах деятельности, основным центром сервисного обеспечения морехозяйственной деятельности в АЗ РФ. Немаловажная роль в Стратегии отводится сервисной экономике и процессу ее кластеризации.

В настоящее время на территории Мурманской области сформированы 3 кластера: туристско-рекреационный; северного дизайна и производственно-пищевой. Согласно Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ в 2011 году (далее – Стратегия СЗФО) [7], в Мурманской области планируется реализовать ряд высокотехнологичных проектов в горнодобывающей отрасли с созданием в регионе горно-металлургического и горно-химического кластеров.

В статье 11 Закона Мурманской области от 24.12.2015 № 1948-01-ЗМО «О реализации отдельных положений Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации» [6] на территории Мурманской области закреплены общие положения примене-

ния мер стимулирования деятельности в сфере промышленности на территории региона, установленных законодательными и подзаконными актами Мурманской области, в отношении промышленных кластеров.

Такие меры применяются в порядке, определенном правительством региона, в случае соответствия промышленного кластера и специализированной организации промышленного кластера требованиям, установленным Правительством РФ. Факт соответствия подтверждается уполномоченным органом в порядке, установленном правительством региона в соответствии с законодательством РФ. Образование новых и дальнейшее развитие уже созданных промышленных кластеров на территории области осуществляется с учетом стратегии пространственного развития России, а также схем территориального планирования РФ и схемы территориального планирования области.

Меры по поддержке и развитию предпринимательства, в том числе субъектов малого и среднего предпринимательства, на территории Мурманской области закреплены в ряде региональных нормативных правовых актов и планов среднесрочного и долгосрочного характера по развитию инвестиционно-предпринимательского климата области.

Система субсидирования и траншевой поддержки предпринимателей региона являются важными мерами помощи в части покрытия затрат калибровки себестоимости, сдерживание влияния конъюнктуры рынка поставщиков ресурсов. Данная система активно способствует финансовой стабилизации регионального рынка и является инструментом развития социального предпринимательства.

Существенную поддержку оказывают инвестиционные компании, созданные при поддержке правительства региона по профильному принципу: Корпорация развития Мурманской об-

ласти, Фонд развития малого и среднего предпринимательства Мурманской области (НМК «ФОРМАП»). С сентября 2014 года при НМК «ФОРМАП» создан и действует Центр кластерного развития Мурманской области, основной целью деятельности которого является создание условий для эффективного взаимодействия различных субъектов (инвесторов, хозяйствующих субъектов, органов публичной власти) для активизации различных кластерных инициатив и реализации совместных кластерных проектов в регионе.

С Правительством Мурманской области и профильными организациями в рамках кластера северного дизайна тесно сотрудничает единственный опорный университет на территории региона – ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет». Самые талантливо исполненные дизайн-проекты преподавателей и студентов Университета по благоустройству городского пространства находят свою практическую реализацию в регионе.

Однако несмотря на достаточно широкий комплекс мер, принимаемых в последние годы руководством региона, в части формирования системы мер поддержки регионального предпринимательства и формирование индивидуальной экономической системы, формирования и развития экономических кластеров в регионе, остаются нерешенными важные задачи, в частности, задача эффективной поддержки местных производителей на этапе реализации продукции на региональном и макрорегиональном рынках сбыта. Например, в региональной программе социально-экономического развития Мурманской области отсутствует концепция маркетинговой поддержки и сопровождения продукции региональных товаропроизводителей и услуг, оказываемых региональными исполнителями, что не способствует повышению конкурентоспособности хозяйствующих субъектов Мурманской области. Полага-

ем, что вопросам устранения указанного недочета должно быть уделено пристальное внимание со стороны региональных властей.

Литература

1. Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 25.07.2005. № 30 (ч. II). Ст. 3127.
2. Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70833138/> (дата обращения 11.02.2020).
3. Федеральный закон от 29.06.2015 № 160-ФЗ «О международном медицинском кластере и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 30.06.2015 (дата обращения 14.03.2020).
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 21.04.2014 № 366 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70644266/> (дата обращения 14.03.2020).
5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 18.11.2011 № 2074-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123118/ (дата обращения 16.03.2020).
6. Закон Мурманской области от 24.12.2015 № 1948-01-ЗМО «О реализации отдельных положений Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/16901814/> (дата обращения 16.03.2020).
7. Постановление Правительства Мурманской области от 25.12.2013 № 768-ПП/20 «О Стратегии социально-экономического развития Мурманской области до 2020 года и на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gov-murman.ru>, 30.12.2013; <http://www.pravo.gov.ru> – 13.07.2017 (дата обращения 09.03.2020).
8. Постановление Правительства Ярославской области от 30.06.2009 № 650-п «Об утверждении Концепции кластерной политики Правительства области [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/politic/doc201001081654#> (дата обращения 12.03.2020).
9. Бубнов А.В., Барт Т.В. Концептуальные рамки и границы понятия «кластер» в экономической науке // Транспортное дело России. 2015. № 5. С. 51-53.
10. Ермолаев Д.В. Принципы формирования и управления промышленными кластерами // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2015. № 1-1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-formirovaniya-i-upravleniya-promyshlennymi-klasterami> (дата обращения: 11.03.2020).
11. Суглобов А.Е., Дервинг С.Р. Социально-экономические аспекты экономической безопасности и кластеризации экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. Т. 5. № 9 (42). С18-24.
12. Суглобов А.Е., Дервинг С.Р. Социально-экономические аспекты экономической безопасности и кластеризации экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. Т. 5. № 10 (43). С 66-74.
13. Суглобов А.Е., Смирнова О.Е. Кластерный подход в формировании российской национальной инновационной системы // Вопросы региональной экономики. 2013. № 4 (17). С. 81-86.
14. Хаченко Е.С., Чудинов К.А., Лашин Д.А. Развитие кластерного предпринимательства Евро-Арктической экономической зоны (на примере Мурманской области) // Вопросы региональной экономики. 2018. № 3 (36). С. 104-111.
15. Хаченко Е.С. Принципы кластеризации региональной экономики // Вопросы региональной экономики. 2019. № 4 (41). С 120-123.
16. Шинкевич А.И., Малышева Т.В., Зарайченко И.А. Концепция формирования отраслевых инновационных кластеров // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 22. С. 299-305.

УДК 365.244:332.85

Развитие маркетинговых коммуникаций и анализ потребительских предпочтений на рынке индивидуального жилья города Новосибирска

И.А. Шмидт, старший преподаватель кафедры торгового дела и рекламы,
Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск

Предмет исследования – потребительские предпочтения потребителей квартир, коттеджей и таунхаусов на региональном рынке г. Новосибирска. Цель исследования – определение потребительских предпочтений на рынке индивидуального жилья с целью формирования комплекса маркетинговых коммуникаций для продвижения жилых объектов индивидуального жилья. Современные рыночные тенденции на рынке индивидуального жилья заставляют строительные организации пересматривать свою коммуникационную политику в соответствии с потребительскими предпочтениями клиентов. Для грамотной выстроенной коммерческой деятельности строительной организации необходимо знать, какие жилые объекты пользуются спросом, какие не удовлетворяют потребителей жилья и причины этого, а также какие аналогичные жилые объекты способны удовлетворить потребности населения.

Индивидуальное жилье, потребительские предпочтения, удовлетворенность жильем, коттеджи и таунхаусы, коммуникационная политика.

Development of marketing communications and analysis of consumer preferences in the individual housing market of Novosibirsk

I.A. Schmidt, Senior Lecturer in the Department of Trade and Advertising,
Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk

The subject of the study is consumer preferences of consumers of apartments, cottages and townhouses in the regional market of Novosibirsk. The aim of the study is to determine consumer preferences in the individual housing market in order to form a set of marketing communications for the promotion of residential housing. Current market trends in the individual housing market force construction organizations to revise their communication policies in accordance with customer consumer preferences. For a well-established commercial activity of a construction organization, it is necessary to know which residential facilities are in demand, which do not satisfy the consumers of housing and the reasons for this, as well as what similar residential facilities are able to meet the needs of the population.

Individual housing, consumer preferences, sampling, housing, cottages and townhouses, communication policy.

Характерной особенностью развития рынка малоэтажного строительства крупных городов является увеличение доли объектов индивидуального жилья в структуре возводимых объектов. Сложившиеся тенденции развития на рынке индивидуального жилья города Новосибирска и его пригорода позволяют концентрированно сосредоточить коммуникационные ресурсы строительной организации на определенных каналах. Несмотря на относительно большие объемы ввода индивидуального жилья, объемы продаж подобных объектов составляют всего 10% от всех сделок (по результатам

опросов риэлторов), что ставит под вопрос не только эффективность применяемой коммуникационной политики строительных организаций, но уровень потребности в этих объектах.

Рассматривая структуру малоэтажного жилья, можно отметить, что индивидуальное жилье в ней занимает основную часть – 2/3 части, это коттеджи и таунхаусы [1]. Динамика ввода объектов индивидуального жилья, представленная на примере Новосибирской области, показывает, что данный объект жилья предпочтительнее, чем малоэтажные дома (рис. 1) [17].

Рисунок 1 – Динамика ввода индивидуального жилья в Новосибирске 2015-2019 гг., тыс. м²

Сфера индивидуального строительства начала развиваться после кризиса 2008 г. На протяжении последних лет индивидуальное строительство в Новосибирской области развивается более высокими темпами, чем ранее. Вектор развития сегмента индивидуального жилья, как по России, так и по регионам направлен в сторону увеличения, что связано со следующими факторами:

– во-первых, изменением структуры спроса на жильё;

– во-вторых, приоритетной государственной поддержкой развития малоэтажного жилищного строительства.

Одним из факторов увеличения спроса на объекты индивидуального строительства является то, что сегмент состоит не только из молодых семей, но и из большого количества покупателей, имеющих семьи с детьми с доходом, позволяющим приобрести объекты индивидуального строительства. Динамика среднедушевых доходов населения Новосибирской области представлена на рисунке 2 [18].

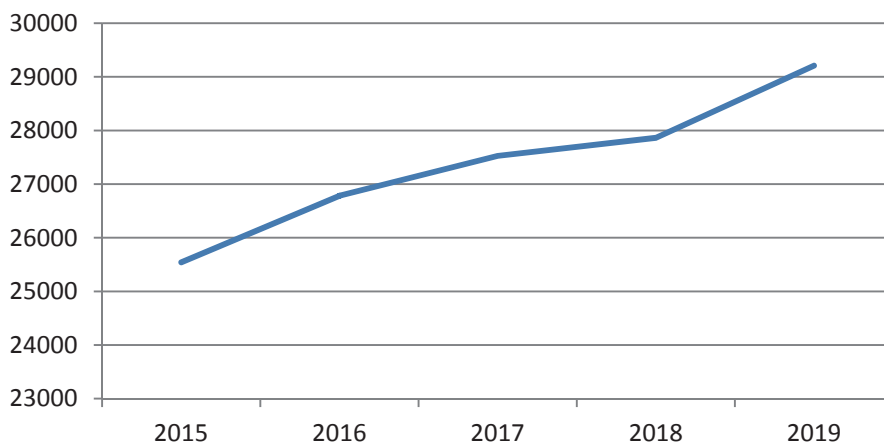

Рисунок 2 – Среднедушевые денежные доходы населения Новосибирской области в 2015-2019 гг.

Отметим также, что спрос на объекты индивидуального жилья предъявляют не только семьи с доходом, позволяющим приобрести объекты инди-

видуального строительства без заемных средств, но и домохозяйства, которые можно отнести к среднему классу, что связано с развитием рынка ипотечного

кредитования.

Рассмотренные факторы, способные положительно повлиять на развитие индивидуального жилья, и в свою очередь, приводят к усилению интереса строительных организаций к продвижению жилых объектов.

Сложившиеся тенденции развития рынка индивидуального жилья города Новосибирска и его пригорода позволяют полагать, что вектор развития сегмента индивидуального жилья в соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития РФ направлен в сторону увеличения сегмента в доли малоэтажной застройки. Анализ факторов позволяет получать более точные оценки на рынке индивидуального строительства и на их основе формировать комплекс интегрированных маркетинговых коммуникаций (ИМК).

Проблемами развития рынка малоэтажного, в том числе и индивидуального жилья, занимаются такие российские ученые, как: Казейкин В.С., Учинина Т.В., Коростин С.А., Банторин З.Н. и др.

Казейкин В.С. рассматривает различные проблемные аспекты развития малоэтажного жилищного строительства России [4]. Учинина Т.В. в своих работах рассматривает различные аспекты развития как сегмента малоэтажного, так и индивидуального жилья [9], однако большинство работ представлено на локальном рынке (Пензенской области) [15]. Коростин С.А. рассматривает рынок малоэтажного жилья в различных аспектах: состояние и перспективы развития рынка в разных регионах, в том числе Волгоградской области [8]. Банторин З.Н. изучает потребительские предпочтения на рынке малоэтажного жилья в г. Волгограде [2].

Однако, в перечисленных публикациях российских ученых маркетинговые аспекты, в частности анализ потребителей с целью совершенствования коммуникационной деятельности, затро-

нуты недостаточно, большинство работ отражают региональные проблемы [3, 8, 14, 15, 16]. Социально-экономические условия регионов в России для развития индивидуального рынка жилья неодинаковы, что приводит к различным потребительским предпочтениям. Поэтому целесообразно рассматривать потребительские предпочтения локально в соответствии с особенностями региона, однако общие рекомендации должны носить универсальный характер.

Вопросами маркетинговых коммуникаций в различных сферах деятельности занимаются многие деятели российской науки, среди которых Карпова С.В. [10], Секерин В.Д. [11], Стыцков Р.Ю. [12], Христофорова И.В. [13], Фирсова И.А. [6, 7], Чуб А.А. [6] и др. Однако по сегодняшний день недостаточно работ, выполненных для сферы жилой недвижимости. Изучение факторов и мотивов потребительского поведения является наименее разработанными вопросами исследования данного рынка. Результаты исследования поведения потребителей являются крайне актуальной задачей в силу особенностей жилищно-строительной деятельности, связанной с высокой капиталоемкостью и длительностью производства объектов жилья. Поэтому необходимо четкое понимание требований, ожиданий, потребностей целевого рынка для успешного ведения девелоперской деятельности.

Дизайн маркетингового исследования потребительских предпочтений на рынке индивидуального жилья сформировался из нескольких стандартных для исследования этапов: определение проблемы и цели исследования, определение количества и метода выборки, определение метода исследования, разработка инструментария исследования, сбор данных, обработка и анализ данных [5, 10].

Гипотеза исследования предполагает, что потребители недостаточно информированы о характеристиках рынка Новосибирской области, они недоста-

точно осведомлены о таких объектах жилья как таунхаусы, их особенностях и форматах. Предполагается, что потенциальные покупатели не владеют полной информацией о преимуществах и выгодах проживания в коттеджах. Предполагается, что изучение потребительских предпочтений на рынке индивидуального жилья позволит принимать грамотные маркетинговые решения в области коммуникационной политики.

С целью изучения потребительских предпочтений в приобретении объектов индивидуальной жилой недвижимости в Новосибирской области был проведен опрос в форме анкетирования.

Генеральной совокупностью является численность населения Новосибирской области в размере 2793 тыс. чел. (с округлением) [18], имеющего собственную жилую недвижимость и доход. Основой выборки послужила изначально база данных с телефонами, а затем рекомендованные опрошенными респондентами телефоны их знакомых.

Разработаны две анкеты. Анкета № 1 была предложена респондентам, проживающим в квартирах многоэтажных домов г. Новосибирска. Целью опроса было определение степени неудовлетворенности владельцев квартир, а также определения потребительских предпочтений, возникающих при покупке объектов индивидуального жилья. Круг вопросов касался планов приобретения объектов жилья, характеристик, которые не устраивают при проживании в квартирах, важности параметров выбора. Анкета № 2 предлагалась тем, кто проживает в коттеджах или таунхаусах. Данная анкета содержит вопросы, касающиеся удовлетворенности своим жильем, инфраструктурой, а также намерения переехать жить в квартиру.

При опросе респондентов по анкете № 1 был выбран метод выборочной совокупности «Кластерный отбор» (вероятностный), который предполагает деление совокупности на однородные

части (кластеры), а затем осуществляется отбор единиц внутри этих частей. Территории или зоны выступают в роли первичных выборочных единиц. Весь г. Новосибирск мы разделили на 9 районов: Кировский, Ленинский, Октябрьский и т.п. Далее отбирали единицы внутри этих районов.

При опросе респондентов по анкете № 2 выбран метод выборочной совокупности «Кластерный отбор», предполагающий выделение респондентов с базы данных агентств недвижимости, а также «Снежный ком», который является детерминированной (невероятностной) выборкой, формирование которой происходит в процессе опроса. Метод предполагает расширение числа опрашиваемых на основе предложений респондентов, которые уже приняли участие в опросе и базы данных риэлторских фирм. Выбор метода обосновывается тем, что для опроса № 2 количество респондентов, имеющих объекты индивидуального жилья, ограничено, а выявить их с помощью других методов не представляется возможным.

При определении объема выборки использовалась стратегия последовательного расчета выборки. Объем выборки не рассчитывался заранее, а определялся в зависимости от результатов, полученных в ходе исследования. Сначала было опрошено 100 человек, а далее на основе полученных данных о разбросе оценки вычислялся требуемый объем. В итоге количество опрошенных составило 400 человек.

По результатам проведенных нами исследований определилось 67% респондентов, которые живут в квартире в черте города. Остальная часть проживает в объектах индивидуального жилья: коттеджах или таунхаусах. Из проживающих в квартирах, 62% респондентов планируют приобрести объекты индивидуальную жилую недвижимость. Они планируют оплачивать покупку следующим образом (рис. 3).

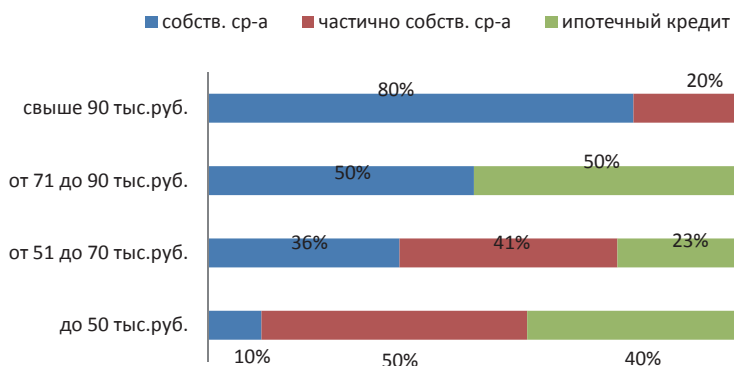

Рисунок 3 – Зависимость способа оплаты покупки объекта индивидуального жилья от семейного дохода потребителя

По анкете № 1 у проживающих в квартирах была выявлена важность характеристик при выборе квартиры и степень удовлетворенности в них, а также

рассчитан индекс удовлетворённости потребителей городского жилья.

Рисунок 4 – Оценка важности и удовлетворенности пользователей городским жильем, балл

Удовлетворенность потребителей городского жилья исследовалась по характеристикам выделенных респондентами при данном опросе как важные: цена, транспортная доступность, местоположение, наличие развитой инфраструктуры, площадь, планировка, проживание в городе, этажность, количество

парковочных мест. В результате исследования выяснилась важность и удовлетворенность перечисленных характеристик для потребителей городских квартир. Проведены расчеты индекса удовлетворенности городским жильем, принимая за общее количество 268 человек, которое соответствует группе респон-

дентов, имеющих городскую квартиру. Результаты представлены на рисунке 4.

Можно сделать вывод о том, что степень важности и удовлетворенности потребителей городским жильем ни по одной характеристике не совпала. Респонденты выделили следующие основные характеристики квартиры: местоположение, наличие развитой инфраструктуры, транспортная доступность, количество парковочных мест и цена. Характеристика «цена» оказалась самой важной при выборе квартиры. При расчете индекса удовлетворенности равен 2,02 бал-

лов, что в процентах – 40,4 %. Интерпретируя результат, можно сказать, что данный показатель оценивается как «очень плохой». В результате наших расчетов выяснено, что жители городских квартир не удовлетворены своим жильем по определенным характеристикам, что дает основание для продвижения сегмента индивидуального строительства.

Несмотря на то, что многие характеристики жилья не удовлетворяют горожан, мнения о желании поменять квартиру на коттедж или таунхаус разделились в следующей пропорции (рис. 5).

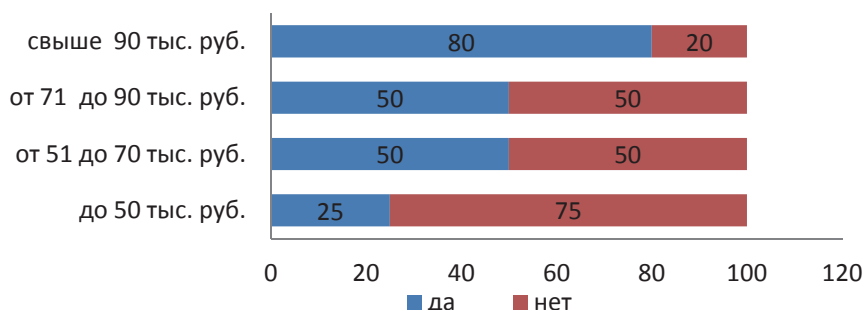

Рисунок 5 – Намерения потребителей квартир приобрести объект индивидуального жилья в зависимости от семейного дохода

По двум группам доходности потребителей жилья мнение сложилось одинаковое. Две группы доходности разделили мнения пополам, так как возможно привлечение заемных средств, продажа имеющегося жилья, использование материнского капитала, при этом последняя группа доходности, имея финансовые возможности, в большей степени намерена приобретать коттедж или таунхаус без привлечения заемных средств, что подтверждают данные.

Для определения степени удовлетворенности своим жильем, уровня жилищных условий был проведен уточненный опрос жителей коттеджей и таунхаусов с использованием анкеты № 2. Исследование было проведено с выборкой 132 человека, которые проживают в коттедже и в таунхаусе в Новосибирской

области.

Из опрошенных респондентов около 73% не хотели бы менять коттедж или таунхаус на квартиру. Остальные согласились бы переехать в квартиру из-за сложности ремонта и частичным отсутствием социальной инфраструктуры. Оплата за проживание в коттедже или таунхаусе устраивает 46% опрошенных, частично устраивает 42%.

При опросе были выделены характеристики, важные при покупке объектов индивидуального жилья. Были выделены следующие из них и для каждой характеристики рассчитаны стандартные отклонения по важности. По результатам определено, что дисперсия по всем характеристикам меньше 1, что говорит об единодушии в ответах респондентов

при определении важности характеристик при выборе объекта. Наибольшее значение имеет площадь дома и цена жилого объекта, что обосновывается высокими ценами на жилье в Новосибирске, а также тем, что респонденты оценивают коттеджи и таунхаусы предпочтительнее квартир из-за увеличенной площади. Менее единодушны респонденты в оценке развитой инфраструктуры, транспортной доступности и местоположения. Из этого можно сделать вывод о том, что при разработке коммуникационной программы продвижения объектов индивидуального жилья необходимо опираться на мнения сегментов, так как важность характеристик не для всех одинаковая, в частности она зависит от дохода потребителей.

Для потенциальных потребителей коттеджей или таунхаусов с доходом до 50 тыс. руб. при выборе дома наиболее важна транспортная доступность и цена. Для людей с доходом от 51 тыс. руб. важным является удаленность от работы, местоположение, площадь дома и развитая инфраструктура. Размер земельного участка важно для потребителей любой группы доходности.

Обслуживать свой жилой объект потребители отдали бы для обслуживания другой организации практически 90%. Остальные 10% пользовались бы услугами сторонних организаций иногда.

Итак, в результате потребительского опроса выявлены основные причины неудовлетворенности квартирами, и определены намерения смены квартиры на объекты индивидуального жилья у потребителей с семейным доходом в основном от 70 тыс.руб. как с помощью заемных средств, так и за собственные средства. Основными причинами смены типа жилья считается расширение площади, наличие земельного участка, получение материнского капитала, отсутствие соседей.

По результатам исследований,

можно сформировать структуру комплекса интегрированных маркетинговых коммуникаций, способную мотивировать потребителя на покупку объектов индивидуального жилья, тем самым повышая качество его жизни. Поэтому на рынке индивидуального жилья к маркетинговым коммуникациям относят кроме традиционных коммуникаций (рекламы стимулирования сбыта, прямого маркетинга, паблик рилейшнз и т.д.), также внутренние (обучение персонала продажи специфичных объектов) и коммуникации сервиса, осуществляемые на этапе эксплуатации жилого объекта. В совокупности внешние, внутренние и дополнительные коммуникации интегрируются и достигают консолидации, которая концентрируется на непрерывности работы с потребителем.

Выводы

Результаты исследования потребительских предпочтений и имеющиеся тенденции на рынке индивидуального жилья дают основание полагать, что спрос на коттеджи и таунхаусы существует для домохозяйств с семейным доходом более 50 тыс. руб. и их не удовлетворяет проживание в квартире по некоторым характеристикам. На рынке есть предложение типов жилья, способных удовлетворить потребность в жилье для данного сегмента – это коттеджи и таунхаусы, которые представлены в разных форматах и по разным ценам, что дает возможность удовлетворить спрос разных категорий потребителей.

По результатам исследования можно сказать, что потребность в исследуемых жилых объектах имеется у различных сегментах рынка, что дает основание строительным организациям формировать комплекс ИМК для продвижения объектов индивидуального жилья дифференцировано, сосредотачивая клиентоориентировано свои коммуникационные ресурсы.

Литература

1. Андросов А.Н. Особенности современного развития малоэтажного жилищного строительства России // Недвижимость: экономика, управление. 2011. № 2. С. 44-49.
2. Банторин З.Н. Выявление потребительских предпочтений на рынке малоэтажного домостроения // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 4(04). С. 317-325.
3. Гареев И.Ф., Загидуллин А.Р., Хаснутдинов Ф.Ф. Малоэтажное строительство вокруг г. Казань: масштабы, технологии, перспективы // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. № 23. С. 3815-3826.
4. Казейкин В.С. Проблемные аспекты развития малоэтажного жилищного строительства России: монография / В.С. Казейкин, С.А. Баронин, А.Г. Черных, А.Н. Андросов ; под общ.ред. В.С. Казейкина и С.А. Барониной // М.: ИНФРА-М. 2011. 278 с.
5. Капустина Л.М., Тимохина Г.С., Сысоева Т.Л., Изакова Н.Б., Попова О.И. Оценка узнаваемости брендов компании-застройщиков территории: разработка и реализация дизайна маркетингового исследования // Маркетинг в России и за рубежом. 2019. № 5(133). С. 16-26.
6. Карпова С.В., Фирсова И.А., Фирсов Ю.И., Чуб А.А. Моделирование процесса Интернет-коммуникаций // Экономика. Бизнес. Банки. 2018. Т. 7. С. 24-35.
7. Клиентоориентированность: исследования, стратегии, технологии. Латышова Л.С., Липсиц И.В., Ойнер О.К., Карпова С.В., Фирсова И.А., Азарова С.П., Пантелеева Е.К., Рожков А.Г., Рожков К.Л. Монография // Москва. 2020.
8. Коростин С.А. Адаптация опыта Финляндии в развитии малоэтажного домостроения для Волгоградской области // Бизнес. Образование. Право. 2015. № 2(31). С.88-91.
9. Кузин Н.Я., Учинина Т.В., Гурина Н.А. Развитие малоэтажного жилищного строительства // Образование и наука в современном мире, инновации. 2017. № 2(9). С.94-100.
10. Мокроносов А.Г., Скорин А.В. Методика исследования спроса на рынке индивидуальной жилой недвижимости // Аграрный вестник Урала. 2016. № 78 (149). С. 98-105.
11. Секерин В.Д. Инновации в продвижении бренда // Маркетинг. 2016. № 2 (99). С. 92.
12. Стыцок Р.Ю. Теоретические подходы к раскрытию современных маркетинговых коммуникаций // Экономика и управление в машиностроении. 2019. № 1. С. 39-41.
13. Христофорова И.В., Христофоров А.В. Экономический кризис как стимул для развития инновационных коммуникаций предприятий сферы услуг. В сборнике: Инновационное развитие экономических систем: тенденции и перспективы. Сборник статей открытой научно-практической конференции преподавателей кафедры экономики // 2014. С. 26-33.
14. Хрусталева Б.Б., Попова И.В., Стремин М.Н. Исследование состояния и перспективы развития рынка жилищного строительства в регионах Приволжского Федерального округа // Современные проблемы науки и образования. 2015. №1-1. С. 733.
15. Черницова Т.В., Учинина Т.В. Анализ развития малоэтажного строительства в районах Пензенской области // Современные проблемы науки и образования. 2015. №1-1. С. 457.
16. Чугунов А.В. Фисюк А.В. Состояние, проблемы и перспектива развития рынка малоэтажного строительства в Воронежской области // Ключевые проблемы и передовые разработки в современной науке. Сборник научных трудов по материалам I Международной научно-практической конференции 31 октября 2017 г. / Международный научно-информационный центр «Наукосфера». Смоленск: ООО «Новаленсо». 2017. С. 208-2014.
17. Рейтинг застройщиков недвижимости в Новосибирске, Новосибирской области [Электронный ресурс]. URL: <http://nsk.dk.ru/wiki/rejting-zastroyshchikov-nedvizhimosti>.
18. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области [Электронный ресурс]. URL: www.novosibstat.ru.

УДК 33.06

Развитие регулятивных требований к универсальным банкам в процессе внедрения нового стандартизированного подхода к оценке кредитного риска

Е.К. Волкова, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Банки, денежное обращение и кредит», Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», (МГИМО (Университет) МИД России), г. Москва

В статье анализируются основные изменения регулятивных требований в части снижения коэффициентов кредитного риска при расчете универсальными банками норматива достаточности капитала. Обосновываются своевременность указанных изменений и возможности их дальнейшего развития. Введение в действие в 2020 году пониженных коэффициентов риска при расчете норматива достаточности капитала вызвано необходимостью стимулирования кредитования реального сектора экономики.

Автором даны рекомендации по дальнейшему развитию подходов Банка России к корректировке регулятивных требований к банкам в части присвоения пониженных коэффициентов риска при кредитовании заемщиков реального сектора экономики.

Антикризисное регулирование, оценка кредитных рисков, кредитование, норматив достаточности капитала.

Development of regulatory requirements for universal banks in the process of implementing a new standardized approach to credit risk assessment

E.K. Volkova, Ph. D., associate Professor of the Department «Banks, money circulation and credit», Federal State autonomous educational institution of higher education «Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation», (MGIMO (University) of the MFA of Russia), Moscow

The article analyzes the main changes in regulatory requirements in terms of reducing credit risk ratios when calculating the capital adequacy ratio by universal banks. The author substantiates the timeliness of these changes and the possibility of their further development. The introduction of reduced risk factors in the calculation of the capital adequacy ratio in 2020 is due to the need to stimulate lending to the real sector of the economy.

The author provides recommendations for further development of the Bank of Russia's approaches to adjusting regulatory requirements for banks in terms of assigning reduced risk factors for lending to borrowers in the real economy.

Anti-crisis regulation, credit risk assessment, lending, capital adequacy ratio.

В январе 2020 года в РФ вступила в действие Инструкция Банка России от 29 ноября 2019 г. N 199-И «Об обязательных нормативах и надбавках к нормативам достаточности капитала банков с универсальной лицензией» (далее – Инструкция) [4], в которой, в частности, установлены пониженные коэффициенты риска по кредитам для заемщиков I и II категорий качества. Оценка кредитного риска по требованиям к корпоративным заемщикам и субъектам малого и среднего предпринимательства (далее – субъекты МСП) в виде коэффициентов риска может принимать значение менее 100%

при хорошей кредитоспособности заемщика.

Введение в действие Инструкции осуществляется Банком России в условиях развития методов антикризисного регулирования финансово-кредитных институтов и в рамках внедрения нового стандартизированного подхода к оценке банками кредитного риска в зависимости от уровня кредитоспособности и показателей деятельности заемщиков. Следует отметить, что, применяя данный подход, Банк России внедряет рекомендации Базельского комитета по банковскому надзору (г. Базель,

Швейцария) (далее – БКБН) «Basel III: Finalising post-crisis reforms» (December 2017) [6].

Поэтапный процесс современного реформирования банковского регулирования в части порядка присвоения пониженных коэффициентов кредитного риска для расчета норматива достаточности собственных средств (капитала) банков развивается Банком России посредством внесения следующих нормативных изменений в законодательство РФ:

1. Оценка кредитных рисков в отношении *суверенных заемщиков* с июня 2019 г. осуществляется банками на основании внешних рейтингов долгосрочной кредитоспособности. Новый подход Банка России к оценке кредитных рисков в отношении данной группы заемщиков основан на применении рейтингов долгосрочной кредитоспособности, которые присвоены международными рейтинговыми агентствами. До июня 2019 г. в отношении суверенных заемщиков использовался подход к оценке риска на основе страновых оценок в соответствии с классификацией экспортных кредитных агентств – участников соглашения стран – членов ОЭСР «Об основных принципах предоставления и использования экспортных кредитов, имеющих официальную поддержку».

2. Оценка рисков по требованиям к банкам, корпоративным заемщикам и субъектам МСП осуществляется с января 2020 г. в соответствии с новым стандартизированным подходом к оценке кредитного риска с учетом уровня кредитоспособности заемщиков и показателей их деятельности.

Вышеуказанные нормативные изменения по состоянию на 01.01.2020г. регламентированы в Инструкции.

Основные изменения в аспекте смягчения подходов регулятора к расчету норматива достаточности капитала банков путем снижения коэффициентов

кредитного риска (используются в расчете данного норматива) состоят в следующем:

Регламентирован метод расчета нормативов *по классам контрагентов (активов)*, а не исключительно по группам активов, как было предусмотрено в утратившей силу Инструкции Банка России от 28 июня 2017 года № 180-И «Об обязательных нормативах банков». В новой Инструкции выделены *семь классов контрагентов*: суверенные заемщики, международные банки развития, кредитные организации, корпоративные заемщики, субъекты МСП, физические лица и центральные контрагенты.

Новый стандартизированный подход к оценке кредитных рисков предусматривает более корректную оценку чувствительности конкретных контрагентов к рискам по сравнению с общим подходом к оценке рисков в соответствии с коэффициентами риска по I-V группам активов банков (0%, 20%, 50%, 100%, 150%).

В отношении требований к *банкам* и *небанковским кредитным организациям* регламентирован подход, в соответствии с которым установление коэффициентов риска зависит от отнесения банка к классам «А» («А*»), «В» или «С» в соответствии с уровнем их кредитоспособности, а также соблюдения установленных в стране регистрации обязательных нормативов и минимальных значений надбавок (п. 3.3.2 Инструкции). Пониженные коэффициенты риска 0% и 50% регламентированы к требованиям под гарантию (поручительство) международных финансовых организаций (международных банков развития) (п. 3.3.3 Инструкции).

По требованиям к *корпоративным заемщикам* выделяется категория «*Инвестиционный класс*» с коэффициентом риска 65% вне зависимости от валюты их номинирования (до вступления в силу Инструкции оценивались с коэффи-

циентом риска 100% и более) при соблюдении условий: отнесения заемщика к I или II категории качества в соответствии с Положениями Банка России (№ 590-П от 28.06.2017, № 611-П от 23.10.2017) и допуска его ценных бумаг к торгам на организованном рынке ценных бумаг (ОРЦБ) (п. 3.3.4 Инструкции). Коэффициент риска 65% применяется также к требованиям под гарантию (поручительство) корпоративных заемщиков «инвестиционного класса» и под залог их долговых ценных бумаг.

В рамках кредитования корпоративных заемщиков выделяется класс «Проектное финансирование» с дифференцированными коэффициентами риска (от 80% до 130%) в зависимости от фазы проекта.

Пониженный коэффициент риска 85% устанавливается по требованиям к субъектам МСП, которые оцениваются на индивидуальной основе вне зависимости от валюты номинирования (до вступления в силу Инструкции оценивались с коэффициентом риска 100% и более) при одновременном выполнении условий:

- требования к субъектам МСП отнесены к I или II категориям качества в соответствии с Положениями Банка России (№ 590-П от 28.06.2017, № 611-П от 23.10.2017);

- по требованиям к субъектам МСП отсутствуют просроченные платежи сроком свыше 90 календарных дней на протяжении последних 180 календарных дней, предшествующих дате расчета нормативов;

- выручка субъекта МСП за последний финансовый год не превышает 3,5 млрд. рублей по данным официальной отчетности, предусмотренной в приложении 2 к Положению Банка России N 590-П.

Подходы к оценке кредитного риска в отношении требований к физическим лицам после вступления в действие новой Инструкции существенно не изме-

нились. По информации Банка России следующий этап внедрения и развития нового стандартизированного подхода к оценке кредитного риска планируется в 2021 г. и будет заключаться в изменении подходов к оценке рисков по ипотечным и потребительским кредитам с потенциальным положительным эффектом на показатели достаточности капитала банков [2].

Проект Инструкции был анонсирован в Выступлении Председателя Банка России 4 июля 2019 года на XXVIII Международном финансовом конгрессе [3], где была особо акцентирована заинтересованность Банка России в развитии кредитования реального сектора экономики (компаний, осуществляющих инвестиции в развитие производства) и *стимулирующего регулирования* деятельности банков в этой сфере.

Дополнительно отметим, что наряду с стандартизированным подходом к оценке кредитного риска в России внедряется альтернативный подход к расчету уровня кредитных рисков на основе внутренних рейтингов (ПВР) с учетом стандартов, рекомендуемых БКБН в соглашении «Базель II» для применения базового и продвинутого подходов (англ. Internal-ratings-based, IRB). При внедрении ПВР банки смогут самостоятельно определить величину взвешенных по риску активов для расчета норматива достаточности капитала, используя установленные соглашением «Базель II» формулы для расчета уровня кредитных рисков для различных классов кредитных требований с целью преобразования компонентов кредитного риска в величину активов, взвешенных по уровню риска. Банк России в Положении № 483-П [5] подчеркивает, что внедрение ПВР в банках должно быть направлено помимо расчета норматива достаточности капитала на использование во внутренних процессах, например, при определении лимитов кредитования контрагентов.

Экономия капитала при переходе на ПВР в международной практике в целях укрепления системы взвешенного по риску капитала и стимулирования доверия к нормативной базе капитала ограничивается регуляторами показателем «Capital floor». При этом уровень экономии с декабря 2017г. в соответствии с рекомендацией БКБН не может превышать 27,5% по сравнению с уровнем данного показателя при применении стандартизированного подхода к оценке рисков [7].

ПАО Сбербанк и АО Райффайзенбанк после проведения Банком России экспертизы их внутренних систем оценки рисков осуществили эффективный переход на собственные рейтинговые оценки при расчете нормативов достаточности капитала, что привело к снижению регулятивной нагрузки на собственный капитал этих банков. Кроме того, иные системно значимые банки направили в Банк России документацию для рассмотрения вопроса о применении ПВР. Однако *значительное количество российских банков с универсальной лицензией применяют стандартизированный подход* в связи с недостаточным для применения ПВР уровнем развития внутренних систем управления рисками.

Изменения регулятивных требований Банка России в части снижения коэффициентов кредитного риска при расчете универсальными банками норматива достаточности капитала происходят в условиях, свидетельствующих о насущной необходимости и наличии возможностей для проведения регулятором политики стимулирующего регулирования в целях достижения роста показателей экономического развития страны. Ниже представим перечень наиболее актуальных условий в этой части.

Необходимость проведения политики стимулирующего регулирования банков:

- проведение Правительством РФ бюджетной политики в направлении минимизации расходной части бюджета и политики накопления резервов, что обуславливает проявление негативного эффекта низкого коэффициента монетизации экономики на развитие экономического потенциала страны;

- высокая волатильность цен на экспортируемые энергоресурсы, низкие темпы экономического роста, необходимость диверсификации отраслевой структуры экономики;

- низкий уровень развития экономики значительной части регионов РФ [1];

- существенное замедление роста доходов населения страны, демографический кризис;

- низкая деловая активность бизнеса в условиях непривлекательного внутреннего инвестиционного климата и наличия неопределенных перспектив повышения привлекательности инвестиционного климата и деловой активности;

- негативное влияние международных санкций в отношении РФ в условиях современной геополитики, что обуславливает занижение государственного и корпоративных рейтингов иностранными рейтинговыми агентствами, а также свидетельствует о необходимости развития собственного производственного потенциала в стране для снижения зависимости экономики от внешних факторов;

- усиление конкуренции между банками и компаниями, внедряющими новые финансовые технологии;

- усиление приоритета кредитования банками проектов по слиянию и поглощению, то есть проектов по перераспределению собственности, а не по расширению деятельности предприятий реального сектора экономики, при этом банки часто испытывают проблемы с возвратом ранее выданных кредитов.

Возможности проведения политики стимулирующего регулирования банков:

- накопление в универсальных российских банках значительного опыта кредитования предприятий и управления кредитными рисками;

- положительный опыт стабилизации темпов роста инфляции в результате проведения Банком России политики таргетирования инфляции;

- смягчение денежно-кредитной политики Банком России путем последовательного снижения ключевой ставки;

- планирование Банком России мероприятий по оптимизации регуляторной нагрузки в условиях стабилизации развития банковского сектора;

- повышение требований Банка России к качеству потребительских кредитов в условиях ускоренного роста необеспеченного потребительского кредитования, регулярное повышение надбавок к коэффициентам риска в зависимости от стоимости кредита (с 1 октября 2019г. регулятором установлены надбавки к коэффициентам кредитного риска в зависимости от долговой нагрузки заемщика). Данный факт, по всей видимости, в дальнейшем негативно повлияет на темпы роста потребительского кредитования, что позволит банкам направить дополнительные ресурсы на кредитование предприятий реального сектора экономики.

По нашему мнению, с учетом вышеназванных экономических условий стимулирующий подход Банка России к регулированию деятельности банков в рамках Инструкции будет формировать умеренно-положительное влияние на развитие кредитования российской экономики и позволит снизить регулятивную нагрузку на собственный капитал банков, обеспечив тем самым дополнительные возможности для кредитования реального сектора экономики. Применение предложенной Банком России моде-

ли снижения коэффициентов риска будет способствовать некоторому ускорению темпов роста объемов кредитных портфелей банков. Цена кредитов (процентная ставка) будет снижаться с учетом возможности ранжировать уровни ставок в зависимости от качества заемщиков. Банки смогут предложить кредитоспособным заемщикам более выгодные условия кредитования.

Вместе с тем, по нашему мнению, предложенные Банком России меры по смягчению расчета коэффициентов риска в отношении корпоративных заемщиков не принесут ожидаемый эффект стимулирования кредитования предприятий, исходя из влияния следующих факторов:

- предлагаемый расчет коэффициентов риска смягчается по кредитам крупнейшим публичным компаниям, однако количество таких компаний в РФ ограничено;

- потребность в дополнительных кредитных ресурсах у публичных компаний относительно низкая (имеются возможности привлечения альтернативных видов финансирования деятельности) по сравнению с повышенной потребностью в кредитных ресурсах иных производственных предприятий.

В условиях острой необходимости принятия своевременных мер по *стимулированию развития экономики в стране в целом и в регионах в частности* (особенно производственной сферы), в том числе осуществления инновационных проектов и проектов с участием государства, повышения деловой активности субъектов МСП в направлении развития бизнеса, а также для дальнейшего развития стимулирующего подхода к регулированию кредитной и инвестиционной деятельности банков предлагаем дополнение Инструкции посредством внесения следующих изменений:

1. Снизить коэффициент риска по требованиям к *корпоративным заем-*

щикам, акции которых не котируются на ОРЦБ, осуществляющим деятельность в производственной сфере в РФ (в первую очередь, в сфере электронной промышленности, приборостроения, станкостроения и высокопроизводительного технологического оборудования как основы экономики высоких технологий) с одновременным применением механизма государственно-частного партнерства.

2. Дифференцировать значение коэффициента кредитного риска по требованиям к корпоративным заемщикам категории «инвестиционный класс» в пределах 50%-65% в зависимости от степени масштабности проектов для решения стратегических экономических задач государства в регионах РФ, наличия заключенных контрактов и надежных гарантий исполнения обязательств (при соблюдении условий: отнесения их к I или II категории качества в соответствии с Положениями Банка России № 590-П и № 611-П и допуска ценных бумаг заемщика к торгам на ОРЦБ).

Для решения названной задачи необходимо разработать критерии оценки масштаба стратегических проектов предприятий инвестиционного класса.

3. Дифференцировать значение коэффициента риска по требованиям к качественным заемщикам – субъектам МСП, осуществляющим деятельность в регионах РФ, в пределах 65%-85% (если требования к указанным заемщикам отнесены к I или II категориям качества в соответствии с Положениями Банка России № 590-П и № 611-П, и по ним отсутствуют просроченные платежи сроком свыше 90 календарных дней на протяжении последних 180 календарных дней, предшествующих дате расчета нормативов.).

4. В зависимости от степени дотационности региональных бюджетов

предлагаем варьировать подходы Банка России к установлению коэффициентов риска при расчете достаточности капитала банков с учётом уровня экономического развития региона деятельности клиентов банков.

Для решения названной задачи необходимо разработать критерии оценки банками рисков проектов, связанных с расширением деятельности предприятий реального сектора экономики, которые осуществляют деятельность в дотационных регионах, их надежности и стабильности.

5. В зависимости от степени значимости для экономики РФ инновационных проектов для развития регионов предлагаем в рамках класса «проектное финансирование» выделить отдельно группу инновационных проектов и рассматривать коэффициенты риска с учетом степени значимости инновационных проектов для экономики регионов РФ и участия государства в формировании венчурного финансирования инновационных проектов, как это практикуется в большинстве экономически развитых стран мира.

Предложенные меры позволят повысить эффективность развития регулятивных требований Банка России в процессе внедрения в кредитных организациях нового стандартизированного подхода к оценке кредитного риска. Кроме того, универсальные банки смогут расширить кредитование заемщиков реального сектора экономики, предпринимающих меры по развитию действующего бизнеса в регионах РФ, что в целом позволит повысить темпы роста экономики страны и ее конкурентоспособность, а также будет способствовать развитию банковского сектора РФ в условиях снижения темпов роста мировой экономики и повышения конкуренции.

Литература

1. Зубаревич Н.В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Пространственная экономика. 2017. № 3. с. 46-57.
2. Центральный банк Российской Федерации, 2019. Документ пресс-службы от 03.07.2019 г. «О внедрении в российском регулировании новых подходов к оценке кредитного риска» [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/press/PR/?file=03072019_162519ik2019-07_03T16_23_54.htm (дата обращения: 20.02.2020 г.).
3. Центральный банк Российской Федерации, 2019. Выступление Председателя Банка России Эльвиры Набиуллиной на XXVIII Международном финансовом конгрессе 4 июля 2019 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru/press/st/2019-07-04> (дата обращения 20.02.2020 г.).
4. Центральный банк Российской Федерации, 2019. Инструкция от 29 ноября 2019 г. N 199-И «Об обязательных нормативах и надбавках к нормативам достаточности капитала банков с универсальной лицензией» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73263119/#review> (дата обращения 20.02.2020 г.).
5. Центральный банк Российской Федерации, 2015. Положение от 6 августа 2015 г. № 483-П «О порядке расчета величины кредитного риска на основе внутренних рейтингов» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71203444/> (дата обращения 20.02.2020 г.).
6. BIS «Basel III: Finalising post-crisis reforms» (December 2017) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d424.htm> (дата обращения 20.02.2020 г.).
7. Risk glossary, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.risk.net/definition/capital-floor> (дата обращения 11.03.2020 г.).

УДК 332.146.2:336.221.4

Взаимосвязь модели налоговой системы и стадии экономического развития государства на примере КНР

Ю.Ю. Косенкова, кандидат экономических наук, доцент,
доцент Департамента налоговой политики и таможенно-тарифного регулирования,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Финуниверситет), г. Москва

В данном исследовании была сделана попытка установить связь между стадией экономического развития государства со сформировавшейся моделью налоговой системы на примере налоговой системы КНР. В рамках проведенного анализа первоначально обосновывалось отнесение национальной экономики к той или иной стадии экономического развития. Далее на основе изучения особенностей налоговой системы был сформирован перечень характеристик, присущих налоговым системам государств, находящихся на индустриальном этапе развития.

Модель налоговой системы, индустриальная экономика, экономика КНР, налоговая политика.

The relationship of the tax system model and the stage of economic development of the state on the example of China

Yu.Yu. Kosenkova, Ph.D., associate professor of the Department of Tax Policy and Customs
and Tariff Regulation of the
Financial University under the Government of the Russian Federation (Financial University), Moscow

The study establishes a connection between the stage of economic development of the state and the established model of the tax system using the example of the tax system in China. First of all, the attribution of the national economy to a particular stage of economic development is justified. Then, on the basis of studying the features of the tax system, a list of characteristics inherent to the tax systems of states at the industrial stage of development was formed.

Tax system model, industrial economy, PRC economy, tax policy.

Модель налоговой системы государства зависит от множества факторов. В первую очередь, от уровня экономического развития, целей налоговой политики, качества налогового администрирования. В рамках исследования определим стадию экономического развития КНР и выделим характерные черты налоговой системы Китая. По состоянию на 1 декабря 2018 г. доля Китая в общемировом ВВП превышает 16% (по этому показателю Китай уступает только США) [15]. В то же время, по данным МВФ, еще в 2014 году Китай обогнал США по ВВП, пересчитанному в доллары по паритету покупательной способности [8].

В качестве первого шага исследования определим стадию экономического развития КНР. При проведении исследования будем опираться на деле-

ние экономик по стадиям развития на: доиндустриальную экономику, смешанный уклад экономики, индустриальную, постиндустриальную и экономику знаний.

На основе положений, изложенных в трудах Й. Шумпетера, А. Кумарасвами, Д. Белла, В. Иноземцева охарактеризуем стадию развития экономики Китая и определим особенности его налоговой системы как типичного представителя своей стадии экономического развития (но с учетом специфики региона).

Экономику Китайской народной республики следует отнести к индустриальным. Более того, КНР можно характеризовать как новую (а точнее – новейшую) индустриальную страну. Китай представляет собой НИС азиатской модели, которая подразумевает развитие национальной экономики с преимущест-

венной ориентацией на внешний рынок. Что позволяет нам сделать такой вывод:

1. Высокие темпы экономического роста (рисунок 1).

Рисунок 1 – Темпы роста ВВП Китая за 2008-2018гг, %

(составлено автором по данным сайтов egerport.ru (мировая экономика) и gbc.ru) [8, 10]

Данные графика наглядно подтверждают, что темпы роста экономики Китая превышают темпы роста основных развитых стран.

2. Высокая доля промышленности в структуре национальной экономики. По состоянию на 2015 г в структуре экономики Китая на долю промышленного производства приходилось 42,7%, на сферу услуг – 48,4%, а оставшиеся 8,9% – на долю сельского хозяйства [7].

А по некоторым данным промышленность по итогам 2019 г. промышленность будет создавать 47% ВВП Китая (прогноз).

3. Экспортноориентированная экономика. Согласно данным Министерства коммерции КНР (MOFCOM), по итогам 2015 г. внешнеторговый оборот Китая составил 3,96 трлн. долларов США (экспорт – 2,28 трлн. долларов США, импорт – 1,68 трлн. долларов США). [7] С учетом размера ВВП Китая за аналогичный период, можно отметить, что объем экспорта составил 21,9% от ВВП в 2015 г.

4. Активная интеграция. КНР является (по состоянию на 2016 г.) участником 15 соглашений о зоне свободной торговли (среди которых АСЕАН, Сингапур, Новая Зеландия, Швейцария, Республика Корея, Австралия, а также сто-

роной двух соглашений о тесных торгово-экономических отношениях (КНР-Гонконг), (Китай-Аомэнь)) и одного рамочного соглашения об экономическом сотрудничестве между континентальной частью КНР и Тайванем. Подписано двустороннее соглашение с США (которое в настоящий момент находится под угрозой из-за санкций США). Аналогичное двустороннее инвестиционное соглашение между КНР и странами ЕС находится на стадии обсуждения и планируется к подписанию в 2020 году.

КНР является членом ВТО с 2001 года. С момента вступления в ВТО в КНР были снижены тарифы и пошлины, отменены ограничения для предприятий на ведение самостоятельных внешнеторговых операций. За годы членства в ВТО общий уровень таможенных тарифов КНР на импортируемые товары снизился с 15,3% до 9,8% [7].

5. Использование высоких технологий. Широкомасштабное генерирование инновационных технологий является отличительной особенностью постиндустриальной экономики. Китай же не является производителем инноваций. Он является их активным потребителем. Т.е. на основе технологий, созданных в развитых экономических странах (с постиндустриальной экономикой), Китай

производит большое количество высокотехнологичных товаров, большую часть из которых экспортирует. По сути, Китай занимается «монетизацией» инноваций, генератором которых являются постиндустриальные экономики [9].

6. Транснациональные корпорации – как образование собственных,

так и привлекательность для иностранных. По данным рейтинга Financial Times Global 500, в 2015 г. в список крупных и влиятельных компаний по всему миру попали 37 китайских организаций. Крупнейшие ТНК КНР представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Крупнейшие ТНК Китая [14]

Позиция в рейтинге Financial Times Global 500	Наименование компании	Активы (млрд долл.)
2	Sinopec Group	359,2
4	China National Petroleum	634,8
7	State Grid	466,3
37	China State Construction Engineering	148,9
55	China Mobile Communications	246,7
60	SAIC Motor	66,9
71	China Railway Engineering	110,5
72	China National Offshore Oil	180,4
77	Noble Group	20,1
79	China Railway Construction	101,6
94	China Life Insurance	442,6

7. Еще одним признаком принадлежности к НИС считается то, что новые (новейшие) индустриальные страны своей визитной карточкой сделали производство бытовой техники и компьютеров, одежды и обуви. К Китаю это относится в самой превосходной степени. Он является страной-производителем практически для всех известных брендов в мире, а также для небрендовой продукции.

Таким образом, исходя из всего вышесказанного, считаем принадлежность КНР к новым индустриальным странам доказанной. В то же время проведенное исследование дает основания предположить, что Китай готовится совершить рывок и перейти из категории НИС на постиндустриальный этап развития.

На основе анализа налоговой системы КНР выделим основные черты, характерные для налоговых систем новых индустриальных стран. Основной целью налоговой политики стран, нахо-

дящихся на данном этапе развития экономики, является создание благоприятного экономического и инвестиционного климата. Налоговая система ориентирована на приоритетное расширение капитала, привлечение иностранных инвестиций. В КНР эта цель достигается с использованием комплекса мер.

В частности, в структуре налоговых поступлений преобладают косвенные налоги [13], т.е. тяжесть налогообложения переносится со сферы производства на сферу потребления. К косвенным налогам в КНР относятся налог на добавленную стоимость, потребительский налог (аналог акцизов в российской налоговой системе), предпринимательский налог, который взимается у предпринимателей с выручки от выполнения работ, оказания услуг, а также от передачи имущественных прав (аналог НДС, но НДС взимается в выручки от реализации товаров, а предпринимательский налог – с выручки от выполнения работ, оказания услуг).

Ставка налога на прибыль компаний (корпоративного налога) по состоянию на 2019 г. составляет 25% [12], что является достаточно невысокой ставкой. Но это стало результатом реформирования корпоративного налога.

Стремление к созданию благоприятных условий для привлечения иностранного капитала привело к тому, что на территории КНР налоговая система предлагала предприятиям с прямыми иностранными инвестициями существенно более благоприятные условия. В частности, для привлечения прямых иностранных инвестиций и содействия экономическому росту правительство Китая с 1990-х годов предоставляло различные политические и налоговые преференции иностранным инвесторам. У предприятий с иностранными инвестициями были более низкие налоговые ставки и более широкие вычеты из налоговой базы по налогу на прибыль организаций, чем у китайских фирм до 2011 года. Например, к концу 2007 года у предприятий с иностранными инвестициями были значительно более низкие ставки по налогу на прибыль (корпоративному налогу) – 15% по сравнению с доходными до 33% для китайских фирм [9]. До 2009 года только компаниям с иностранными инвестициями разрешалось вычитать инвестиции в основное оборудование, приобретенные внутри страны, из базы налога на добавленную стоимость. До 2006 г. только компании с иностранными инвестициями имели право учитывать заработную плату сотрудников в налоговой базе по корпоративному налогу в размере 100%. Отечественные же фирмы могли включить расходы на заработную плату в налоговую базу лишь в пределах квоты, которая составляла 800 юаней в месяц на одного работника [6].

Подобная политика, с одной стороны, снижала себестоимость китайских товаров, удерживала стоимость рабочей силы на невысоком уровне, а с другой –

увеличивала налоговое бремя на производителя и снижала финансовые возможности инвестирования у отечественных фирм. Чтобы создать интегрированную систему налогообложения для всех фирм, центральное правительство Китая начало серию реформ для постепенного сокращения различий в налоговой политике между предприятиями с иностранными инвестициями и отечественными фирмами. В июле 2006 года центральное правительство официально объявило о преобразовании базы корпоративного налога (налога на прибыль корпораций) для китайских фирм.

Подходное налогообложение физических лиц представлено прогрессивной шкалой налогообложения (от 3 до 45%). Размах шкалы приближает Китай к налоговым системам развитых постиндустриальных стран. Но необходимо учитывать, что основная масса населения уплачивает налог по невысоким ставкам (10-15%). Подходный налог в Китае (в отличие от постиндустриальных стран) не предполагает значительного числа льгот и вычетов. Таким образом, характерное для налоговых систем постиндустриальных экономик стремление инвестировать в человеческий капитал в КНР пока не наблюдается. Осознание высокой значимости качества человеческого капитала, уровня образования и т.д. в КНР уже достигнуто. Только практическая реализация этого тренда пока затронула налоговую систему страны не в полной мере.

В рамках снижения налоговой нагрузки на бизнес и переноса ее на население, социальное страхование финансируется паритетно за счет работодателя и работника. Несмотря на это, тариф взносов на социальное страхование чрезвычайно высок для индустриальной экономики – 48% (из которых 11% удерживается из заработной платы работника). [12] Без глубокого анализа системы социального страхования не ясен круг пла-

тельщиков и направления использования средств, т.к. система пенсионного обеспечения в Китае предусмотрена для весьма ограниченного круга занятых (в основном это государственные служащие).

Для налоговой системы КНР не характерна чрезмерная централизация. Зачисление налоговых поступлений осуществляется примерно в равном объеме в государственный и в местный бюджеты. Уровень налоговых доходов в общей сумме бюджетных доходов достаточно высок – более 85% [16].

Налоговое бремя индустриальных стран, как правило, характеризуется относительно невысокими значениями (что способствует бурному экономическому росту). В КНР уровень налогового бремени находится на уровне ниже среднемировых. Например, согласно данным МВФ, в 2009 г. уровень налогового бремени (медианное значение) по группе стран, в которую входит Китай, составило 16,5%. В то время как в самом Китае за этот же период налоговое бремя составило 14,9% [11].

Еще одной характерной чертой для налоговой системы КНР является экспортоориентированность. Стимулирование экспорта осуществляется в т.ч. посредством возмещения НДС при экспорте (напомним, что реализация товаров в КНР облагается НДС, а реализация работ и услуг – предпринимательским налогом). Но возмещение НДС рассматривается не только в качестве стимула для экспорта. Китайскими исследователями оно рассматривается в качестве альтернативного финансового инструмента для финансирования инвестиционной деятельности. Оно является оптимальным выходом для тех предприятий, которые стремятся инвестировать средства в НИОКР. Но из-за высокого риска и «нематериальности» вложений банки отказываются их кредитовать. В этом случае источником финансирования для

инвестиций в инновации становится возмещение НДС при экспорте [1].

Осуществление научных исследований и опытно-конструкторских разработок является движущей силой для развития экономики. Однако сам по себе рынок зачастую не обеспечивает достаточного объема НИОКР с социальной желательной точки зрения, поскольку частная норма отдачи от НИОКР, как правило, ниже ее социальной нормы отдачи. На текущий момент Китай широко импортирует новейшие технологии. Частично это объясняется тем, что, с одной стороны, создание инновационных технологий требует существенных инвестиций, с другой – в развивающихся странах институциональная среда достаточно слаба и не может обеспечить защиту прав собственности на объекты интеллектуальной собственности. Для решения этой проблемы правительство может использовать два основных инструмента политики – прямые субсидии и налоговые льготы. Из них налоговые льготы кажутся предпочтительными, т.к. снижают фискальную нагрузку.

Результаты проведенного анализа позволяют предположить, что экономика КНР подходит к пределу индустриального этапа развития и начинает готовиться к переходу на постиндустриальный (что ожидается в отдаленной перспективе, но предпосылки этого возникают уже сейчас). В частности, возможности роста НИС оказались практически исчерпанными – темпы экономического роста снизились с 9-10% ВВП до 6% (рис. 1). Эти возможности заключались в использовании дешевой рабочей силы (что позволяло как снижать себестоимость товаров отечественного производства, так и способствовать переносу промышленного производства из постиндустриальных стран на свою территорию); копировании (а порой прямом плагиате) технологий, в т.ч. инновационных, разработанных в постиндустриаль-

ных странах; активном привлечении прямого иностранного капитала, предоставлении ему более благоприятных налоговых условий по сравнению с отечественным бизнесом. В настоящее время налоговая политика КНР заключается в уравнивании условий деятельности иностранных и отечественных компаний, попытке стимулирования собственных НИОКР. В частности, до 2006 года правила вычета корпоративного налога (налога на прибыль корпораций) в отношении расходов фирм на НИОКР в Китае дискриминировали частные отечественные фирмы. Только две группы фирм, а именно фирмы с участием прямых иностранных инвестиций и государственные/коллективные предприятия, имели налоговые льготы на НИОКР и могли вычесть расходы на НИОКР в размере 150% от произведенных расходов до налогообложения. Другим отечественным фирмам (в основном частным) предоставлялась возможность вычесть расходы в размере 150% затрат на НИОКР только в том случае, если они удовлетворяли определенным требованиям и получали сертификаты от местных налоговых органов (эта возможность появилась только с 2004 г) [6].

В настоящее время в Китае стимулирование и государственная поддержка НИОКР являются важным направлением государственного регулирования. Интенсивность НИОКР (рассчитываемая как доля расходов на НИОКР в ВВП) увеличилась почти в четыре раза за последние два десятилетия, с 0,57% в 1995 году до 2,01% в 2013 году [3]. В ходе этого процесса политика налогового стимулирования все чаще используется для поощрения НИОКР фирм. Согласно данным ОЭСР, на текущий момент Китай входит в число восьми стран с самыми щедрыми налоговыми режимами на НИОКР в мире [3].

Исследования, проводимые китайскими учеными, показали, что в усло-

виях китайской экономики манипулирование ставками корпоративного налога дает меньший эффект в стимулировании инновационной активности, чем внесение изменений в порядок расчета налоговой базы по налогу на прибыль корпораций (хотя последний метод имеет временной лаг и начинает давать результат не менее чем через 2-3 года) [6].

Еще одним показателем «зрелости» индустриального этапа развития экономики Китая и подготовке ее к переходу на следующий этап является разработка экологического налогообложения. Экономический рост в индустриальных экономиках основан на масштабном росте объемов промышленного производства. Побочным эффектом такой политики является существенный ущерб, наносимый экологии вследствие нерационального (неэффективного) использования ресурсов и загрязнения окружающей среды. На повестке дня в Китае стоит включение в китайскую налоговую систему налога на выброс углерода (carbon tax). На данный момент исследуется влияние введения налога на регионы и сектора экономики, выбирается оптимальный механизм расчёта суммы налога и направления его использования [4, 5]. Уже успешно проведена реформа налогообложения угледобывающей отрасли (как основного поставщика энергоресурсов в стране). Произошел переход от твердой к адвалорной ставке налога, что положительно повлияло как на цену угля и его предложение, так и привело к снижению налогового бремени на предприятия угледобывающей отрасли [2].

Таким образом, налоговая система КНР – государства, находящегося на индустриальной стадии развития, характеризуется следующими особенностями:

1. Приоритетным направлением развития налоговой системы страны является всемерная поддержка предпринимательской активности, расширения ка-

питала, инвестирования. Основная тяжесть налогового бремени перенесена с прямого налогообложения на косвенное.

2. В структуре государственных доходов высока доля налоговых поступлений. Отсутствие чрезмерной централизации в поступлении налоговых платежей. Общий уровень налогового бремени (на макроуровне) невысок.

3. Налоговая система ориентирована на предоставление иностранным инвесторам многочисленных льгот и преференций (в рамках создания благоприятных условий для привлечения зарубежных инвестиций в национальную экономику).

4. Налоговое законодательство стимулирует экспорт готовой продукции.

5. Для налоговых систем стран, практически полностью исчерпавших возможности индустриального этапа развития экономики, характерны следующие черты:

щие черты:

- налоговое стимулирование НИОКР и инноваций (вместо импорта технологий);

- разработка экологического налогообложения, способствующего более эффективному использованию ресурсов и минимизации экологического ущерба, нанесенного в период индустриального развития).

Таким образом, проведенный анализ показал, что в зависимости от этапа экономического развития страны налоговая система отражает присущие данному этапу цели, задачи, особенности. Это приводит к возникновению концептуальных особенностей налоговых систем, характерных для государств, находящихся на сходных этапах экономического развития.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств, выделенных Финуниверситету на выполнение фундаментальной научно-исследовательской работы.

Литература

1. Dongyang Zhang Can export tax rebate alleviate financial constraint to increase firm productivity? Evidence from China // International Review of Economics and Finance. 64 (2019). P. 529-540.
2. Huihui Liu, ZhanMing Chen, Jianliang Wang, Jihong Fan The impact of resource tax reform on China's coal industry / Huihui Liu // Energy Economics. 61 (2017). P.52-61.
3. Junxue Jia, Guangrong M. Do R&D tax incentives work? Firm-level evidence from China // China Economic Review. Volume 46, December 2017. P. 50-66.
4. Kun Zhang, Mei-Mei Xue, Kuishuang Feng, Qiao-Mei Liang The economic effects of carbon tax on China's provinces // Journal of Policy Modeling. 41 (2019). P. 784-802.
5. Qingwei Shi, Hong Ren, Weiguang Cai, Jingxin Gao How to set the proper level of carbon tax in the context of Chinese construction sector? A CGE analysis // Journal of Cleaner Production. 240 (2019).
6. Yuchen Shao, Chengrui Xiao Corporate tax policy and heterogeneous firm innovation: Evidence from a developing country // Journal of Comparative Economics. Volume 47. Issue 2. June 2019. P. 470-486.
7. «Азиатский вектор. Россия – Азиатско-Тихоокеанский регион» / Информационно-аналитический ресурс [Электронный ресурс]. URL: <http://asiavector.ru/countries/china/>.
8. Информационный бизнес-портал [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/21/01/2019/5c452c389a79477e02307bfb>.
9. Иноземцев В.Л. Воссоздание индустриального мира // Россия в глобальной политике. 2011. № 6. Т.9. с. 85-98.
10. Мировая экономика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ereport.ru/stat.php?razdel=country&count=china&table=ggecia>.
11. Мобилизация доходов в развивающихся странах / Труды Международного Валютного Фонда. Подготовлено Департаментом по бюджетным вопросам. Утверждено Карло Котарелли 8 Марта 2011 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imf.org/external/russian/np/pp/2011/030811r.pdf>. стр.75.
12. Налог на прибыль в Китае 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://take-profit.org/statistics/corporate-tax-rate/china/>.

13. Налоговая система Китая [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hongkong-business.ru/biznes-v-kitae/nalogovaya-sistema-kitaya.html>.
14. Рейтинг Financial Times Global 500 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ft.com/ft500>.
15. Финансовая социальная платформа «Финансовая возможность» [Электронный ресурс]. URL: <https://fincap.ru/>.
16. Ярцева Н.М. Налоговые аспекты экономической реформы в КНР // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 7. С.91-96.

УДК 336.71

Оценка инвестиционной деятельности российского банковского сектора на фондовом рынке

В.В. Мандрон, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и статистики,

Н.А. Кузнецова, магистрант 2 курса направления подготовки «Экономика»,
профиль «Финансы в банковской сфере»,

В.А. Шедько, магистрант 1 курса направления подготовки «Экономика»,
профиль «Финансы в банковской сфере»,

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», г. Брянск, Брянская область

Вопросы обеспечения экономического роста страны, увеличения объемов инвестиций и активизации инвестиционного процесса приобретают особую актуальность на современном этапе. Коммерческие банки являются неотъемлемыми участниками инвестиционного процесса и играют важную роль на инвестиционном рынке, выступая посредниками в аккумулировании и перераспределении временно свободных средств и размещении их в инвестиции. Несмотря на финансовый потенциал банковского сектора, современный фондовый рынок не позволяет кредитным организациям в достаточной мере реализовать его. На инвестиционную деятельность банков оказывает существенное влияние риски и низкая ликвидность большого числа корпоративных ценных бумаг.

В статье дается оценка состава, структуры и общих объемов инвестиционных операций банковского сектора и стратегии кредитных организаций в сфере портфельных инвестиций, подробно рассматриваются инвестиционные риски, отражается связь рыночного риска с другими видами банковских рисков. Особое внимание уделено анализу динамики основных показателей характеризующих инвестиционную банковскую деятельность.

Банковский сектор, инвестиции, ценные бумаги, финансовые риски.

Assessment of investment activity of the Russian banking sector on the stock market

V.V. Mandron, Ph.D. (Economy), associate Professor of Finance and statistics,

N.A. Kuznetsova, 2nd year master's degree in Economics, profile «Finance in the banking sector»,

V.A. Shedko, 1rd year master's degree in Economics, profile «Finance in the banking sector»,

Federal state budgetary educational institution of higher professional education «Bryansk state University named after academician I. G. Petrovsky», Bryansk, Bryansk oblast

The issues of ensuring the country's economic growth increasing the volume of investments and activating the investment process are of particular relevance at the present stage. Commercial banks are integral participants in the investment process and play an important role in the investment market, acting as intermediaries in the accumulation and redistribution of temporarily available funds and placing them in investments. Despite the financial potential of the banking sector? the modern stock market does not allow credit institutions to sufficiently implement it. Banks investment activities are significantly affected by the risks and low liquidity of a large number of corporate securities in various sectors of the economy that objects of investment.

The article provides an assessment of the composition. Structure and General scope of investment of the banking sector and the strategy of credit institutions in the field of portfolio investments, discusses investment risks in detail, and reflects the relationship of market risk with other types of banking risks/ Special attention is paid to the analysis of the dynamics of the main indicators that characterize investment banking activities.

Banking sector, investments, securities, financial risk.

На современном этапе функционирования российской банковской системы, кредитные организации осуществляют свою деятельность в условиях непрерывного роста конкуренции.

Значительная доля в активах балансов кредитных организациях принадлежит инвестиционным операциям. В реализации инвестиционных сделок, банки выступают в качестве институциональных инвесторов и формируют

инвестиционные портфели ценных бумаг, которые имеют различные инвестиционные характеристики и параметры.

Операции инвестиционного характера, проводимые финансово-кредитными институтами, предполагают вложения как собственных, так и привлеченных денежных средств в инструменты фондового рынка. Главная цель банковских портфельных инвестиций – это получение доходов в форме процентов, дисконтных и купонных выплат по облигациям и вексялям, дивидендов по акциям, формирование положительной курсовой разницы, связанной с ростом котировок на фондовом рынке, а также получение других имущественных и не имущественных прав связанных с владением ценных бумаг.

Механизм инвестиционных операций и сделок с активами фондового рынка осуществляется кредитными организациями с применением широкого спектра долговых, долевых и производных ценных бумаг. Такая инвестиционная политика российского банковского сектора связана с тем, что на практике применяется европейская (английская) модель, которая предполагает универсальность финансовых институтов. Главным отличием европейской модели от американской является то, что она предполагает возможность кредитных институтов включать различные инструменты в формируемые ими инвестиционные портфели. Результатом инвестирования является процентный и дисконтный доход по облигациям и вексялям, дивидендные выплаты по долевым ценным бумагам, рост рентабельности и ликвидности банковских активов, все это определяют эффективность банковской инвестиционной деятельности.

Ключевые показатели, характеризующие конъюнктуру российского финансового рынка, определяются нестабильностью геополитики и неравномерностью развития национальной эко-

номики, спадом активности внешнеэкономической деятельности, понижением активности на денежных рынках и рынках капиталов, а также нестабильностью денежно-кредитной политики проводимой Банком России.

Огромное влияние на уровень развития и состояния российского фондового рынка в последние годы оказывали экономические кризисы. Снижение показателей макроэкономического развития, производственных и финансовых результатов деятельности большого числа предприятий, уменьшение инвестиционных ресурсов, как у частных, так и институциональных инвесторов отрицательно повлияли на формирование ресурсной базы банковского сектора и качество активов кредитных организаций [4, с. 286]. По итогам 2018-2019 гг. ситуация на финансовом рынке улучшилась, что характеризуется относительной стабильностью курса национальной валюты и стоимости энергоресурсов, а также переходом Банка России от жесткой к нейтральной монетарной политике. Эффективность роста активов после операций по переоценки иностранных валют к национальной и темпы роста банковских активов остались на уровне предшествующих отчетных периодов – около 15% [5].

Инвестиционная деятельность кредитных организаций реализуется по многим направлениям, и в зависимости от объекта вложения банковские инвестиции классифицируются на: реальные, финансовые, производные и инвестиции в собственную деятельность (рис. 1).

Деятельность банковского сектора характеризуется высокой активностью на рынке портфельных инвестиций. Основные преимущества портфельного инвестирования перед другими формами финансирования вложений для кредитной организации заключаются в следующем:

- ликвидность портфельных инвестиций выше реальных;

- быстрота в организации сделок купли-продажи ценных бумаг;
- гибкость вложений в ценные бумаги, благодаря большому разнообразию ценных бумаг обращающихся на фондовых рынках;
- диверсификация инвестицион-

ных вложений;

- портфели ценных бумаг можно использовать в гражданско-правовых сделках, использовать в качестве залогового средства и др.

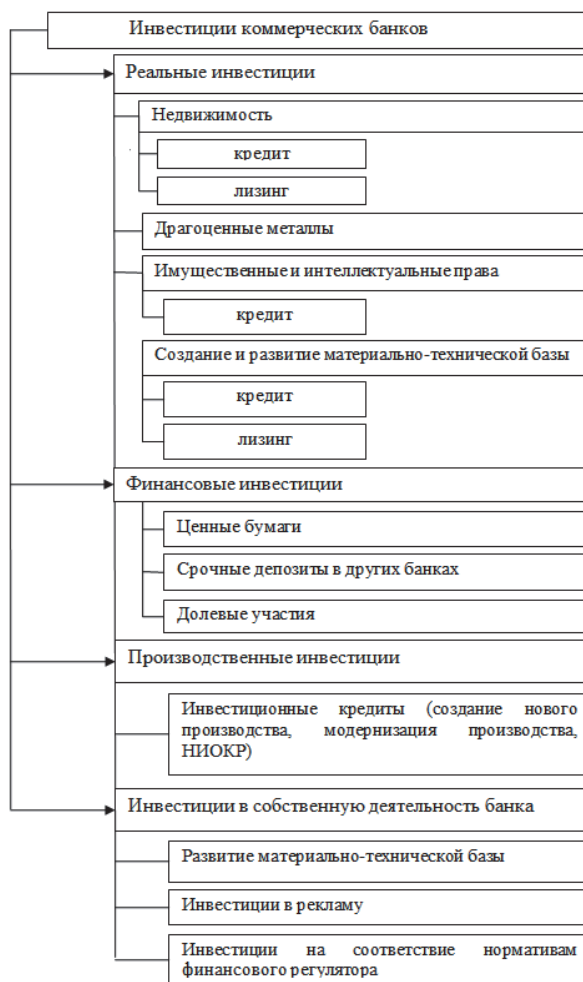

Рисунок 1 – Виды и формы банковских инвестиций

Инвестиционная деятельность организаций банковского сектора сопряжена с функционированием организованного фондового рынка, который характеризуется определенными конъюнктурными показателями, соотношением

рыночных сил, конкурентными преимуществами эмитентов ценных бумаг, волатильностью курса ценных бумаг, операционными и системными рисками и другими факторами [2, с. 2415].

На рисунке 2 продемонстрированы данные относительно совокупного объема инвестиционных вложений орга-

низациями банковского сектора в ценные бумаги.

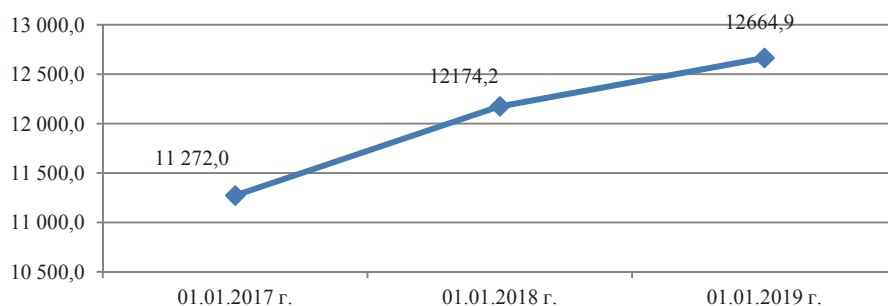

Рисунок 2 – Динамика вложений российского банковского сектора в ценные бумаги за 2016-2018 г.г., млрд. руб.

С 2016 г. по 2018 г. происходит динамичный рост вложений кредитными организациями в активы рынка ценных бумаг. Данная динамика связана с увеличением вложений коммерческими банками в долговые обязательства и долевые инструменты, а также за счет сформированного дохода от участия в дочерних и зависимых акционерных обществах.

Объемы и структура вложений кредитными организациями в разрезе формируемых инвестиционных портфелей в соответствии с требованиями МСФО отражены на рисунке 3.

Наибольшая доля на протяжении исследуемого периода принадлежит ценным бумагам, оцениваемым по справедливой стоимости через прочий совокупный доход. Удельный вес данного вида инвестиционного портфеля в структуре вложений в 2016 г. составил 45,3%, в 2017 г. – 49,6%, в 2018 г. – 48,9%.

Ценные бумаги, оцениваемые по амортизационной стоимости, в структуре портфеля в 2016 г. занимают 25,0%, в 2017 г. – 19,0%, в 2018 г. – 23,6%. Удельный вес инвестиционного портфеля ценных бумаг, оцениваемого по справедливой стоимости через прибыль или убыток в 2016 г. составил 15,9%, в 2017

г. – 16,8%, в 2018 г. – 14,6%.

Портфель участия в дочерних и зависимых акционерных обществах, паевых инвестиционных фондах по итогам 2016 г. составил 13,7%, в 2017 г. – 14,4%, 2018 г. – 12,4%.

Объемы инвестирования кредитными организациями в ценные бумаги демонстрируют рост. Так, за период с 2016 г. по 2018 г. объем банковских инвестиций вырос с 11 272,0 млрд. руб. до 12 664,9 млрд. руб., в абсолютном выражении увеличение произошло на 1 392,6 млрд. руб. или на 12,36%.

В составе инвестиционных вложений доминируют долговые инструменты, объем которых в структуре портфеля по итогам 2018 г. составил – 85,72% или 10 856,5 млрд. руб.

Вложения в долговые ценные бумаги за исследуемый период увеличились на 1 490,9 млрд. руб. или на 15,91%, и в 2018 г. всего вложений в долговые обязательства кредитными организациями было произведено на сумму 10 856,5 млрд. руб. [7].

Произошел рост вложений организациями банковского сектора в долевые и долговые инструменты, однако, кредитные организации ограничивают

объемы инвестиций в долевые ценные бумаги, что связано с высокой волатильностью курсовой стоимости, а также

мгновенной реакции рынка акций на изменения в экономике и геополитике (рис. 4).

Рисунок 3 – Динамика инвестиционных портфелей ценных бумаг банковского сектора РФ за 2016-2018 гг., млрд. руб.

В соответствии с данными рисунка выявлено то, что банковский сектор имеет значительные объемы вложений в долговые ценные бумаги, и лишь незначительную часть инвестирует в долевые инструменты. Учитывая данную структуру портфельных инвестиций, определенно можно утверждать, что российский банковский сектор придерживается консервативной инвестиционной стратегии, которая характеризуется сохранением капитала от инфляции, риск потери банками является минимальным, доходность не превышает 15-ти процентов в год.

Инвестиционные преимущества долговых ценных бумаг для кредитных организаций заключаются в следующем:

- облигации входят в состав га-

рантированных активов организованного фондового рынка и предполагают формирование обязательного дохода в установленные эмитентом сроки, выплаты производятся в форме купонов или дисконтных платежей, получение дохода является известным для инвестора на момент совершения инвестиционных сделок. Кроме того данные ценные бумаги более приоритетные по выплате дохода в сравнении с акциями;

- долговые ценные бумаги, выпущенные первоклассными эмитентами, которым присвоен высокий кредитный рейтинг, являются самыми ликвидными и надежными финансовыми инструментами;

- отсутствует необходимость мониторинга рыночного курса облига-

ций, так как их доходность фиксируется в момент сделки [6].

В таблице 1 представлены данные по структуре инвестирования в дол-

говые ценные бумаги организациями банковского сектора.

Рисунок 4 – Объемы инвестиционных операций, осуществляемые кредитными организациями в долговые и долевые ценные бумаги за 2016-2018 гг., млрд. руб.

Таблица 1 – Объем и структура инвестиций банковским сектором РФ в долговые ценные бумаги за 2016-2018 гг.

Показатели	на 01.01.2017 г.		на 01.01.2018 г.		на 01.01.2019 г.	
	млрд. руб.	в % к итогу	млрд. руб.	в % к итогу	млрд. руб.	в % к итогу
Вложения в долговые обязательства – всего	9 365,6	100,0	9 947,5	100,0	10 856,5	100,0
долговые ценные бумаги РФ	3 360,7	36,1	3 554,3	35,8	3 238,8	29,3
долговые ценные бумаги Банка России	0,0	0,0	340,3	3,4	1 343,7	12,1
долговые ценные бумаги субъектов Российской Федерации и местных органов власти	275,7	3,0	391,6	3,9	372,3	3,4
долговые обязательства, выпущенные кредитными организациями – резидентами	421,7	4,5	427,3	4,3	327,4	3,0
долговые обязательства, выпущенные прочими резидентами	1 412,8	15,2	2 013,0	20,3	1 974,0	17,8
долговые ценные бумаги иностранных государств	129,9	1,4	69,2	0,7	63,1	0,6
долговые ценные бумаги банков – нерезидентов	75,5	0,8	43,2	0,4	60,0	0,5
долговые ценные бумаги прочих нерезидентов	1 852,3	18,9	1 769,3	17,8	1 701,2	15,4
долговые ценные бумаги, переданные без прекращения признания	1 758,5	18,9	1 277,7	12,9	1 930,0	17,4
долговые ценные бумаги, не погашенные в срок	14,6	0,2	31,0	0,3	55,9	0,5

Коммерческие банки относятся к консервативной категории инвесторов и

диверсифицируют свои риски, тем самым выбирают наибольшее число цен-

ных бумаг различных эмитентов. В состав инвестиционного портфеля включены облигации российских государственных и корпоративных эмитентов, ценные бумаги выпущенные не резидентами, долговые ценные бумаги, номинированные в иностранной валюте и др. В 2018 г. в структуре инвестиционных вложений в

долговые инструменты наибольшая доля принадлежит долговым ценным бумагам РФ (2016 г. – 36,1%; 2017 г. – 35,8%, 2018 г. – 29,3%).

Вложения банковским сектором в акции имеют сравнительно небольшие объемы (рис. 5).

Рисунок 5 – Динамика вложений банковским сектором РФ в долевые ценные бумаги за 2016-2018 гг., млрд. руб.

Объем вложений в 2018 г. в долевые ценные бумаги составил 494,4 млрд. руб. Вложения в ценные бумаги кредитных организаций резидентов, нерезидентов и прочих резидентов имели на протяжении всего анализируемого периода динамику роста. Долевые ценные бумаги, переданные без прекращения признания, за последние три года сократились [7].

За исследуемый период объемы вложений в долевые ценные бумаги увеличились на 137,0 млрд. руб. или рост составил – 38,33%. Рост объемов инвестиций в акции связан с тем, что в последние годы ситуация в экономической

сфере стала стабилизироваться и российские банки с целью формирования более высокого дохода стали использовать более рискованные инструменты и активы финансового рынка.

На рисунке 6 приведены данные по динамике вложений кредитными организациями в векселя. Инвестиции коммерческих банков в инструменты вексельного рынка с каждым анализируемым годом снижаются. В 2016 г. объем направленных средств в инструменты вексельного рынка составил 178,0 млрд. руб., в 2017 г. – 136,7 млрд. руб., в 2018 г. – 133,2 млрд. руб. Снижение вложений в данную категорию финансовых инст-

рументов произошло на 44,8 млрд. руб. | или на 25,2% [7].

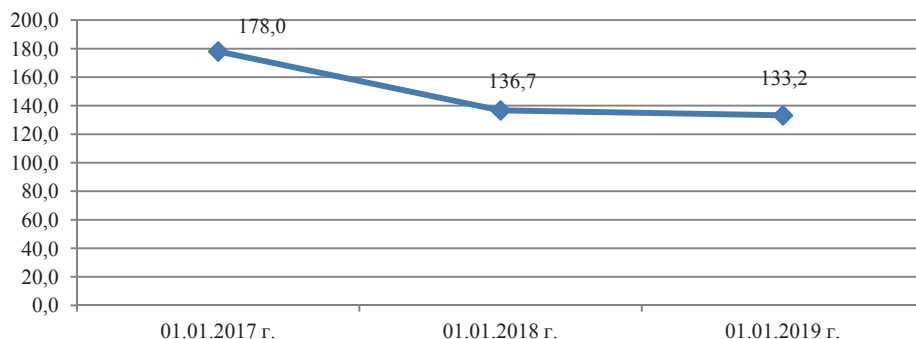

Рисунок 6 – Данные по динамике инвестирования кредитными организациями в векселя за 2016-2018 гг., млрд. руб.

Объемы вложений кредитными институтами в инструменты не эмиссионного характера снизились. В основном российские банки инвестируют в векселя кредитных организаций – резидентов (2016 г. – 49,3%, 2017 г. – 57,7%, 2018 г. – 61,7%) и в векселя прочих нерезидентов (2016 г. – 49,3%, в 2017 г. – 41,0%, 2018 г. – 36,8%). Имеются незначительные объемы вложений в векселя прочих нерезидентов, их удельный вес в инструментах вексельного рынка в 2016 г. составил 1,3% или 2,3 млрд. руб., в 2017 г.

– 1,3% или инвестировано – 1,8 млрд. руб., в 2018 г. – 1,4% или 1,8 млрд. руб. [7].

На рисунке 7 представлены сведения по динамике вложений кредитными организациями в объекты недвижимости, которые не используются в основной деятельности.

Произошло снижение вложений организациями банковского сектора в объекты строительства на 18,9 млрд. руб. или на 62,79%.

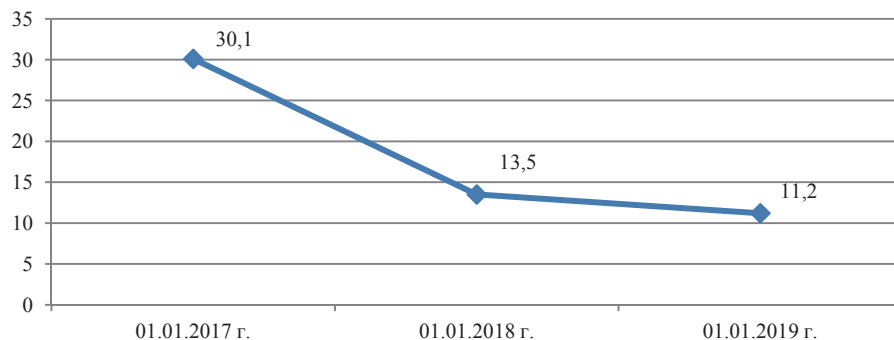

Рисунок 7 – Динамика объемов вложений коммерческими банками в строительство объектов недвижимости, временно неиспользуемой в основной деятельности за 2016-2018 гг., млрд. руб.

Чистая прибыль, формируемая | российским банковским сектором по

результатам 2018 г., достигла 1,34 млрд. руб., что больше результатов 2017 г. на 70%. В 2017 г. банковским сектором было заработано 789,7 млрд. руб. Максимальная прибыль в 2018 г. зафиксирована у ПАО «Сбербанк России», совокупный чистый финансовый результат данной финансовой организации составил более 42% от общего совокупного финансового результата всего банковского

сектора. В число лидеров прибыльных банков вошли ВТБ – 2 место, Альфа-Банк – 3 место. На динамику финансовой результативности банковского сектора влияет эффективность инвестиционной деятельности банков на фондовом рынке.

На рисунке 8 приведена демонстрация данных по доходам банковского сектора от операций с ценными бумагами.

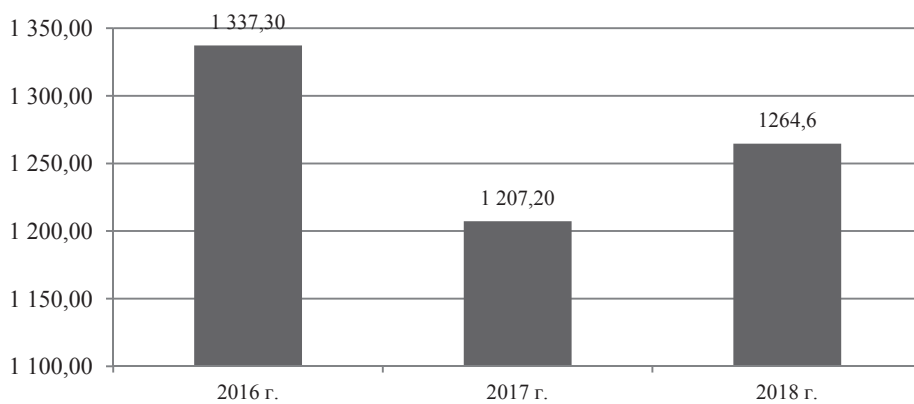

Рисунок 8 – Доходы банковского сектора от операций с ценными бумагами за 2016-2018 гг., млрд. руб.

В 2016 г. банковский сектор имел самый высокий доход от операций с ценными бумагами, который составил 1 337,30 млрд. руб., в 2017 г. произошло снижение данного показателя на 9,72%, и доходность данного вида деятельности составила 1 207,20 млрд. руб.

В 2018 г. доходность банковского сектора от операций с ценными бумагами возросла на 4,76% по сравнению с уровнем предыдущего года, и составила 1 264,6 млрд. руб.

За период с 2016 г. по 2018 г. объем формируемых доходов от операций с ценными бумагами снизился с 1 337,3 млрд. руб. до 1 264,6 млрд. руб. Снижение произошло на 72,7 млрд. руб. или на 5,44%.

Анализ результатов инвестиционной деятельности банковского сектора позволил выявить основные инвестици-

онные инструменты, используемые кредитными организациями для формирования портфелей ценных бумаг и определить финансовую результативность данного вида активных операций [1, с. 28].

Результаты проведенного анализа объемов, структуры и результативности вложений кредитными организациями в инструменты фондового рынка за 2016 – 2018 гг. позволили установить следующие тенденции:

– Во-первых, наблюдается рост объемов инвестирования организациями банковского сектора в инструменты фондового рынка и соблюдение допустимых пропорций по структуре портфеля для консервативной инвестиционной стратегии. Долговые инструменты в портфеле ценных бумаг в 2016 г. составили 83,09%, 2017 г. – 81,71%, 2018 г. – 85,72%. Долевые ценные бумаги в 2016

г. – 3,17%, в 2017 г. – 3,94%, в 2018 г. – 3,90%. Расчет структуры инвестиционных вложений производился без учета инструментов вексельного рынка.

– Во-вторых, произошло существенное снижение удельного веса в структуре формируемых портфелей облигаций выпускаемых Правительством РФ и усиление роли облигаций Банка России и частных эмитентов. Доля объемов направляемых инвестиций в ценные бумаги, выпускаемые Правительством РФ, снизилась в рассматриваемом периоде с 36,1% до 29,3%, вложения средств в облигации Банка России возросли к 01.01.2019 г. до 12,1%, инвестиции в облигации, выпускаемые корпоративными эмитентами в структуре долговых ценных бумаг увеличились с 15,2% в 2016 г. до 17,8% в 2018 г., что свидетель-

ствует о повышении роли частных эмитентов и дальнейшем развитии приоритетных секторов национальной экономики, а также это барометр того, что фондовый рынок имеет стабильность и коммерческие банки переходят от государственных к корпоративным ценным бумагам.

– В-третьих, развитие инвестиционной деятельности коммерческих банков на фондовом рынке ведет к усилению концентрации: вложения в ценные бумаги главным образом осуществляются крупнейшими по объему активов банками. Доходность от операций с ценными бумагами российского банковского сектора снизилась, но не значительно более 5%, и по итогам 2018 г. составила – 1 264,6 млрд. руб. [3, с. 59].

Рисунок 9 – Риски кредитных организаций

Исследование активности коммерческих банков в проведении инвестиционных операций с фондовыми инструментами позволили выявить определенные проблемы, которые снижают по-

казатели эффективности деятельности всего банковского сектора:

1. Поиск институциональных инвесторов, способных обеспечить долгосрочными инвестициями реальные

сектора национальной экономики.

2. Низкая эффективность формирования портфелей ценных бумаг оцениваемых через счета прибылей и убытков и удерживаемых до момента погашения.

При моделировании инвестиционной политики банка, необходимо учитывать, что любые инвестиционные операции имеют риск. Механизм формирования инвестиционного портфеля кредитной организации традиционно детализирует существующие риски на общие и специфические. На рисунке 9 отражены риски коммерческих банков, связанные с инвестиционными операциями и сделками на фондовом рынке. На инвестиционную деятельность влияют множество рисков, которые тесно взаимосвязаны.

Для управления фондовыми рисками и проведения фундаментального анализа инвестиционной привлекательности отдельных видов финансовых инструментов, включаемых кредитными

организациями в портфели ценных бумаг необходимо производить оценку инвестиционных критериев ценных бумаг [5, с. 3].

При формировании структуры банковского инвестиционного портфеля, в состав которого включаются инструменты, предназначенные для продажи клиентам, необходимо открывать больше торговых позиций по тем ценным бумагам, которые имеют высокую рыночную капитализацию и входят в состав котировальных списков фондовой биржи первого и второго уровня, а также те, которые имеют высокую ликвидность и ежедневно участвуют в биржевых торгах на российских и зарубежных фондовых площадках, и по которым, как следствие, в период биржевой сессии заключается большое количество торговых сделок. К таким инструментам по итогам 2019 года, которые показали высокий рост рыночной стоимости, относятся акции компаний различных секторов экономики (рис. 10).

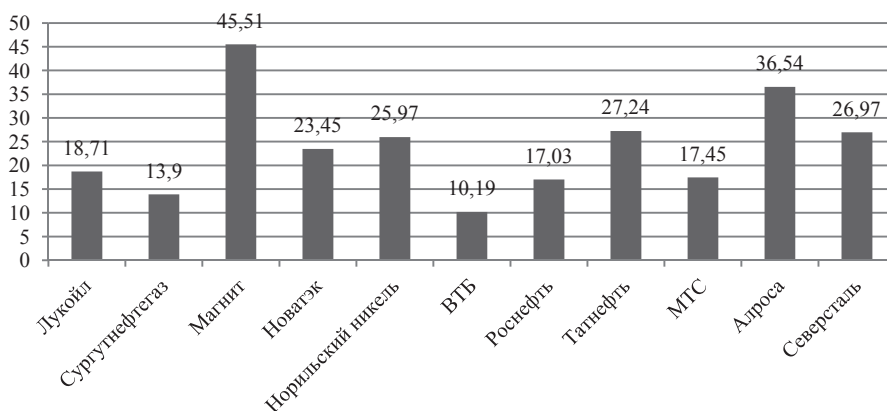

Рисунок 10 – Показатели средней годовой доходности акций «голубые фишки» эмитентами, которых являются российские компании по итогам 2018 года, %

Следовательно, одним из приоритетных видов деятельности банков в современных условиях развития и функционирования экономики является формирование собственных портфелей цен-

ных бумаг, которые будут иметь высокую результативность, несмотря на то, что инвестиционные операции имеют значительно, низкие объемы в сравнении с банковским и ипотечным (жилищным)

кредитованием.

В настоящее время основная цель кредитных организаций сконцентрирована в росте доходов от портфельных инвестиций при минимально допустимом уровне риска направляемых средств, а также поиск оптимального комбинирования рисков и доходности,

однако следует принимать во внимание влияния большого числа факторов, что делает эту задачу для кредитных организаций весьма сложной. Главными методами управления рыночными рисками являются мониторинг и диверсификация банковских инвестиций.

Литература

1. Алиев Б.Х., Салманов С.И. Системный подход при проведении комплексного мониторинга банковских рисков // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2015. № 17. С. 27-36.
2. Кривошапова С.В., Непрокина М.И. Оценка инвестиционной активности кредитных организаций // Фундаментальные исследования. 2014. № 12. С. 2414-2419.
3. Мандрон В.В., Летяго Е.С. Механизм организации инвестиционной деятельности в коммерческом банке // Экономика. Социология. Право. 2019. № 2 (14). С.57-63.
4. Мандрон В.В., Катрущенко В.С., Козыркина Н.Н. Механизм формирования ресурсной базы банковского сектора Российской Федерации // Финансовая экономика. 2019. № 7. С. 286-290.
5. Никулина О.В., Баклажкова К.В. Формирование новых методов и инструментов управления инвестиционной банковской деятельностью в условиях мирового кризиса // Финансы и кредит. 2016. № 21. С. 2-14.
6. Рафаилова Д.Д., Аджиева А.Ю. Инвестиционная политика банка // Аллея науки. 2017. № 13.
7. Центральный банк Российской Федерации [официальный сайт] [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru/> (дата обращения: 16.12.2019).

УДК 352.075

Развитие методических подходов к оценке эффективности использования местных бюджетов

Л.М. Рерих, старший преподаватель кафедры общественных финансов, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ», НГУЭУ, г. Новосибирск

На социально-экономическое развитие городов оказывает влияние большое количество внешних и внутренних факторов, среди них – результаты работы органов местного самоуправления. По материалам 5 городских округов Новосибирской области в статье проведен анализ значений по перечню показателей, утвержденных Указом Президента РФ № 607. Автор отмечает несоответствие действующего метода оценки общепринятому в научной литературе понятию «эффективность», невозможность оценки эффективности только на базе перечня показателей. Сформулированы выводы и предложения по изменению подхода к оценке деятельности органов местного самоуправления городских округов.

Местное самоуправление, город, бюджеты, оценка эффективности.

Development of methodological approaches to assess the local budget efficiency

L.M. Rerikh, Senior teacher of department of public finances, Novosibirsk state university of economy and management, Novosibirsk

The socio-economic development of cities is influenced by a large number of external and internal factors, among them the results of the work of local authorities. Based on materials from 5 urban districts of the Novosibirsk Region, the article analyzes the values according to the list of indicators approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 607. The author notes the inconsistency of the current method of assessment with the generally accepted notion of «effectiveness» in the scientific literature, the impossibility of assessing effectiveness only on the basis of a list of indicators. Conclusions and proposals are formulated to change the approach to assessing the activities of local authorities in urban districts.

Local government, city, performance, budgets.

Введение

В настоящее время основные принципы организации местного самоуправления утверждены в законе № 131-ФЗ [2], который можно считать рекордсменом по количеству внесенных в него дополнений и изменений. За период его действия в закон внесены изменения и дополнения 166 федеральными законами, что уже свидетельствует о сложном процессе правового регулирования деятельности органов местной власти. В статье 16 этого закона определены вопросы местного значения городских округов, а в статье 17 утверждены полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения. В законе [2] определены полномочия федеральных органов государственной власти и органов власти субъектов Федерации в области местного самоуправления.

В Послании Федеральному собра-

нию Президент РФ [1] высказал мнение о необходимости закрепления в новой редакции Конституции РФ принципа единой системы публичной власти, справедливо отметив: «При этом полномочия и реальные возможности местного самоуправления – самого близкого к людям уровня власти – могут и должны быть расширены и укреплены» [1]. Следует надеяться, что в итоге всенародного голосования по внесенным предложениям, в новой редакции Конституции РФ будут расширены права, обеспечивающие равноценные возможности для всех органов местного самоуправления.

В экономической литературе недостаточно освещены методические вопросы оценки деятельности органов местного самоуправления, тем не менее, очевидна необходимость научного исследования и обоснования методов, критериев оценки с учетом особенностей

условий их работы.

Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления в городских округах Новосибирской области

В научной, специальной литературе, в нормативных документах часто применяется термин «эффективность», хотя до сего времени понятие «эффективность» не имеет однозначного толкования, показатели эффективности недостаточно исследованы, не определены универсальные критерии оценки эффективности. Часто эффективность определяется как соотношение между результатами и затратами, либо ресурсами, которые необходимы для получения результатов. На практике эффективность рассчитывается для отдельных организаций, проектов, отраслей экономики.

Важной особенностью существующего порядка оценки деятельности органов местной власти является его нормативное регулирование. Необходимость мониторинга деятельности органов местного самоуправления предусмотрена в статье 18.1 закона 131-ФЗ. Указом Президента РФ № 607 [3] определен перечень показателей для оценки эффективности деятельности органов власти городских округов. Перечень содержит 13 разноплановых показателей, в 2018г. он дополнен показателем независимой оценки качества условий в социальных сферах при оказании услуг за счет бюджетных средств муниципальных образований. Практический мониторинг нового показателя затруднен в связи с отсутствием экспертного органа, поэтому нет значений по этому показателю по городским округам.

Во исполнение Указа № 607 постановлением правительства РФ [4] утверждены: дополнительный перечень показателей для оценки эффективности; методика мониторинга эффективности деятельности органов самоуправления, в которой перечислены предметы оценки.

Значения показателей эффективности по конкретным городским округам целесообразно рассматривать после накопления с общей информацией по городам (таблица 1).

Из таблицы 1 видно, что относительно сопоставимыми по территории являются городские округа: г. Бердск и г. Искитим; р.п. Кольцово и г. Обь. Территория г. Новосибирска превышает территорию первой группы сравнения более чем в 7,5 раз, а второй группы – в 23 раза. По численности населения среди муниципальных образований Новосибирской области первое место занимает – г. Новосибирск, второе – г. Бердск, пятое – г. Искитим, пятнадцатое – г. Обь, р.п. Кольцово – 24 место. Плотность населения максимальная в г. Новосибирске, минимальная в р.п. Кольцово, в других городах показатели разные. Максимальные расходы бюджета на душу населения в 2019г. были в р.п. Кольцово, на 2 месте – г. Обь, в других городах уровень расходов был примерно одинаковым. Расходы бюджета на 2020г. по всем городам, кроме г. Новосибирска и г. Бердска, утверждены в меньших объемах по сравнению с фактическим исполнением бюджетов за 2019г. Фактические расходы за 1 кв. 2020г. в бюджетах, за исключением р.п. Кольцово, меньше одной пятой годового объема. Таким образом, условия деятельности муниципалитетов разные, это следует учитывать при оценке их деятельности.

Информация о состоянии показателей, характеризующих эффективность деятельности местных органов власти в городских округах Новосибирской области, доступна для широкого круга пользователей, она содержится в аналитическом отчете, размещенном на портале в сети интернет [4].

В таблице 2 показаны значения 11 обязательных показателей, характеризующих эффективность деятельности муниципалитетов в 5 городах Новоси-

бирской области, по итогам 2018г. С целью устранения однообразия в формулировках показателей, сокращения их текста нами несколько изменена редакция,

но соблюдено содержание обязательных показателей.

Таблица 1 – Информация общего характера по городским округам

Показатели	Новосибирск	Кольцово	Бердск	Искитим	Обь
1.Территория, кв. км.	505,62	18,8	67	62	21,95
2.Численность населения, чел.	1584138	14167	102808	56411	28913
3.Плотность населения, чел/кв.км	3133	754	1534	910	1317
4.Расходы бюджета за 2019г., Млн. руб.	50366,7	923,62	2877,15	1861,42	1147,7
5.Дефицит (-), профицит, Млн. руб.	722,62	-29,9	-31,67	-11,73	3,39
6.Расходы бюджета на душу населения в 2019г., руб.	31 794	65 195	27 985	32 997	39 695
7.Утверждены расходы бюджета на 2020г., млн руб.	51403,1	785,7	3061,7	1769,1	993,0
То же на душу населения, руб.	32 448	55 460	29 780	31 361	34 344
7. Расходы бюджета за 1 кв. 2020г, млн. руб.	9053,45	198,25	562,71	344,27	189,07
То же в % к расходам на 2020г.	17,6	25,2	18,4	19,5	19,0
Расходы бюджета на душу населения в 1 кв. 2020г., руб.	5 715	13 993	5 473	6 103	6 539

Источник: Открытый бюджет на сайте Министерства финансов и налоговой политики Новосибирской области // <https://openbudget.mfnso.ru/mo/gorodskie-okruga/go-berdsk/pasport-go>

Значения показателей в таблице 2 отражают, в большей степени, достижения по социально-экономическому развитию городов, многие показатели не могут быть основанием для оценки деятельности органов местного самоуправления. В утвержденной правительством РФ [4] методике сбора и подготовки сведений для оценки деятельности органов местного самоуправления установлены предметы оценки, названы сферы деятельности (9 видов). В методике указано, что рост (снижение) показателей относительно к предшествующему году свидетельствует об эффективности деятельности органов самоуправления. Вероятно, такое сравнение считается критерием оценки эффективности деятельности ор-

ганов местной власти. С таким подходом трудно согласиться, так как, например, показатели в пунктах 4-7, по нашему мнению, не отражают деятельность органов местной власти.

В [4] приведена формула комплексной оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления с целью определения права на получение гранта из бюджета субъекта Федерации для поощрения конкретных муниципальных образований.

Автор считает целесообразным определять результативность работы органов местной власти посредством оценки их участия в реализации национальных проектах.

Таблица 2 – Значения показателей эффективности деятельности органов местной власти в городских округах Новосибирской области за 2018г.

Показатели оценки деятельности органов местного самоуправления	Новосибирск	Кольцово	Бердск	Искитим	Обь
1. Количество субъектов малого и среднего предпринимательства на 10 тыс. населения	663,81	581,76	475,32	335,04	287,88
2. Доля среднесписочной численности работников малых и средних организаций в общей численности работников предприятий, в %	43,76	24,84	44,18	24,88	14,27
3. Протяженность автомобильных дорог общего пользования местного значения, не отвечающая нормативным требованиям, в % к общей протяженности дорог	0	7,89	30,77	89,15	79,5
4. Площадь, которая облагается земельным налогом, в % к общей площади	96,01	41,3	52,17	19,45	51,21
5. Дети в возрасте, состоящие на учете для получения мест в муниципальных дошкольных учреждениях в возрасте 1-6 лет, % в общей численности детей этого возраста	15,8	21,4	18,2	5,9	13,9
6. Площадь жилых помещений – в среднем на одного жителя, кв.м	25,7	28,0	27,2	23,5	19,2
7. Доля организаций коммунального комплекса, которые оказывают различные коммунальные услуги, их уставный капитал не превышает 25% в общем капитале организаций комплекса, %	89,74	нет	50	80	66,67
8. Многоквартирные дома, по которым осуществлен государственный кадастровый учет, удельный вес в %	92,5	98,6	97,98	100	100
9. Величина потребления энергетических ресурсов в многоквартирных домах в расчете на одного проживающего	1190,5	1196,3	1036,91	918,5	847
10. Потребление энергоресурсов муниципальными бюджетными учреждениями (из расчета Гкал на 1 кв. метр общей площади)	0,19	0,15	0,14	0,37	0,19
11. Удовлетворенность населения деятельностью органов местной власти городского округа от числа опрошенных, %	50,79	92,42	50,45	61,3	70,8

Источник: Информационно – аналитический портал Новосибирской области: <http://portal.nso.ru/portal/Analyt607/Index/90305192>

Учитывая фактическую ситуацию, нами принято решение оценить деятельность органов местного самоуправления, исходя из уровня показателей – по трех бальной системе: хорошо, удовлетворительно и неудовлетвори-

тельно, результаты представлены в таблице 3. В основу определения оценок приняты значения показателей в таблице 2. Более высокие показатели по конкретному городу (относительно других городов) включены в оценку «хорошо», самые низкие показатели оценены на «не-

удовлетворительно», другие показатели включены в оценку «удовлетворительно». Безусловно, такой подход является условным для данного исследования, но другого варианта не было, чтобы как-то применить имеющиеся значения для оценки деятельности.

Таблица 3 – Авторская оценка деятельности органов власти в городах Новосибирской области за 2018г.

Городские округа	Оценки		
	хорошо	удовлетворительно	неудовлетворительно
Г. Новосибирск	7 (1,2,3,4,5,7,9)	3 (6,8,10)	1 (11)
Р.п. Кольцово	7 (1,3,6,7,8,9,11)	4 (2,4,5,10)	нет
Г. Бердск	5 (1,2,6,8,9)	5 (3,4,5,7,10)	1 (11)
Г. Искитим	4 (5,7,8,10)	4 (1,2,6,9)	3 (3,4,11)
Г. Обь	3 (8, 10,11)	6 (1,4,5,6,7,9)	2 (2,3)

Примечание – в скобках указаны номера пунктов из таблицы 2.
Таблица разработана автором

Из таблицы 3 видно, что в городских округах нами применены все три вида оценок, только в р.п. Кольцово нет неудовлетворительных оценок. В таблице показано количество соответствующих оценок, содержание которых можно определить в пунктах таблицы 2. Например, в г. Искитиме неудовлетворительно оценены такие позиции, как: большая доля несоответствия автомобильных дорог местного значения нормативным требованиям, небольшой удельный вес площади, являющейся объектом налогообложения земельным налогом, половина опрошенного населения не удовлетворены деятельностью муниципалитета.

Выборочно проведен анализ дополнительных показателей оценки эффективности, которые, по нашему мнению, более объективно представляют состояние социально-экономического развития городов и наличие нерешенных задач в области социально-экономического развития, основные показатели представлены в таблице 4, их формулировка также несколько изменена для лучшего восприятия.

Из таблицы 4 видно, что в четы-

рех городах (кроме г. Искитима) отмечается напряженная ситуация с обеспеченностью школами, о чем свидетельствует высокая доля обучающихся во 2 и 3 смену, хотя в последние годы в муниципальных образованиях вводятся в эксплуатацию новые школы, расширяются действующие путем пристроек. Следует отметить высокий уровень обеспеченности клубными учреждениями во всех городах, но одновременно надо отметить низкий уровень улучшения жилищных условий населения.

Таким образом, по приведенным в таблицах 2 и 4 показателям сложно дать объективную и конкретную оценку деятельности конкретным органам местной власти на основе достигнутых значений в области социально-экономического развития. Отсутствие нормативных значений не позволяет нам определить задачи и направления по улучшению деятельности органов местной власти с учетом их финансовых возможностей.

Оценка эффективности бюджетов городских округов

Принимая во внимание распространенное определение понятия эффек-

тивности как соотношение результата и затрат, которые были необходимы для получения результата, стала очевидной необходимость оценки местных бюджетов, которые являются экономической основой местного самоуправления. По-

казатели бюджетов отражают возможности городских округов по реализации задач социально-экономического развития территории.

Таблица 4 – Дополнительные показатели о деятельности органов местной власти в городах за 2018г.

Показатели	Новосибирск	Кольцово	Бердск	Искитим	Обь
1. Сумма инвестиций в основной капитал (кроме бюджетных средств) на 1 жителя, руб.	28772	72659	4881	11537	61428
2. Дети в возрасте 1-6 лет, получающие дошкольное образование, %	69,33	49,0	68,0	76,3	51,1
3. Учащиеся обучаются в 2-3 смены, в % к общей численности	26,8	44,6	25,5	5,9	19,5
4. Расходы бюджета городского округа на образование в расчете на 1 обучающегося, тыс. руб.	64,5	51,1	49,0	64,2	68,9
5. Обеспеченность клубами и клубными учреждениями от нормативной потребности, %	162,5	200	400	100	100
6. Процент аварийных муниципальных учреждений культуры, либо требующих капитального ремонта	13,01	20,0	26,32	70,0	0
7. Доля населения, получившего жилье, улучшили жилищные условия в общей численности, состоявшего на учете, %	10,0	2,47	0,73	2,64	0

Источник: Информационно – аналитический портал Новосибирской области: <http://portal.nso.ru/portal/Analyt607/Index/90305192>

Анализ абсолютных и относительных показателей доходов и расходов местных бюджетов, их динамики и тенденций осуществляется исполнительными органами власти ежегодно по результатам исполнения бюджетов за год, а также в течение бюджетного периода, результаты анализа позволяют, в определенной мере, оценить финансовую базу местных органов власти.

Многие десятилетия ученые и практики, анализируя проблемы местных бюджетов, рассуждали о возможности укрепления доходной базы местных бюджетов, о необходимости снижения зависимости от вышестоящих бюджетов, в отдельных случаях предлагались кон-

кретные меры, но часто они были нереальными для фактического воплощения.

Фактически местные органы самоуправления муниципальных образований не имеют реальных прав и возможностей по управлению доходами бюджетов, по принятию мер к их увеличению.

В публикациях ряда авторов предлагается методика оценки эффективности местных бюджетов, хотя автор считает, что известные методики представляют некую модификацию анализа структуры доходов и расходов местных бюджетов в виде коэффициентов. Определенный интерес представляет методика, изложенная Н.Ю. Короткиной в статье [5], где автор указывает на преимущества

предлагаемой методики в процессе анализа финансового состояния местных бюджетов. Вероятно, автор несколько переоценивает преимущества предлагаемой методики, ее возможности «выявлять бюджетные угрозы и риски, разрабатывать меры по их нейтрализации» [6, с.36], но, тем не менее, было принято

решение апробировать эту методику на материалах об исполнении бюджетов городских округов Новосибирской области за 2018 год. Расчеты показателей эффективности бюджетов проведены по 3 группам, по алгоритмам, использованным в [5], результаты отражены в таблице 5.

Таблица 5 – Показатели эффективности бюджетов городских округов Новосибирской области за 2018г.

Группы коэффициентов, их состав	Новосибирск	Кольцово	Бердск	Искитим	Обь
Коэффициенты сбалансированности бюджетов:					
общего покрытия расходов бюджета	0,97	0,97	1,01	0,99	1,01
покрытия дефицита бюджета	0,054	0,095	-	0,033	-
наличия дополнительных средств бюджета	-	-	0,01	-	0,01
собственной сбалансированности	0,8	0,5	0,5	0,5	0,6
Коэффициенты, характеризующие финансовую независимость:					
собственная финансовая независимость	0,6	0,4	0,3	0,3	0,4
налоговая независимость	0,4	0,3	0,3	0,3	0,4
чистая налоговая независимость	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1
общая финансовая зависимость	0,45	0,64	0,66	0,66	0,58
Коэффициенты, отражающие направления расходов бюджетов:					
текущие расходы бюджета	0,94	0,88	0,93	0,95	0,93
инвестиционные расходы бюджета	0,1	0,1	0,1	0,05	0,1
доля расходов на содержание органов местного самоуправления	0,1	0,1	0,1	0,05	0,2
социальная ориентированность бюджета	0,7	0,6	0,7	0,7	0,5
программные расходы бюджета	0,9	0,5	0,5	0,5	0,04

Таблица разработана автором на основе отчетов об исполнении бюджетов городских округов за 2018г.

Значения коэффициентов в группе «сбалансированности бюджетов» отражают профициты в бюджетах двух округов – г. Бердск и г. Обь, в других городах бюджеты исполнены с небольшим дефицитом. Максимальная собственная сбалансированность бюджета наблюдается в г. Новосибирске, наименьший показатель в р.п. Кольцово, в других городских округах значения коэффициентов относительно равные.

В группу коэффициентов финансовой независимости включены четыре показателя, все они показывают низкую

финансовую и налоговую независимость, что характерно для всех местных бюджетов Российской Федерации. Коэффициент чистой налоговой независимости отражает налоговую политику муниципального образования, хотя известно, что они не наделены правом администрирования местных налогов, а у налоговых органов отсутствует заинтересованность в изыскании резервов увеличения местных налогов в связи с их незначительной абсолютной величиной, но существенными трудозатратами по их администрированию. Все местные бюджеты зависят

от финансовой помощи вышестоящих бюджетов, сроки получения которой не утверждены в Бюджетном кодексе РФ, поэтому часто возникают кассовые разрывы в исполнении бюджетов городов.

Показатели, отражающие направленность расходов, состоят из пяти коэффициентов, значения которых позволяют оценить основные направления бюджетных расходов. Судя по значениям в таблице 5, преобладающую долю в расходах всех округов составляют текущие расходы, а инвестиционные расходы представляют совсем незначительную часть, что, конечно, ограничивает возможность муниципалитетов по строительству новых школ, дошкольных учреждений и финансирования других программ. Реализация всех национальных проектов в городах предполагает использование средств местных бюджетов, хотя возможности бюджетного финансирования инвестиционных проектов не велики.

Переход на составление и исполнение программных бюджетов является составной частью бюджетной политики в субъектах Федерации, но пока только в бюджете г. Новосибирска программные расходы составляют значительную долю, около половины бюджетных затрат распределены по программам в бюджетах городов Бердск, Искитим и р.п. Кольцово, фактически нет программных расходов в бюджете г. Обь.

Выводы

Результаты исследования показали, что условия деятельности органов

местного самоуправления весьма разные, это предопределяет необходимость учета особенностей в системе оценки работы муниципалитетов.

Рассмотрев, хотя и неоднозначное определение, понятия «эффективность», автор считает некорректным его применение для оценки деятельности местных органов власти, так как невозможно сопоставлять результаты с затратами, ресурсами, которые использованы для получения результатов.

Считаем более оправданным применение термина «результативность», который должен характеризовать степень выполнения плановых заданий, утвержденных нормативов. Существующий подход к оценке деятельности органов местного самоуправления не соответствует, по нашему мнению, современным задачам развития местного самоуправления. В качестве исходной информации для оценки результатов деятельности целесообразно использовать национальные проекты, ориентироваться на положения Конституции РФ, утверждать обоснованные индикаторы оценки.

Анализ показателей эффективности бюджетов городских округов подтверждает необходимость повышения их роли в финансировании национальных проектов, в развитии всех сфер социального характера. Важно, чтобы научные исследования в области бюджетного устройства находили практическое их воплощение.

Литература

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации от 15.01.2020 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс»: Законодательство: Версия Проф. URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 15.01.2020).
 2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [федеральный закон от 06.10.2003г. (ред.02.08.2019) № 131-ФЗ] [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс»: Законодательство: Версия Проф. URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 15.01.2020).
 3. Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов [Указ Президента РФ от 28.04.2008 N 607 (ред. от 09.05.2018)] [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс»: Законодательство: Версия Проф. URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 15.01.2020).
 4. Постановление правительства № 1317 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28.04.2008г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» // СПС «Консультант Плюс»: Законодательство: Версия Проф. URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения: 15.01.2020).
- Коротина Н.Ю. Методика анализа финансового состояния бюджетов муниципальных образований // Финансовая аналитика. Проблемы и решения. 2014. № 20 (206). С. 36-47.

УДК 336.71

Оценка влияния ликвидации банков на состояние банковского сектора и экономики России

Е.А. Савинова, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов и статистики,
Л.А. Ковалерова, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов и статистики,
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени акад. И.Г. Петровского», г. Брянск

Статья посвящена анализу проблем ликвидации банков в России. Рассмотрены показатели динамики числа кредитных организаций в РФ с 2010 по 2019 гг. Определены причины отзыва лицензий. Проанализированы последствия ликвидации банков, выявлены как положительные, так и негативные последствия отзыва банковских лицензий. Построен прогноз числа кредитных организаций на период до 2022 года.

Банк, санация банка, ликвидация банка, финансовая система.

Assessing the impact of bank liquidation on the banking sector and the Russian economy

E.A. Savinova, Ph.D., Associate Professor, Associate Professor of Finance and Statistics,
L.A. Kovalerova, Ph.D., Associate Professor, Associate Professor of Finance and Statistics,
Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky, Bryansk

The article is devoted to the analysis of the problems of liquidation of banks in Russia. Indicators of the dynamics of the number of credit organizations in Russia from 2010 to 2019 are considered. The reasons for the revocation of licenses have been determined. The consequences of the liquidation of banks have been analyzed, both positive and negative consequences of the revocation of bank licenses have been identified. A forecast of the number of credit organizations for the period up to 2022 has been made.

Bank, bank sanitization, liquidation of the bank, financial system.

Банковская система играет огромную роль в современной рыночной экономике. И все происходящие в ней перемены так или иначе затрагивают всю экономику. Количество и эффективность деятельности банков напрямую влияют на экономическую ситуацию в стране, как в розничном, так и в корпоративном секторе.

Федеральный закон №395-1 от 02.12.1990 г. «О банках и банковской деятельности» выступает основным документом, регулирующим создание и деятельность кредитных организаций на территории России. Данный нормативно-правовой акт обеспечивает регулирование взаимоотношений между различными уровнями банковской системы, а также межбанковские взаимосвязи: устанавливает основные положения осуществления банковской деятельности, определяет основные нормативы финансово-

хозяйственной деятельности банков, регулирует особенности установления межбанковских отношений и создания банками представительств и дочерних организаций за рубежом, а также определяет правила ведения бухгалтерского учета в кредитных организациях [1].

Отзыв банковской лицензии является исключительной мерой регулирования, которую национальный Центральный банк может применить к функционирующему коммерческому банку [2, с. 86]. С 2013 года ЦБ РФ не только практикует более строгое соблюдение банковских требований, но и освобождает банковский сектор от ненадежных организаций или организаций, которые не отвечают требованиям регулятора.

Количество ликвидированных банков в последнее время увеличилось. Многие банки перестали существовать, в то время как другие были поглощены

более крупными.

Всего семь лет назад, в 2012 году, количество действующих кредитных организаций превышало тысячу. Динамика числа банковских организаций за период 2010-2019 гг. представлена на рисунке 1.

Пик лишения лицензии и пик кризиса в российской экономике и финансовой системе пришлось на 2015-2016 гг. В 2016 году число действующих кредитных организаций снизилось на 110

единиц, в 2017 году – на 62, в 2018 году – на 77. За 11 месяцев 2019 года – 40, прекратили свою деятельность такие крупные банки как Балтийский банк, Автовазбанк.

В целом за 10 лет количество банков сократилось на 614 единиц – до 444 организаций. Это свидетельствует об усилении политики ЦБ по активной расчистке банковского сектора и повышению надежности банковского сектора России.

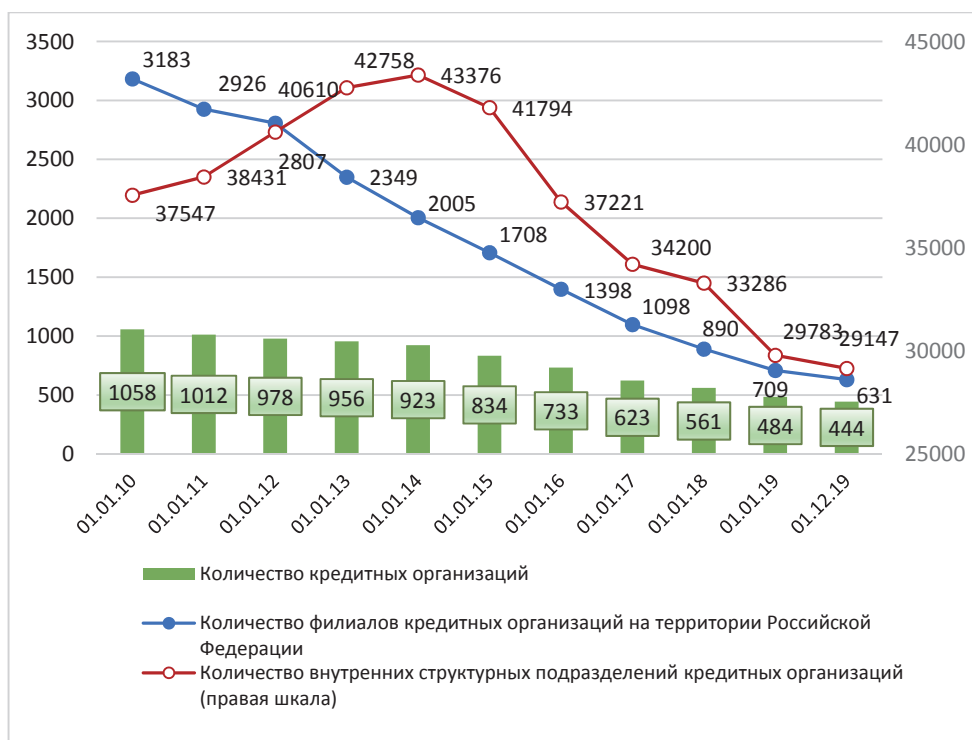

Рисунок 1 – Динамика количества кредитных организаций, единиц

Рассматривая ситуацию в банковском секторе в 2015-2017 гг., можно отметить, что в эти годы регулятор вытеснил с рынка в основном мелкие банки. Даже в пиковые годы по количеству пересмотров лицензий (2015 и 2016 годы) средний размер активов банка на

момент отзыва лицензий не превышал 19 миллиардов рублей [4, с. 163].

Показатели параметров ликвидации кредитных организаций представлены на рисунке 2. Центральный Банк активизировал работу по ликвидации несостоятельных банков в 2014 году.

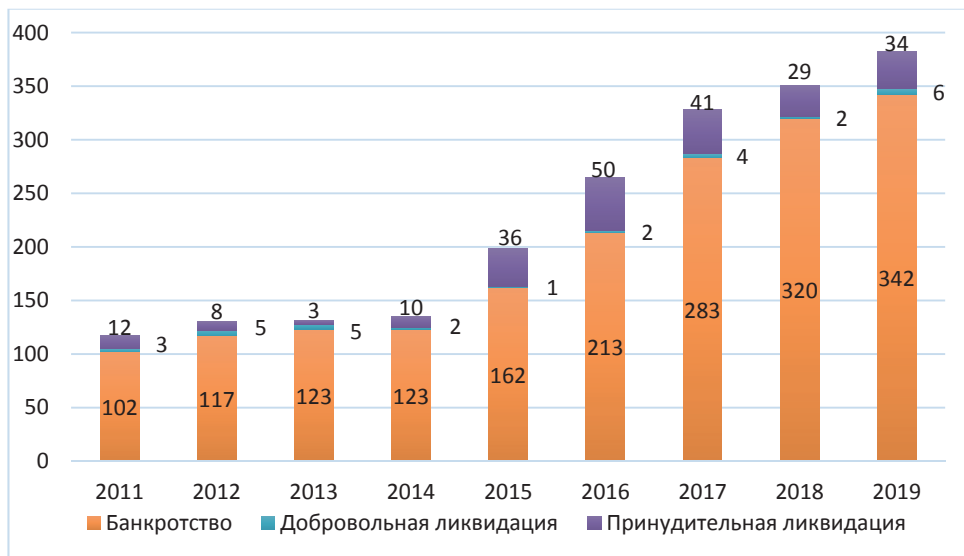

Рисунок 2 – Структура ликвидируемых банковских организаций по состоянию на 1 января соответствующего года, единиц

Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что наибольшее распространение в современной

русской экономической практике получила ликвидация путем банкротства (рис. 2, табл. 1).

Таблица 1 – Данные о количестве кредитных организаций, находящихся в стадии ликвидации по состоянию на 01 января соответствующего года

Год	Банкротство		Добровольная ликвидация		Принудительная ликвидация		Всего, ед.
	Количество, ед.	Удельный вес, %	Количество, ед.	Удельный вес, %	Количество, ед.	Удельный вес, %	
2011	102	87,2	3	2,6	12	10,3	117
2012	117	90,0	5	3,8	8	6,2	130
2013	123	93,9	5	3,8	3	2,3	131
2014	123	91,1	2	1,5	10	7,4	135
2015	162	81,4	1	0,5	36	18,1	199
2016	213	80,4	2	0,8	50	18,9	265
2017	283	86,3	4	1,2	41	12,5	328
2018	320	91,2	2	0,6	29	8,3	351
2019	342	89,5	6	1,6	34	8,9	382

Среди причин отзыва банковской лицензии на первое место выходит банкротство. На 2013 год приходится максимальный уровень данного фактора – 93,9%. Прекращение деятельности по причине принудительной ликвидации находится на втором месте со значительным отставанием от процедуры банкротства. В 2016 году было ликвидировано

18,9% кредитных организаций по этой причине, далее показатель снизился до 8,9% в 2019 году.

Доля банков, добровольно инициировавших процедуру ликвидации, находится на стабильно низком уровне, в пределах 0,6-3,8%.

В 2015 году произошел динамичный скачок, в результате отзыва ли-

цензий у неплатежеспособных кредитных организаций банковский сектор сократился на 91,2%, и только 8,8% кредитных организаций прекратили свое существование по другим причинам. Эта тенденция сохранялась до начала 2019 года – основной причиной прекращения деятельности кредитных организаций стал отзыв лицензий.

Оценим причины сокращения количества кредитных организаций в 2018 году. Сокращение составило 77 единиц, в том числе 60 кредитных организаций, лицензии которых были ото-

званы, 10 организаций были ликвидированы в связи с реорганизацией, еще семь кредитных организаций отзывали свои лицензии в результате принятия акционерами (участниками) решения о добровольной ликвидации.

По данным Банка России, по состоянию на 01.01.2019 года в стадии ликвидации находилось 382 организации (рис. 3). Из них 342 единицы (89%) – в связи с банкротством, 34 единицы (9%) – в стадии принудительной ликвидации, 6 единиц (2%) – по причине добровольной ликвидации.

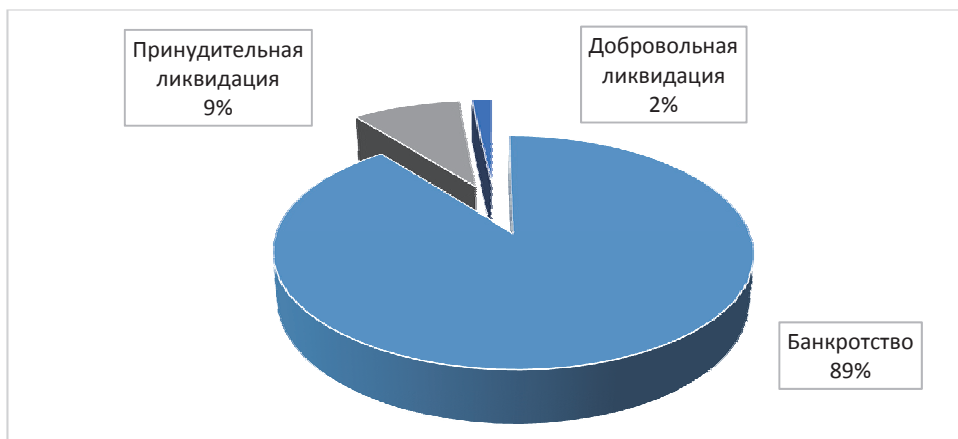

Рисунок 3 – Структура кредитных организаций в стадии ликвидации по состоянию на 01.01.2019 г., % [7]

В 2019 году продолжилась активная работа ЦБ по оздоровлению банковского сектора. За 11 месяцев было отозвано 28 лицензий на осуществление банковской деятельности: 24 – у банков, 4 – у НКО (небанковские кредитные организации, которые не имеют права привлекать средства юридических и физических лиц во вклады) и ликвидировано 15 кредитных организаций. Прекратили свою деятельность такие крупные банки как Бинбанк, Балтийский банк, Автовазбанк.

Следует отметить, что динамика отзыва лицензий различается по месяцам. Так, в октябре 2019 года отзыв не

зафиксировано, в то время, как в марте и апреле лишены лицензии 4 банка. Пик приходится на июль и ноябрь – по 6 отзывов лицензий. Кроме того, важно подчеркнуть, что 7 из 28 банковских организаций с отозванной лицензией не являются участниками системы страхования вкладов.

Анализ практики отзыва лицензий позволяет выявить основные причины этой процедуры. К ним в первую очередь следует отнести проведение банком незаконных операций, потерю ликвидности, снижение уровня активов ниже нормы, а также их вывод [3, с. 28].

В соответствии с требованиями

Закона о банкротстве Банк России назначает временную администрацию по управлению кредитной организацией после отзыва у последней лицензии на осуществление банковских операций. Это обязательная процедура при ликвидации банка, в том числе в результате его

банкротства.

По данным ЦБ РФ [7] в 2017 году в России действовало 77 временных администраций, в 2018 году – 71 единица. Результаты их обследования представлены на рисунке 4.

Рисунок 4 – Величина активов и обязательств по банкам, признанным банкротами в 2017-2018 гг., млрд. руб. [7]

Данные свидетельствуют о том, что банки искусственно завышают величину активов. Временная администрация выявляет подобные факты, что в общем итоге можно проиллюстрировать следующими цифрами: реальная стоимость активов кредитной организации составляет в среднем 40% от заявленной в отчетности банка величины [6, с. 288].

В 2017 году регулятор прекратил деятельность 51 кредитной организации, то есть почти вдвое меньше, чем годом ранее, когда средний размер банка с отзывными лицензиями практически не изменился – 17,9 млрд. рублей. Следовательно, совокупные активы банков, которые потеряли право на продолжение деятельности в 2017 году, были сокращены до 773 млрд. Рублей, или до 0,9% от общей суммы в банковском секторе.

В 2018 году Банк России хоть и увеличил интенсивность отзыва банковских лицензий, но размер проблемных активов банков сократился до 9,5 млрд. рублей. А суммарные активы таких банков составили 562 млрд. руб., или 0,65% от совокупных активов банковского сектора.

В 2018 году, как Банком России, так и временными администрациями по управлению кредитными организациями в адрес правоохранительных органов направлено 99 обращений (в 2017 году – 91) с информацией о наличии в деятельности руководства и собственников кредитных организаций признаков уголовно наказуемых деяний.

Результаты рассмотрения арбитражных дел по банкротству банков в 2017-2018 гг. представлены на рисунке 5.

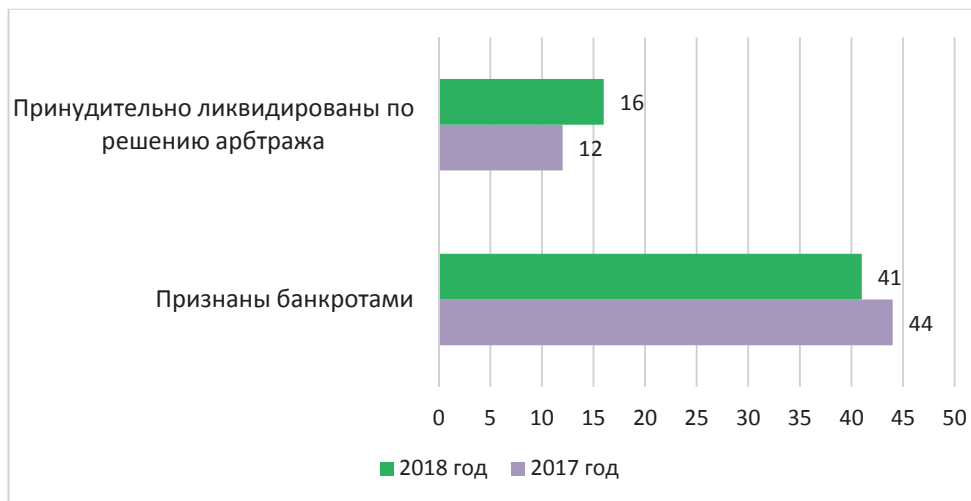

Рисунок 5 – Результаты рассмотрения арбитражными судами заявлений временных администраций/Банка России в 2017-2018 гг. [7]

В 2017 году принудительно по решению арбитражного суда было ликвидировано 12 кредитных организаций, в 2018 году – 16. По количеству организаций, признанных банкротами в 2018 году ситуация более благоприятная, чем в 2017 году: 41 единица (на 3 меньше, чем годом ранее).

Если сохранится текущая тенденция ликвидации кредитных организаций, в том числе крупных банков, под влиянием вышеописанных факторов, в ближайшие годы мы можем наблюдать ускорение темпов отзыва лицензий.

Основываясь на вышеизложенных фактах с учетом аналитических выводов экспертов и анализа ретроспективных данных, составим прогноз количества действующих кредитных организаций, в том числе за счет ликвидации на 2019-2022 годы (рис. 6).

При составлении прогноза в качестве базы использовалась динамика количества действующих кредитных организаций. По расчетам линейного тренда, 30 банков лишатся лицензии в 2019 году и к началу 2020 года должно остаться 454 кредитных организации (табл. 4).

Согласно прогнозу, в 2020-2022 годах ежегодно будет ликвидировано 65-66 кредитных организаций. Таким образом, на начало 2022 года в российской банковской системе будет функционировать лишь 323 банка.

Учитывая сложную экономическую ситуацию и прогноз ВВП, мы можем предположить, что рекорд 2016 года по количеству отзывов банковских лицензий в ближайшие годы сохранится. В дальнейшем динамика в банковском секторе стабилизируется [5, с. 97].

Учитывая концентрацию банков с точки зрения активов, чистой прибыли, депозитов физических лиц, кредитов юридическим лицам, можно сделать вывод, что увеличение количества отзывов лицензий повысило концентрацию банковского сектора по всем анализируемым показателям, особенно по средствам на счетах корпоративных клиентов: более 90% всех средств на текущих счетах находятся в 50 крупнейших банках страны.

Ликвидации несостоятельных банков имеет как положительные, так и отрицательные последствия для банковского сектора Российской Федерации.

Положительно можно оценить

очистку банковской системы от несостоятельных банков, осуществляющих сомнительные операции. Их существова-

ние подрывает доверие к кредитным учреждениям в целом.

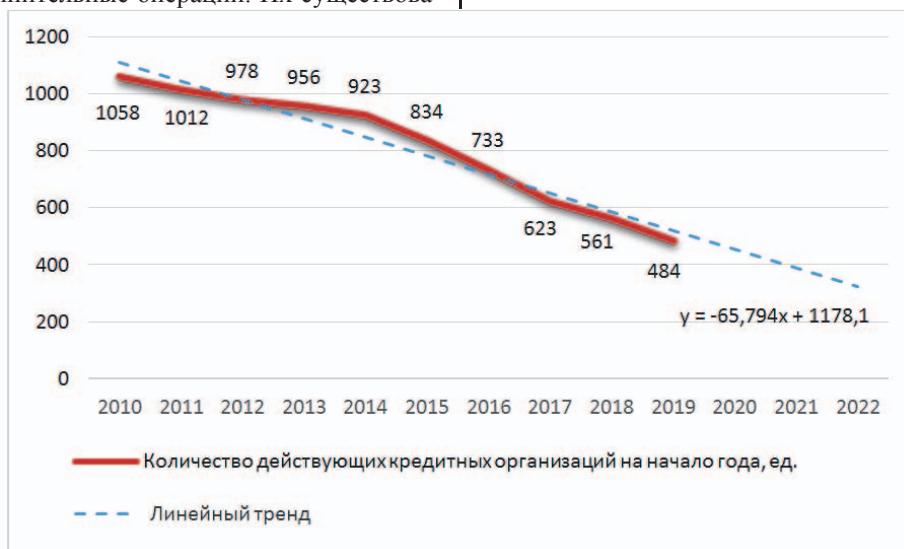

Рисунок 6 – Прогноз количества действующих кредитных организаций

Таблица 4 – Прогноз количества кредитных организаций в банковском секторе на 2019-2022 годы

Годы	Факт									Прогноз				
	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	
Количество действующих кредитных организаций на начало года, ед.	1058	1012	978	956	923	834	733	623	561	484	484	454	389	323
Количество кредитных организаций, у которых отозваны лицензии на осуществление банковских операций	27	18	22	32	86	93	97	51	58	...	30	65	66	66
Темп сокращения, %	x	4,35	3,36	2,25	3,45	9,64	12,11	15,01	9,95	...	13,73	6,20	14,32	16,97

Увеличение количества проверок лицензий указывает на ужесточение контроля со стороны Банка России. Это дает основание полагать, что действующие кредитные организации являются надежными и соответствуют всем требованиям регулятора.

Положительным моментом также является увеличение активов крупных кредитных организаций, которые получают капитал в результате его перетока от ликвидированных организаций, и, как

следствие, наращивают свой кредитный потенциал.

С другой стороны, большое количество проверок снижает уровень доверия в краткосрочной перспективе, и клиенты кредитных организаций все чаще отдают предпочтение крупным банкам, в основном государственным, из-за боязни потери средств. Это подрывает деятельность небольших кредитных организаций, которые, несмотря на достаточную финансовую стабильность, те-

ряют клиентов и испытывают трудности с пополнением своей ресурсной базы. Кроме того, поскольку крупные банки в определенной степени принадлежат государству (Сбербанк, Группа ВТБ, Газпромбанк), банковский сектор становится все более национализированным, что создает риск ослабления конкуренции и увеличения бюджетной нагрузки по их поддержке.

Развитие банковского сектора ограничено отсутствием качественных заемщиков и уровнем капитала для покрытия растущих рисков. Эти факторы привели к избытку низкодоходных ликвидных активов, что увеличивает давление на доходность значительного числа банков. В результате доля неприбыльных кредитных организаций с неэффективной бизнес-моделью достигла 25%, что свидетельствует о неэффективности процес-

са восстановления банковского сектора. Все больше средних банков сталкиваются с кризисом бизнес-модели, который снижает их присутствие на рынке.

Доверие к российской банковской системе можно укрепить с помощью альтернативных мер по сотрудничеству с проблемными банками, таких как санация или частичная реорганизация. Кроме того, Банку России следует сосредоточиться на ранней диагностике ухудшения финансовой устойчивости банков, что предотвратит банкротство некоторых кредитных организаций. Важно усилить надзор и контроль за отчетностью кредитных организаций, что позволит клиентам банка быть уверенными в достоверности показателей деятельности и финансовой устойчивости выбранного банка.

Литература

1. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 02.12.2019) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331 (дата обращения: 05.02.2020).
2. Баранова И.А. Макроэкономика: учебное пособие // Брянск: БГУ. 2017. 157 с.
3. Беспалова О.В., Беспалов Р.А. Антимонопольное регулирование банковской сферы России // Современная антимонопольная политика России: правоприменительная практика в Брянской области: сборник научных работ Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 27-30.
4. Савинова Е.А. Трансформация экосистемы финансового рынка в рамках мероприятий по развитию конкуренции в отраслях экономики РФ // Современная антимонопольная политика России: правоприменительная практика в Брянской области: сборник научных работ Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 161-165.
5. Ковалерова Л.А., Обложко Е.А. Финансовое оздоровление как инструмент регулирования банковской деятельности // Управление социально-экономическими системами, правовые и исторические исследования: теория, методология и практика: Материалы международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов. 2019. С. 96-99.
6. Мандрон В.В., Катрущенко В.С., Козыркина Н.Н. Механизм формирования ресурсной базы банковского сектора Российской Федерации // Финансовая экономика. 2019. № 7. С. 286-290.
7. Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 10.02.2020).

УДК 336.02

Финансовое обеспечение прожиточного минимума пенсионера в контексте реализации права на достойную старость

М.Г. Серяева, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы»,
Ю.А. Шкуропатова, магистрант 2 курса направления подготовки «Финансы и кредит»,
профиль «Финансовый менеджмент в секторе государственного управления»,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Оренбургский государственный университет», г. Оренбург, Оренбургская область

Прожиточный минимум пенсионера является важным социальным и экономическим показателем, используемым для расчета минимальной пенсии в России, для разработки мер социальной поддержки пенсионеров и социальных программ, оценки уровня пенсионного обеспечения в стране. Важной проблемой в настоящее время является недостаточная обоснованность факторов, принимаемых во внимание при расчете величины прожиточного минимума пенсионера. В статье изложены рекомендации о необходимости учета дополнительных расходов пенсионеров, продиктованные необходимостью обеспечить реализацию их права на достойную старость.

Индексация пенсии; потребительская корзина; прожиточный минимум пенсионера; социальное обеспечение; средний размер пенсии.

On the issue of financial mechanism calculation of the pensioner 's living wage in the context of realizing the right to a decent old age

M.G. Seryaeva, candidate of economic Sciences, associate Professor of Finance Department,
Y.A. Shkuropatova, the 2-year student of the specialty «Finance and credit»
profile «Financial management in the public administration sector»,
Federal state budgetary educational institution of higher education «Orenburg state University»,
Orenburg, Orenburg region

The pensioner's subsistence minimum is an important social and economic indicator used to calculate the minimum pension in Russia, to develop social support measures for pensioners and social programs, and to assess the level of pension provision in the country. An important problem at present is the lack of validity of factors taken into account when calculating the cost of living of a pensioner. The article provides recommendations on the need to take into account the additional expenses of pensioners, dictated by the need to ensure the realization of their right to a decent old age.

Pension indexation; consumer basket; pensioner's living wage; social Security; average pension.

Прожиточный минимум в Российской Федерации в настоящее время рассчитывается исходя из стоимости потребительской корзины и величины обязательных платежей и сборов [5, ст. 1].

Прожиточный минимум дифференцирован по следующим критериям:

- по критерию уровня власти устанавливается федеральный и региональный прожиточные минимумы;

- по критерию принадлежности к основным социально-демографическим группам населения различается прожиточный минимум для трудоспособного населения, детей и пенсионеров.

Прожиточный минимум являет-

ся динамичной категорией, его размер пересматривается ежеквартально исходя из необходимости учета уровня цен в стране и необходимости индексации прочих, учитываемых при его расчете расходов.

С экономической точки зрения, прожиточный минимум представляет собой предельно допустимый минимальный порог удовлетворения физиологических и прочих потребностей человека. Средства, которые выделяются государством в форме прожиточного минимума, направлены на то, чтобы на минимальном физиологическом уровне обеспечить потребности человека в питании, в при-

обретении непродовольственных товаров, оплате услуг [5]. На современном этапе российское законодательство предусматривает определение расходов на непродовольственные товары и услуги, исходя из соотношения $\frac{1}{2}$ к стоимости питания по всем социально-демографическим группам. Стоит заметить, что нормативные документы РФ определяют перечень категорий, отнесенных к непродовольственным товарам [4]. В названный перечень товаров входят: верхняя одежда, белье, обувь, головные уборы, школьно-письменные принадлежности, постельное белье, товары культурно-бытового и хозяйственного назначения, предметы первой необходимости, санитарии и лекарства.

Исходя из анализа состава такой расчетной величины как прожиточный минимум, неоспоримым является утверждение, что снижение доходов любого гражданина ниже прожиточного минимума может привести к существенному ухудшению его качества жизни, а также нанесению ущерба его здоровью. В масштабе государства следствием социального неравенства, социальной незащищенности граждан является высокий уровень напряженности и недовольства. В настоящее время право на достойную жизнь входит в государственную политику всех социальных государств, в том числе и России.

Категория права на достойную жизнь носит экономико-философский характер, и в нормативном материале реализуется, в первую очередь, через право на пенсионное и социальное обеспечение. Пенсионеры являются одной из социально-демографических категорий, защите прав которых необходимо уделять особое внимание.

Особенностью экономического анализа прожиточного минимума пенсионера (далее ПМП) является взаимо-

связь данной величины с пенсионным обеспечением, в частности, с размером минимальной пенсии. На настоящий момент понятие минимальной пенсии в России законодательно не закреплено, вместо него применяется понятие прожиточного минимума. Минимальная пенсия в России приравнивается к региональному прожиточному уровню пенсионера.

Следует отметить, что в России реализуется механизм доведения реального размера пенсии до уровня прожиточного минимума. В случае, если размер пенсии ниже ПМП и отсутствуют социальные выплаты, пенсионер имеет право на социальную доплату в размере, необходимом для обеспечения ПМП. Также имеется практика субсидирования выплат коммунальных услуг (субсидия, как правило, предоставляется малоимущим гражданам при условии отсутствия задолженности).

Следует заметить, что согласно данным Росстата, в 2019 году общее число пенсионеров, получающих социальные доплаты к пенсии, составило 6,4 млн. человек. Динамика данного показателя за период 2012-2018 гг. является положительной, рост составил 19% от уровня 2012 года [12]. Численность пенсионеров за аналогичный период выросла на 15%, что составило величину, меньшую размера динамики численности пенсионеров, получающих пенсию ниже прожиточного минимума в стране. Полученные данные свидетельствуют об актуальности массы проблем материального обеспечения пенсионеров в России на современном этапе, одной из которых является расчет величины прожиточного минимума пенсионера.

В настоящее время величина прожиточного минимума пенсионера в РФ регулярно индексируется.

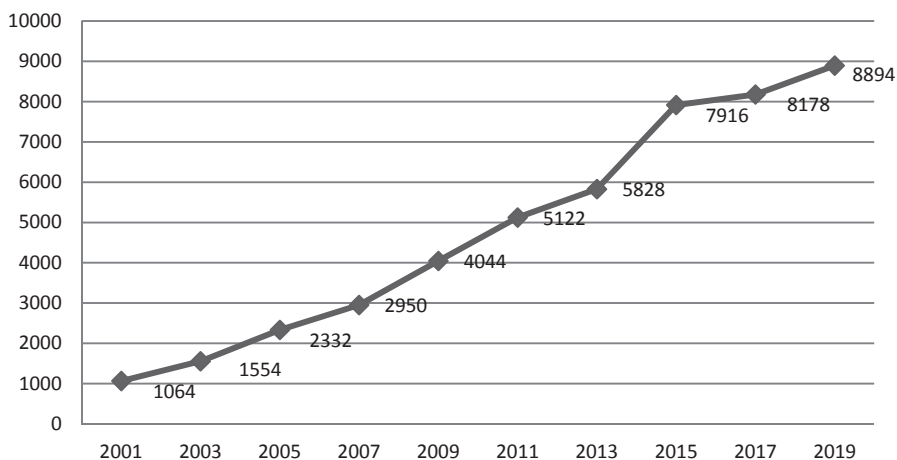

Рисунок 1 – Величина прожиточного минимума пенсионеров (по состоянию на I квартал года) [9]

На рисунке 1 представлена динамика прожиточного минимума пенсионеров нашей страны за период 2001-2019 года. Как видно из рисунка, в анализируемый период наблюдается значительный рост размера ПМП, при том, что ежегодный прирост данной величины является преимущественно незначительным (2 процента за последний год).

Если обратиться к проведенным в настоящее время исследованиям ученых о современных проблемах материального обеспечения пенсионеров в России, следует выделить несколько работ. Так, Ильиным А.Е. был произведен анализ покупательской способности пенсий в регионах РФ, на основании которого автор сделал вывод об ограниченных возможностях пенсионеров к достойной жизни. Основная причина сложившейся в стране ситуации, по мнению автора, заключается в низком уровне пенсий, их слабой дифференциации, в значительном снижении уровня доходов пенсионеров при выходе на пенсию (доходы уменьшаются в среднем в 2,1 раза) [2, с. 168-169]. Указанные автором обстоятельства составляют основную проблематику обеспечения достойной жизни пенсионеров. Низкий размер пенсий по отношению к прежнему заработку приводит к

ухудшению качества жизни пенсионеров, и вынуждает многих из них работать и дальше (как правило, выбирая должности, не требующие высокой квалификации).

Как было отмечено выше, для неработающих пенсионеров в России предусмотрена социальная доплата к пенсии. Проблемой на сегодняшний момент является то факт, что пенсионер теряет право на доплату в случае, если официально работает и получает заработную плату, размер которой обеспечивает ему доведение пенсии до величины прожиточного минимума. Известно, что пенсионеры стараются трудоустроиться на неполную занятость, а при такой работе разница между ПМП и общим доходом минимальна. В результате, данная ситуация существенно ограничивает социальную активность и потребительские возможности пенсионеров.

Шевченко М.В. в своем исследовании отмечает рост потребительского бюджета пенсионеров, который, все же не позволяет им накапливать сбережения. Повышение уровня жизни пенсионера до уровня 2-3 прожиточных минимумов, по его мнению, возможно только в случае совместного получения пенсии и осуществления трудовой деятельности.

В качестве одной из мер, направленных на повышение благосостояния будущих пенсионеров, автор называет участие в негосударственном пенсионном страховании. Препятствием на пути участия граждан в данном виде страхования является отсутствие у большинства финансовой возможности, а также высокий уровень недоверия к данным структурам [13, с. 54].

Отметим также, что в интервью РИА «Новости» аудитор Счетной палаты Светлана Орлова отметила, что при средней пенсии в России в размере 14 тыс. руб., после вычета обязательных расходов на оплату жилья и покупку медикаментов у пенсионера остается не более 6 тыс. рублей в месяц на питание [1].

Как следует из данных, представленных в таблице 1, средний размер страховой пенсии в нашей стране, действительно, составляет примерно 14 тысяч рублей, средний размер социальной пенсии значительно ниже – 9 тысяч рублей. Индексация пенсий осуществляется в настоящее время по-разному, для страховых пенсий – рост составил 3,7 %, для пенсий по государственному пенсионному обеспечению – 2,9 %. При этом, из официальных источников статистической информации нам не удалось раскрыть информацию о расходах пенсионеров по конкретному перечню непродовольственных товаров и услуг. Представленные Росстатом данные о структуре потребительских расходов домашних хозяйств по группам продовольственных и непродовольственных товаров и услуг в зависимости от социально-демографического типа домашних хозяйств, позволяют выделить следующие категории расходов домохозяйств, состоящих только из неработающих пенсионеров:

- расходы на приобретение продуктов питания;
- расходы на питание в местах

общественного питания (кафе, столовые, рестораны и т.д.);

- расходы на приобретение алкогольных напитков;
- расходы на приобретение товаров непродовольственного характера;
- расходы на оплату услуг [11].

За анализируемый период 2017-2018 гг. на первом месте в структуре потребительских расходов домохозяйств, состоящих только из неработающих пенсионеров – приобретение продуктов для питания дома (46%), на втором месте – расходы на оплату услуг (около 27%), на третьем месте – расходы на приобретение непродовольственных товаров (25%). При этом публикуемые данные не дают нам полного представления о структуре расходов пенсионеров, в частности, сколько средств направляется на лечение, оздоровление в санаторно-курортных учреждениях по путевкам. Формируемая в настоящее время в России база данных по доходам и расходам пенсионеров является обобщенной, что не дает возможности выделять влияние географического и природно-климатических факторов на структуру расходов на лечение данной категории граждан.

Как показывает анализ, средний размер пенсии в России превышает ПМП. Так, размер страховой пенсии, в среднем по РФ, в 2018 году составил 166% от ПМП, размер страховой пенсии по старости составил 171,5% от ПМП; размер социальной пенсии – 109% от ПМП. Во всех рассмотренных случаях средний размер пенсии составляет менее двух ПМП.

Соловьев А.К. причиной неудовлетворительного уровня благосостояния пенсионеров называет то обстоятельство, что заработная плата большинства работников недостаточно высока, для того, чтобы формировать большие страховые взносы. Следовательно, порядка 29% работающих не смогут сфор-

мировать пенсию в районе одного ПМП, 39% заработают пенсию в размере 1-2 ПМП, тогда как лишь 16% трудоспособ-

ного населения будет получать пенсию в размере не менее трех ПМП [8, с. 20].

Таблица 1 – Показатели достигнутого уровня пенсионного и социального обеспечения Российской Федерации в 2016-2018 гг. [3]

Средний размер пенсии			
	2016	2017	2018
Размер страховой пенсии, в среднем по РФ	12 725 руб.	13 306 руб.	13 729 руб.
Размер страховой пенсии по старости, в среднем по РФ	13 172 руб.	13 762 руб.	14 184 руб.
Размер социальной пенсии, в среднем по РФ	8 645 руб.	8 797 руб.	9 084 руб.
Индексация пенсии			
	2016	2017	2018
Процент индексации страховой пенсии	4%	5,8%	3,7%
Процент индексации пенсий по государственному пенсионному обеспечению	4%	1,5%	2,9%

Сравнив размер прожиточного минимума пенсионера со средней заработной платой по РФ, мы обратили внимание на значительную разницу в данных показателях (табл. 2). По состоянию на I квартал 2019 года средняя заработная плата по РФ составила 43 944 руб.,

тогда как прожиточный минимум пенсионера меньше почти в 5 раз. Темпы роста средней заработной платы, как видно из таблицы 2, также превышают темпы роста ПМП.

Таблица 2 – Динамика роста средней заработной платы и прожиточного минимума пенсионера в РФ в 2016-2019 гг. [10]

Годы	Средняя заработная плата РФ	Прожиточный минимум пенсионера (ПМП)	Показатель соотношения 2/3	Темп роста средней заработной платы	Темп роста ПМП
1	2	3	4	5	6
2019	43 944	8 894	494,0%	7,9%	7,5%
2018	40 691	8 269	492,0%	13,0%	1,1%
2017	35 983	8 178	439,9%	5,8%	1,9%
2016	34 000	8 025	423,6%	X	X

Существенный разрыв между средней заработной платой и прожиточном минимумом свидетельствует о низком уровне благосостояния пенсионеров в Российской Федерации. Важно понимать, что показатель прожиточного минимума пенсионера в настоящее время используется при планировании и финансировании расходов бюджетов на мероприятия социальной политики, на социальные программы РФ. Также данный показатель активно использует при расчете показателей социальной помощи нуждающимся гражданам. Указанные

обстоятельства порождают необходимость в совершенствовании методики расчета показателя прожиточного минимума пенсионера, исходя из необходимости реализации прав данной категории граждан на достойную старость.

Как было отмечено нами ранее, в настоящее время при расчете стоимости потребительской корзины, расходы на непродовольственные товары определяются исходя из процентного соотношения со стоимостью продуктов питания. При этом на законодательном уровне рекомендовано учитывать природные и

климатические условия конкретной территории в качестве основного фактора, влияющего на потребность населения в одежде и обуви [6]. Соответственно, влияние природных и климатических условий на специфику заболеваемости, и как следствие, на расходы на медикаменты и лечение пенсионеров, не учитываются.

Совершенствование методики расчета показателя прожиточного минимума пенсионера предполагает изменение содержательной составляющей его структурных элементов. Расходы пен-

сионеров на медикаменты, предметы обихода, необходимые пожилым людям, следует выделять в структуре прожиточного минимума, а также в структуре расходов пенсионеров отдельной строкой, а не укрупненно в общей сумме непродовольственных товаров. Дополнительно необходимо принимать во внимание влияние природно-климатических условий на специфику заболеваний в субъектах РФ, поскольку этот фактор является важным при определении расходов на лечение и приобретение медикаментов.

Литература

1. Газета.ру: электрон. версия газ., 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/05/31/12387127.shtml> (дата обращения 20.02.20).
2. Ильин А.Е., Долженков Д.В. Потребительская способность пенсий в регионе // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2018. № 5. С. 166-169.
3. Информация о деятельности ПФР [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pfrf.ru/opendata> (дата обращения 19.02.20).
4. О потребительской корзине в целом по Российской Федерации: Федеральный закон от 03.12.2012 № 227-ФЗ [Электронный ресурс]. // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 15.02.20).
5. О прожиточном минимуме в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ (ред. от 01.04.2019) [Электронный ресурс]. // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 15.02.20).
6. Об утверждении методических рекомендаций по определению потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения в субъектах Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 28.01.2013 № 54 (ред. от 26.12.2018) [Электронный ресурс]. // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 15.02.20).
7. Об утверждении Положения о порядке проведения экспертизы проектов потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения в субъектах Российской Федерации: Постановление Минтруда РФ от 15.08.2000 № 58 [Электронный ресурс]. // СПС «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения 15.02.20).
8. Соловьев А.К. Пенсионное обеспечение в России // Народонаселение. 2017. № 1. С. 14-21.
9. Справка о величине прожиточного минимума [Электронный ресурс]. // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/3921257/> (дата обращения 20.02.20).
10. Среднемесячная заработная плата в целом по Российской Федерации [Электронный ресурс]. // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326052/ (дата обращения 20.02.20).
11. Структура потребительских расходов домашних хозяйств по группам продовольственных и непродовольственных товаров и услуг в 2017-2018 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/b18_102/Main.htm (дата обращения 20.02.20).
12. Численность пенсионеров, получающих социальные доплаты к пенсии в целях доведения уровня материального обеспечения пенсионера до величины прожиточного минимума пенсионера в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/ (дата обращения 18.02.20).
13. Шевченко М.В. Способы материального обеспечения пенсионеров // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2019. № 1. С. 46-55.

УДК 338

Бизнес-процессы управления изменениями высокотехнологичного продукта машиностроения в контексте задач управленческого и финансового учёта

Т.М. Рогуленко, доктор экономических наук, профессор кафедры «Бухгалтерский учёт, аудит и налогообложение»,

Е.В. Орлов, аспирант третьего года обучения кафедры «Финансы, денежное обращение и кредит»,

И.А. Сомкин, аспирант третьего года обучения кафедры «Финансы, денежное обращение и кредит»,
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет управления» (ГУУ), г. Москва

В работе рассмотрена проблема построения бизнес-процессов управления изменениями продукции машиностроения, отнесённой к перечню инновационной или высокотехнологичной, в частности такой её аспект как построение взаимодействия системы управленческого учёта предприятия со смежными подразделениями. В ходе исследования выявлены и проанализированы, типовые проблемы, возникающие в практике реализации инновационных проектов машиностроительной отрасли. Авторами предложена классификация проблем, возникающих при реализации процесса проведения изменений, и получен ряд выводов основанных, в том числе, на мнении практикующих специалистов отрасли.

Управленческий учёт, управление изменениями, бизнес-процессы, машиностроение.

Change management business processes of high-tech machinery building product in the context of management and financial accounting tasks

T.M. Rogulenko, Doctor of Economics, professor of department «Accounting, audit and taxation»,

E.V. Orlov, graduate third year of department «Finance, money circulation and credit»,

I.A. Somkin, graduate third year of department «Finance, money circulation and credit»,
Federal State Educational Institution of Higher Education «State University of Management» (SUM), Moscow

Paper deals with the problem of building change management business processes of a product in machinery building industry classified as innovative or high-tech, in particular, such an aspect of building the interaction of enterprise's management accounting system with related departments. Study identified and analyzed typical problems that arise in the practice of implementing innovative projects in machinery building industry. The authors proposed a classification of problems, that arise during the implementation of change management process, and obtained a number of conclusions based, among other things, on the opinion of industry practitioners.

Management accounting, change management, business processes, machinery building.

Реализация инновационных проектов в наукоёмких отраслях промышленности характеризуется необходимостью внесения большого количества изменений, связанных с изменчивостью внутренней и внешней среды, охватывающих различные аспекты процесса создания продукта: технические, стилистические, маркетинговые и прочие [8]. Далее в нашей работе, упоминая об изменениях, мы будем подразумевать исключительно изменения технических параметров продукта, и рассматривать эффекты, связанные с этими изменениями. Следует оговориться, что далее под

определением продукт подразумевается продукция машиностроительной отрасли, отнесённая к перечню инновационной или высокотехнологичной, в соответствии с нормативными документами [1, 2]. В частности, к перечню продукции, к перечню продукции, производимой на предприятиях, участвовавших в исследовании, относятся: опытные образцы авиационных двигателей и агрегатов к ним, системы аварийного покидания самолёта, элементы конструкции фонаря самолёта, а также опытные авиационные комплексы на базе серийной авиационной техники. Внесение каких

бы то ни было изменений, особенно на начальных этапах проекта, таких как: техническое предложение, аванпроект и эскизный проект [3], позволяет предотвратить значительные отклонения от целевых технических, и как следствие, экономических показателей на этапе завершения стадии разработки продукта (стадии НИОКР). В частности, важность контроля экономических параметров на начальных этапах проекта уже была ранее отмечена в работе [9, С. 15]. Следовательно, можно предположить, что построение эффективной системы управления изменениями продукта (change management) является вопросом, решение которого может оказаться критически важным [5], с точки зрения соблюдения временного плана реализации (тайминг-плана), а также такого критерия оценки итогов реализации проекта как достижение целевой себестоимости продукта. Результаты исследования, полученные в ходе реализации исследовательского проекта «COSTENGINEER.RU» [16], показывают, что существующая система управления изменениями продукта, действующая на трёх предприятиях, участвовавших в исследовании, не в полной мере отвечает требованиям, предъявляемым к подобным системам на сегодняшний день. В частности, анализ системы проведения конструкторских изменений, вызванных критическими внешними факторами (претензии заказчика по результатам передачи в эксплуатацию опытного образца, недостаточный ресурс конструкции, несоответствие сертификационным, требованиям), показал наличие ряда проблем, типичных для всех вышеупомянутых предприятий, кроме того, следует отметить, что типичным примером является случай, когда продукт проходит верификацию, однако не проходит валидацию, в связи с превышением целевой производственной себестоимости либо невозможностью достижения требуемой маржинальной рентабельности,

заявленной разработчиком своим потенциальным поставщиком на начальных стадиях проекта. По результатам анализа вышеупомянутых обстоятельств, целью исследования было выбрано формирование рекомендаций по корректировке бизнес-процессов управления изменениями высокотехнологичного продукта машиностроения [7, 10, 14] посредством анализа бизнес-процессов, используемых в настоящее время на практике. Помимо прочего, актуальность темы исследования подтверждается наличием косвенно связанных или близких по направлению исследований, таких как: [11, 18]. В частности, в [11, С. 26] рассмотрен вариант систематизации наиболее распространённые концептуальных подходов к управлению изменениями, в работе [18, С. 2-3] обозначена актуальность для менеджмента машиностроительных предприятий России вопросов, связанных с качеством системы менеджмента, отсутствием необходимой информации и как следствием низкой рентабельности.

В ходе исследования был проведён анализ нормативной документации, регламентирующей процесс проведения изменений продукта. Анализ показал, что указанная нормативная документация на всех предприятиях выполнена в виде регламента, либо внутреннего документа аналогичного формата. Не приводя в данной работе подробного описания обстоятельств и условий формирования данных регламентов, отметим первую общую для них черту: все три исследованных документа были сформированы органическим путём, то есть без привлечения сторонних консалтинговых организаций, специализирующихся на построении бизнес-процессов проведения изменений. Можно предположить, что в том числе результатом подобного подхода, стало столкновение впоследствии с рядом проблем, которые представлены в приведённой ниже таблице 1. Анализ исследований [12, 13, 15], по-

свящённых практике привлечения внешних консультантов по бизнес-процессам на предприятия аналогичные предприятиям, участвовавшим в исследовании, показал, что наиболее вероятной и значимой проблемой может стать сопротивление изменениям, вследствие отсутствия необходимого уровня корпоративной культуры. Причиной подобного вывода является анализ политики, направленной на формирование корпоративной культуры данных организаций, который показал невысокий приоритет данного направления по сравнению с прочими направлениями развития организации. Таким образом, можно сделать вывод, что повышение уровня корпоративной культуры организации, может снизить риски при проведении корректировки бизнес-процессов с привлечением внешнего консультанта.

Кроме того, в ходе исследования был применён метод диалога со специалистами подразделений, включённых в бизнес-процесс проведения изменений, в результате чего были определены возможные варианты решения, указанных проблем. Анализ проблем, возникающих при реализации текущего бизнес-процесса, показал необходимость их упрощённой классификации, с целью определения вариантов путей их решения. Таким образом, была предложена классификация, в соответствии с которой все проблемы могут быть разделены на две группы: проблемы первого уровня, имеющие решение, посредством корректировки бизнес-процесса, и проблемы второго уровня, автоматически получающие решение, в случае решения всех проблем первого уровня.

В исследовании были применены такие методы как анализ документации, диалог, классификация и индукция (распространение выводов, полученных на основании информации по исследованным предприятиям, на аналогичные предприятия отрасли). Следует отметить,

что в случае анализа управления изменениями, в большинстве случаев исследователи приводят в качестве примера изменения бизнес-процессов организации [4, 13], а избрание в качестве объекта исследования процесса изменения инновационного продукта, либо позиционируется как частный случай, либо вовсе не рассматривается. Однако в данном исследовании, рассматривается наукоёмкий инновационный продукт машиностроительной отрасли, который, несмотря на существующее ограничение возможной номенклатуры (авиастроение, судостроение, автомобилестроение и так далее), тем не менее, не укладывается в определение частного случая. Сбор и анализ информации о проблемах, возникших в процессе проведения изменений, их последующее устранение и снижение неопределённости, является сутью процесса управления изменениями, в соответствии с психологическим подходом, изложенным в [11, С. 27]. Забегая вперёд, следует отметить, что таблица 1 сформирована преимущественно на основе концепции психологического подхода к управлению изменениями, поскольку посредством диалога и изучения документов была собрана достоверная информация о препятствиях, возникших при внедрении изменений, следовательно данный концептуальный подход к управлению изменениями, также можно, условно преобразовав в метод, отнести к методам, использованным в исследовании.

Как уже было отмечено, решение проблем, возникающих в процессе изменения продукта неизбежно приводит к изменениям в организации, в большей степени изменениям подлежат бизнес-процессы, однако возможны и более масштабные с точки зрения материальных и временных затрат изменения организационной структуры, например, формирование новых подразделений, ответственных за организацию и контроль проведения изменений. Вследствие не-

разрывности решения проблем, возникающих при проведении изменений продукта с изменениями в организации, на базе которой реализуется инновационный проект по созданию данного продукта, в исследовании были проанализированы существующие подходы к реализации изменений в организациях [11, С. 27-29] с целью определения возможных аналогий с исследованием процесса изменений инновационного продукта.

Поскольку объектом данного исследования является практическая проблема, формализованная в виде табличной модели данных, можно утверждать, что данное исследование имеет в большей степени практическую направленность, следовательно, сопоставление существующих теорий управления изменениями [6] с проблемой исследования можно опустить, перейдя непосредственно к наиболее известным концептуальным подходам к управлению изменениями. Данные подходы в полной мере представлены и разъяснены в работе [11, С. 27-29]. В первом приближении, из концептуальных подходов, приведённых в [11, С. 27-29] наиболее подходящими являются: рациональный (стратегический) подход, ресурсный подход, подход непредвиденных обстоятельств, психологический подход, политический подход, культурный подход, системный и постмодернистский подходы к управлению изменениями. Рассмотрим, возможность применения в исследовании каждого из перечисленных подходов более подробно.

Поскольку наличие стремления со стороны менеджмента к приведению в соответствие дизайна и схемы функционирования организации требованиям внешней среды выразилось в возможности проведения исследования с участием реально существующих организаций, реализующих в текущий момент времени инновационные проекты, можно сделать вывод о возможности применения ра-

ционального (стратегического) подхода, также упомянутого в [11], таким образом, по результатам взаимодействия с исследованными организациями и получения данных (см. столбцы 1-3 таблицы 1) можно утверждать, что данный метод был применён. Суть ресурсного метода заключается в привлечении к решению проблем организации ресурсов в виде недостающих компетенций, следовательно привлечение специалистов, реализующих проект «COSTENGINEER.RU» [16], можно рассматривать как вариант применения ресурсного метода. Применение подхода непредвиденных обстоятельств, подразумевающего действия менеджмента вследствие проявления непредвиденных факторов, также очевиден, поскольку налицо кризисная ситуация невозможности проведения изменений (накопление «не проведённых» изменений за определённый период), вследствие несовершенства схемы их проведения. Возможность применения психологического подхода уже отмечена выше, возможность же применения прочих подходов – политического, культурного, системного и постмодернистского, в данном случае не может быть раскрыта более подробно в следствие отсутствия информации для прямого доказательства, а также этики исследования. К примеру, обозначение участников процесса как «...политических систем, действующих как прямо, так и скрытно...» [11, С. 27], возможно, но трудно доказуемо и не совсем корректно по отношению к участникам исследования. Аналогичным примером, является применение в исследовании культурного подхода, поскольку степень развития корпоративной культуры на предприятиях, участвовавших в исследовании, требует отдельного исследования.

Мы приходим к выводу, что помимо традиционных методов научного исследования, упомянутых выше, в исследовании были применены рациональный (стратегический), ресурсный и, пси-

хологический концептуальные подходы, а также подход непредвиденных обстоятельств, изложенные в [11] и наиболее часто применяемые в процессе управления изменениями.

Проведённое в рамках реализации проекта «COSTENGINEER.RU» [16] исследование, показало, что в для процесса проведения конструкторских изменений характерно взаимодействие системы управления изменениями продукта и системы управленческого учёта предприятия, в частности, в процессе указанного взаимодействия происходит корректировка бюджета, корректировка целевой себестоимости узлов и агрегатов, а также согласование различных изменений с менеджментом предприятия и проектными менеджерами. Перечень участников взаимодействия процесса проведения изменений и их функции представлен в Таблице 1, в столбцах 1 и 2. В столбце 3 сведены проблемы, выявленные в ходе анализа действующей системы управления изменениями на предприятиях, участвовавших в исследовании. В столбцах 4 и 5 приведены классификация и выводы по результатам исследования. Интерпретация результатов исследования, подробно изложена ниже.

Следует также отметить, что помимо проблем, обозначенных для указанных в таблице 1 участников бизнес-процесса, в ходе исследования также была получена информация о проблемах, возникающих у прочих участников процесса, а именно: конструкторского подразделения, службы закупок и отдела снабжения, опытного производства, складской службы, испытательной лаборатории и поставщика компонентов. В связи с тем, что исследование бизнес-процессов управления изменениями не может считаться комплексным без рассмотрения проблем, возникающих у всех участников процесса проведения изменений. Вышеперечисленных участников бизнес-процесса проведения изменений можно классифицировать следующим образом: основные участники (служба управленческого учёта, конструкторская

служба), косвенные участники (все прочие службы и подразделения). В соответствии с предложенной классификацией в разделе Заключение приведены таблицы 2 и 3, в которых по аналогии с таблицей 1 изложены исходные данные для исследования (столбцы 1-3), а также результаты исследования, включающие классификацию проблем и выводы. Интерпретация результатов исследования, изложенных в таблицах 2 и 3, также приведена ниже.

В рамках интерпретации полученных по итогам исследования результатов, рассмотрим первоначально не сами проблемы и варианты их решения, а варианты классификации, предложенной выше классификации, а именно: разделение проблем на две группы: проблемы первого уровня, получающие решение, посредством корректировки бизнес-процесса, и проблемы второго уровня, автоматически получающие решение, в случае решения всех проблем первого уровня. В таблицах 1 и 2 приведены проблемы первого уровня, проблемы второго уровня приведены в таблице 3. Примером проблем второго уровня являются проблемы, возникающие на уровне службы закупок и отдела снабжения, опытного производства, испытательной лаборатории и поставщика компонентов. Рассмотрим практический пример, связанный со службой закупок. В рамках выполнения функции планирования поставок и осуществления закупок, при задержке проведения изменений возникает необходимость проведения дополнительных коммерческих переговоров, оформления дополнений к контракту, повторного согласования внутренних заявок на закупку и планирования поставок по «временной» конструкторской документации. Все вышеперечисленные проблемы решаются автоматически, в случае решения проблемы первого уровня – несоответствия плановых и фактических сроков проведения изменений.

Анализ трудоёмкости реализации бизнес-процесса проведения изменений показывает, что по количеству за-

траченных норма-часов лидерами являются конструкторское подразделение и служба управленческого учёта, за исключением отдельных (завершающих этапов). Таким образом, несмотря на экономическую тематику исследования, следует отметить, что реализуемость вариантов корректировки бизнес-процессов, для конструкторской службы является не менее важным вопросом, чем реализуемость вариантов корректировки бизнес-процессов деятельности службы управленческого учёта. В отличие от выводов, полученных для усовершенствования бизнес-процессов работы службы управленческого учёта и косвенно связанных подразделений, выводы для конструкторского подразделения были частично пробованы на практике. Опыт практического внедрения результатов исследования (в рамках производственного совещания на предприятии), показал наличие следующих противоречий: 1) введение «упрощённого согласования» вызвало вопросы отсутствия нормативной документации, регламентирующей данный бизнес-процесс; в качестве возможного решения было предложено регламентировать «упрощённое согласование» приказом генерального директора для каждого случая в отдельности; 2) временный переход от процессного к функциональному менеджменту в конструкторских подразделениях, вызвал вопросы, связанные с наличием компетенций менеджера у конструкторов, ранее не привлекаемых к менеджерской работе; в результате обсуждения были высказаны предложения по проведению программы повышения квалификации в данном направлении.

В контексте рассмотренных выше выводов, полученных по результатам анализа проблем, возникающих у основных участников процесса проведения изменений, проблемы, обозначенные в таблице 3, имеют качественно отличный характер от проблем, изложенных в таблицах 1 и 2, что прежде всего выражает-

ся в отсутствии проблем первого уровня. Отсутствие проблем первого уровня наряду с меньшими трудозатратами при реализации бизнес-процесса являются основными критериями отнесения участников бизнес-процесса к группе косвенных участников. Единственной оговоркой в данном случае, может быть отнесение к данной категории службы закупок, поскольку, несмотря на наличие только проблем второго уровня, трудоёмкость участия службы закупок в бизнес-процессе проведения изменений в на отдельных этапах может, в частности, при оформлении контрактов и приложений к ним (спецификаций) может, как уже было упомянуто выше, превышать трудоёмкость службы управленческого учёта и конструкторской службы. Кроме того, следует отметить, что деятельность подразделений, включенных в таблицу 3, не всегда регламентирована внутренними документами, следовательно, отсутствие регламентированных бизнес-процессов деятельности данных подразделений, делает невозможным их включение в план мероприятий по корректировке бизнес-процесса проведения изменений. Опыт деятельности предприятий, участвовавших в исследовании показывает, что наличие регламента деятельности подобных подразделений, формулирующего исключительно распределение ответственности участников, а также общую схему взаимодействия, не приносит ожидаемого эффекта, фактически данные регламенты не соблюдаются, и затраты связанные с их созданием и согласованием, значительно превышают полученный эффект. Таким образом, можно прийти к выводу, что предварительным этапом создания регламента, описывающего бизнес-процесс деятельности подразделения должно быть исследование наличия потребности в данном документе и затрат, связанных с деятельностью специалистов (методологов), занятых разработкой данного документа.

Таблица 1 – Результаты анализа бизнес-процессов управления изменениями для службы управленческого учёта

1	2	3	4	5
Участники бизнес-процесса	Функции, предусмотренные бизнес-процессом	Выявленные проблемы бизнес-процесса	Уровень проблемы	Варианты корректировки бизнес-процесса
Служба управленческого учёта;	1) Согласование изменения себестоимости продукта, стоимости внесения изменений, в том числе стоимости доработки производственной оснастки;	1) Отсутствие информации, необходимой для анализа, в связи с отказом поставщика на запрос о предоставлении данной информации, либо предоставления заведомо недостоверной информации;	Первый;	1) Введение этапа экспертной оценки (ЭО); 2) Верификация полученной информации с помощью РСМ (Product Cost Management) ПО; 3) Внесение в контракт условия предоставления необходимой информации о структуре стоимости;
	1) Подготовка отчётов для менеджмента;	1) Отсутствие информации для составления отчёта в соответствии с требованиями менеджмента;	Первый;	
Служба управленческого учёта;	1) Формирование бюджетов различных направлений и отнесение затрат на статьи расходов бюджетов;	1) Отклонение фактических бюджетов направлений от бюджетов, сформированных конструкторским и службами; 2) Проблемы с отнесением затрат на статьи расходов бюджетов;	Первый;	Корректировка БП бюджетирования: 1) Формирование бюджетов и распределение затрат по статьям расходов с привлечением службы кост-инжиниринга;

Таблица 2 – Результаты анализа бизнес-процессов управления изменениями для конструкторских подразделений

1	2	3	4	5
Участники бизнес-процесса	Функции, предусмотренные бизнес-процессом	Выявленные проблемы бизнес-процесса	Уровень проблемы	Варианты корректировки бизнес-процесса
Конструкторское подразделение;	1) Получение или генерирование информации о необходимости проведения изменений узлов (агрегатов), формирование технического решения;	1) Задержка процесса проведения изменений, связанная с отсутствием механизма "срочного согласования" конструкторских решений, то есть без полного цикла согласования со смежными подразделениями;	Первый;	1) Введение в регламент предприятия понятия "упрощенное согласование" на первоначальных, либо на всех этапах проекта;
	1) Координация работы разработчиков и поставщиков, внутренняя координация работы конструкторов;	1) Отсутствие внутренней системы координации принятия решений, позволяющей обеспечить сроки реализации проекта в случае поступления больших объемов информации о необходимости конструкторских изменений;	Первый;	1) Краткосрочный переход с процессного на функциональный подход к управлению в конструкторском подразделении;
	1) Согласование и подписание актов выполненных работ с поставщиками и разработчиками (стадии НИОКР и изготовления оснастки);	1) Передача поставщиком "неполной" информации в рамках выполнения НИОКР (отсутствие полного комплекта конструкторской документации, позволяющего изготовить компонент у альтернативного поставщика);	Первый;	1) Внесение в контракт условий о передаче полного комплекта конструкторской документации и контроль при приёмке работ;

Таблица 3 – Результаты анализа бизнес-процессов управления изменениями для подразделений, косвенно связанных со службой управленческого и финансового учёта

1	2	3	4	5
Участники бизнес-процесса	Функции, предусмотренные бизнес-процессом	Выявленные проблемы бизнес-процесса	Уровень проблемы	Варианты корректировки бизнес-процесса
Служба закупок и отдел снабжения	1) Планирование поставок и осуществление закупок для обеспечения выполнения производственного плана;	1) Необходимость проведения дополнительных коммерческих переговоров с поставщиками и переоформления контрактов и приложений к ним (спецификаций);	Второй;	-
		2) Необходимость многократного переоформления и пересогласования заявок на закупку, связанная с изменением конструкторской документации;	Второй;	
		3) Планирование и согласование поставок на основе "временной" конструкторской документации;	Второй;	
		4) Невозможность планирования обеспеченности производства требуемыми компонентами;	Второй;	
Опытное производство	1) Обеспечение производства компонентами в случае непредвиденного срыва поставок, доработка деталей поставщика в случае необходимости;	1) Ограниченная номенклатура наименований деталей (агрегатов), которые могут быть изготовлены в условиях опытного производства;	Второй;	-

продолжение таблицы 3

1	2	3	4	5
Участники бизнес-процесса	Функции, предусмотренные бизнес-процессом	Выявленные проблемы бизнес-процесса	Уровень проблемы	Варианты корректировки бизнес-процесса
Складская служба	1) Обеспечение доставки и хранения узлов (агрегатов);	1) Превышение расчётных объёмов продукции для хранения ("затоваривание") склада в связи с закупкой большого количества узлов (агрегатов) устаревшей конструкции, необходимость проведения списания данной номенклатуры;	Второй;	-
Испытательная лаборатория	1) Проведение различных видов испытаний;	1) Корректировка графика проведения испытаний, либо необходимость повторного проведения испытаний в связи со значительным изменением конструкции компонента;	Второй;	-
Поставщик компонентов	1) Разработка конструкторской документации, изготовление производственной оснастки и компонентов;	1) Необходимость изменения конструкторской документации и производственной оснастки;	Второй;	-

Анализ близких по направлению исследований, в частности [19], показывает, что на сегодняшний день вопрос разработки методологии проведения изменений [19, С. 2] и классификации изменений [19, С. 3], изучен достаточно подробно. В данном, контексте исследование, проведённое в рамках проекта «COSTENGINEER.RU» и описанное в данной статье, является дополнением исследования выполненного в [19] и [17]. Следует отметить, что в [17, С. 57] приведён перечень проблем, возникающих в процессе проведения изменений, которые частично пересекаются с перечнем проблем, рассмотренным в нашем исследовании, и могут быть отнесены к проблемам первого уровня, в соответствии с предложенной классификацией. В [17, С.

58] предложена логическая дифференциация компонентов бизнес-процесса, в соответствии с которой в каждом бизнес-процессе могут быть выделены такие составляющие как: управляющие информационные процессы, операционные процессы и управляющие процессы. В соответствии с данной классификацией бизнес-процессы, в которые включена система управленческого учёта предприятия, включают в себя все три указанные составляющие. При рассмотрении бизнес-процесса в соответствии с предложенной логической дифференциацией компонентов, к системе управленческого учёта можно отнести преимущественно управляющие информационные функции.

Заключение

Проведённое исследование показало наличие необходимости проведения работ по формированию и внедрению нормативной базы, регулирующей процесс проведения изменений, связанных с изменением продукта. Основными причинами формирования пула проблем, рассмотренных в исследовании, является тенденция к органическому (без привлечения внешних консультантов) формированию бизнес-процессов, а также нормативных документов, регламентирующих процесс проведения изменений. Причинами подобного подхода являются, отчасти принятая концепция менеджмента, и отчасти специфика деятельности предприятий (оборонная промышленность). Несмотря на перечисленные обстоятельства можно констатировать наличие тренда к привлечению внешних консультантов, в том числе зарубежных, что в перспективе может положительно отразиться на уровне конкурентоспособности на международном рынке высоко-

технологичного машиностроения. Риски, связанные с привлечением внешних консультантов по корректировке бизнес-процессов, могут быть снижены путём повышения приоритета деятельности по формированию корпоративной культуры, и как следствие снижения сопротивления изменениям со стороны персонала организации.

Кроме того, исследование показало частичное несоответствие уровня развития системы формирования бизнес-процессов исследованных предприятий современным стандартам, изложенным в [10].

Варианты корректировки бизнес-процессов, приведённые в столбце 5 таблицы 1, могут быть использованы при корректировке действующих бизнес-процессов, машиностроительных предприятий, уровень развития методологии формирования бизнес-процессов которых, аналогичен уровню предприятий, участвовавших в проведённом исследовании.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-310-90001.

Литература

1. Приложение к приказу Министерства образования и науки РФ от 1 ноября 2012 г. N 881 «Об утверждении критериев отнесения товаров, работ, услуг к инновационной и высокотехнологичной продукции для целей формирования плана закупки такой продукции» [Электронный ресурс]. Доступ из системы ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/70330286/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>.
2. Указ Президента РФ от 7 июля 2011 г. N 899 «Об утверждении приоритетных направлений развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Дата послед. изм.: 28.12.2016 г. Доступ из системы ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/12179582/#ixzz6MA3OP7FK>.
3. ГОСТ 2.103-2013. Единая система конструкторской документации. Стадии разработки // М.: Стандартинформ. 2015.
4. Андреева Т.Е., Гетьман А.О., Терешенко Д.А. Совершенствование методических основ управления организационными изменениями // *Innovative technologies and scientific solutions for industries*. 2019. № 3. С. 12-21.
5. Бодяко А.В. Значение конкурентных стратегий и технологий принятия решений по управлению предпринимательскими структурами холдингового типа при разработке методологии внутрикорпоративного контроля // *РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция*. 2016. № 3. С. 278-284.
6. Горлов В.В., Рогуленко Т.М. Теоретический анализ категориального аппарата управленческого учёта // *Российский экономический интернет-журнал*. 2016. № 4. С. 51.
7. Мадера А.Г. Бизнес-процессы и процессное управление в условиях неопределённости Количественное моделирование и оптимизация // М.: ЛЕНАНД. 2019. 160 с.
8. Никитенко И.В., Рогуленко Т.М., Пономарева С.В. Управление инновационным развитием высокотехнологичных корпораций РОССИИ // Москва. 2015. 17.
9. Орлов Е. Бизнес-процессы корректировки отдельных финансовых показателей инновационного проекта в машиностроении // *Управленческий учёт*. 2019. № 2. С. 11-16.

10. Свод знаний по управлению бизнес-процессами: BPM СВОК 3.0 / Под. ред. А.А. Белайчука; пер. с англ. // М.: Альпина Паблишер. 2018. 480 с.
11. Широнова Е.М. Концептуальные подходы к управлению изменениями в зарубежных исследованиях // Вестник университета. 2019. № 7. С. 26-31.
12. Agoneze R., Agoneze L., Facin C. Analysis of the Factors Affecting Resistance to Changes in Management Accounting Systems // Revista Contabilidade & Finançs. 2014. Volume 25. n.66, pp. 214-227.
13. Alsharari M.N. Management accounting and organizational change: alternative perspectives // International Journal of Organizational Analysis. 2019. № Vol. 27. № 4. pp. 1124-1147.
14. APICS Operations Management Body of Knowledge Framework [Электронный ресурс]. URL: http://www.apics.org/ebusiness/docs/default-source/industry-content/apics-ombok-framework.pdf?sfvrsn=c5fcea1ba_2/ (дата обращения 08.11.2019).
15. Buchanan R. Worlds in the Making: Design, Management, and the Reform of Organizational Culture // She Ji: The Journal of Design, Economics, and Innovation. 2015. Volume 1. Issue 1. Pages 5-21.
16. Costengineer.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://costengineer.ru/o-nas.html> (дата обращения: 17.12.2019).
17. Kaniski I., Vincek I. Business processes as business systems // TEHNIČKI GLASNIK 12. 2018. № 1. p. 55-61.
18. Ogloblin V.A., Malanina Y.N., Vikhorev V.G., Vikhoreva M.V. Prospects for development of small innovative mechanical engineering enterprises on the territories of advanced development // IOP Conf. Series: Materials Science and Engineering. 2019. p. 1-6.
19. Stekolschik A. Engineering Change Management Method Framework in Mechanical Engineering // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. Volume 157. Number 1. 2016. p. 1-5.

УДК 338.242 (075)

Методика оценки рисков развития предприятий АПК: содержание и последовательность (алгоритм) реализации для целей моделирования

В.М. Безденежных, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Анализ рисков и экономическая безопасность»,

Л.Х. Боташева, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Анализ рисков и экономическая безопасность»,

Д.Ф. Ализада, аспирант кафедры «Анализ рисков и экономическая безопасность», Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва

В статье исследуются методики оценки рисков аграрного сектора экономики на основе вероятностных моделей, учитывающих особенности самих рисков и размеры потерь сельскохозяйственной продукции. Показано, что два различных по своей сути методических подхода (принципа пропорции Парето и критерий оптимальности Парето) моделирования могут хорошо дополнять друг друга, создавая статическую картину события и динамический ряд ее изменений.

Риски предприятий АПК, методики оценки рисков, принцип пропорции Парето, критерий оптимальности Парето, диаграмма Парето.

Methodology for risk assessment of agribusiness enterprises: content and algorithm of implementation for modeling purposes

V.M. Bezdenezhnykh, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department «Risk Analysis and Economic Security»,

L.H. Botasheva, PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department «Risk Analysis and Economic Security»,

D.F. Alizada, graduate student of the department «Risk Analysis and Economic Security», Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation», Moscow

The article explores methods of assessing risks of the agricultural sector of the economy on the basis of probabilistic models, taking into account the peculiarities of risks themselves and the size of losses of agricultural products. It is two different methodological approaches (the Pareto proportion principle and the Pareto optimality criterion) of modeling as complement each other, creating a static picture of the event and a dynamic series of its changes.

Risks of agricultural enterprises, methods of risk assessment, principle of Pareto proportion, criterion of Pareto optimality, Pareto diagram.

Введение.

Основная функция моделирования оценки на стадии анализа возможных рисков последствий реализации угроз для предприятий АПК, которые характеризуются широким спектром опасностей не только экономической природы, это определение критических групп и видов рисков, оказывающих существенное влияние на деятельность организации, то есть, отнесение риска к тому или иному типу согласно классификационному признаку или сравнение установленному пороговому значению.

Принципиальное решение о выделении критических и опасных рисков может быть принято на основе использования более 40 методов оценки риска, в частности, изложенных в стандарте ИСО 31 010 «Методы оценки рисков». Для практической деятельности наряду с требованием о необходимой и достаточной точности важным является условие относительной простоты применения метода и простота процедура измерения на практике, наглядность представленных результатов оценки для принятия управляющего решения. В данной статье это

предлагается сделать, используя известный и популярный критерий соотношения В. Парето 80/20, а именно в случае анализа и оценки рисков последствий 20% угроз формируют 80% наиболее опасных рисков ситуаций и соответственно, 80% угроз формируют оставшиеся 20% рисков ситуаций. Применение для выбора группы наиболее серьезных рисков предлагаемого метода оценки (в определенной степени, носящего интегральный характер, но широко применяемого на практике в различных сферах в разнообразных типовых ситуациях, к которым относятся и большинство рисков событий в деятельности предприятий АПК) и на этой основе последующего анализа социально-экономических рисков способствует исследованию степени рискованности как по группам (видам), так и количественному составу рисков. Спектр возможных рисков ситуаций для сферы АПК достаточно велик на всех уровнях от макрорегулирования до отдельных предприятий (микроуровня). *Целью исследования является совершенствование приемов практического использования методики группировки факторов риска на основе Парето-соотношения для выявления наиболее существенных групп рисков в деятельности предприятий АПК, а также повышение эффективности регулирования рисков с учетом критерия Парето-оптимальности.* Рассмотрение и совершенствование модели и методов анализа проведено на основе данных возможных типичных рисков предприятий АПК на примере отрасли растениеводства (рис.1).

Методы исследования.

Теоретическую и методическую основу исследования составили работы отечественных и зарубежных исследователей, занимающихся проблемами оценки и управления рисками хозяйствующих

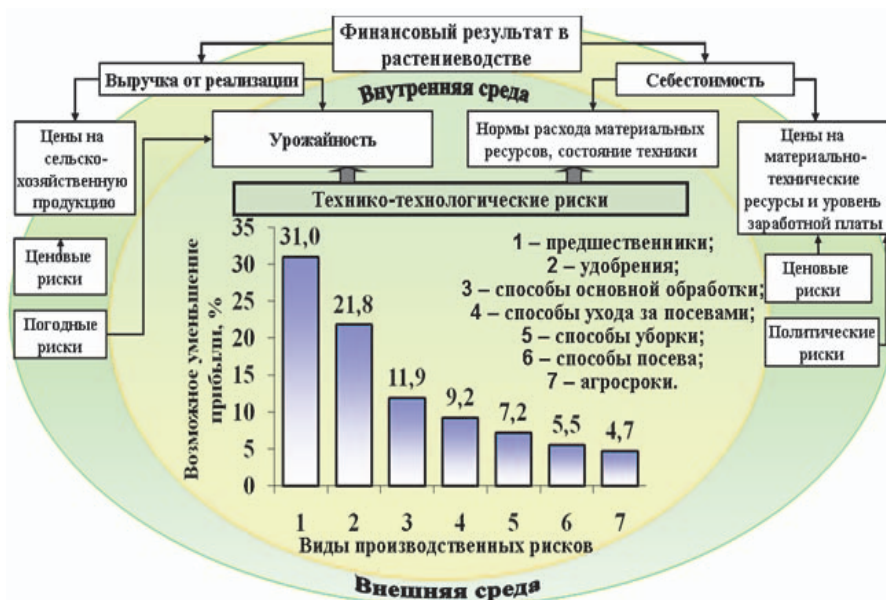
субъектов, в т.ч. и в сельском хозяйстве [1, 2, 6, 7]. Методы и методология проведения работы – статистический, аналитический, метод аналогового моделирования, синтеза и обобщения.

Результаты.

В ходе достаточно протяженного периода практики применения метода с использованием критерия Парето-соотношения 80/20 выработалась логическая последовательность шагов по реализации методики формирования групп для последующего анализа. Обычно алгоритм реализации методики включает два принципиальных этапа:

1. Разбивка (групповая стратификация) угроз по уровню опасности для организации АПК с целью построения диаграммы Парето. Разбивка проходит по выделенной классифицируемой группировке анализа причин (*например, для управленческих задач это – исполнители; методическое обеспечение; ресурсы выполнения; методы организации; методы измерения*).

2. Построение аналитической модели – Диаграммы Парето – это метод, позволяющий распределить управленческие и ресурсные усилия для разрешения возникающих проблем и определить основные причины, с которых нужно начинать действовать. Анализ на основе критерия «соотношения 80/20» Парето заключается в классификации проблем и угроз формирования рисков событий на немногочисленные, но существенно важные и многочисленные, но несущественные. Данный метод позволяет распределить ресурсы по регулированию рисков и выявить основные факторы (причины), с которых должны начинать работу с целью решения возникающих проблем (ошибок, отказов в достижении установленных целей).

Источник: Кузменко О.В. [7]

Рисунок 1 – Виды производственных рисков на примере предприятий отрасли растениеводства

Авторами предложено дополнить методику выбором эффективных методов регулирования рисков развития на основе критерия эффективности Парето. Этот метод применяется на завершающем этапе при выборе методов регулирования рисков предприятий.

Также на втором этапе предложено для повышения корректности оценки возможных рисков событий использовать следующие виды диаграмм Парето:

1. *Диаграмма Парето по возможным результатам хозяйственной деятельности* может быть использована для выявления основной проблемы и отражения нежелательных результатов финансово-хозяйственной деятельности, связанные:

с качеством результата (низкое качество исполнения, невыполнение и отказы, рекламации, задержки сроков поставок и пр.);

с ресурсным использованием (объем неисполнения; полнота затрат или недофинансирование и пр.);

сроками реализации (ошибки в составлении и согласовании программ, срывы сроков реализации и пр.);

технологической, экономической и социальной безопасности (ЧС различного характера, ошибки управления, социальные конфликты и пр.).

2. *Диаграмма Парето по возможным причинам происхождения не реализации цели (сбоев и отказов)*. Эта диаграмма отражает причины и источники проблем и угроз, возникающих в ходе управления реализацией проектов, и используется для выявления основной из них для управления реализацией проектом или программой развития предприятия АПК для выбранной группы рисковых ситуаций – управленческих задач:

исполнитель работы: опыт работы, уровень квалификации, индивидуальные характеристики;

методическое обеспечение: стандарты, методы организации процесса и использования ресурса, модели, инструкции и пр.;

ресурсы выполнения: финансо-

вые, информационные, административные, кадровые и пр.;

методы (организация выполнения и контроль) работы: нормативно-правовая, методическая оснащенность, последовательность операций, техническое обеспечение процедур управления реализацией проекта и пр.;

измерения: точность (указаний, технологий, результатов рисков событий), корректность методов и повторяемость (верификация измерений одного и того же значения), стабильность (повторяемость в течение длительного периода), и пр.

Алгоритм построения итоговой диаграммы при реализации критерия Парето 80/20 традиционно состоит из ряда последовательных шагов, которые в различных методиках могут состоять из 7-12 укрупненных процедур в зависимости от построения диаграмм Парето одного или двух видов. Для рассматриваемых задач исследования (программ развития предприятий с учетом специфики АПК) такие процедуры такого алгоритма включают следующие шаги:

1. Идентификация, т.е. выявление, диагностирование и документирование (регистрация согласно принятой классификации) данных для последующего принятия рекогносцировочного решения по их группированию с учетом трех факторов диагностирования:

- какие выявленные слабости, уязвимости, вопросы, требующие решения, или сценарные сюжеты стресс-тестирования необходимо исследовать и используемые методы идентификации (например, использовать классификатор внешних угроз реализации возможных рисков событий);

- какие статистические или фактологические данные для анализа нужно собрать (источники, степень охвата выявленных угроз и рисков и методики учета) и как их в соответствии с заданным проектом (программой развития

предприятий АПК) классифицировать по установленным показателям (например, в рассматриваемом примере при степени около 80% охвата управленческих рисков предлагается группировка угроз: по процессам управления, по уровням контроля и мониторинга, по технологии реализации и мониторинга, по методам измерения; дополнительно некоторые отдельные встречающиеся признаки объединяют под общим заголовком «прочие» – 20%);

- какие методики сбора и обработки полученных данных и периодичность сбора и документирования материалов исследования в целях реализации проекта (программы развития) выбраны или разработаны.

2. Разработка для анализа количественных показателей по предложенной группировке специализированного формата анкетирования (контрольного листка, учитывающего особенности реализации проекта – программы развития предприятий АПК) для регистрации данных с перечнем по видам собираемой информации в соответствии с предложенной группировкой (см. «шаг 1» в предлагаемой расширенной методике). Следует подчеркнуть, что документирование является неотъемлемой частью всех процессов анализа и управления рисками организации, этот шаг не может быть недооценен или выполнен недостаточно тщательно.

3. Фиксация материалов наблюдения. Заполнение учетного листка регистрации данных и аналитический подсчет итогов. Этот шаг заключается в сведении многих данных по выбранным показателям к обобщенному виду. Учитывая, что показатели могут иметь разную размерность, необходимо их свести к сравнимой форме учета. Методы анализа (включая обработку и оценку) будут рассмотрены далее.

Согласно предлагаемому и дополнительно уточненному авторами

подходу размер операционного управленческого риска рассчитывается как:

$$OR = EL * UL \quad (1)$$

где EL – мера (вероятность) ожидаемого полного или частичного невыполнения управляющего воздействия (отказа) по выбранной группировке операционных (управленческих) рисков;

UL – вероятность наступившего в результате реализации рискового события отказа (непредвиденных потерь о реализации рискового события). Комбинация вероятностей может быть простым сложением, если это вероятности независимых событий, реализуемых параллельно, или логарифмическим сложением при взаимозависимости событий или их последовательной возможной реализации.

В качестве массива анализируемых исходных данных по возникшим случаям наступления рискового события (отказов) для заполнения контрольных и расчетных таблиц используется так называемая «база рисковых событий», т.е. наблюдения за определенным период анализа по установленным методикам с

учетом решаемых задач по всем инцидентам (рисковым событиям) полного или частичного невыполнения (отказам), происшедшим при выполнении программ развития предприятий АПК, и относящимся к проявлению управленческого операционного риска. В базу вносятся все случаи и события с рисковыми последствиями (ошибки), на сумму, превышающую некоторый установленный заданием на проведение исследования «фиксированный порог критичности» (например, для иллюстрирующего примера это потери в 50 000 руб. и более).

4. Разработка сравнительных аналитических таблиц, контрольных карт для проверок данных с графами и строками для итогов по каждому проверяемому классифицируемому показателю в отдельности, накопленного за установленный срок числа рисковых событий (отказов, дефектов), процентов к общему итогу и накопленных процентов (пример сводки данных для иллюстрации методики представлен в таблице 1).

Таблица 1 – Результаты регистрации данных по группам факторов управленческих ошибок (сбоев и отказов) для построения диаграммы Парето второго типа

Группы факторов (причин) управленческих сбоев и несоответствий (отказов) при реализации программы по разделу «Исполнители программы развития проекта», ранжированные по их числу	Число управленческих сбоев и отказов	Накопленная сумма числа сбоев и отказов	Процент числа отказов по каждому признаку к общей сумме	Накопленный процент управленческих сбоев и отказов
Коррупционные нарушения (зарег.)	104	104	52	52
Мошеннические сделки (зарег.)	41	146	21	73
Нарушение порядка и процедур работы с документами	20	166	10	83
Неумышленное (случайное) искажение отчетной документации	10	176	5	88
Досрочное снятие с контроля выполнение позиций проекта	6	182	3	91
Нарушения в работе СВК и СВА	4	186	2	93
Прочие	14		7	
Итого	200	200		100

Источник: составлено авторами на основе анализа выполнения одной из целевых программ развития организации

5. Ранжирование – группирование и расположение полученных в ре-

зультате исследования данных по каждой группе (проверяемому фактору), в порядке значимости и заполнение таблицы (см. табл.1). Следует отметить, что общий процент сбоев и отказов может являться одним из оснований для ранжирования, но не исчерпывающим. Необходимо обращать внимание на последствия возможной реализации рискованных ситуаций, как это было показано в п. 3 данной методики. Масштаб последствий оценивается обычно (если не оговаривается в дополнительных методиках) владельцем каждого из управленческих процессов – владельцем соответствующего риска в качестве эксперта. Также могут привлекаться эксперты внешних организаций в отдельных ответственных случаях.

6. Визуализация полученных данных – важный шаг анализа, необходимый как для экспертов, так и для лиц, принимающих решения об интервале допустимости того или иного риска.

Построение графиков и в осях показателей (интервалов) анализа должно учитывать ряд приемов лучшей прак-

тики, а именно:

- обычно вертикальная ось содержит наиболее универсальные (например, ценовые) или долевы показатели (например, вероятности или проценты), а горизонтальная – ряд групп показателей (*интервалов*) в соответствии с числом групп контролируемых признаков (в соответствии с количеством контролируемых признаков);

- выбор метрики показателей является важной частью методики анализа данных, определяющей не только наглядность, но и точность выполнения оценки рискованных последствий для принятия управляющих (корректирующих) воздействий.

7. Построение диаграммы в выбранных координатах по результатам анализа и оценки материалов наблюдений для последующего обоснования адекватности уровня сложности управления уровню сложности самой системы (оптимальности управления) на основе критерия оптимальности Парето (рис. 2).

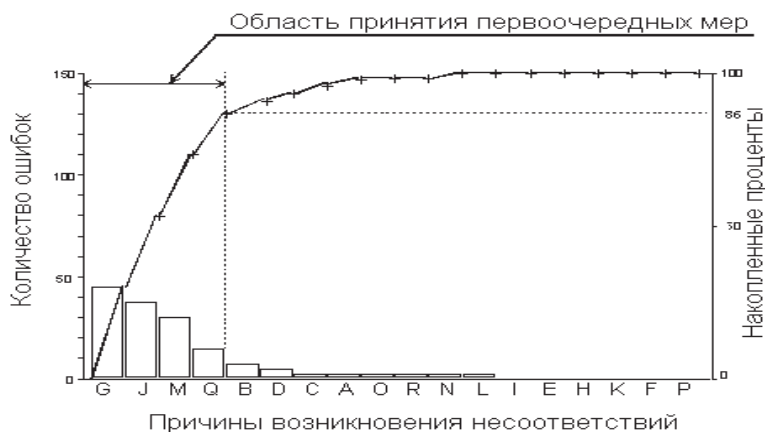

Рисунок 2 – Кумулятивная диаграмма Парето для выборки (группировки) параметров причин несоответствия и ошибок (сбоев и отказов) при реализации управления рисками выполнения проекта (программы развития)

8. Проведение на диаграмме кумулятивной кривой (кривой Парето). Технический этап позволяет выявить

критические зоны и области ограничения в визуальном отражении результатов анализа. В ряде случаев его можно заме-

нить математическим описанием и решением на аппаратном уровне при разработке специальной аналитической программы.

9. Документирование как важный этап закрепления результатов анализа и необходимый подтверждающий материал при необходимости принятия решения, т.е. это указание на диаграмме необходимых обозначений и надписей, относящихся к диаграмме (название, маркировка числовых значений на осях, название контролируемого изделия, имя составителя диаграммы), и данных (период сбора информации, объект исследования и место его проведения, общее количество объектов контроля, пороговые величины и лица, ответственные за определение пороговых значений).

Для более эффективного построения и использования диаграммы Парето и последующего анализа данных моделирования необходимо учесть следующие рекомендации при проведении идентификации, ранжирования и обработки рисков при принятии управленческих (корректирующих) решений:

использовать различные модельные и критериальные подходы при классификации угроз и рисков и составлять несколько диаграммных построений по показателю оптимальности Парето по различным группам классификации.

Суть эффективного решения проблемы заключается в следующих положениях:

- эффективность управления рисками определяется среди прочего тем, как более надежно и точно выявить возможные рискованные события, исследуя рискованные события с разных точек зрения используя различные критерии. Поэтому важно опробовать различные методы и принципы классификации данных, пока не будут определены немногочисленные не связанные между собой существенно важные факторы (обычно их число не превышает 12-16 индикаторов даже для

сложных многоуровневых социально-экономических систем), что, собственно, и является целью анализа на основе данного уточненного критерия оптимальности Парето – выделить те немногие рискообразующие факторы, которые порождают многие возможные негативные последствия;

- группа факторов «прочие» не должна представлять большую величину (в нашем примере это 20%). Высокий удельный вес этой группы свидетельствует о том, что классификация объектов наблюдения проведена неправильно и большое количество объектов попало в какую-либо одну группу, а, следовательно, целесообразно применять другие подходы классификации. Следует при анализе рисков учесть вероятность шокового воздействия на управление реализацией проекта как исключительного (стрессового) рискованного события с возможными большими потерями для реализации программы развития, методика учета шока имеет свои особенности и для некоторых организаций является обязательной;

- в случае, если данные исследования и показатели можно представить в денежном выражении, обычно их отражают на вертикальной оси диаграммы. Если исследуемую проблему (например, оценку критического уровня последствий рискованного события) нельзя оценить и представить в стоимостном выражении, само исследование может оказаться неэффективным, поскольку издержки на регулирование рисков нужно сравнивать с оценкой рискованных событий – это важный критерий измерений эффективности в управлении;

- адекватность сложности управления рисками уровню сложности решаемой задачи анализа, т.е. если с помощью простого решения можно устранить нежелательный фактор риска, это необходимо сделать, даже если он был незначительным. Для решения сложных

задач управления необходимо выбрать критерии оптимальности (адекватности) управления рисками. Поскольку диаграмма Парето является эффективным средством обоснования критериев для методов урегулирования и решения проблем, следует в первую очередь рассматривать группу многочисленных существенно важных факторов-причин (на диаграмме рисунка 2 выделены первые четыре группы причин).

Нами предлагается расширенный критерий эффективности В. Парето, дополненный и другими критериями оптимальности, суть которого заключается в улучшении качества решения вопросов по регулированию рисков (и выбор регулируемых факторов риска, необходимых и достаточных для заданной вероятности решения задачи) до тех пор, пока хотя бы один из его параметров улучшен.

Оптимум (эффективности) по Парето существует в случае, если имеет место такое распределение ресурсов по управлению рисками, при котором нет возможности перераспределения, улучшающий хотя бы положение одного индивида и не ухудшающий при этом положения других.

Для множества Парето справедливо теоретическое утверждение (заметьте, только ограничено и условно отражающее положение на реальном рынке): каждая из характеристик процесса реализации проекта Е является уникальной функцией другой, то есть на множестве Парето по одной характеристике операции можно однозначно определить другую. Это теоретическое представление как модель полезна для решения практических задач с точностью соответствия реального рынка выбранной модели. И это соответствие определяется с приемлемой надежностью как показали многочисленные исследования этого принципа соотношением 80/20.

Далее в развитие модели анализа рисков предлагаются дополнительные

шаги обработки результатов анализа (дополнительные шаги алгоритма 10 и 11) для обоснования эффективных методов регулирования рисков.

10. После выявления рискообразующих факторов на основе построения диаграммы Парето по результатам анализа важно определить причины их возникновения. Это важнейший этап для определения необходимого ресурса и оценки эффективности регулирования, необходимо для устранения или ослабления воздействия этих причин. При использовании диаграммы Парето для выявления возможных рисков ситуаций и оценки их воздействия на результаты деятельности наиболее распространенным методом является модель ABC-анализа. Сущность *ABC-анализа* в данном контексте критерия Парето 80/20, как было показано ранее, заключается в определении трех групп рисков, имеющих три уровня важности для управления реализацией проекта:

- Группу А составляют группы факторов, формирующих наиболее важные, существенные рисковые события – проблемы, причины, отказы. Удельный вес группы А в общем количестве дефектов (причин), как правило, составляет от 60 до 80% в зависимости от степени ответственности задачи (определяет ЛПП, на диаграмме рисунка 2 первые три столбика). Таким образом, устранение дефектов группы А имеет наибольший приоритет, а связанные с этим мероприятия – наибольшую эффективность;

- в группу В включены факторы и причины, которые в совокупности составляют примерно 20% (на диаграмме рисунка 2 столбик 4);

- Факторы группа С являются самыми многочисленными, но при этом наименее значимыми;

- проблемы и причины (на диаграмме рисунка 2 все после 4-го столбика).

На диаграмме (рис. 2) отчетливо

прослеживается область принятия комплекса приоритетных мер с изложением причин, вызывающих большинство несоответствий и ошибок. Прежде всего, профилактические меры должны быть направлены на решение именно эти проблем.

Таким образом, можно анализировать каждую группу классификатора угроз и опасностей, формирующих возможные рисковые события и стратифицировать по группам принятие первоочередных необходимых корректирующих мер.

Выборка по групповым признакам (группировка) это основа для других применения инструментов анализа, таких как анализ по критерию Парето или диаграммы рассеивания, а также контрольные карты. Контрольная карта выполняется в графическом виде и представляет три линии: центральную и две контрольные для обозначения допустимых коридоров лимитов (над и под центральной линией) и значений характеристики (показателя эффективности регулирования), нанесенных на карту для представления состояния процесса управления рисками.

Такое сочетание инструментов делает их более эффективными и точными, позволяющими регулировать риски не только этапе выполнения, но и на этапе определения целевых стратегических и тактических установок.

11. На следующем шаге алгоритма анализа после выбора группы наиболее критичных угроз, чреватых возможными рисковыми ситуациями, следует критериальный анализ методов их регулирования. Это связано с тем, что изменение некоторые из параметров может привести к опасному или даже критическому изменению других параметров.

Возможно использование раз-

личных критериев оптимальности в многокритериальных системах показателей в зависимости от решаемых задач в зависимости от решаемых задач управления и выбранной стратегии роста организации (критерий А. Вальда, критерий Л. Сэвиджа, критерий min-max А. Гурвица, критерий Пьера-Симона Лапласа и др.).

Заключение.

Таким образом, подводя итоги можно сделать следующие выводы. Применение принципа и критерия оптимальности (распределения) Парето-соотношения при нахождении данных для оценки ресурсов под операционный риск на основе порогового значения по ограниченному набору данных дает достаточно несложную и практичную методику по оценке параметров для тела и хвоста распределения операционных потерь и ресурса под операционный риск. Дополненная критерием оптимальности Парето данная методика позволяет определить наиболее приемлемые методы регулирования риска с учетом выбранной стратегии развития предприятия АПК.

Разработанный алгоритм выбора метода оценки операционного риска для целей моделирования применим для проекта развития любой сложности, при оценке операционных рисков в деятельности предприятий в сфере АПК на основе накопленных данных по операционным отказам аналогичных проектов. Его использование в общей схеме (пять последовательных шагов, формирующих повторяющийся цикл) регулирования риска предприятий АПК производится на этапе ранжирования рисков перед его обработки, а также на этапе мониторинга для выработки возможных корректирующих воздействий в целях обеспечения экономической безопасности функционирования предприятий АПК.

Литература

1. Авдийский В.И., Безденежных В.М. Теория и практика управления рисками организации // М.: КноРус. 2018. 276 с.

2. Безденежных А.В. Управление рисками инноваций на предприятиях АПК // Минск. 2013. 118 с.
3. Дементьева С.Я., Дементьев С.Ю. Повышение эффективности овощеводства на основе анализа факторов риска // Таврический научный обозреватель. 2016. № 9. С. 64-67.
4. Десять крупнейших инвестиционных проектов ЮФО в сфере АПК. Аналитический центр Status-quo; Эксперт ЮГ-ratings [Электронный ресурс]. URL: <http://expertsouth.ru/ratings/10-krupneishih-investitsionnyh-proektov-y.html> (дата обращения: 25.07.2019).
5. Диалоговая система «MPRIORITY 1.0» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tomakechoice.com/mpriority.html> (дата обращения: 02.08.2019).
6. Ефименко А.Г., Климова Ю.Е. Оценка коммерческих рисков в организациях АПК // Вестник Орловского государственного аграрного университета. 2010. № 6. С. 15-19.
7. Кузменко О.В. Управление производственными рисками в сельском хозяйстве // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 11. С. 13.
8. Павлушкина О.И., Добровольская О.С., Черная А.Е. Оценка рисков функционирования сельхозпроизводителей на основе метода экспертных оценок // Никоновские чтения. 2013. № 18. С. 272-275.

УДК 330.44

Разработка математического аппарата оценки регионального спроса на продукцию и услуги компаний энергетического сектора (на примере ПАО «Иркутскэнерго»)

Е.А. Матченко, кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления факультета государственного управления, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (МГУ), г. Москва

В статье изложены авторские подходы к обоснованию потенциального спроса на продукцию и услуги предприятий энергетического сектора на основе сформулированного математического аппарата. Предложенный математический аппарат проверен на адекватность на конкретном примере предприятия энергетического сектора ПАО «Иркутскэнерго».

Математический аппарат, энергетический сектор, хозяйствующие субъекты, место проживания, спрос.

Development of a mathematical tool for assessing regional demand for products and services of energy sector companies (using the example of PJSC Irkutskenergo)

E.A. Matchenko, candidate of economic Sciences, associate Professor of the Department of theory and methodology of state and municipal management faculty of state management, Federal State Educational Institution of Higher Professional Education Lomonosov Moscow State University (Lomonosov Moscow State University), Moscow

The article presents the author's approaches to substantiating the potential demand for products and services of energy sector enterprises based on the formulated mathematical apparatus. The proposed mathematical apparatus was tested for adequacy on a specific example of an enterprise in the energy sector of PJSC Irkutskenergo.

Mathematical apparatus, energy sector, economic entities, place of residence, demand.

Введение

Одним из важнейших приоритетов развития предприятий энергетического сектора (ПЭС) должно стать их активное участие в формирующейся региональной политике по внедрению эффективных механизмов поиска и отбора потенциальных стратегических инвестиционных проектов.

Участие ПЭС в реализации стратегических инвестиционных проектов поможет решать сложные задачи существенного повышения спроса на продукцию, увеличения выпуска продукции, услуг, производительности труда на основе качественных преобразований и структурных реформ в организации.

Все эти мероприятия необходимо решать на основе математически обоснованных методов оценки потенци-

ального спроса на продукцию и услуги ПЭС, для чего возникает актуальная необходимость разработки адекватного математического аппарата.

Разработка математического аппарата

При разработке математического аппарата оценки регионального спроса на продукцию и услуги ПЭС будут введены следующие обозначения:

- спрос на продукцию и услуги ПЭС, кВт/ч – D ;
- количество хозяйствующих субъектов (ХС), ед. – E ;
- численность населения, чел. – P ;
- количество мест проживания (МП) населения, ед. – R ;
- среднее количество потребляемого электричества на ХС, кВт/ч – EC_E ;

– среднее количество потребляемого тепла на ХС, кВт/ч – HC_E ;

– среднее количество потребляемого электричества на МП, кВт/ч – EC_{PR} ;

– среднее количество потребляемого тепла на МП, кВт/ч – HC_{PR} .

При этом ХС представляют собой множество $E\{e_1, e_2, \dots, e_n\}$, в которое входит все количество предприятий и организаций, начиная от крупных промышленных корпораций и заканчивая мелкими торговыми точками.

Количество ХС можно рассчитать следующим образом:

$$E = BB + SB \quad (1)$$

где BB – количество юридических лиц региона по различным видам деятельности, ед.;

SB – количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения о которых содержатся в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства по региону, ед.

Количество МП населения представляет собой множество $R\{r_1, r_2, \dots, r_n\}$. Как видно, данный показатель представляет собой множество различных единиц проживания, начиная от квартир и заканчивая частными домами.

Количество МП можно рассчитать по следующей формуле:

$$R = \frac{TA}{AA}, \quad (2)$$

где TA – общая площадь жилищного фонда, м²;

AA – средняя площадь жилищного фонда, м².

Таким образом, в самом упрощенном виде спрос на продукцию и услуги ПЭС можно представить в виде формулы:

$$D = E \cdot EC_E \cdot HC_E + R \cdot EC_{PR} \cdot HC_{PR} \quad (3)$$

Т.к. проще оценивать спрос с разделением на различные виды продукции, то преобразуем формулу (3) на две формулы для каждого вида продукции:

для электричества:

$$D_E = E \cdot EC_E + R \cdot EC_{PR}, \quad (4)$$

для тепла:

$$D_H = E \cdot HC_E + R \cdot HC_{PR}. \quad (5)$$

Кроме того, необходимо рассчитать среднее количество населения, проживающего в одном МП.

Для этого введем показатель: количество человек в одном МП P_{OP} .

Рассчитаем данный показатель по формуле:

$$P_{OP} = \frac{P}{R}, \quad (6)$$

где P – численность населения, чел.

При этом необходимо руководствоваться тем, что реальная численность населения может быть больше, т.к. в данном показателе не учитывается количество незарегистрированного населения, которое также проживает в МП и потребляет услуги и продукцию ПЭС.

В связи с этим, для проведения расчетов лучше округлить полученное число (как правило, не целое) в большую сторону.

С точки зрения ПЭС, конечным результатом их функционирования является получение чистой прибыли NP .

Можно предположить, что получение чистой прибыли прямо пропорционально спросу на продукцию, т.е. с увеличением спроса чистая прибыль также должна повышаться.

Но в ряде ситуаций данная пропорциональность не всегда прослеживается и это связано с положениями, которые представлены ниже.

Во-первых, необходимо учитывать противоречие, которое заключается в том, что как ХС, так и население стремятся снизить свои расходы на продукцию ПЭС, что особенно актуально в настоящее время, в условиях развития различного рода энергосберегающих технологий. Снижение расходов прямо пропорционально воздействует на показатель спроса на продукцию и услуги, т.е.

чем меньше денег платят ХС и население за услуги ПЭС, тем меньше они потребляют продукцию и услуг и, соответственно, снижается спрос на них.

Во-вторых, необходимо учитывать, что теоретически ПЭС могли бы компенсировать падение спроса за счет увеличения тарифов на свои продукцию и услуги. Но на практике такой возможности нет, т.к. тарифная политика находится в компетенции руководства региона и ПЭС не имеют возможности на них влиять.

Предварительно необходимо определить потребление электричества и тепла на территории региона.

Данные показатели можно взять в официальных органах государственной статистики. Но эти показатели носят обобщенный вид и не разделяют электричество и тепло, потребленное населением (местом проживания) и потребленное ХС.

Кроме того, отдельные цифры необходимы для проведения моделирования их воздействия на уменьшение или увеличение спроса на продукцию и услуги ПЭС.

Для расчета потребления электричества и тепла для одного МП лучше всего руководствоваться средними значениями потребления на одного жителя, которые публикуются в различных источниках.

Количество потребляемого электричества одним МП VCE_{PR} определим по формуле:

$$VCE_{PR} = P_{OP} \cdot AACE_P, \quad (7)$$

где P_{OP} – количество человек в МП, чел.;

$AACE_P$ – среднее количество потребления электричества одним человеком, кВт/ч.

Количество потребляемого тепла одним МП VCH_{PR} определим по формуле:

$$VCH_{PR} = P_{OP} \cdot AACH_P, \quad (8)$$

где $AACH_P$ – среднее количество потреб-

ления тепла одним человеком, Гкал.

Количество потребляемого электричества одним ХС VCE_E определим по формуле:

$$VCE_E = E \cdot AACE_E, \quad (9)$$

где $AACE_E$ – среднее количество потребления электричества одним ХС, кВт/ч.

Количество потребляемого тепла одним ХС VCH_E определим по формуле:

$$VCH_E = E \cdot AACH_E, \quad (10)$$

где $AACH_E$ – среднее количество потребления тепла одним ХС, Гкал.

Количество потребляемого электричества всеми МП $TVCE_{PR}$ определим по формуле:

$$TVCE_{PR} = R \cdot VCE_{PR}, \quad (11)$$

где VCE_{PR} – количество потребляемого электричества одним МП, кВт/ч.

Количество потребляемого тепла всеми МП $TVCH_{PR}$ определим по формуле:

$$TVCH_{PR} = R \cdot VCH_{PR}, \quad (12)$$

где VCH_{PR} – количество потребляемого тепла одним МП, Гкал.

Количество потребляемого электричества всеми ХС $TVCE_E$ определим по формуле:

$$TVCE_E = E \cdot VCE_E, \quad (13)$$

где VCE_E – количество потребляемого электричества одним ХС, кВт/ч.

Количество потребляемого тепла всеми ХС $TVCH_E$ определим по формуле:

$$TVCH_E = E \cdot VCH_E, \quad (14)$$

где VCH_E – количество потребляемого тепла одним ХС, Гкал.

Возможность снижения расходов на продукцию ПЭС обозначим через следующие коэффициенты:

- коэффициент электросбережения ХС – KES_E ;
- коэффициент теплосбережения ХС – KHS_E ;
- коэффициент электросбережения МП – KES_{PR} ;

– коэффициент теплосбережения МП – KHS_{PR}

Данные коэффициенты можно рассчитать следующим образом:

$$KES_E = \frac{EC'_E}{EC_E}, \quad (15)$$

где EC'_E – среднее количество потребляемого электричества на ХС с использованием электросберегающих технологий, кВт/ч;

EC_E – среднее количество потребляемого электричества на ХС без использования электросберегающих технологий, кВт/ч.

$$KHS_E = \frac{HC'_E}{HC_E}, \quad (16)$$

где HC'_E – среднее количество потребляемого электричества на ХС с использованием электросберегающих технологий, кВт/ч

HC_E – среднее количество потребляемого электричества на ХС без использования электросберегающих технологий, кВт/ч.

$$KES_{PR} = \frac{EC'_{PR}}{EC_{PR}}, \quad (17)$$

где EC'_{PR} – среднее количество потребляемого электричества на МП с использованием электросберегающих технологий, кВт/ч;

EC_{PR} – среднее количество потребляемого электричества на МП без использования электросберегающих технологий, кВт/ч.

$$KHS_{PR} = \frac{HC'_{PR}}{HC_{PR}}, \quad (18)$$

где HC'_{PR} – среднее количество потребляемого электричества на МП с использованием электросберегающих технологий, кВт/ч;

HC_{PR} – среднее количество потребляемого электричества на МП без использования электросберегающих техно-

логий, кВт/ч.

Т.к. данные коэффициенты являются понижающими, то их значение не может превышать единицы, т.е. они находятся в пределах (0...1).

С учетом этого, формула (3) может быть преобразована в следующий вид:

$$D = E \cdot KES_E \cdot KHS_E + R \cdot KES_{PR} \cdot KHS_{PR}. \quad (19)$$

С учетом разделения продукции и услуг ПЭС, формулы (4) и (5) также можно представить в следующем виде:

для электричества:

$$D_E = E \cdot KES_E + R \cdot KES_{PR}, \quad (20)$$

для тепла:

$$D_H = E \cdot KHS_E + R \cdot KHS_{PR}. \quad (21)$$

Необходимо предположить, что вероятность того, что данные коэффициенты будут равны или даже приблизятся к нулю, является очень низкой, т.к. ни у ХС, ни у населения практически не имеется возможности полностью отказаться от продукции и услуг ПЭС.

Для того чтобы ПЭС компенсировать негативные последствия действий данных понижающих коэффициентов, необходимо при производстве своей продукции также применять современные технологии, которые в итоге будут снижать себестоимость продукции и услуг и, при фиксированном тарифе на продукцию и услуги, будут оказывать влияние на повышение прибыли. Кроме того, ПЭС необходимо расширять ассортимент своей продукции, ориентируясь на новые современные, высокотехнологичные виды и способы генерации электроэнергии.

Обозначим параметр снижения себестоимости продукции через следующие коэффициенты:

– коэффициент снижения себестоимости производства электроэнергии – KCP_{EG} ;

– коэффициент снижения себестоимости производства тепла – KCP_{HP} .

Данные коэффициенты можно рассчитать следующим образом:

$$KCP_{EG} = \frac{CP_{EG}}{CP'_{EG}}, \quad (22)$$

где CP_{EG} – себестоимость производства электроэнергии без использования современных технологий, руб.;

CP'_{EG} – себестоимость производства электроэнергии с использованием современных технологий, руб.

$$KCP_{HP} = \frac{CP_{HP}}{CP'_{HP}}, \quad (23)$$

где CP_{HP} – себестоимость производства тепла без использования современных технологий, руб.;

CP'_{HP} – себестоимость производства тепла с использованием современных технологий, руб.

Данные коэффициенты могут лежать в пределах от нуля до бесконечности ($0 \dots \infty$).

Несложно предположить, что если ПЭС будут применять неэффективные способы производства своей продукции, то данные коэффициенты примут значение меньше единицы (станут понижающими) и еще больше будут воздействовать на снижение чистой прибыли в условиях невозможности влиять на тарифную политику.

Обозначим параметр расширения ассортимента продукции и услуг ПЭС на основе современных технологий через следующие коэффициенты:

– коэффициент ассортимента продукции электричества – KPR_E ;

– коэффициент ассортимента продукции тепла – KPR_H .

Данные коэффициенты можно рассчитать следующим образом:

$$KPR_E = \frac{PR'_E}{PR_E}, \quad (24)$$

где PR'_E – расширенный ассортимент продукции электричества, ед.;

PR_E – ассортимент продукции

электричества в настоящее время, ед.

$$KPR_H = \frac{PR'_H}{PR_H}, \quad (25)$$

где PR'_H – расширенный ассортимент продукции тепла, ед.;

PR_H – ассортимент продукции тепла в настоящее время, ед.

Данный коэффициент может лежать в пределах от единицы до бесконечности, т.е. $KPR = (1 \dots \infty)$.

Если ПЭС будут использовать только имеющийся в настоящее время ассортимент продукции и услуг, то коэффициент примет значение равное единице (т.е. станет нейтральным).

При расширении ассортимента продукции и услуг коэффициент будет принимать значение большее единицы, т.е. станет положительно влиять на повышение спроса и принимать участие в компенсации воздействия понижающих коэффициентов.

Таким образом, ПЭС заинтересованы в применении современных технологий, позволяющих удешевить процесс производства своей продукции и перевода коэффициента себестоимости в область, превышающую значение единицы.

С учетом вышеизложенного, формула (10) принимает следующий вид:
 $D = (E \cdot KES_E \cdot KHS_E + R \cdot KES_{PR} \cdot KHS_{PR}) \cdot KCP_{EG} \cdot KCP_{HP} \cdot KPR_E \cdot KPR_H$
 (26)

С учетом разделения продукции и услуг ПЭС, формулы (11) и (12) можно представить в следующем виде:

для электричества:

$$D_E = (E \cdot KES_E + R \cdot KES_{PR}) \cdot KCP_{EG} \cdot KPR_E, \quad (27)$$

для тепла:

$$D_H = (E \cdot KHS_E + R \cdot KHS_{PR}) \cdot KCP_{HP} \cdot KPR_H. \quad (28)$$

Также формулы (17), (18), (19) можно рассмотреть с позиций чистой прибыли ПЭС, т.е. вместо D использовать NP, переформатировав ее в следующий вид:

$$NP = (E \cdot KES_E \cdot KHS_E + R \cdot KES_{PR} \cdot KHS_{PR}) \cdot KCP_{EG} \cdot KCP_{HP} \cdot KPR_E \cdot KPR_H \quad (29)$$

С учетом разделения продукции и услуг ПЭС, формулы (11) и (12) также можно представить в следующем виде:

для электричества:

$$NP_E = (E \cdot KES_E + R \cdot KES_{PR}) \cdot KCP_{EG} \cdot KPR_E, \quad (30)$$

для тепла:

$$NP_H = (E \cdot KHS_E + R \cdot KHS_{PR}) \cdot KCP_{HP} \cdot KPR_H. \quad (31)$$

Проверка адекватности математического аппарата

Для подтверждения адекватности разработанного математического аппарата, проведем расчеты с определенными допущениями и ограничениями на примере ПАО «Иркутскэнерго».

1. Расчет количества ХС Иркутской области.

Количество ХС Иркутской области рассчитывается по формуле (1).

В качестве исходных данных будут приняты следующие значения:

BB – количество юридических лиц Иркутской области по различным видам деятельности на 01.01.2020 года [2];

SB – количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения о которых содержатся в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства по Иркутской области на 10.01.2020 года [3].

$$BB = 53\ 639.$$

$$SB = 88\ 921.$$

Отсюда, по формуле (1) получаем:

$$E = 53\ 639 + 88\ 921 = 142\ 560 \text{ единиц.}$$

2. Определение численности населения Иркутской области.

Численность населения берется из данных, представленных в государственном органе статистики Иркутской области [4]:

$$P = 2\ 397\ 763 \text{ человек (по состоянию на 01.01.2019 г.).}$$

3. Расчет количества МП населения Иркутской области.

Расчет количества МП населения Иркутской области производится по

формуле (2).

На сайте официальной статистики Иркутской области не представлены данные по количеству МП населения области. Имеется только информация по состоянию на 31.12.2018 года [1] о средней общей площади на одного жителя в m^2 , которая составляет 25,2 m^2 и об общей площади жилищного фонда области, которая на представленный момент времени составляла 60 392,7 тыс. m^2 .

Для определения количества МП необходимо ввести ряд допущений:

– с учетом устаревшей информации по общей площади жилищного фонда области и с учетом строительства новых домов, примем, что на 01.01.2020 года в Иркутской области $TA = 61\ 000,0$ тыс. m^2 ;

– на основе проведенного анализа многих источников по жилищному строительству, примем, что средняя площадь жилых помещений $AA = 53 m^2$.

Отсюда, по формуле (2) получаем:

$$R = \frac{TA}{AA} = \frac{61000000}{53} = 1150943 \text{ ед.,}$$

4. Расчет среднего количества населения, проживающего в одном МП.

Расчет среднего количества населения, проживающего в одном МП производится по формуле (6).

$$P_{op} = \frac{P}{R} = \frac{2397763}{1150943} = 2,08 \text{ чел.,}$$

С учетом необходимости округления до целого числа, получаем

5. Расчет в упрощенном виде спроса на электроэнергию, производимую ПАО «Иркутскэнерго».

В упрощенном виде спрос на электроэнергию, производимую ПАО «Иркутскэнерго» со стороны населения и МП, проведем по формуле (7).

Для определения спроса на продукцию компании (с точки зрения потребления электричества), необходимо знать среднее количество потребляемого электричества на МП.

Как показывает проведенный в источниках анализ, в среднем по России, один житель потребляет 2 кВт/ч электричества в день или 730 кВт/ч электричества в год.

Исходя из количества населения и количества МП, по формуле (7) рассчитаем количество потребляемого электричества одним МП (в год).

$$VCE_{PR} = P_{op} \cdot AACE_p = 3 \cdot 730 = 2190 \text{ кВт/ч,}$$

Таким образом, в среднем одно МП потребляет 6 кВт/ч электричества в день или 2 190 кВт/ч электричества в год.

По формуле (11) определим количество потребляемого электричества всеми МП:

$$TVCE_{PR} = R \cdot VCE_{PR} = 1150943 \cdot 2190 = 2520565170 \text{ кВт/ч.}$$

Таким образом, для проведения дальнейших расчетов, в качестве допущения примем, что общее количество потребления электроэнергии МП в Иркутской области составляет 6 905 658 кВт/ч электричества в день ($TVCE_{PR}/365$) или 2 520 565 170 кВт/ч электричества в год (или 2,521 млн. кВт/ч).

Подобным образом можно рассчитать потребление электроэнергии и для ХС, но здесь возникают сложности с определением средних значений, которые сложно вычислить (или найти в источниках) для ХС.

Поэтому в этом случае можно пойти от обратного. По данным органов государственной статистики [5], в 2018 году Иркутская область потребила 55 664,7 млн. кВт/ч электричества.

С учетом рассчитанного потребления электричества населением, можно предположить, что ХС потребляют оставшиеся 55 662,2 млн. кВт/ч электричества ($55\,664,7 - 2,521$), т.е. $TVCE_E = 55\,662,2$ млн. кВт/ч.

В качестве допущения предположим, что в среднем за год один ХС потребляет $55\,662,2/142\,560 = 0,39$ млн. кВт/ч электричества, т.е. $VCE_E = 0,39$ млн. кВт/ч.

В связи с этим нет необходимо-

сти применять формулы (9) и (13) для расчета данных показателей.

Проведенный анализ показал правильность предположения, сформулированного в формуле (4) о том, что спрос на продукцию ПАО «Иркутскэнерго» напрямую зависит от количества ХС и от количества населения и как следствие, от количества МП.

В данном случае

$$D_E = E \cdot EC_E + R \cdot EC_{PR} = 55662,2 + 2,521 = 55664,7 \text{ кВт/ч.}$$

Подобные расчеты можно провести и для потребления тепловой энергии, но в качестве ограничения, в данной статье они не представлены, т.к. интересует общий подход.

Из анализа полученного результата наглядно видно, что уменьшение или увеличение одного из показателей формулы (4) будут напрямую влиять на потребление продукции компании.

Как уже было отмечено выше, представленная выше цифра спроса на продукцию компании работает в условиях, если ХС и население не применяют различные энергосберегающие технологии, т.е. в условиях отсутствия влияния понижающего коэффициента энергосбережения KES_E и KES_{PR} .

Для большей наглядности действия данного коэффициента, полученное значение спроса можно перевести в денежный показатель.

На момент проведения расчетов, отпускная стоимость электроэнергии от энергосбытовых компаний для населения при одноставочном тарифе составляет 1,11 руб/кВт.ч [6].

Проведенный анализ показал, что для ХС стоимость электроэнергии незначительно отличается от стоимости электроэнергии для населения.

При этом достаточно сложно выявить отпускную цену электроэнергии для электросбытовых компаний от ПАО «Иркутскэнерго».

В связи с этим, можно сделать допущение, что стоимость электроэнер-

гии будет равна 1,0 руб/кВт.ч.

Таким образом, при представленных исходных данных предположим, что ПАО «Иркутскэнерго» получит прибыль в размере 55 664,7 млн. руб.

Если принять, что ХС и население применяют энергосберегающие технологии на уровне $K_{ES} = 0,9$, то в данном случае спрос составит

$$D = (E \cdot EC_E + R \cdot EC_{PR}) \cdot K_{ES} = (55664,7) \cdot 0,9 = 50098,2 \text{ кВт/ч,}$$

При переводе в денежный показатель – 50 098,2 млн. руб.

Т.е. даже при незначительном воздействии понижающего коэффициента энергосбережения компания потеряет 5 566,4 млн. кВт/ч электроэнергии в качестве спроса на продукцию или 5 566,4 млн. руб. финансовых средств.

При еще меньших значениях понижающего коэффициента энергосбережения, потери компании станут прогрессивно увеличиваться.

Данный фактор будет наблюдаться вне зависимости от увеличения количества ХС и населения.

Например, если предположить, что количество ХС будет увеличено до 160 000 единиц, то при условии, что в среднем один хозяйствующий субъект потребляет 0,36 млн. кВт/ч электричества, за год компания получит от них спрос, равный 56 000,0 млн. кВт/ч электроэнергии или 56 000,0 млн. руб. в год.

При этом, в случае, если вновь создаваемые ХС будут все более активно применять энергосберегающие технологии, то коэффициент энергосбережения будет уменьшаться и будет более сильно воздействовать на снижение спроса, и как следствие, на снижение прибыли компании.

Такие же факторы будут наблюдаться и для населения, т.к. при постройке новых МП, население все более активно применяет различные энергосберегающие технологии.

Тем не менее, необходимо учитывать и абсолютное влияние прироста

населения и ХС. Даже с учетом применения энергосберегающих технологий, компания напрямую заинтересована в росте их численности, т.к. в настоящее время наблюдается увеличение применения различных энергопотребляющих приборов.

Например, если раньше наличие одного холодильника и одного телевизора в квартире было нормальным явлением, то сейчас нормальным явлением считается наличие 2-3 холодильников и телевизоров на квартиру или другое МП.

Также население и ХС в настоящее время активно применяют и другие приборы и устройства, увеличивающие комфортабельность МП и мест работы (кондиционеры, увлажнители воздуха, компьютеры и т.п.).

Заключение

Для снижения негативных факторов, ПЭС необходимо активно внедрять различные технологии, которые позволят увеличивать воздействие повышающих коэффициентов, указанных в начале статьи.

Исходя из положений представленного математического аппарата, можно сделать вывод, что ПЭС заинтересованы в увеличении численности как ХС, так и населения.

Также на основе представленного математического аппарата можно сделать следующие выводы:

- 1) ПЭС заинтересованы в повышении спроса на свою продукцию и услуги;
- 2) ПЭС заинтересованы в повышении чистой прибыли;
- 3) повышение спроса на продукцию и услуги не обязательно будет приводить к повышению чистой прибыли;
- 4) с точки зрения повышения спроса, ПЭС заинтересованы в увеличении численности ХС и населения региона (последнее автоматически воздействует на увеличение МП), а также в уве-

личении ассортимента своей продукции и услуг;

5) с точки зрения повышения чистой прибыли, ПЭС заинтересованы в

повышении спроса на продукцию и услуги, но при условии снижения себестоимости производства продукции.

Литература

1. Жилищный фонд Иркутской области по состоянию на 31.12.2018 г. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: <https://irkutskstat.gks.ru/storage/mediabank/gilfond2018.html>.
2. Количество юридических лиц в разрезе муниципальных образований / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: https://irkutskstat.gks.ru/storage/mediabank/Tab_mo_12_19.pdf.
3. Количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения о которых содержатся в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства. Иркутская область. По состоянию на 10.01.2020 г. / Официальный сайт Федеральной налоговой службы РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html?statDate=10.01.2020&level=0&fo=7&ssrf=38&t=1582710814383&t=1582710814383>.
4. Общие сведения об Иркутской области / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Иркутской области [Электронный ресурс]. URL: <https://irkutskstat.gks.ru/ofstatistics>.
5. Официальная статистика. Предпринимательство. Промышленное производство. Потребление электроэнергии в Российской Федерации / Федеральная служба государственной статистики РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.gks.ru/enterprise_industrial.
6. Тарифы на электрическую энергию на 2020 год / Официальный сайт «Иркутскэнергосбыт» [Электронный ресурс]. URL: <https://sbyt.irkutskenergo.ru/qa/6748.html>.

УДК 338.1

Сотрудничество стран ЕАЭС с Китаем в сфере транспорта как фактор пространственного развития

Л.С. Ревенко, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры международных экономических отношений и внешнеэкономических связей им. Н.Н. Ливенцева, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, г. Москва,
Н.С. Ревенко, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

В статье рассматриваются подходы в рамках ЕАЭС к совершенствованию транспортной политики в контексте пространственного развития и конкретные проекты сотрудничества с Китаем в сфере транспорта. Акцент сделан на формирование транспортно-логистической инфраструктуры в российских регионах для привлечения основных грузовых потоков и повышения качества инфраструктуры в точках регионального роста.

Пространственное развитие, ЕАЭС, инфраструктурные проекты, транспортная инфраструктура.

Cooperation of the EAEU Countries with China in the Transport Field as a Factor of Spatial Development

L.S. Revenko, Doctor of Economics, Professor, N.N. Liventsev Department of International Economic Relations and Foreign Economic Ties, Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of Russia, Moscow,
N.S. Revenko, Candidate of Political Sciences, Lead Research Fellow, Financial University, Moscow

The article examines the approaches within the EAEU to improving transport policy in the context of spatial development and specific cooperation projects with China in the transport field. Emphasis is placed on the formation of transport and logistics infrastructure in Russian regions to attract main-stream cargo flows and improve the infrastructure quality in the regional growth points.

Spatial development, EAEU, infrastructure projects, transport infrastructure.

Пространственное и территориально-хозяйственное развитие является одной из приоритетных задач любого государства – члена ЕАЭС, причем у каждой страны есть свое стратегическое видение этого процесса, определяющее направление развития инфраструктурных проектов.

В Армении, например, это Стратегия территориального развития Армении на 2016-2025 годы [12], в Белоруссии – Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [10], в Киргизии – Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018-2040 годы [9]. В Казахстане стратегический документ получил название «Прогнозная схема территориально-пространственного развития страны до

2020 года» [11].

В России в 2019 году была принята Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года, в которой под пространственным развитием понимается «совершенствование системы расселения и территориальной организации экономики, в том числе за счет проведения эффективной государственной политики регионального развития» [24].

Согласно Стратегии, необходимы трансформация пространственной организации экономики в направлении «сдвига производств по добыче углеводородного сырья в малоосвоенные территории Восточной Сибири и Дальнего Востока и акватории шельфов Дальневосточного и Арктического бассейнов; концентрация производства сельскохо-

зайственной продукции на территориях с наиболее благоприятными агроклиматическими и почвенными условиями и выгодным положением относительно емких потребительских рынков» [24]. Эти принципиально важные направления предполагают формирование транспортно-логистической инфраструктуры в регионах, включая транспортно-логистические центры, для привлечения основных грузовых потоков и повышения качества инфраструктуры в точках регионального роста. Это определяет выгодный для России вектор формирования инфраструктурных транспортных проектов на новом этапе сотрудничества с зарубежными странами.

Хотя в стратегии не содержится прямого указания на необходимость или возможность привлечения к созданию национальной транспортной инфраструктуры партнеров из-за рубежа, на практике многие проекты реализуются с привлечением финансовых ресурсов третьих стран [2, С. 116].

В сфере проведения скоординированной транспортной политики органами ЕАЭС приняты ключевые документы: Основные направления и этапы реализации транспортной политики, планы мероприятий («дорожные карты») по их реализации на период 2018-2020 гг., Программа поэтапной либерализации каботажных автомобильных перевозок грузов на период с 2016 по 2025 годы и ряд других. Также имеется перечень инфраструктурных проектов в транспортной сфере, нацеленных на создание современных логистических центров на основных трансграничных транспортных коридорах.

В Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза, подписанной главами государств и правительств стран ЕАЭС в ходе заседания Высшего Евразийского экономического совета 7 декабря 2018 г. в Санкт-

Петербурге, подчеркнута важность совместных инфраструктурных проектов, в том числе трансконтинентальных и межгосударственных [3], что синхронизируется с Протоколом о промышленном сотрудничестве в контексте пространственного и территориально-хозяйственного развития [16].

До подписания в 2018 году между ЕАЭС и Китаем важного для всех сторон соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве [20] основным принципом взаимодействия по развитию транспортной инфраструктуры между ними являлся проектный подход, который воплощался в развитие двустороннего сотрудничества при явно выраженных национальных интересах.

Подписание соглашения расширило декларативную составляющую сотрудничества, но не изменило реальной картины проектной деятельности. По-прежнему государства – члены ЕАЭС стремятся привлечь китайских партнеров в свои национальные проекты, а не стимулировать участие своих хозяйствующих субъектов в проектах других стран ЕАЭС или в рамках Союза. Каждая из стран имеет свои транспортные инфраструктурные проекты или планы их развития, что создает определенную конкуренцию за привлечение китайских партнеров. Эту конкуренцию можно трактовать и шире – за формирование основных направлений товаропотоков по маршрутам «восток-запад» и «запад-восток».

Вопросы сотрудничества в сфере совершенствования транспортной инфраструктуры рассматриваются в соглашении через призму отраслевого сотрудничества. В качестве одного из направлений обозначено привлечение инвестиций в транспортно-логистическую инфраструктуру. В соглашении, однако, не предусмотрены реальные меры по значительному улучшению условий для увеличения взаимных инвестиций. При этом эксперты из стран – членов ЕАЭС при

его подписании подчеркивали, что оно открывает новые перспективы для хозяйствующих субъектов стран Союза и придает стимул реализации конкретных мегапроектов [14].

В целом для России важно, что в ЕАЭС в более широкой трактовке предполагается реализация проектов с интеграционной составляющей во многих сферах, каждая из которых имеет экспортную составляющую с явно выраженным восточным вектором. Именно поэтому сотрудничество с Китаем по совершенствованию транспортной инфраструктуры представляется перспективным с учетом возможностей ее дальнейшего использования для обслуживания экспортных поставок из России в страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

В России координацию проектов осуществляет Межправительственная Российско-Китайская комиссия по инвестиционному сотрудничеству. Реализацию совместных проектов продвигает и поддерживает Российско-Китайский деловой совет (РКДС), созданный в 2004 году и действующий под эгидой Торгово-промышленной палаты России.

Отраслевой аспект развития транспортной инфраструктуры на современном этапе для России приобретает особое значение. В 2018 году в стране был подготовлен и принят национальный проект «Международная кооперация и экспорт», предусматривающий учет отраслевой специфики поддержки экспорта через, в том числе, развитие инфраструктурных транспортных проектов. В частности, его составной частью является федеральный проект «Экспорт продукции АПК» [31], устанавливающий ориентиры развития поставок за рубеж продукции агропромышленного комплекса до 2024 года, в котором развитию транспортной инфраструктуры, особенно в восточном направлении, уделено большое внимание.

В сфере АПК России задача создания экспортно-ориентированной товаропроводящей инфраструктуры нового поколения подразделяется на такие основные составляющие, как повышение пропускной способности транспортных магистралей и оптимизация путей от производящих сельскохозяйственную продукцию предприятий до мест ее реализации, расширение количества транспортных средств, создание специальной аграрной логистической сети. К последнему направлению относится формирование особо актуальной для России системы оптово-распределительных центров (ОРЦ), которая может быть использована для внутренней торговли и для экспорта. По плану к концу 2022 года в России должно быть создано 3 экспортно-ориентированных ОРЦ общей мощностью 220 тыс. тонн единовременного хранения, а к концу 2023 года – еще три мощностью 190 тыс. тонн, что позволит хозяйствующим субъектам оптимизировать транспортно-логистические, административные и таможенные затраты [17, С. 7].

В целях развития инфраструктуры экспорта зерновых, зернобобовых и масличных культур из региона Сибирского и Дальневосточного федеральных округов в восточном направлении компания «Забайкальский зерновой терминал» и китайская корпорация *FAMSUN* реализуют проект создания нового сухопутного зернового коридора «Россия-Китай».

Идея зерновых коридоров в восточном направлении не нова, однако ее реализация тормозится совокупностью организационных и торгово-политических факторов. При высокой конкуренции на азиатских рынках зерновых благодаря уникальной логистике сибирское зерно будет иметь дополнительное конкурентное преимущество в регионе. Инфраструктура проекта позволит сформировать кратчайший и самый

выгодный маршрут для экспорта сибирского зерна в Китай. По сравнению с поставкой через российские морские порты маршрут значительно сокращает сухопутное транспортное плечо, исключает необходимость портовой перевалки зерна (вагон-корабль-вагон) и морское плечо в целом.

К основным элементам инфраструктуры зернового коридора «Россия-Китай» относятся:

- Забайкальский зерновой терминальный комплекс на пункте железнодорожного пропуска Забайкальск-Маньчжурия.

- Сеть узловых элеваторов с емкостью единовременного хранения каждого до 200 тыс. тонн, обеспечивающих приемку зерна с автомобильного и железнодорожного транспорта, его подработку, хранение и маршрутную отгрузку. К 2025 году количество элеваторов в сети планируется довести до 27-29 единиц [21].

Терминал рассчитан на круглогодичную работу со всеми видами продукции зернового комплекса. Первая очередь комплекса позволит обеспечить перевалку до 4 млн тонн зерновых в год (67 000 вагонов), а после выхода на плановую мощность – до 8 млн тонн в год. Грузооборот зерна по транзитно-карантинному элеватору оценивается в 11-22 тыс. тонн в сутки [4].

Экспорт продукции лесного комплекса из России в Китай также предполагает создание современной транспортной инфраструктуры. В стратегиях развития географически близких к Китаю российских регионов определена возможность реализации российско-китайских проектов в лесной и целлюлозно-бумажной промышленности, что влечет за собой необходимость привлечения китайских инвесторов в транспортные проекты.

В июне 2019 года в рамках проекта грузовых железнодорожных перево-

зок Китай-Европа состоялось официальное открытие движения по новому грузовому маршруту для транспортировки импортных лесоматериалов из Улан-Удэ в Суючжоу. В этом китайском городе сосредоточено более ста лесоперерабатывающих предприятий, сырье для которых поставляется из России и стран Северной Европы. В год предприятия Суючжоу используют в качестве сырья от 2 до 3 млн. кубометров лесоматериалов, что делает проект весьма важным для китайской стороны и для российских поставщиков [13]. Сокращение сроков доставки по новому железнодорожному маршруту до 20 дней по сравнению с 60-70 днями морской доставки является весьма привлекательным показателем, однако ориентация лишь на этот индикатор не дает представления об эффективности проекта для российской стороны.

Привлекательное для России и Китая направление сотрудничества в газовой сфере естественным образом предполагает инфраструктурное обустройство транспортных артерий. Мегапроектом, успешно реализуемым в настоящее время, является магистральный газопровод «Сила Сибири» для транспортировки российского газа из Иркутского и Якутского центров газодобычи в Китай («восточный» маршрут). Договор о строительстве газопровода между ПАО «Газпром» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (CNPC) был подписан в 2014 году. Протяженность газопровода – около 3000 км, диаметр трубы – 1420 мм, рабочее давление – 9,8 Мпа, экспортная производительность – 38 млрд куб. м газа в год [19]. Запуск в работу состоялся в декабре 2019 г.

Поскольку трасса газопровода проходит по территории Иркутской области, Республики Саха (Якутия) и Амурской области, в этих трех субъектах России создается инфраструктура его обслуживания. Примечательно, что экспортная направленность газопровода

сочетается с решением внутренних проблем газоснабжения на Дальнем Востоке, что соответствует Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года.

Значение газопровода «Сила Сибири» для России не ограничивается решением энергетических проблем в их внутренней и экспортной составляющей. Масштаб проекта, его межрегиональный профиль сделали необходимым и активизировали применение современных высоконадежных энергоэффективных технологий и оборудования, включая стальные трубы российского производства, имеющие внутреннее гладкостное покрытие, и отечественные нанокпозиционные инновационные материалы для внешней изоляции труб [19]. Инновационная составляющая проекта позволит сделать его эксплуатацию более эффективной в долгосрочном плане.

Китайская сторона также развивает инфраструктуру данного проекта. Было заявлено, что *CNPC* инвестирует к 2030 году более 50 млрд юаней (около 7,26 млрд долл. США) в строительство 23 новых и расширение 10 действующих газохранилищ. Соответственно общая емкость хранилищ превысит 15 млрд куб. м [6].

На полуострове Ямал на базе Южно-Тамбейского месторождения ОАО «Ямал СПГ» осуществляет проект «Ямал СПГ» строительства завода по производству сжиженного природного газа (СПГ) годовой мощностью 17,4 млн тонн и до 1,2 млн тонн газового конденсата. ОАО «Ямал СПГ» является совместным предприятием ПАО «НОВАТЭК» (50,1%), французского концерна *TOTAL* (20%), китайской компании *CNPC* (20%) и Фонда Шелкового пути (9,9%) [32].

Проект, включающий создание таких объектов транспортной инфраструктуры как морской порт и международный аэропорт Сабетта, состоит из трех технологических линий сжижения

газа производительностью 5,5 млн тонн в год каждая. Производство СПГ на первой технологической линии начато в декабре 2017 года. Вторая технологическая линия запущена в середине 2018 года, первый СПГ на третьей технологической линии был произведен в ноябре 2018 г., а четвертая технологическая линия находится в стадии строительства [23]. Уровень добычи газа для реализации проекта составляет около 27 млрд куб. м в год в течение 20 лет [25].

Еще один проект в газовой сфере касается сжиженного углеводородного газа (СУГ). В районе пограничного перехода Забайкальск – Маньчжурия компания *Avestra (Beijing) Chemical Commerce Trading Co., Ltd.*, являющаяся дочерней компанией российской группы «Авестра», реализует проект по строительству трансграничного терминала по приему и перевалке СУГ и жидких химических продуктов, который будет первым в этом регионе. Другие участники – китайские государственные компании *Heilongjiang Harbin Railway Foreign Economic Trading Corporation* и *Heilongjiang Anruijia Petrochemical Co.*, являющиеся дочерними компаниями Харбинской железной дороги и *PetroChina*. Для российских производителей целью проекта является получение доступа на китайский рынок СУГ, для китайских партнеров – снижение зависимости от поставок углеводородов и получение перерабатывающим предприятием компании *PetroChina* на северо-востоке Китая стабильного источника поставок СУГ [5]. По оценкам, годовая пропускная способность 1-й очереди составит 800 тыс. тонн изобутана и н-бутана, 200 тыс. тонн пропилена, 800 тыс. тонн пропана. В условиях полной загрузки мощностей терминала стоимость поставляемой из России продукции достигнет 1 млрд. долл. в год [28].

К инфраструктурным проектам в транспортной сфере могут быть отнесены также объекты по увеличению про-

пускной способности трубопроводной системы «Восточная Сибирь – Тихий океан» (ВСТО – 2). Хотя строительство было завершено в 2012 году, предусмотрено сооружение новых и реконструкция действующих перекачивающих станций со строительством резервуаров объемом 100 тыс. куб. м. В 2017 г. и 2019 г. введены в эксплуатацию 4 перекачивающие станции и завершено строительство на участке от перекачивающей станции «Сковородино» до Спецморнефтепорта «Козьмино», в результате чего пропускная способность нефтепровода была увеличена до 50 млн тонн в год [30].

В числе важнейших направлений совместного создания и освоения транспортной инфраструктуры можно выделить проекты по обустройству на современном уровне пунктов пропуска грузов в районах реализации крупных инвестиционных проектов с участием иностранного капитала: международный автомобильный пункт пропуска (МАПП) Забайкальск – Маньчжурия, двусторонний автомобильный пункт пропуска (ДАПП) Староцурухайтуйский – Хэйшаньтоу, ДАПП Покровка – Логухэ и ДАПП Олочи – Шивэй [29, С. 121].

По данным Российско-китайского делового совета, реально осуществляемыми инфраструктурными транспортными проектами являются не все из заявленных в региональных программах развития сотрудничества в данной сфере.

В 2019 г. завершено строительство трансграничного железнодорожного мостового перехода через реку Амур на российско-китайской государственной границе в районе населенного пункта Нижнеленинское (Еврейская автономная область, Россия) и города Тунцзян (провинция Хэйлунцзян, КНР). Этот объект длиной 2209 м, из которых российская часть – 309 м [7], является первым железнодорожным мостом между Россией и Китаем. Он рассчитан на пропуск двух

путей с совмещенной колеей российского и китайского стандартов (1520/1435 миллиметров). Инвестиционная стоимость проекта составляет 9 млрд рублей, из которых 75% выделяет Российский фонд прямых инвестиций (через Российско-китайский инвестиционный фонд) и 25% – Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона [27]. Этот проект позволил связать Транссибирскую магистраль с железнодорожной сетью КНР и создает новые возможности для экспорта продукции предприятий Дальневосточного федерального округа в Китай и страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

К числу недавно завершенных инвестиционных транспортных проектов относится автомобильный мост через реку Амур на уровне Благовещенска (село Каникурган Благовещенского района) и китайского города Хэйхэ (деревня Чанфатунь) длиной 1081 м. Его пропускная способность в сутки – 630 грузовых автомобилей, 164 автобуса, 68 легковых автомобилей и около 5,5 тыс. человек [1]. Организационная форма проекта – концессионное соглашение, для реализации которого была создана российско-китайская компания. Проблемой его реализации стала хронологическая нестыковка элементов инфраструктуры, а именно, отсутствие соответствующего законодательству России пункта пропуска, который будет построен к середине 2021 года.

К числу уникальных инвестиционных транспортных проектов относится строительство канатной дороги через реку Амур, которая свяжет Благовещенск на российском берегу и Хэйхэ на китайском. Подписанное в 2015 г. межправительственное соглашение о ее сооружении является беспрецедентным случаем в мировой практике приграничного сотрудничества. Несмотря на важность проекта для развития туристической инфраструктуры, его фактическая реализа-

ция началась в конце 2018 года. Инвестор строительства с российской стороны – Группа компаний «Регион», инвестиции которой оцениваются в сумму, превышающую 3,5 млрд рублей. Протяженность канатной дороги – 973 метра, время пересечения реки Амур – 6 минут. По оценкам, пропускная способность дороги составит 457 человек в час и 6-7 тысяч человек в день [26]. Предполагаемый срок ввода объекта в эксплуатацию – 2022 год. Ожидается, что в результате упрощения перемещения граждан двух стран будет получен мультипликативный эффект для бизнеса.

До подписания соглашения ЕАЭС с Китаем некоторые инвестиционные проекты из рассматриваемой группы были включены в Программу сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009-2018 гг.). В качестве наиболее значимых для региона эксперты относят проекты «Освоение Быстринского полиметаллического месторождения» (ГМК «Норникель»), «Создание лесопромышленного комплекса в северо-восточных районах Забайкальского края» (ООО «ЦПК «Полярная»), «Освоение Нойон-Тологойского полиметаллического месторождения» (ООО «Байкалруд»), «Освоение Зашуланского каменноугольного месторождения» (ООО «Разрезуголь»), «Комплексное освоение лесных ресурсов западных районов Забайкальского края» (ООО «Большой Хинган Синьлинь – Забайкальский») и другие [29, С. 119].

Перспективы расширения взаимодействия между Россией и Китаем в рассматриваемой сфере связываются с Программой развития российско-китайского сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах на Дальнем Востоке Российской Федерации на 2018-2024 годы, подписанной в сентябре 2018 г. на полях Восточного

экономического форума. Приоритетными из 32 инфраструктурных проектов на общую стоимость 4,2 млрд долл. США обозначены международные транспортные коридоры (МТК) «Приморье-1» и «Приморье-2», развитие острова Русский, строительство трансграничных мостовых переходов [8]. Поскольку в 2018 году к территории Дальнего Востока отнесены Забайкальский край и Республика Бурятия, то действие Программы расширено на эти регионы.

В 2017 году на высшем политическом уровне было принято решение о создании Российско-Китайского инвестиционного фонда регионального развития, под управлением которого находятся средства в 100 млрд юаней [18]. К числу его заявленных приоритетов относится формат сотрудничества «Волга-Янцзы» между 14 регионами Приволжского федерального округа и 6 провинциями Китая верхнего и среднего течения реки Янцзы. Основные направления сотрудничества в его рамках – производство строительных материалов, машин и оборудования; сельское хозяйство и производство продуктов питания; лесопереработка; металлургическое производство и логистика. В настоящее время реализуются проекты строительства завода по производству инструментальной стали в Марий Эл, цементного завода в Башкортостане, создания сельскохозяйственных парков в Пензенской области и Чувашии, производства по переработке леса в Пермском крае, изготовлению в Нижегородской области специализированных автомобилей на базе шасси «JAC». Кроме того, прорабатываются организация прямого грузового железнодорожного маршрута «Пермский край – провинция Цзянси» и создание в Самарской области логистического пункта для обслуживания контейнерных перевозок в рамках инициативы «Один пояс – один путь» [22].

Что касается сотрудничества

других стран ЕАЭС с Китаем в транспортной сфере, то наибольшее значение имеет МТК «Западная Европа – Западный Китай» – автомагистраль от порта Ляньюньгана на тихоокеанском побережье КНР до Санкт-Петербурга (с ответвлениями в Белоруссию и Киргизию) протяженностью 8445 км, в том числе 2230 км по территории России, 2787 км – Казахстана и 3425 км – Китая [15]. Китайская часть пути (Транскитайская автомобильная магистраль) от Ляньюньгана до контрольно-пропускного пункта Хоргос на границе с Казахстаном открыта еще в 2004 г., строительство казахстанской завершено в 2017 г., российская от пограничного перехода «Сагарчинский» в Оренбургской области до Санкт-Петербурга пока строится. Если в Китае и Казахстане МТК создавался путем реконструкции существующих дорог, в России с учетом общего дефицита транспортной инфраструктуры выбрали вариант строительства ее 6-ти участков в основном с чистого листа. Ввести в эксплуатацию всю МТК планируется к 2024 г.

Таким образом, в настоящее время совместные инфраструктурные транспортные проекты стран ЕАЭС с Китаем реализуются в основном на двусторонней основе, что создает определенную конкуренцию за привлечение китайских партнеров. В соглашении между ЕАЭС и Китаем о торгово-экономическом сотрудничестве заложена возможность перехода к многостороннему принципу формирования проектов, что однозначно повысит уровень сопряжения существующих экономических и политических инициатив на пространстве большой Евразии.

В связи с тем, что современная скоординированная транспортная политика нацелена на сопряжение Большого евразийского пространства и Экономического пояса Шелкового пути, для повышения конкурентоспособности меж-

дународных маршрутов декларативно обозначается реализация совместных инфраструктурных транспортных проектов. Однако, не все из них, во-первых, имеют одинаковую значимость для стран, по которым эти транспортные маршруты пролегают, и, во-вторых, привлекательны для бизнеса в силу правовых и технологических несоответствий.

В более широкой трактовке проблемы в реализации инфраструктурных проектов в транспортной сфере во многом обусловлены недостаточной развитостью хозяйственных связей в реальном секторе экономики стран ЕАЭС и партнеров по международному сотрудничеству.

Для России, по территории которой пролегают маршруты, имеющие стратегическое значение для Китая, инфраструктурное обустройство которых имеет важную интеграционную составляющую, важно отметить опасность консервации сырьевой специализации регионов и сырьевой направленности экспорта, если эти проекты не будут гармонизированы со Стратегией пространственного развития Российской Федерации до 2025 года.

В отраслевом разрезе реальное значение имеют объекты транспортной инфраструктуры для перевозки продукции российского аграрно-промышленного комплекса и энергетических отраслей.

Логистическая специализация приграничных с Китаем российских регионов, формируемая на основе современной транспортной инфраструктуры, будет способствовать развитию экспортного потенциала нашей страны. При этом принципиально важно при ранжировании проектов с участием иностранного капитала ориентироваться не на сырьевые поставки, а на решение стратегической задачи роста доли несырьевых продуктов с высокой долей добавленной стоимости в российском экспорте. В

противном случае инфраструктурные транспортные проекты будут решать хозяйственные и политические задачи Китая, что не соответствовало бы основному вектору экономической стратегии России.

Литература

1. В Благовещенске достроили мост через Амур в Китай [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20191129/1561730178.html> (дата обращения: 04.02.2020).
2. Вардомский Л.Б. Евразийская интеграция: некоторые итоги и возможные сценарии развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 4. С. 110-126.
3. Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01420213/ms_10122018 (дата обращения: 13.01.2020).
4. Забайкальский зерновой терминал. Технические характеристики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sibgrain.ru/zernovoj-zhd-terminal> (дата обращения: 30.01.2020).
5. Китай. Avestra (Beijing) Chemical Commerce Trading Co., Ltd [Электронный ресурс]. URL: <http://www.avestragroup.com/geography/china> (дата обращения: 22.01.2020).
6. Китайская корпорация CNPC вложит \$7,3 млрд. в строительство газохранилищ [Электронный ресурс]. URL: <http://rbc.ru/13230> (дата обращения: 22.01.2020).
7. Мостовой переход через р. Амур (Нижнеленинское) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.skmost.ru/object/nizhneleninskoe> (дата обращения: 27.01.2020).
8. На ВЭФ подписана программа сотрудничества Минвостокразвития России и Минкоммерции КНР [Электронный ресурс]. URL: <https://minvr.ru/press-center/news/18730/> (дата обращения: 13.01.2020).
9. Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018-2040 годы [Электронный ресурс]. URL: www.president.kg/sys/media/download/52135 (дата обращения: 18.01.2020).
10. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf> (дата обращения: 13.01.2020).
11. Об утверждении Прогнозной схемы территориально-пространственного развития страны до 2020 года. Указ Президента Республики Казахстан от 21 июля 2011 года № 118 [Электронный ресурс]. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1100000118> (дата обращения: 10.01.2020).
12. От хаотичного развития к стратегическому планированию [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ra.am/archives/11205> (дата обращения: 17.01.2020).
13. Открыто движение по ж/д маршруту между Россией и Китаем, предназначенному для перевозок лесоматериалов [Электронный ресурс]. URL: <http://rbc.ru/13150> (дата обращения: 16.01.2020).
14. Подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tks.ru/news/nearby/2018/05/17/0017> (дата обращения: 20.01.2020).
15. Проект «Западная Европа-Западный Китай» и «Актау-Бейнеу» [Электронный ресурс]. URL: <https://europe-china.kz/links> (дата обращения: 17.01.2020).
16. Протокол о промышленном сотрудничестве. Приложение № 27 к Договору о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/SiteAssets/pr_27.pdf (дата обращения: 22.01.2020).
17. Ревенко Л.С. Федеральный проект развития экспорта сельскохозяйственных товаров из Российской Федерации // Обзор торговой политики в странах Европы и Центральной Азии. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций. 2019. № 46. С. 5-8 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fao.org/3/ca3701ru/ca3701ru.pdf> (дата обращения: 16.01.2020).
18. Российско-Китайский инвестиционный фонд регионального развития [Электронный ресурс]. URL: <http://ifrd.ru/ru/> (дата обращения: 27.01.2020).
19. «Сила Сибири». Крупнейшая система транспортировки газа на Востоке России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazprom.ru/projects/power-of-siberia/> (дата обращения: 22.01.2020).
20. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550970071> (дата обращения 17.01.2020).
21. Создание экспортного сухопутного зернового коридора Россия-Китай [Электронный ресурс]. URL: <http://rbc.ru/11741> (дата обращения: 16.01.2020).
22. Сотрудничество между регионами Приволжского федерального округа Российской Федерации и верхнего, среднего течения реки Янцзы Китайской Народной Республики (формат «Волга-Янцзы»). Обзор сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <http://auvy.nntu.ru/content/obzor-sotrudnichestva/obzor-sotrudnichestva> (дата обращения: 05.02.2020).

23. Статус реализации проекта [Электронный ресурс]. URL: http://www.novatek.ru/ru/business/yamalng/yamal_current/ (дата обращения: 01.02.2020).
24. Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года. Утверждена распоряжением правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 г., № 207-р [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 21.01.2020).
25. Строительство завода по производству сжиженного природного газа «Ямал СПГ» [Электронный ресурс]. URL: <http://rcbc.ru/node/12738> (дата обращения: 14.01.2020).
26. Строительство канатной дороги из РФ в Китай начинается на этой неделе [Электронный ресурс]. URL: <http://rcbc.ru/13246> (дата обращения: 22.01.2020).
27. Строительство трансграничного железнодорожного мостового перехода Нижнеленинское-Тунцзян [Электронный ресурс]. URL: <http://rcbc.ru/11742> (дата обращения: 26.01.2020).
28. Строительство трансграничного терминала по приему и перегрузке сжиженного углеводородного газа и пропилена [Электронный ресурс]. URL: <http://rcbc.ru/12196> (дата обращения: 16.01.2020).
29. Суходольский Я.А. Направления развития внешнеэкономического сотрудничества Забайкальского края с Китайской Народной Республикой // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 2. С. 114 - 126.
30. Трубопроводная система «Восточная Сибирь – Тихий океан» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.transneft.ru/about/projects/realized/espo> (дата обращения: 21.01.2020).
31. Федеральный проект «Экспорт продукции АПК». Утвержден протоколом заседания проектного комитета национального проекта «Международная кооперация и экспорт» от 14 декабря 2018 г. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://mcx.ru/ministry/departments/departament-informatsionnoy-politiki-i-spetsialnykh-proektov/industry-information/info-dokumenty/> (дата обращения: 12.01.2020).
32. Ямал СПГ. О проекте [Электронный ресурс]. URL: <http://yamalng.ru/project/about/> (дата обращения: 01.02.2020).

Адрес редакции:
141070, Королев,
Ул. Октябрьская, 10а
Тел. (495)543-34-31 (доб.138),
E-mail : rio-kimes@mail.ru,
Site:www. unitech-mo.ru

Подписано в печать 12.03.2020
Формат В5
Печать офсетная. Усл.печ.л. 16,5
Тираж 500 экз.
Заказ № 83-12
Отпечатано
в типографии
ООО «Научный консультант»
г. Москва
Хорошевское шоссе, 35, корп.2
Тел.: +7 (926) 609-32-93,
+7 (499) 195-60-77
E-mail :keyneslab@gmail.com
Site:www.n-ko.ru